

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (34) 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Деревянко А.П., Olsen D., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия)	2
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры	13
Питулько В.В. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия)	26
Васильев С.К. Бизоны (<i>Bison p. priscus</i> Bojanus, 1827) позднего плейстоцена юго-востока Западной Сибири	34

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Пилипенко А.С., Ромашенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 в Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК	57
Попов А.Н. Погребальные комплексы на многослойном памятнике Бойсмана-2 в Южном Приморье	68
Полосымак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д., Эрдэнэ-Очир Н. Изучение погребального сооружения кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия)	77
Филатова И.В. Орнаментальные традиции нижнеамурского неолита	88
Асеев И.В. Изображение всадника на фрагменте скорлупы страусового яйца	96

ДИСКУССИЯ
Проблема изучения первобытного искусства

Есин Ю.Н., Ожередов Ю.И. Проблемы изучения Г-образных предметов с Урала, из Западной и Южной Сибири, Казахстана и Монголии	100
--	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Цыденова Д.Ц. Судьба в традиционных представлениях агинских бурят	112
Войтишек Е.Э. Историко-этнографический анализ интеллектуальных развлечений в японском искусстве составления благовоний: игры на доске <i>баммоно</i>	122

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ
Праздники в современном мире: традиции и новации

Цыганская Пасха	133
-----------------	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Зубова А.В. Палеodemография населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы	143
Пан Мин Кю, Бахолдина В.Ю. Проблема происхождения населения Корейского полуострова (по данным антропологии)	154

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
-------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903

А.П. Деревянко¹, Д. Олсен², Д. Цэвээндорж³, С.А. Гладышев¹,

Т.И. Нохрина¹, А.В. Табарев¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: gladysh@archaeology.nsc.ru

²Департамент антропологии Университета Аризоны

Department of Anthropology, University of Arizona

Emil W. Haury Anthropology Building

1009, East South Campus Drive

Tucson, Arizona, 85721-0030, U.S.A.

E-mail: jwo@arizona.edu

³Институт археологии Монгольской академии наук

Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences

Zhukoviyn Gudamzh, 77, Ulaanbaatar, 51, Mongolia

E-mail: dtseveen@yahoo.com

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА ПЕЩЕРЫ ЧИХЭН (МОНГОЛИЯ)*

Статья продолжает серию публикаций, посвященных материалам грота Чихэн-Агуй, одного из немногочисленных стратифицированных археологических объектов на территории Монголии. В предыдущих работах приводились доказательства трактовки грота Чихэн как сезонного поселения охотников эпохи раннего голоцен. В данной публикации комплекс археологических находок рассматривается с позиций мультифункционального подхода. Многочисленные бусы из скорлупы яиц страусов в предвходовой части грота, остатки столба в центре полости, основы вкладышевых орудий у очагов, заготовка бифаса и обломок подвески из экзотического для этих мест сырья характеризуются как изделия, связанные с неутилитарными технологиями. Исходя из этого, строится предположение, что контекст археологического объекта в гроте Чихэн сложнее, чем представлялось ранее. На это указывает целый ряд предметов, присутствие которых в «жилом» комплексе нельзя объяснить исключительно «бытовыми» задачами. Интенсификация эксплуатации природных ресурсов, адаптация к ландшафтным условиям сопровождалась и соответствующими процессами в духовной сфере – ритуализацией специфических элементов рельефа. Именно с этим культурным фоном и может быть, по мнению авторов статьи, связан ритуальный эпизод в гроте Чихэн.

Введение

Большая часть памятников каменного века на территории Монголии не имеет погребенного куль-

турного слоя; археологический материал залегает на поверхности. В связи с этим особое значение приобретает изучение немногочисленных стратифицированных комплексов, к которым относится многослойный археологический объект в гроте Чихэн-Агуй (в первой публикации – Чихэн-Хувэр) [Деревянко и др., 1989] (рис. 1). В ходе работ в 1996–1998, 2000 гг. грот был раскопан практически полностью [Археологические исследования..., 1998, 2000]. Археологический материал принадлежит двум культурным горизонтам: верхнему – ран-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 06-01-00522а «Промысел лосося в архаических и традиционных культурах тихоокеанского бассейна» и № 07-01-00417а «Генезис и периодизация стратифицированных верхнепалеолитических комплексов Северной Монголии и Забайкалья».

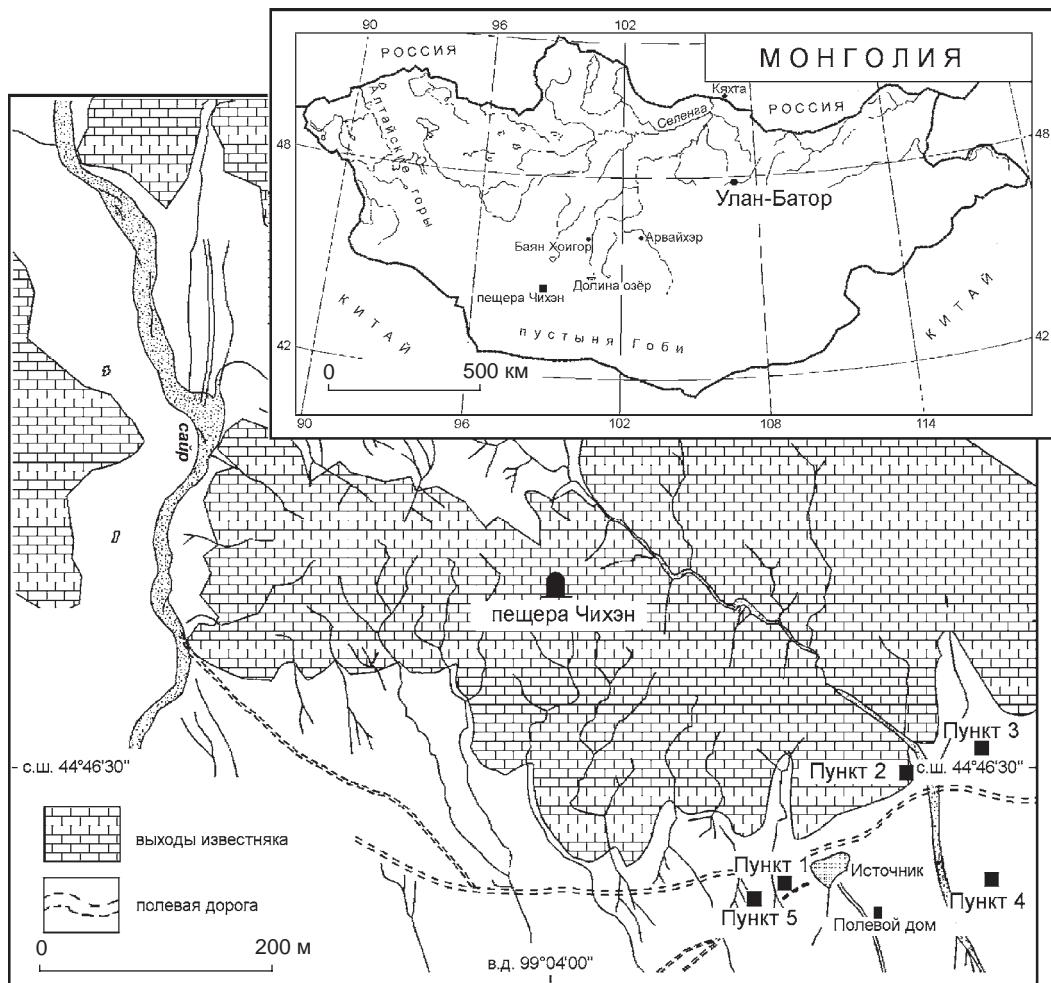

Рис. 1. Местоположение грота Чихэн.

неголоценовому и нижнему – плейстоценовому. К двум верхним литологическим слоям (2, 2а) приурочены остатки голоценового времени, к нижнему (3, 3а) – позднеплейстоценового. Микропластичный комплекс голоценового этапа зафиксирован на всей раскопанной площади (57 м^2), а плейстоценовый сохранился на площади примерно в 13 м^2 . Описание и интерпретация археологического материала и стратиграфических разрезов грота, а также список дат опубликованы в ряде работ [Деревянко и др., 2001; Гладышев, Нохрина, 2003; Орлова, Кузьмин, Лбова, 2005; Гладышев, Нохрина, Табарев, 2007; Derevianko et al., 2003]. В них грот Чихэн обоснованно трактуется как сезонное поселение охотников. Мы не оспариваем этот вывод, а предлагаем взглянуть на весь комплекс археологических находок несколько иначе, с позиций мультифункционального подхода.

Каждый тип деятельности связан с особым способом организации пространства обитания. Разделение

типов деятельности, как и пространства, не всегда возможно, поскольку «в каждой из деятельности содержатся и подчиненные ей начала других деятельности, а каждое из пространств до известной степени не чуждо и пространствам другого рода...» [Флоренский, 2000, с. 112]. Исходя из этого можно предположить, что контекст археологического объекта в гроте Чихэн сложнее, чем это представлялось. Обнаружен целый ряд предметов, присутствие которых в «жилом» комплексе нельзя связывать с решением исключительно «бытовых» задач (рис. 2).

В большинстве последних публикаций, посвященных археологии пещерных комплексов эпохи палеолита – неолита на территории Северной и Центральной Азии, детально рассматриваются стратиграфия отложений, хронология слоев, палеофауны; приводятся подробные морфотипологическое и технологическое описание орудийного набора, продуктов и отходов расщепления камня. На основе результатов и комплексного анализа этих

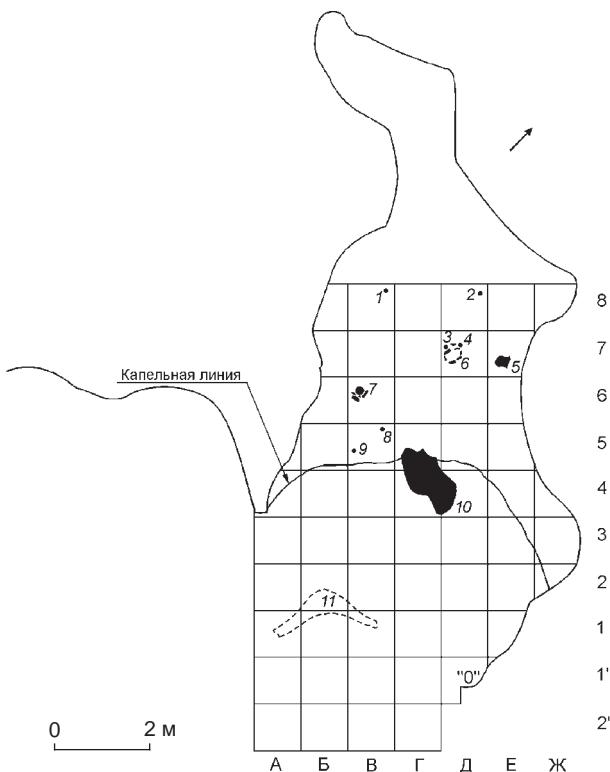

Рис. 2. План грота Чихэн с наиболее примечательными объектами.

1 – костяное орудие; 2 – украшение-подвеска; 3 – костяной вкладышевый кинжал; 4 – предмет из нефрита; 5 – очаг № 44; 6 – очаг № 40; 7 – фрагмент деревянного столба, обложенного камнями; 8 – костяное орудие; 9 – проколка; 10 – очаг № 4; 11 – место скопления бусин.

данных оценивается функциональное назначение грота как памятника долго- или кратковременной эксплуатации сезонной или промысловой стоянки, мастерской и т.д. Артефакты «неутилитарного» назначения, за редким исключением [Деревянко, Рыбин, 2003; Зенин, Кандыба, 2006; Маркин, 2000], фиксируются, описываются и включаются в категорию украшений или культовых предметов, но не анализируются как атрибуты церемоний или ритуала. В этой публикации мы предлагаем еще один, дополнительный подход в интерпретации комплекса находок голоценового времени.

Гипотеза «поселенческого эпизода» в гроте Чихэн

Предположение об использовании полости как охотничьей стоянки неоднократно излагалось в различных публикациях [Гладышев, Нохрина, 2003; Derevianko et al., 2003]. Вкратце еще раз приведем аргументы, положенные в его основу.

1. Обитатели грота не испытывали трудностей с получением литоресурсов. Они прекрасно знали месторождения и места выходов каменного сырья. Для изготовления орудий широко использовались разнообразные кремни и кварциты, реже окварцованный и неокремненный песчаник и очень редко – нефрит [Кулик, Нохрина, Милютин, 2005]. Вблизи грота кремень и кварциты отсутствуют, следовательно, это сырье приносили. Представители раннего голоцена хорошо знали сырьевые возможности своего района. Например, ближайшие выходы нефрита находятся примерно в 90 км от грота, у северо-восточного склона горного массива Шинэжинст.

2. Основным занятием обитателей грота Чихэн была, скорее всего, охота. Охотники подстерегали животных на водопое, около ключа. Недалеко от пещеры (в 350 м) находится ущелье с вертикальными стенками, по которому животные двигались, вероятно, к этому ключу. Ущелье длиной более 100 м является идеальным местом для охоты как на стадных (дзерэн, сайга, лошадь, верблюд), так и на одиночных животных (см. рис. 1). В голоценовых слоях грота были обнаружены преимущественно мелкие обломки костей копытных животных. Определенных костей немного. Удалось идентифицировать следующие виды животных: заяц-толай (*Lepus capensis*), альпийская пищуха (*Ochotona cf. Alpina*), сурок (*Marmota sp.*), суслик (*Spermophilus sp.*), тушканчик (*Dipodidae indet.*), кулан (*Equus hemionus*), дзерэн (*Procapra gutturosa*), сибирский козел (*Capra sibirica sibirica*). Часть костей обожжена [Барышников, 1998, с. 309, табл. 1].

3. Грот комфортен для обитания. Он сухой, хорошо освещен солнцем. С предвходовой площадки можно обозреть окрестности на большое расстояние. Рядом имеется источник. Климатические условия того времени ненамного отличались от современных; в раннем голоцене климат был чуть-чуть более влажным и теплым, что подтверждается анализом гуминовых кислот, выделенных из осадков отложений грота [Деревянко, Дергачева и др., 2006; Деревянко, Феденева и др., 2006]. В окрестностях грота на многие сотни километров простирались сухие и опустыненные степи и пустыни. Среди растительных сообществ господствовали пустынные виды – эфедра, маревые, полынь и небольшое количество разнотравья. В целом биоклиматическая обстановка в период формирования осадков стоянки в гроте Чихэн была более благоприятной, чем в настоящее время.

4. В полости у стен были обнаружены два участка, выстеленные слоем сухой травы [Гладышев, Нохрина, 2003]. Они расположены симметрично относительно друг друга, между ними имеется проход. У левой стенки участок длиной ок. 3 м и шириной

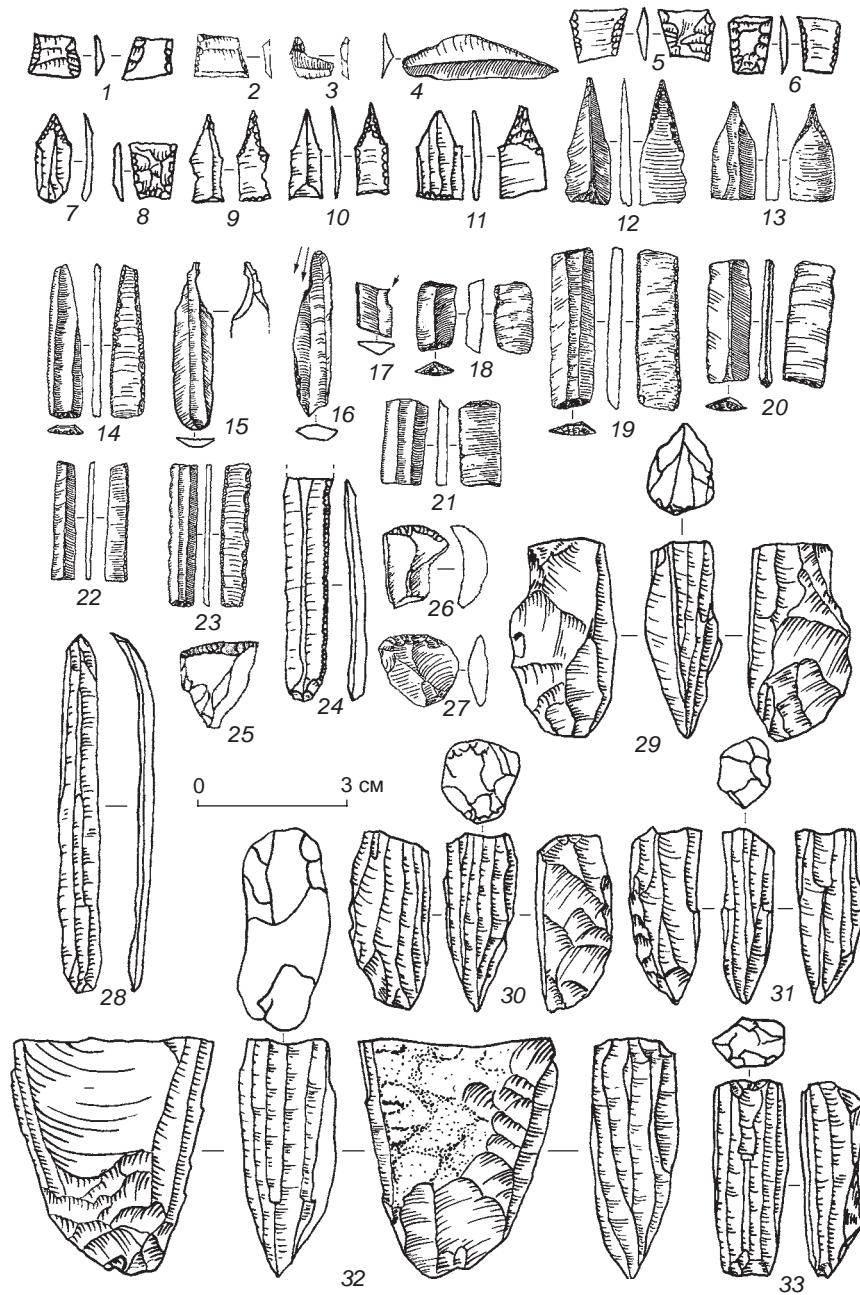
ок. 2 м. У правой стены зафиксированы два участка травяного настила размерами примерно $1,5 \times 1,5$ м. Между этими участками расположены очаг и кострище. Очаг четырехугольной формы, размерами 30×30 см, по периметру обложен вертикально стоящими плитками известняка. Заполнение очага составляют прослойки угля и прокаленной земли. В верхней углистой прослойке отмечено скопление чешуек, мелких отщепов и обломков микропластин. Кострище овальной формы, размерами 25×15 см. Оно находилось практически у самой стенки грота. Примерно в 1 м от травяных настилов, практически посередине полости, вдоль капельной линии зафиксировано большое кострище длиной 100 см и шириной 80 см с мощным заполнением. Исходя из этого можно сделать вывод, что грот использовался в качестве жилого помещения группой охотников во время сезонного промысла. Однако есть несколько аргументов против такого заключения. Площадь грота мала, а высота незначительна. В полный рост можно стоять только под капельной линией. Уже в метре от входа нужно пригибаться, а там, где расположены травяные настилы, можно только сидеть или лежать. Не отвергая в целом концепцию «поселенческой» функции грота, мы предлагаем следующую, уточненную ее вариацию.

Грот Чихэн был сезонным охотничим лагерем, но его полость не использовалась для жилья. Костры обогревали людей и освещали место работы, на них готовили пищу. На циновках из травы сидели. У капельной линии и в правой половине грота древние обитатели обрабатывали камень, обновляли охотничий инвентарь, изготавливая новые орудия взамен пришедших в негодность или утерянных инструментов. Обо всем этом свидетельствует анализ качественного распределения находок по квадратам раскопа: артефакты сконцентрированы на участке, ограниченном кв. В, Г, Д по линиям 4–7. На участке, расположенном в кв. В, Г, Д по линии 7, обнаружены два скопления каменных артефактов [Милютин, Нохрина, 2005]. К первому скоплению относятся 23 скола из светло-серого полупрозрачного халцедона. Они получены от одного желвака небольших размеров или нуклеуса; восемь сколов собираются в один блок. Второе скопление насчитывает 102 скола. Они от одного призматического нуклеуса (темно-зеленый непрозрачный кремень); шесть сколов также собираются в один блок. Кроме того, на этом же участке обнаружены преформы с подготовленными ударными площадками и нуклеусы для получения микропластин (рис. 3, 29–33), сделанные из мелких ($80 \times 60 \times 50$ мм) уплощенных желваков халцедона. На предвходовой площадке, в основном около скальной стенки, зафиксированы немногочисленные скопления отщепов из одной породы. Сопоставив полу-

ченные данные, можно предположить, что наиболее активная деятельность по расщеплению камня – подготовка мелких желваков халцедона к раскалыванию и снятие микропластин с нуклеусов – происходила у входа и под сводом пещеры вокруг большого кострища. Об этом свидетельствуют локализация сколов, снятых с одного нуклеуса, а также наличие почти в каждом скоплении всех категорий технических сколов. Типологический состав орудий из голоценовых отложений грота следующий, шт.:

Медиальные фрагменты	418
В том числе:	
ретушированные на боковых краях	152
со следами ретуши утилизации	266
на боковых краях	83
Пластиинки, ретушированные на боковых краях	28
Пластиинки со следами ретуши утилизации на боковых краях	99
Пластиинки с ретушированными поперечными краями	46
В том числе:	
с обоими краями	14
фрагментарно	85
Пластиинка с притупленной спинкой	1
Геометрические изделия	5
Острия	15
В том числе:	
целые	31
фрагменты	17
Орудия с резцовыми сколами	14
Скребки	14
Пластиинки с выемками	21
Наконечники стрел	9
В том числе:	
целые	8
фрагменты насада	2
фрагменты жала	1
обломок	1
заготовка	1
Комбинированные орудия	11
Орудия в форме трапеции	4
Отщепы с элементами ретуши	8
Обломки орудий	18
Скребло	1
Изделие из нефрита	1
Зубчатые орудия	2

Как видим, среди орудий ведущими являются вкладыши и ретушированные пластиинки. Все остальные типы, например, обломки острый (рис. 3, 7, 14), резцы (рис. 3, 16, 17), наконечники стрел (рис. 3, 9–13), пластиинки с выемками, скребки (рис. 3, 25–27), проколки и геометрические микролиты (рис. 3, 1–4), занимают подчиненное положение. Это вполне естественно, т.к. вновь сделанные и отремонтированные орудия охоты и переработки ее продуктов из грота уносили и использовали

Rис. 3. Каменные изделия из грота Чихэн.

1–4 – трапеции; 5, 6, 8 – орудия геометрической формы; 7, 14 – острия; 9–13 – наконечники стрел; 15 – оригинальное изделие; 16, 17 – резцы; 18–20 – пластинки с ретушированными поперечными краями; 21 – медиальный фрагмент пластинки; 22–24 – пластинки с элементами ретуши на боковых краях; 25–27 – скребки; 28 – пластина без следов ретуши; 29–33 – нуклеусы.

непосредственно на месте добычи. Не было никакого смысла нести туши животных к гроту вверх по крутым склонам. Кроме изделий из камня, в голоценовых отложениях грота найдены три костяных орудия, деревянный предмет и украшения – бусы, сделанные из скорлупы яиц страуса, и подвеска из серпентина-антигорита.

Гипотеза «ритуального эпизода» в гроте Чихэн

Рассмотрим находки, которые не совсем вписываются в функциональную модель грота как сезонного охотниччьего лагеря. В обкладке очага, расположенного примерно в 2,5 м от входа и почти посередине

грота найден предмет из светло-зеленого нефрита (рис. 4, 5). Напомним, что ближайший источник нефрита находится примерно в 90 км от грота, следовательно, его сознательно подобрали и поместили в обкладку очага. В глубине грота, на последней линии раскопа, найдена подвеска из серпентина-антigorита с вкраплениями магнетита (рис. 4, 2). Минерал относится к подклассу слоистых силикатов. Предмет сломан. Его изогнутая сохранившаяся часть прямоугольной формы, размерами $60,2 \times 17,3 \times 7,3$ мм. Поверхность зашлифована и заполирована. Продольная и поперечная грани изделия заглажены. Около сохранившегося конца имеется сквозное отверстие, просверленное с двух сторон. С одной стороны наружный диаметр отверстия 5,5 мм, внутренний – 2,6 мм; с другой стороны – 7,1 и 3,1 мм соответственно. По всей видимости, во время сверления произошло расслоение серпентина и сверление было продолжено с другой стороны. Внутри отверстия сохранились остатки вещества розового цвета (возможно, зола, смешанная с прокалом).

Примерно в 2 м от входа в грот практически у стены, в небольшой ямке было найдено скопление фрагментов скорлупы яиц предположительно страуса.

На предвходовой площадке отмечено скопление бусин, сделанных, вероятно, из скорлупы яиц страуса. Основная масса бусин (15 шт.) концентрируется на участке, ограниченном кв. А-1, Б-2 и В-1 (см. рис. 2, 11). Бусины двух видов – круглые и многоугольные. У круглых предметов внешний диаметр колеблется от 4 до 4,8 мм, внутренний – ок. 2 мм. Изделия многоугольной формы несколько больших размеров. Их внешний диаметр от 5,2 до 5,6 мм, а внутренний – ок. 1,8 мм. Отдельные бусины (по одной-две) встречались и в других квадратах раскопа, но скоплений не обнаружено.

У левой стены грота почти в 2 м от капельной линии рядом с настилом из травы был отмечен остаток столба, вертикально вкопанного в грунт и укрепленного у основания камнями (см. рис. 2, 7). Диаметр столба у основания 18 см.

В культурных слоях найдены остатки 44 древних кострищ. Кострища, как правило, овальной формы, лишь некоторые неправильно-четырехугольной. Чаще всего это зольные пятна с углистой окантовкой, изредка с остатками прокала. Основная часть кострищ находилась в предвходовой зоне недалеко от капельной линии. Внутри грота очагов мало. Первый очаг размерами 30×30 см представляет собой сложную конструкцию. Он четырехугольной формы, по периметру обложен вертикально стоящими плитками известняка. Заполнение очага состоит из прослоек угля и прокаленной земли. В верхней углистой прослойке зафиксировано скопление чешуек, мелких отщепов и обломков микропластин. В обкладке этого очага на-

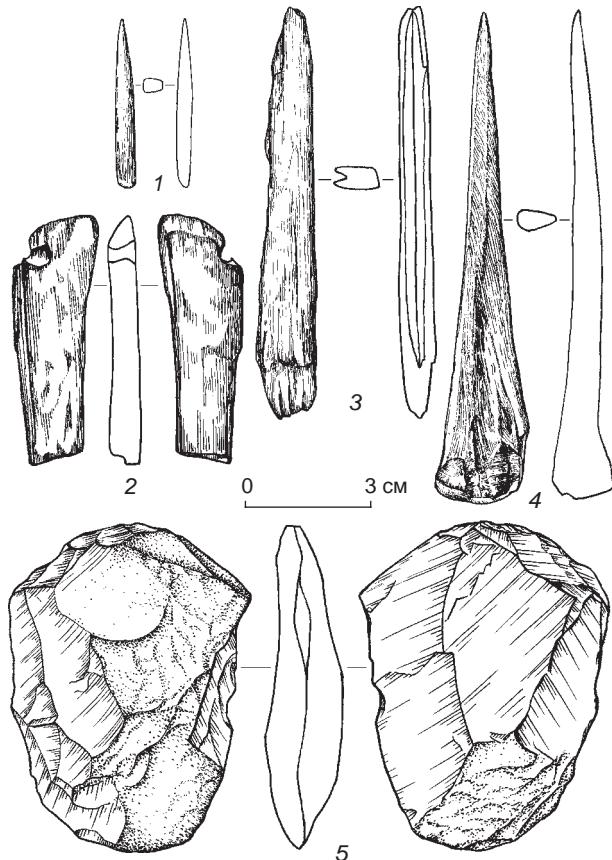

Рис. 4. Костяные (1, 3, 4) и каменные (2, 5) изделия из грота Чихэн.
1 – проколка; 2 – фрагмент подвески; 3 – основа вкладышевого кинжала; 4 – костяное орудие; 5 – предмет из нефрита.

ходилось изделие из нефрита, рядом располагалась костяная основа однопазового вкладышевого кинжала (см. рис. 4, 3). Насад изделия и проксимальный конец плоские. Глубина паза по всей длине неодинаковая: 1,2 мм у конца, 3,3 мм в середине и 1,3 мм у насада. Второй очаг (кострище) размерами 25×15 см овальной в плане формы располагался практически у самой стенки грота. Рядом с ним был обнаружен деревянный однопазовый наконечник, вертикально воткнутый в грунт. Длина изделия 13,8 см, диаметр 1,8 см. Паз прорезан почти по всей длине орудия, не прослеживается лишь у черешка. Основание-черешок изделия закруглено (обстругано).

Анализ каменного инвентаря грота Чихэн позволяет интерпретировать памятник в рамках традиционной охотниче-промышленной версии. Вместе с тем некоторые артефакты из раннеголоценовых отложений в пещере демонстрируют неутилитарный характер использования. Поэтому мы предлагаем в качестве рабочей гипотезы ритуального эпизода в гроте Чихэн. Впервые она была кратко озвучена на археологической конференции в Иркутске в 2007 г. [Гладышев,

Нохрина, Табарев, 2007]. Каркас гипотезы составляется следующая смысловая цепочка: социальная структура общества на рубеже палеолита – неолита – престиж и престижные технологии – ритуал как форма реализации престижа – малые пещеры как ритуальное пространство.

В современной археологической литературе описано немало интересных моделей структуры обществ, основу экономики которых составляло присваивающее хозяйство (охота–собирательство–рыболовство). Одна из таких моделей предлагает разделение обществ на эгалитарные и трансэгалитарные [Owens, Hayden, 1997]. Эгалитарные общества имеют доступ к достаточно скучным природным ресурсам, практически не располагают возможностью накапливать продукты питания, испытывают трудности в связи с колебаниями биомассы. В таких коллективах действует механизм равного распределения; их жизненная стратегия подчинена задачам выживания. Трансэгалитарные общества эксплуатируют высокопродуктивные ниши; располагают широким диапазоном природных ресурсов, возможностью комбинировать различные формы присваивающего хозяйства и создавать запасы пищи для сглаживания трудностей, обусловленных межсезонными циклами; у них развиваются специализированные промыслы. В трансэгалитарных обществах включается механизм социальной соревновательности, активно проявляется стремление к обретению и сохранению приоритетных позиций индивидов, групп, кланов, линиджей и т.д. Это стремление реализуется в контроле над промысловыми угодьями; в развитии разнообразных престижных технологий; торгово-обменных процедурах; погребении с сопроводительным инвентарем; создании экономически выгодных семейно-брачных альянсов; организации праздников и церемоний, системы долговых обязательств, тайных обществ и закрытых ритуалов. Таким образом, престижные технологии обслуживают ритуал, который становится формой достижения и поддержания особого социального статуса.

Перечень следов престижных технологий в археологических контекстах достаточно обширен; специалистами называется до 25–30 таких признаков [Beaune de, 1995; Clark, 1986; Costin, 1991; Hayden, 1998; Hayden, Adams, 2004]. Для каменного века выделяются в первую очередь орудия и заготовки, имеющие необычные размеры или изготовленные из необычного сырья. В этот ряд следует включить также разнообразные украшения, предметы из редкого сырья, специальные контейнеры (из дерева, камня, плетеные и др.), погребения умерших или принесенных в жертву с сопроводительным инвентарем в виде изделий из нетрадиционных материалов и т.д. Весьма значимым признаком является и непривычное положение артефактов.

Согласно многочисленным этнографическим описаниям, вход в пещеру и выход из нее как из сакрального пространства (обряд перехода) сопровождаются символической платой [Van Геннеп, 2002]. В нашем случае это могут быть бусины из скорлупы яиц, скопление которых прослежено у входа в грот (см. рис. 2). Как показывает анализ археологических материалов из других районов Монголии и Забайкалья, в качестве формы деятельности изготовление бус и других украшений могло сложиться еще в начале верхнего палеолита (см. напр.: [Лбова, Волков, 2007; Ташак, 2002]). Скорлупа служила, видимо, и небольшим сосудом (контейнером, в нем сохранились остатки зерна), который был зафиксирован у основания укрепленного камнями столба внутри пещеры. Этот столб (его аналоги в виде Мирового дерева, горы, волшебного посоха, стел и т.п.) мог играть роль макроритуального комплекса – axis mundi.

В слое прослежены два очага (№ 40, 44), рядом с которыми найдены основы вкладышевых инструментов. Рядом с очагом № 44 изделие было помещено в вертикальном положении. Такое сочетание можно трактовать как макроритуальный комплекс с вертикальным символом. Аналоги в виде шестиугольных каменных столбиков, отполированных каменных жезлов-сэкибо или бифасиальных изделий отмечены на памятниках финского палеолита – неолита на среднем Амуре (Баркасная Сопка-3), в Приморье (Устиновка-4, Суворово-4, Богополь-4) и Японии (Ивато, Масугата и др.) [Крупянко, Табарев, 2001, 2005; Tabarev, 2006]. В очаге № 40 среди камней обкладки обнаружен предмет из необычного для данного района сырья – нефрита (см. рис. 4, 5), до ближайших выходов которого человеку приходилось добираться не менее трех-четырех дней. Изделие было намеренно помещено в пространство очага. Не менее примечательна и еще одна находка, отмеченная у дальней стенки грота, – фрагмент изящной подвески из «экзотического» сырья – серпентина-антигорита с мелкими вкраплениями магнетита (см. рис. 4, 2).

Как подчеркивалось выше, исследователи пещерных памятников при описании и анализе неутилитарных изделий редко выходят на уровень их функциональной интерпретации в рамках всего комплекса и, как правило, ограничиваются лишь сырьевыми и технологическими характеристиками. Очевидно, это можно объяснить влиянием устаревших стереотипов. Согласно одному из них, свидетельствами использования пещеры в качестве ритуального объекта могут быть лишь яркие образцы наскального или мобильного искусства, остатки культовых сооружений или жертвеников, клады изделий, следы проведения палеоастрономических наблюдений, а также погребения с богатым сопроводительным инвентарем. Однако совершенно очевидно, что все перечисленное отражает

лишь малую часть церемоний, а точнее, лишь обряды с богатыми декорациями. Ритуалы, в которых гораздо большее значение имели содержание и процедура, чем атрибутика, не оставили следов.

Второй стереотип связан с представлением о том, что для отправления культа могли использоваться лишь крупные пещерные полости с несколькими залами, входами или галереями, малые гроты и навесы эксплуатировались главным образом как места для проживания или отдыха во время промыслового сезона. Но факты свидетельствуют о том, что и малые гроты, и скальные навесы для человека всегда были привлекательным элементом ландшафта, объектом сакрализации. В основе выбора полости лежали самые разные основания. Например, пещера была единственным в своем роде природным объектом на значительной по площади территории, находилась в непосредственной близости от мест промысла (охоты, рыболовства, сбора дикоросов), имела внешние специфические признаки (скрытый вход, необычные конфигурации свода и цвет) и т.п. Есть и еще один, весьма значимый момент, который определяет не только функциональное, но и ритуальное использование грота или навеса – наличие следов пребывания в пещере представителей предшествовавших культур. Речь идет о каменных орудиях, нуклеусах, фрагментах керамических сосудов и пр. Для новых обитателей такие находки имели особое значение; им однозначно приписывались магические свойства и волшебная сила. Например, мексиканские индейцы учились верили, что обломки древних каменных наконечников, которые периодически им попадались в ходе проведения сельскохозяйственных работ, обладали исцеляющей силой. Традиция обязывала передавать такие находки местному знахарю (шаману), а он прятал их в священных гротах или пещерах, где происходил контакт с духами-покровителями и духами предков. Вместе с древними изделиями в пещеры помещали также сосуды с росписью, мелкие украшения и кусочки яркой ткани [Weigand, 1970, р. 366–367]. Горные майя, проживающие в северо-западной части Гватемалы, собирают в джунглях наконечники, обсидиановые пластины, полиздрические нуклеусы и фрагменты керамики доколумбовой эпохи, а затем в качестве объектов поклонения кладут их на алтари рядом с фигурами христианских святых. Местные врачи широко используют антиквариат в лечебных целях [Brown, 2000, р. 326–328]. Индейцы томпсон (территория Плато) высоко ценят каменные наконечники и ножи, переделанные из старинных артефактов. По их мнению, древние предметы были изготовлены их тотемным предком Вороном; они отличаются особой эффективностью и обладают магической силой [Lowrey, 1999, р. 56].

Частичное нарушение голоценовых отложений и их спрессованность не позволяют установить точную связь между отдельными находками. Тем не менее мы полагаем, что вышеперечисленные артефакты из грота Чихэн (бусы в предвходовой части грота, остатки столба в центре полости, основы вкладышевых орудий у очагов, заготовка бифаса и обломок подвески из редких для данной местности видов сырья) вписываются в круг изделий, связанных с престижными технологиями, и считаем, что в истории грота был ритуальный эпизод (эпизоды).

Каково было содержание и назначение ритуалов, проводившихся в гроте Чихэн? Позволяют ли данные находки высказать какие-либо предположения?

Ряд интересных гипотез предложен в последнее время специалистами, изучающими пещеры в Западной Европе и Африке [Beaune de, 1995; Clottes, 1992, 1996; Hayden, 2003; Lewis-Williams, 1994; и др.]. Пространство пещер, по мнению ряда исследователей, не позволяло участвовать в ритуале группе более чем из 20–25 чел. [Beaune de, 1995, р. 238]; примерно такими по численности были тайные общества и группы, описанные этнографами у многих народов [Owens, Hayden, 1997, р. 153–155]. Практически на всех исследуемых пещерных памятниках прослеживаются следы присутствия детей или подростков (погребения, рисунки, следы, отпечатки ладоней и др.), что предполагает участие в ритуалах именно этой возрастной группы [Clottes, 1992, р. 59]. К таким ритуалам относятся обряды, посвященные рождению, различным этапам взросления, вступлению в половую зрелость, инициациям, тренировкам шаманов, первому участию в охоте и т.д. К атрибутам этого круга ритуально-обрядовых практик могут быть отнесены и находки в гроте Чихэн.

Заключение

По образцам угля из древних кострищ грота получена представительная серия радиоуглеродных дат, охватывающих большой период – примерно 6 тыс. лет (см. таблицу). Правда, степень достоверности дат различна. Первая ($5\ 630 \pm 250$ л.н. (СОАН-3732)) имеет низкую степень достоверности и по мнению канд. геол.-минер. наук Л.А. Орловой должна быть отброшена или принята как ориентировочная. Вторая дата ($6\ 870 \pm 105$ л.н. (GX-23893)) получена по заполнению, взятому из норы грызуна. Естественно, она фиксирует время жизни грызуна, а не человека. Большинство же дат приходится на интервал от $7\ 850 \pm 110$ до $11\ 545 \pm 75$ л.н. Мы предполагаем, что рассматриваемый нами комплекс относится именно к этому временному отрезку, скорее всего к его финалу.

Сопоставляя материалы голоценовых отложений грота Чихэн с одновременными комплексами сопре-

Радиоуглеродные даты для грота Чихэн

Индекс лаборатории	№ образца	Датирующий материал	Квадрат	Литологический горизонт	№ очага	Дата, л.н.
СОАН-3732	5	Древесный уголь	Д-5	2	14	5 630 ± 250
GX-23893	–	Мумия грызуна, заполнение норы грызуна	Д-6	2	–	6 870 ± 105
СОАН-3728	1	Древесный уголь	Д-6	2	11	7 850 ± 110
СОАН-3730	3	» »	Д-4	2	13	7 900 ± 140
СОАН-3572	–	» »	Г-5	2	4	8 055 ± 155
СОАН-3729	2	» »	Д-6	2	12	8 100 ± 90
СОАН-3731	4	» »	Д-4	2	4	8 140 ± 90
AA-26581	CA97-5A	» »	E-3	2	23	8 540 ± 95
СОАН-3573	–	» »	Г-8	2	5	8 600 ± 135
AA-31212	CA97-1	» »	Д-6	2	12	8 675 ± 90
GX-23894	–	Заполнение норы грызуна	Д-6	2a	–	8 770 ± 140
AA-26582	CA97-13A	Древесный уголь	Д-4	2a	35	8 847 ± 65
СОАН-3569	–	» »	Г-6	2	6	8 940 ± 100
AA-26583	CA97-14A	» »	Г-2	2a	24	9 040 ± 85
AA-31214	CA97-3	» »	Д-6	2a	12	10 230 ± 80
AA-31213	CA97-2	» »	Д-6	2a	»	10 375 ± 80
СОАН-3570	–	» »	Г-6	2a	10	11 110 ± 60
СОАН-3571	–	» »	Г-6	2a	»	11 160 ± 160
AA-31215	CA97-4	» »	Д-6	2a	12	11 545 ± 75

дельных территорий, отметим, что, судя по опубликованным материалам, ни в Монголии в шабаракской культуре [Berkey, Nelson, 1926; Gáborí, 1962; Mania, 1963; Kozłowski, 1968; Fairervis (jr), 1993], ни в Китае в микролитических индустриях [Jia Lanpo, Huang Weiwen, 1985; Gai Pei, 1985; Kwang-chih Chang, 1986] изделия геометрических форм пока не найдены. Среди артефактов, относимых к мезолиту, такие изделия встречаются в удаленной от Монголии Западной Индии [Щетенко, 1979; Sali, 1990, р. 231, fig. 37]. Отметим, что среди микролитических орудий геометрической формы из западной части Индии преобладают сегменты, трапеции чрезвычайно редки [Sali, 1990, р. 235]. На территории к северо-западу от грота Чихэн орудия геометрической формы становятся характерным элементом технокомплексов мезолитического времени.

Ближайшие аналоги каменного инвентаря из голоценовых слоев в гроте Чихэн имеются в коллекциях из северной части Внутренней Монголии (Китай), исследованных американско-китайской экспедицией в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [Bettinger et al., 1990; Bettinger, Madsen, Elston, 1994; Madsen et al., 1996; Elston et al., 1997]. По данным этой экспедиции, переход от палеолита к неолиту в этом районе происходил

на фоне позитивных изменений климата и фауны, которые, в свою очередь, обусловили смену охотничьих стратегий и совершенствование охотничьего снаряжения на основе широкого распространения микропластинчатой техники. В духовной сфере отражением интенсивной эксплуатации природных ресурсов, адаптации к природным условиям стала ритуализация специфических элементов рельефа. Именно с этим культурным фоном и может быть, по нашему мнению, связан ритуальный эпизод в гроте Чихэн.

Благодарности

Авторы выражают глубокую и искреннюю благодарность профессору Брайану Хэйдену (Университет Саймон Фрейзер, Ванкувер, Канада) за консультации и помощь в подборе литературы по теме статьи, а также художнику Юлии Табаревой (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск) за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996 году /

А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цевээндорж, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, С.В. Николаев, В.П. Мыльников, Р.У. Ривс, Б. Гунчинсурэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 343 с.

Археологические исследования Российской-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цевээндорж, В.Т. Петрин, С.А. Гладышев, А.Н. Зенин, В.П. Мыльников, А.И. Кривошапкин, Р.У. Ривс, П.Д. Брантингхэм, Б. Гунчинсурэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 383 с.

Барышников Г.Ф. О предварительном определении ископаемого костного материала из пещер Монголии // Археологические исследования Российской-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цевээндорж, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, С.В. Николаев, В.П. Мыльников, Р.У. Ривс, Б. Гунчинсурэн, Я. Цэрэндагва. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 309–310.

Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. – М.: Вост. лит., 2002. – 198 с.

Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Поселенческий комплекс голоценового времени в пещере Чихэн (Монголия) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 105–108.

Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Интерпретация археологического комплекса грота Чихэн // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 162–168.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 25–39.

Деревянко А.П., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Нохрина Т.И. Экология древнего человека и палеопедогенез в позднем плейстоцене на территории Гобийского Алтая (по материалам исследований отложений памятника Чихэн) // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 114–116.

Деревянко А.П., Дорж Д., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Археологические исследования в Монголии в 1988 г. // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. – 1989. – Вып. 2. – С. 26–34.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

Деревянко А.П., Феденева И.Н., Дергачева М.И., Нохрина Т.И. Природно-климатические условия Гобийского Алтая в позднем плейстоцене – голоцене (по материалам исследований памятника Чихэн) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. I. – С. 109–111.

Зенин А.Н., Кандыба А.В. Археологические исследования в пещере Страшная в 2006 г. // Проблемы археологии,

этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 141–145.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. – Новосибирск: Сиб. университет. изд-во, 2001. – 104 с.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. – Луганск: ЧП «Вега», 2005. – С. 91–99.

Кулик Н.А., Нохрина Т.И., Милютин К.И. Петрография артефактов индустрий палеолита и мезолита восточной части Гобийского Алтая (по материалам памятников Сууж и Чихэн) // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 97–103.

Лбова Л.В., Волков П.В. Технология изготовления предметов изобразительной деятельности в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Забайкалье // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 40–43. – (Тр. САИПИ; вып. 3).

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 53–64.

Милютин К.И., Нохрина Т.И. Изучение планиграфии культурных остатков верхнего культурного горизонта пещеры Чихэн (Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Мат-лы Регион. науч.-практич. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – Вып. 14. – С. 139–142.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Лбова Л.В. Радиоуглеродные даты памятников палеолита и мезолита Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 88–92.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 159–164.

Флоренский П.А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева); ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – 446 с. – (Филос. наследие).

Щетенко А.Я. Первобытный Индостан. – Л.: Наука, 1979. – 275 с.

Beaune S.A. de. Les homes au temps de Lascaux. – Р.: Hachette, 1995. – 316 р.

Berkey Ch. P., Nelson N.C. Geology and Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert // American Museum Novitates. – 1926. – N 222. – Р. 1–16.

Bettinger R.L., Elston R.G., Madsen D.B., Li Zhuangwei, You Yuzhu. Transitional Paleolithic – Neolithic Settlement and Subsistence in Alashan League, Western Inner Mongolia, People's Republic of China // Current Research in the Pleistocene. – 1990. – Vol. 7. – Р. 1–3.

Bettinger R.L., Madsen D.B., Elston R.G. Prehistoric Settlement Categories and Settlement Systems in the Alashan Desert of Inner Mongolia, PRC // J. of Anthropological Archaeology. – 1994. – Vol. 13. – Р. 74–101.

- Brown L.A.** From Discard to Divination: Demarcating the Sacred Through the Collection and Curation of Discarded Objects // Latin American Antiquity. – 2000. – Vol. 11, N 4. – P. 319–333.
- Clark G.** Symbols of Excellence. Precious Materials as Expressions of Status. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 138 p.
- Clottes J.** L'Archéologie des grottes ornées // La Recherche. – 1992. – Vol. 23. – P. 52–61.
- Clottes J.** Thematic Changes in Upper Paleolithic Art // Antiquity. – 1996. – Vol. 70. – P. 276–288.
- Costin C.L.** Craft Specialization: Issues in Defining Documenting, and Explaining the Organization of Production // J. of Archaeological Method and Theory. – 1991. – Vol. 3, N 1. – P. 1–56.
- Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nohrina T.I., Olsen J.W.** The Mongolian Early Holocene: Excavations at Chikhen Agui Rockshelter in Gobi Altai // The Review of Archaeology. Special Issue. – 2003. – Vol. 24, N 2. – P. 50–56.
- Elston R.G., Xu Gheng, Madsen D.B., Zhong Kan, Bettinger R.L., Li Jingzen, Brantingham P.J., Wang Huiming, Yu Jun.** New Dates for the North China Neolithic // Antiquity. – 1997. – Vol. 71. – P. 985–993.
- Fairservis W.A. (jr).** Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. – Durham: Carolina Academic Press, 1993. – 253 p.
- Gábori M.** Beiträge zur Typologie und Verbreitung der Shabarakh-Kultur // Acta Archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae. – 1962. – T. 14 (3/4). – P. 159–174.
- GaiPei.** Microlithic Industries in China//Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China / eds. Wu Rukang, J.W. Olsen. – Orlando; San Diego; N.Y.: Academic Press, 1985. – P. 225–241.
- Hayden B.** Practical and Prestige Technologies: The Evolution of Material Systems // J. of Archaeological Method and Theory. – 1998. – Vol. 5, N 1. – P. 1–55.
- Hayden B.** Shamans, Sorcerers, and Saints. – Wash., D.C.: Smithsonian Books, 2003. – 528 p.
- Hayden B., Adams R.** Ritual Structures in Transegalitarian Communities // Complex Hunter-Gatherers: Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. – Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. – P. 84–102.
- Jia Lanpo, Huang Weiwen.** The Late palaeolithic of China // Palaeoanthropology and Palaeolithic Archaeology in the People's Republic of China / eds. Wu Rukang, J.W. Olsen. – Orlando; San Diego; N.Y.: Academic Press, 1985. – P. 211–223.
- Kozłowski J.K.** Research on the Stone Age in South Mongolia in 1968 // Archaeologia Polona. – 1968. – [T.] 13, vol. 1/2. – P. 231–261.
- Kwang-chih Chang.** The Archaeology of Ancient China. – New Haven; L.: Yale University Press, 1986. – 450 S.
- Lewis-Williams J.D.** Rock Art and Ritual: South Africa and Beyond // Complutum. – 1994. – N 5. – P. 277–289.
- Lowrey N.S.** An Ethnoarchaeological Inquiry into the Functional Relationship between Projectile Point and Armor Technologies of the Northwest Coast // North American Archaeologist. – 1999. – Vol. 20. – P. 47–73.
- Madsen D.B., Elston R.G., Bettinger R.L., Xu Gheng, Zhong Kan.** Settlement Patterns Reflected in Assemblages from the Pleistocene/Holocene Transition of North Central China // J. of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 217–231.
- Mania D.** Archäologidsche Studien in der zentralen Mongolei // Arbeiten aus dem Institut für vor- und frühgeschichte der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. – 1963. – H. 13. – (Sonderdrucke aus der Wissenschaftlichen Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. – Heft 11). – S. 847–888.
- Owens D., Hayden B.** Prehistoric Rites of Passage: A Comparative Study of Transegalitarian Hunter-Gatherers // Journal of Anthropological Archaeology. – 1997. – Vol. 16. – P. 121–161.
- Sali S.A.** Stone Age India. – Aurangabad: Shankar Publishers, 1990. – 288 p.
- Tabarev A.V.** People of Salmon: Technology, Art and Ritual of the Stone Age Cultures, Russia Far East // Archaeological Education of the Japanese Fundamental Culture in East Asia. 21 COE Program Archaeology Series. – 2006. – Vol. 7. – P. 111–124.
- Weigand P.C.** Huichol Ceremonial Reuse of Fluted Point // American Antiquity. – 1970. – Vol. 35, N 3. – P. 365–367.

Материал поступил в редакцию 08.10.07 г.

УДК 903.2

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, П.В. Волков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail:shunkov@archaeology.nsc.ru

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ БРАСЛЕТ ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Коллекция индивидуальных украшений и предметов символической деятельности ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры является наиболее представительной и древней среди палеолитических материалов Северной и Центральной Азии. Особое место в ней занимает каменный браслет из темно-зеленого хлоритолита, обнаруженный в устьевой зоне восточной галереи пещеры в отложениях верхней части слоя II, возраст которых ок. 30 тыс. лет. Согласно результатам траасологического и технологического изучения, при изготовлении браслета применялись шлифовка на абразивах разного рода, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом в виде рашпиля. Высокий производственный уровень изготовления браслета свидетельствует о достаточно развитых трудовых навыках и устойчивой практике подобных работ у обитателей пещеры начала верхнего палеолита.

Введение

В Денисовой пещере вскрыта наиболее продолжительная культурно-хронологическая колонка среди известных в настоящее время археологических памятников Сибири. Найдены из многослойной толщи пещерных отложений представляют последовательное развитие культурных традиций от ранней стадии среднего палеолита до эпохи позднего средневековья. Их важной характеристикой является четкое стратиграфическое положение в системе плейстоцен–голоценовых осадков, подкрепленное данными относительных и точных методов датирования. По всему разрезу археологический материал сопровождают многочисленные биостратиграфические остатки – показатель изменений природной и климатической обстановки в окрестностях пещеры на различных этапах четвертичного периода.

Денисова пещера расположена в северо-западной части Алтайских гор, в долине верхнего течения

р. Ануя, где сосредоточены многослойные стоянки, содержащие основной объем археологических и естественнонаучных материалов по древнейшей истории Алтая. Они позволяют представить становление и развитие палеолитической культуры, проследить динамику природной среды в плейстоцене [Природная среда..., 2003].

Пещера выработана в правом борту долины Ануя в крупном блоке силурийских биогермных известняков (рис. 1). Вход в пещеру расположен в уступе отвесной стены юго-западной экспозиции на высоте ок. 30 м над современным урезом реки. Пещера состоит из системы коротких субгоризонтальных и пологонаклонных галерей различных размеров, сообщающихся через центральный зал. Общая площадь пещеры составляет 270 м². Вход высотой в настоящее время 6 м ведет в главную галерею шириной до 7 м и протяженностью в северо-западном направлении ок. 10 м, которая открывается в центральный зал пещеры. Центральный зал представляет собой сводовую камеру размерами в плане 9 × 11 м и высотой ок. 10 м. Из центрального зала одна галерея, длиной 9

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 07-01-00441.

Рис. 1. Денисова пещера.

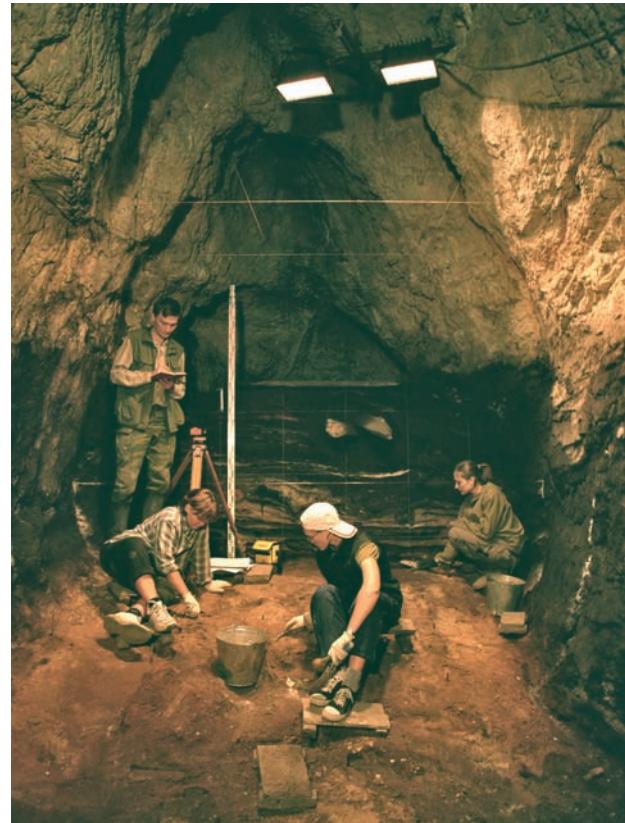

Рис. 2. Раскопки плейстоценовых отложений в устьевой зоне восточной галерей Денисовой пещеры.

и шириной до 4,5 м, простирается в юго-западном направлении и выходит на предвходовую площадку. Две узкие темные галереи (восточная и южная) уходят в глубь карстового массива и недалеко от устья полностью перекрываются рыхлыми отложениями. Стены пещеры выровненные, заглаженные. На них хорошо читается сложный рисунок системы пологонаклонных и субвертикальных трещин, определивших, вероятно, структурный план пещеры.

За время проведения стационарных исследований в пещере последовательно вскрывались отложения в центральном зале, на предвходовой площадке, в устьевой зоне южной и восточной галерей (рис. 2). На каждом участке пещеры раскопки проводились в два этапа. Сначала изучались голоценовые осадки, включавшие слои 0–8 с археологическими находками от эпохи палеометалла до позднего средневековья [Деревянко, Молодин, 1994], затем на вскрытой площади проводилось исследование плейстоценовых отложений до скального дна пещеры.

Толщу плейстоценовых отложений внутри пещеры формируют слои 9–22, по которым прослежено четыре основных этапа заселения в эпоху палеолита. В основании разреза, в слоях 22 и 21, датированных

средним плейстоценом, зафиксирован каменный инвентарь ранней стадии среднего палеолита. Для этих индустрий характерны признаки леваллуазского и параллельного расщепления, преобладание в орудийном наборе скребел и зубчато-выемчатых форм.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий демонстрируют материалы слоев 20–12, датированных первой половиной верхнего плейстоцена. Главными особенностями этих индустрий являются признаки использования преимущественно параллельного и радиального расщепления, преобладание в составе инвентаря скребел разных модификаций и присутствие относительно небольших, но достаточно выразительных наборов леваллуазских изделий.

Археологические материалы из слоя 11 связаны с ранней стадией верхнего палеолита, начало которой на Алтае относится к 50–40 тыс. л.н.; они отражают постепенную эволюцию местных среднепалеолитических традиций. В этой индустрии первичная обработка камня велась с использованием главным образом параллельной техники. В составе каменно-го инвентаря самые яркие серии образуют типологически выраженные верхнепалеолитические орудия и бифасиальные остроконечники листовидной формы.

Важный компонент коллекции раннего верхнего палеолита составляют костяные орудия и разнообразные украшения из кости и камня.

В пределах слоя 9 залегал археологический материал позднепалеолитического облика. В эпоху позднего палеолита для получения заготовок активно использовались нуклеусы призматических, конусовидных и торцевых форм, в т.ч. предназначенные для снятия микропластин. В составе каменного инвентаря заметно увеличилась доля изделий на пластинах, появились вкладышевые орудия и сопутствующие им геометрические микролиты.

Таким образом, учитывая многочисленность фактических данных, характеризующих широкий временной отрезок, археологические материалы из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры можно рассматривать

в качестве одного из основных источников изучения палеолита Северной и Центральной Азии.

Среди разнообразных палеолитических материалов из Денисовой пещеры особое внимание специалистов привлекают находки, отражающие духовную и социальную стороны жизни первобытного человека, – индивидуальные украшения и предметы символической деятельности. Основная коллекция таких изделий получена из литологического слоя 11, относящегося к ранней стадии верхнего палеолита. В ее составе – украшения из кости, бивня мамонта, зубов животных, скорлупы яиц страуса, раковин моллюсков и поделочного камня.

Особое место в ряду этих изделий занимает каменный браслет из темно-зеленого хлоритолита (рис. 3, 4), обнаруженный при раскопках верхней толщи плей-

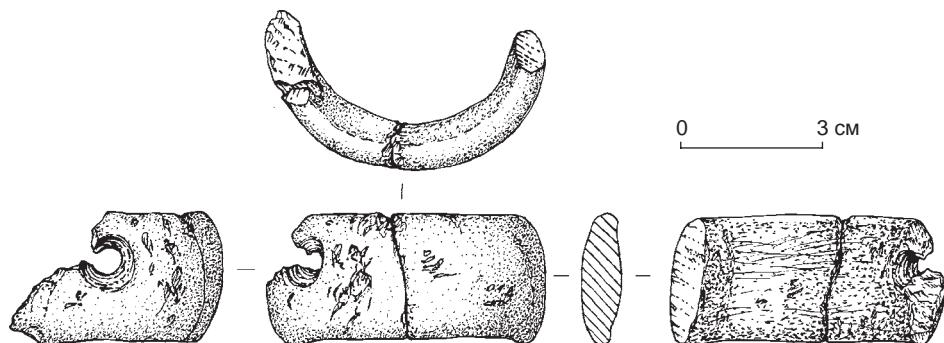

Рис. 3. Каменный браслет ранней стадии верхнего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры.

Рис. 4. Браслет с внешней (1) и внутренней (2) сторон, вид сверху (3) и снизу (4).

стоценовых отложений в устьевой зоне восточной галереи пещеры. Каменный браслет представлен двумя обломками. Фрагменты залегали в подошве стратиграфического горизонта 11.1 на расстоянии 0,75 м друг от друга. Ширина браслета 27 мм, толщина – 9 мм, диаметр целого изделия составлял, видимо, ок. 70 мм. Рядом с одним из разломов находилось биконически просверленное отверстие диаметром до 8 мм. При предварительном обследовании на поверхности изделия были отмечены следы воздействия различных обрабатывающих инструментов, признаки утилизации и разрушения [Деревянко и др., 2005]. Вместе с браслетом найдены костяная игла с просверленным ушком; подвески из зубов и фаланг травоядных животных с биконически просверленным отверстием; пронизки из полых трубчатых костей, орнаментированные симметрично расположенным рядами глубоких кольцевых нарезок; плоские бусины из обломков трубчатых костей; кольцо из бивня мамонта, а также каменные остроконечники, резцы, проколки и другие орудия начальной поры верхнего палеолита.

Геохронологический, археологический и петрографический контексты находки

Фрагменты каменного браслета залегали в верхней части литологического слоя 11, сформированного легкими суглинками серых тонов, возраст которых определен в пределах стадии 3 изотопно-кислородной шкалы. Для нижней части слоя 11 получена AMS-дата по кости (определение Университета Христиана Альбрехта в Киле, Германия): $48\,650 \pm 2\,380$ / – – 1840 л.н. (KIA 25285 SP 553/D19), для средней части – открытая радиоуглеродная дата $> 37\,235$ л.н. (СОАН-2504), а для кровли на контакте со слоем 10 – AMS-дата по углю (определение Аризонского университета, США): $29\,200 \pm 360$ л.н. (AA-35321). Сверху эти отложения перекрыты тонким горизонтом сильновыветрелого уплощенного щебня с рассеянными железомарганцовыми новообразованиями (слой 10) и палевыми лессовидными суглинками (слой 9) сартанского времени (изотопная стадия 2). Снизу слой 11 подстилает толща линзовидно-слоистых пестроцветных суглинков (слои 12–20). Верхняя половина этой толщи (кровля слоя 14) датирована РТЛ-методом – 69 ± 17 тыс. л.н. (РТЛ-611), нижняя ее граница отмечена четким горизонтом темноцветного суглинка (слой 21) с датой 155 ± 31 тыс. л.н. (РТЛ-546). В сновании разреза залегают тяжелые охристо-палевые суглинки (слой 22), возраст которых установлен в пределах 282 ± 56 тыс. лет (РТЛ-548) – 171 ± 43 тыс. лет (РТЛ-737).

Эпоха формирования отложений слоя 11 характеризуется условиями относительно прохладного и влажного климата [Природная среда..., 2003]. Со-

гласно палинологическим данным, среди растительных ассоциаций в это время преобладали еловые леса с участием сосны и кедра. В сообществе мелких млекопитающих уменьшилась численность лесных форм и возросла доля нивальных видов. Однако на фоне общего прохладного климата отмечены относительно теплые эпизоды. В средней части слоя заметно повышается количество костей цокора, что отражает увеличение площади луговых биотопов. Кровля слоя, видимо, отвечает наиболее теплой фазе данного периода. Для нее характерно увеличение численности крота и лесных полевок, присутствие полевки-экономки и летяги. В составе населения птиц преобладают виды открытых ландшафтов, зафиксированы останки представителей луговых биотопов. Судя по составу сообщества крупных млекопитающих, палеолитические обитатели пещеры жили в благоприятных природных условиях мозаичного горного ландшафта. Главными объектами охоты в эту эпоху были бизон, лошадь, дзрен и сайгак, обитавшие на степных участках долины, косуля и марал – в смешанных лесах, архар и сибирский горный козел – на каменистых склонах.

Начало верхнепалеолитической эпохи на Алтае характеризуется последовательным развитием технологических традиций от среднепалеолитических к ранневерхнепалеолитическим приемам обработки камня с постоянным использованием единой базы каменного сырья. Основу производства составляли гальки и валуны осадочных и вулканических пород из русловых отложений местных водотоков [Деревянко, Кулик, Шуньков, 2000]. Использовались преимущественно осадочные породы, среди которых предпочтение отдавалось алевролитам и мелкозернистым песчаникам. Около половины артефактов изготовлено из палеотипных афировых и порфировых эффузивов. Реже использовались контактово-измененные породы – роговики и жильный кварц.

С началом верхнего палеолита связаны единичные изделия из яшмоидов, раухтопаза, талька-стеатита, глинистого сланца, агальматолита и хлоритолита. Однако незначительное расширение базы исходного сырья носило эпизодический характер и в целом не изменило сырьевую стратегию первобытных обитателей пещеры – доля изделий из этих пород в индустриях верхнего палеолита не превышала 3,5 %.

Для технокомплекса ранней стадии верхнего палеолита было характерно в основном параллельное расщепление, реже использовались приемы радиального и леваллуазского скальвания заготовок. Как важную черту развития каменной индустрии следует отметить распространение в эту эпоху приемов микропластинчатого расщепления.

Наиболее представительную группу в этой индустрии образуют орудия верхнепалеолитических типов, среди которых преобладают скребки, резцы, про-

колки и ретушированные пластины. Самый выразительный компонент составляют концевые скребки и скребки высокой формы, угловые и поперечные резцы, крупные призматические пластины с признаками регулярной ретуши продольных краев и микропластины с притупленным краем, а также бифасиальные орудия листовидной формы. Среди других категорий каменного инвентаря достаточно устойчивыми сериями представлены продольные разновидности скребел, ножи с естественным обушком и обушком-гранью, зубчатые и шиповидные изделия, клововидные и выемчатые орудия, оформленные, как правило, ретушированными анкошами.

В составе ранневерхнепалеолитической коллекции из Денисовой пещеры выделяется набор костяных орудий и украшений, включающий миниатюрные иглы с просверленным ушком, острия-проколки, подвески из зубов животных с биконическим отверстием или с прорезанной бороздкой в корневой части, пронизки из полых трубчатых костей с симметричными рядами глубоких кольцевых нарезок, бусины и кольца из бивня мамонта, плоские бусины-колечки из окаменевшей скорлупы яиц страуса. Другим примечательным компонентом этой коллекции являются украшения из раковин пресноводных моллюсков с просверленным отверстием в основании, а также изделия из поделочного камня – подвески из зеленого каолинитового агальматолита и светлого талька-стеатита с биконически просверленным отверстием у одного из поперечных краев изделия, бусины из талька, желтовато-зеленого серпентина и глинистого сланца и браслет из темно-зеленого хлоритолита.

Согласно рентгенофазовому анализу, выполненному Л.В. Мирошниченко (Институт геологии и минералогии СО РАН), зеленая подвеска сделана из каолинитового агальматолита из внешних зон вторичных кварцитов, образующихся при постмагматическом изменении кислых вулканических пород. Денисова пещера расположена в юго-западных отрогах Ануйского хребта, сложенного девонскими риолито-дацитовыми порфирами. На южном макросклоне хребта, где для них установлено интенсивное изменение с превращением в альбитофиры и яшмоиды, могло проходить образование вторичных кварцитов. На северном склоне кислые эфузивы сменяются средними и основными порфиритами. Последние при постмагматическом изменении могли быть источником никеля, окрасившего агальматолит в характерный хризопразовый цвет [Кулик, Шуньков, 2004]. Расстояние от пещеры до водораздела Ануйского хребта составляет ок. 20 км. В этих пределах, видимо, и находился источник каолинитового агальматолита.

Рентгенофазовый анализ показал, что основной составляющей темно-зеленого хлоритолита является мономинеральный тонкочешуйчатый агрегат хлори-

та, относящийся к магнезиальной разности – пеннину. В пределах северо-западной части Алтая подобные породы с тонкочешуйчатым хлоритовым агрегатом отсутствуют. Ближайшие выходы сплошных хлоритов или хлоритолитов известны в Рудном Алтае, в составе измененных околоврудных пород Риддерского, Белоусовского и Золотушинского свинцово-цинковых месторождений [Шилин, Иванова, 1954].

Менее определенно можно говорить о местонахождении талька-стеатита и серпентина. Согласно результатам петрографического изучения, проведенного Н.А. Кулик (ИАЭТ СО РАН), минералы принадлежат к апогипербазитовым метасоматитам, характерным для юга Алтая, где широко проявлен ультраосновной магматизм.

Присутствие среди изделий ранней поры верхнего палеолита украшений из этих редких для данной территории пород свидетельствует о том, что исходный материал доставлялся из южных и юго-западных районов Алтая, из источников, удаленных от пещеры не менее чем на 200 км. Необычность сырья несомненно выделяла сделанные из него каменные украшения в системе материальных ценностей той эпохи.

Результаты трасологического и технологического изучения браслета

Для реконструкции технологии изготовления хлоритолитового браслета, определения характера утилизации и функциональной принадлежности, выяснения причин поломки изделия проведено детальное трасологическое и технологическое изучение. В качестве основного исследовательского инструмента использовался адаптированный микроскоп «Olympus ВНТ-М» с бесстеневым освещением через объектив и режимом увеличения от 100 до 500 крат. Дополнительно привлекались микроскоп МСПЭ-1 с плавным режимом смены увеличения от 19 до 95 крат и мощным двусторонним бесстеневым освещением и бинокуляр МБС-10 с боковым освещением и дискретным рабочим режимом увеличения от 16 до 56 крат.

Исследования базировались на методике трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Семенов, Коробкова, 1983; Korobkowa, 1999], и методике анализа микрозаполировок износа каменных орудий Л. Кили [Keeley, 1980; Moss, 1983; Vaughan, 1985]. Использовался также опыт применения синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной Азии [Волков, 1999]. Для сравнительного анализа следов производства и изношенности браслета привлекались материалы сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

Микроскопический анализ поверхности фрагментов показал, что в процессе изготовления браслета были использованы следующие способы обработки: формаобразующая шлифовка на «точильном камне» – ровной, неподвижной абразивной поверхности; формаобразующая расточка внутренней поверхности с помощью портативного подвижного инструмента; отделочная шлифовка на мелкозернистом абразиве; полировка внутренней и внешней поверхностей; неоднократное двустороннее станковое сверление; воздействие резчика с относительно узким рабочим краем, а затем резца с относительно широким рабочим краем.

На браслете прослежены также следы: продолжительного контакта с мягким органическим материалом; крепления дополнительных деталей на подвеске из органического материала; неоднократного ударного воздействия; утилизации и разрушения; переоформления для вторичного использования.

Зафиксированные следы систематизированы по типам производства (шлифовка, полировка, сверление), утилизации (полировка от контакта с одеждой и телом человека), повреждений (царапины, выбоины от ударов, раскалывание), ремонта (шлифовка на крупнозернистом абразиве). Основные и наиболее характерные признаки утилизации изделия связаны с продолжительным интенсивным контактом его внутренней поверхности с мягким кожным покровом руки человека. Судя по этим следам, изделие использовалось, веро-

ятнее всего, как наручный браслет. Трасологический анализ совокупности остальных следов позволил восстановить технологию изготовления браслета, выявить специфику его конструкции, определить особенности утилизации и причины разрушения.

Технология изготовления

На первом этапе изготовления браслета исходной гачечной заготовке была придана, видимо, уплощенно-шаровидная форма. Для этой цели производились шлифовка и последующая полировка. Форму и объем изначальной заготовки приблизительно можно представить по очертаниям фрагментов изделия (рис. 5). Заготовку обрабатывали, скорее всего, на жестком относительно большом по площади и плоском абразиве до получения полуфабриката необходимой формы (рис. 6). Косвенным подтверждением этого является практически идеально ровная поверхность браслета (рис. 7). Затем в центре одной из плоскостей заготовки было, вероятно, просверлено технологическое отверстие (рис. 8). Способ сверления сейчас установить невозможно, т.к. его следы были сработаны при последующей расточке образовавшегося отверстия (рис. 9). Судя по «многогранной» конфигурации внутренней поверхности браслета, расточка производилась орудием, аналогичным современному рашпилю, – подвижным абразивным инструментом с относительно плос-

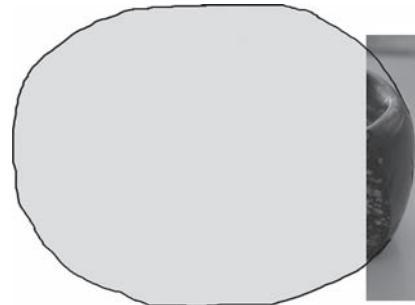

Рис. 5. Реконструкция формы заготовки по абрису браслета с внешней стороны.

Рис. 7. Обработанная внешняя поверхность браслета.

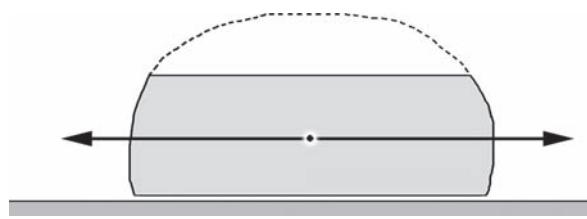

Рис. 6. Форма заготовки после обработки на абразивной плоскости.

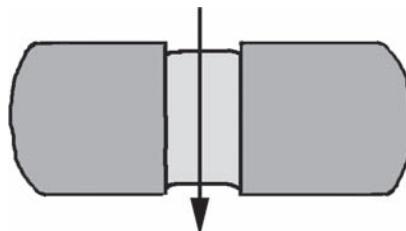

Рис. 8. Формирование технологического отверстия в заготовке.

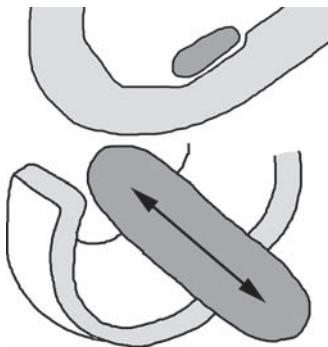

Рис. 9. Схема расточки внутренней поверхности браслета.

Рис. 11. Отшлифованная и отполированная поверхность браслета.

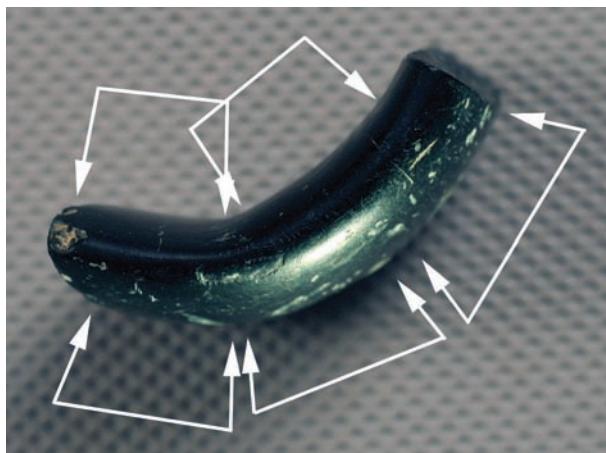

Рис. 10. «Ступенчатая» конфигурация внутренней поверхности браслета после расточки.

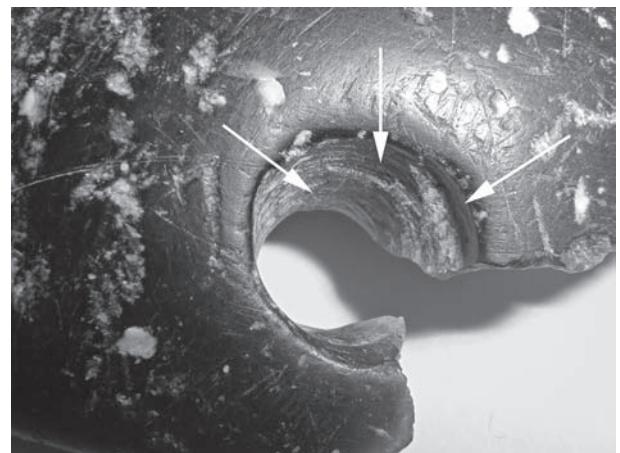

Рис. 12. Следы сверления бокового отверстия.

ким и широким рабочим краем. «Многогранность» характерна практически для всей основной поверхности браслета (рис. 10). Эти следы обработки достаточно красноречиво свидетельствуют о применении абразивных, а не сверлильных инструментов, широко использовавшихся в неолитическое время при изготовлении подобных изделий [Семенов, 1957].

Следующей операцией была отделка – шлифовка и полировка изделия. Все углы сопряжения поверхностей, образовавшиеся при шлифовальном контакте, были заглажены. Полировка изделия, достаточно качественная, производилась с использованием кожи и шкуры разной степени выделки. В результате браслет приобрел гладкую, почти зеркальную поверхность (рис. 11).

На заключительном этапе изготовления с внешней стороны в браслете было просверлено боковое отверстие. Выработка отверстия проводилась с помощью станкового сверления, как минимум, в три этапа. Судя по оставшимся следам (рис. 12), скорость вращения сверла была относительно высокой. Колебания оси

вращения сверла минимальны, а его оборот вокруг своей оси многократный. На завершающем этапе производилась вторичная, окончательная, отделочная полировка браслета с использованием мягкой, вероятно, свежевыделанной кожи, следы проникновения которой отмечены в углублениях на поверхности изделия в зоне бокового сверления.

Моделирование по сохранившейся части браслета позволяет предположить, что целое изделие имело в плане, скорее всего, овальную форму. С внешней стороны оно было слегка выпуклое, а с внутренней – относительно плоское.

Утилизация изделия

Трасологическое изучение поверхностей показало, что изделие часто подвергалось воздействию острых предметов и внешним ударам. Следы контактов с более твердыми предметами прослеживаются практически по всей его внешней поверхности (рис. 13). По-

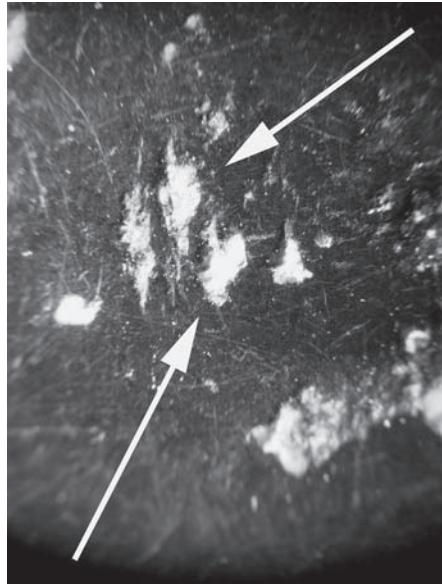

Рис. 13. Следы ударов на внешней поверхности браслета.

Рис. 15. Царапины на внешней поверхности браслета.

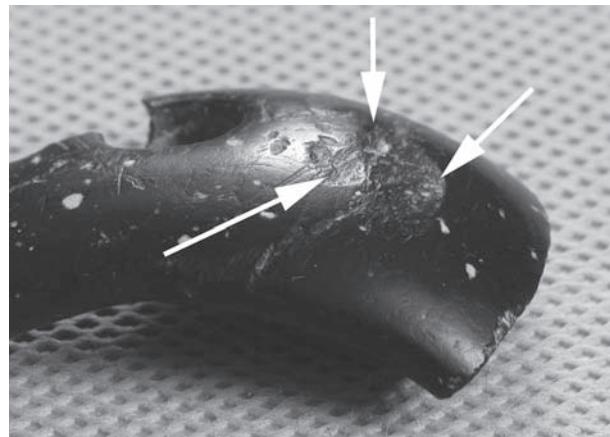

Рис. 14. Следы зашлифовки выбоин на внешней поверхности браслета.

Рис. 16. Следы утилизации на внутренней поверхности браслета.

добная «небрежность» в эксплуатации браслета плохо согласуется с его эксклюзивным характером.

На внешней поверхности браслета зафиксированы также признаки незначительного косметического ремонта – периодической затирки выбоин с помощью крупнозернистого абразива. После выравнивания выбоин последующая полировка этого участка не производилась, и поверхность браслета утратила прежний блеск (рис. 14).

Браслет изготовлен из относительно мягкого материала; на нем быстро появляются царапины, он легко поддается ударному разрушению. Поверхность изделия практически полностью покрыта следами такого рода контактов со случайными абразивами (рис. 15).

Для удаления царапин достаточно непродолжительной полировки мягкой кожей, однако признаки такой работы не отмечены.

На внутренней поверхности браслета хорошо видны участки загрязнения изделия смесью мелкого абразивного порошка (почва, песок и т.п.) и жировых выделений кожи человека. Это типичные следы от контакта с кожей (следы « коллекционирования ») и взаимодействия с грязевым абразивом (рис. 16). Грязь, скапливавшуюся на внутренней поверхности браслета, периодически удаляли. Следы выскабливания в виде характерных параллельных царапин (рис. 17) прослежены в зонах относительных углублений – в местах сопряжения плоскостей изначальной расточ-

Рис. 17. Следы выскабливания на внутренней поверхности браслета.

ки внутреннего отверстия браслета, где наиболее интенсивно скапливалась вязкая смесь органических и неорганических веществ.

Рядом с боковым отверстием на поверхности браслета зафиксированы следы интенсивного контакта с мягким органическим материалом (рис. 18). Особенности их локализации позволяют предположить, что через отверстие крепился кожаный ремешок с подвеской. Судя по тому, что зона заполировки четко ограничена (рис. 19), подвеска была относительно тяжелой и задавала строго определенную амплитуду колебаний ремешка. По участку заполировки от ремешка подвески удалось определить «верх» и «низ» изделия и установить, что браслет носили на правой руке. Если бы его носили на левой руке, то наиболее высокая граница заполировки была бы в ее правом секторе (рис. 19). Интенсивность заполировки от ремешка подвески аналогична интенсивности следов «коллекционирования» на внутренней поверхности браслета. Это позволяет предположить, что подвеска изначально была элементом изделия.

Следы повреждений на изделии

Материал, из которого изготовлен браслет, относительно хрупкий, поэтому маловероятно, что украшение использовалось длительное время. Скорее всего, изделие сломалось вскоре после его изготовления. Браслет ломался не менее двух раз. Поверхность торцов фрагментов после первого разлома (рис. 20, сечение 1) достаточно плоская (рис. 21). Материал существенно не выкрошился при повреждении; оба фрагмента легко апплицируются. Экспериментальные исследования показали, что наиболее вероятной причиной такого повреждения могло быть неудачное сжатие или разжатие браслета (рис. 22) при надевании его на руку.

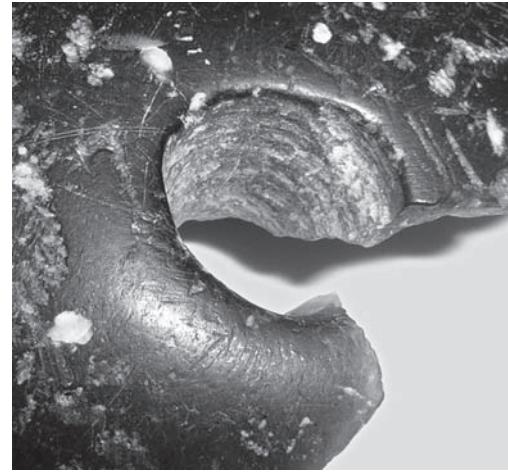

Рис. 18. Следы заполировки поверхности браслета у бокового отверстия.

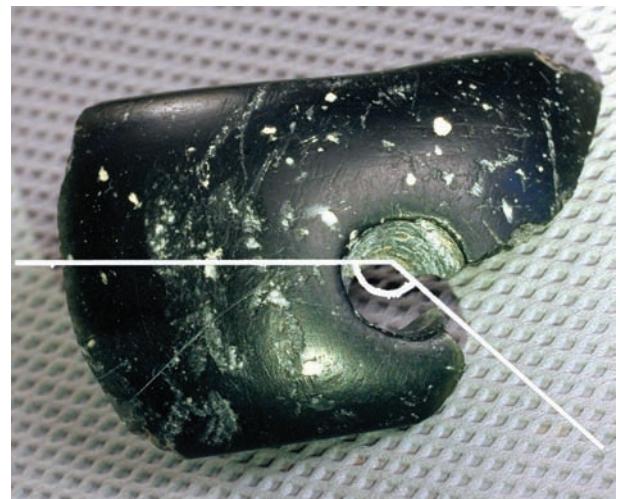

Рис. 19. Угол колебания ремешка подвески у бокового отверстия.

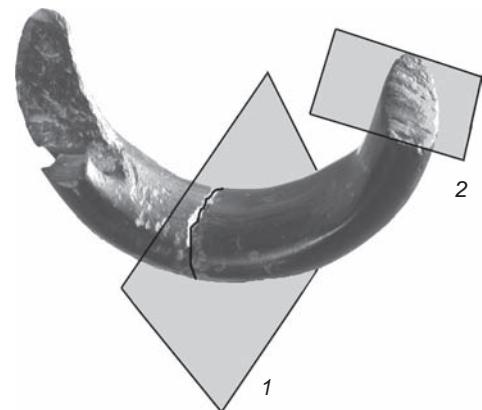

Рис. 20. Плоскости сечения первого разлома (1) и одного из торцов (2) браслета.

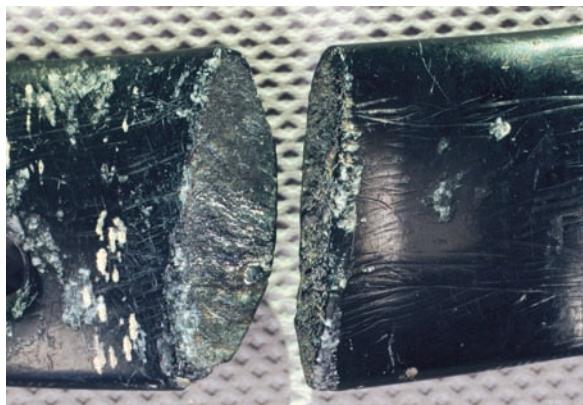

Рис. 21. Поверхности плоскостей первого разлома браслета.

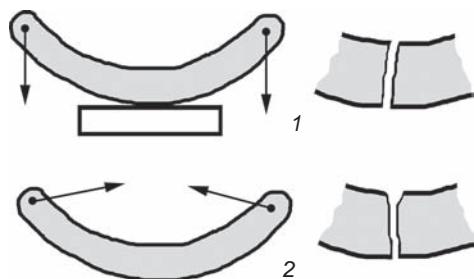

Рис. 22. Схема разлома экспериментального образца при разжатии (1) и сжатии (2).

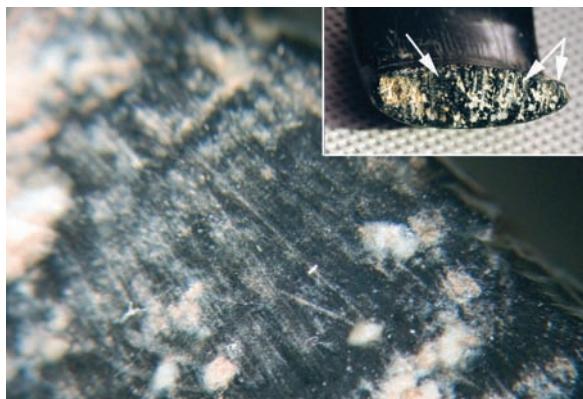

Рис. 23. Пришлифованная поверхность разлома.

Рис. 24. Следы завальцовки края плоскости разлома.

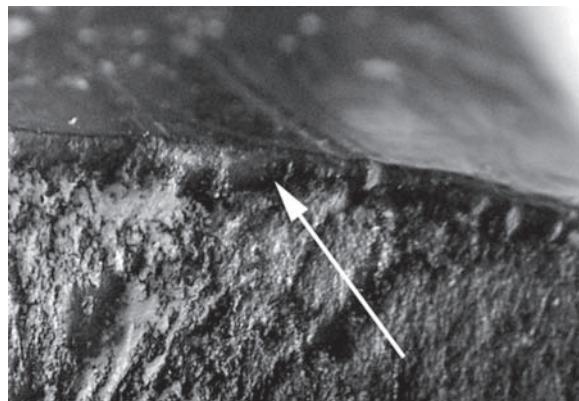

Рис. 25. Следы заглаживания края плоскости разлома.

Рис. 26. Профиль подготовленных для склеивания плоскостей разлома.

Характерные следы тщательной обработки плоскостей разлома для склеивания свидетельствуют о том, что предпринимались неоднократные попытки починить браслет. При склеивании фрагментов каменных или керамических изделий лучше всего соединять плоскости в том виде, в каком они представили после раскалывания. Сопряжение естественных рельефов разлома оптимально при использовании жидкого клея. Если kleящая масса сравнительно густая, то необходима предварительная подготовка склеиваемых поверхностей. Видимо, с этой целью плоскости разлома изделия были зашлифованы попреречно направленными движениями абразива (рис. 23), после чего края плоскостей завальцовываны (рис. 24), а затем заглажены относительно мягким материалом (рис. 25). Можно допустить, что следы заглаживания образовались при использовании обломка браслета в качестве самостоятельного украшения. Однако в таком случае эти следы должны были остаться и на других частях поверхности, а не только на ребрах торца обломка. Косметическая подготовка была выполнена безупречно (рис. 26), но после склеивания

Рис. 27. Фрагмент палеолитического браслета и современный образец.

Рис. 28. Фрагмент палеолитического браслета и современный образец с разъёмом.

изделие уже не могло приобрести необходимую прочность и вскоре браслет опять сломался.

По сравнению с современным неразъемным браслетом внутреннее пространство палеолитического об разца заметно меньше (рис. 27). Продеть руку, даже с очень узкой кистью, в цельный браслет такого диаметра практически невозможно. Скорее всего, палеолитический браслет был разъемным – с прорезью для руки. Палеолитический и современный браслеты такого типа достаточно близки по размерам (рис. 28). Разъем браслета представлял собой, видимо, вырез в изначально кольцевой заготовке. Его края, вероятно, расходились «на конус». Такая форма краев разъема удобна, если браслет относительно небольшого размера и надевался на руку по касательной. Одним из краев разъема являлся, вероятно, ровный, тщательно обработанный торец браслета (см. рис. 20, сечение 2). В ходе трасологического анализа на его поверхности были зафиксированы признаки продольной и поперечной шлифовки, удаления острых краевых кромок, а также интенсивной полировки (рис. 29). О качестве обработки торца свидетельствуют следы движения абразивного инструмента как по короткой, так и по длинной оси плоскости

Рис. 29. Следы полировки на торце браслета.

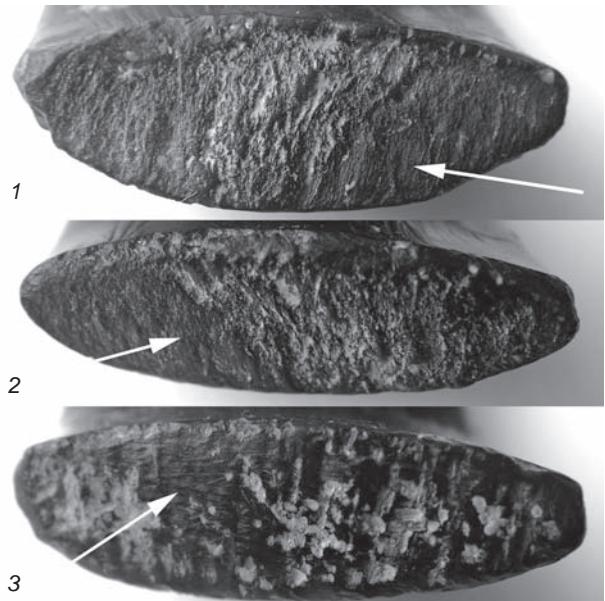

Рис. 30. Следы обработки на плоскостях разлома (1, 2) и на торце (3) браслета.

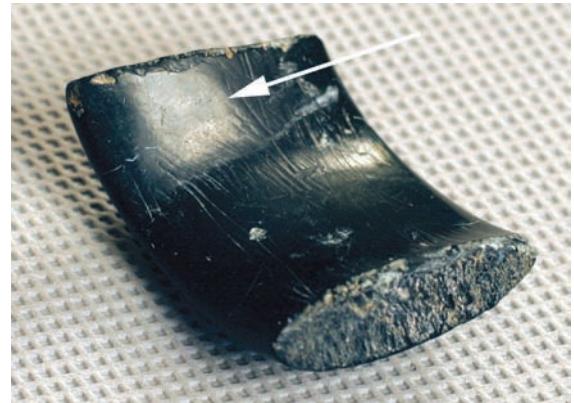

Рис. 31. Следы интенсивного заглаживания внутренней поверхности браслета в зоне разъема.

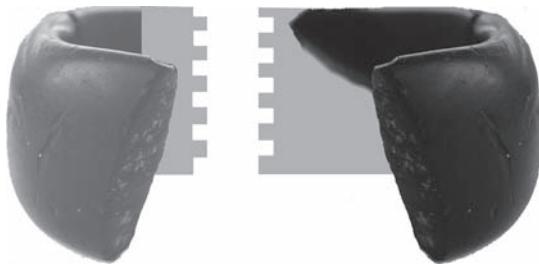

Рис. 32. Предполагаемая форма разъёма браслета.

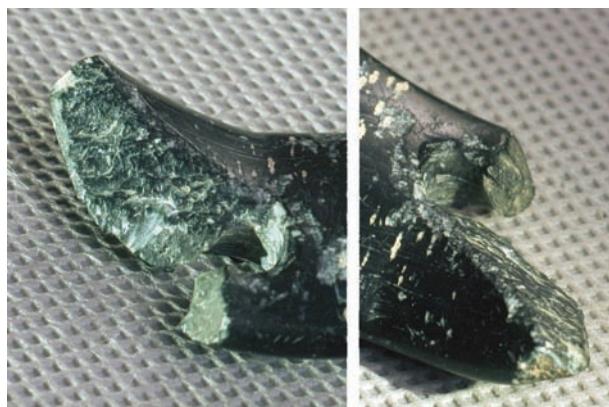

Рис. 33. Форма второго разлома браслета.

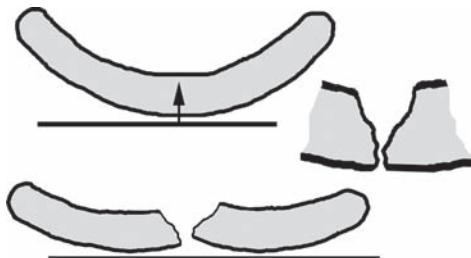

Рис. 34. Схема разлома экспериментального образца при ударе о твердую поверхность.

(рис. 30, 3); при этом на поверхностях склейки отмечены следы только поперечной шлифовки (рис. 30, 1, 2).

Судя по размерам изделия и следам интенсивного за-глаживания на внутренней поверхности в зоне разъема (рис. 31), браслет плотно охватывал запястье руки. Как правило, тусклый блеск поверхности в сочетании с микроскопическими короткими линейными следами образуется от контакта каменных изделий с кожным покровом человека. Локализация и линейные микроцарапины в зоне этой полировки свидетельствуют о характерном направлении движения руки человека по касательной внутрь браслета. Для оптимизации этого действия торцы разъема были целенаправленно скошены (рис. 32). Ширина разъема, если даже запястье руки было достаточно узким, должна была быть не менее 35–45 мм.

Второй, и вероятно последний, раз браслет разломился в результате удара о твердую поверхность (рис. 33). Как следует из сравнения конфигурации разлома браслета с экспериментальными образцами (рис. 34), общая масса изделия была достаточной для того, чтобы оно от подобного удара сломалось. Следы разлома от удара заметно отличаются от следов чрезмерного сжатия или разжатия браслета (см. рис. 22). Восстановить изделие после такого радикального повреждения было уже практически невозможно.

Заключение

Детальное трасологическое и технологическое изучение браслета показало, что при его изготовлении использовались различные приемы обработки камня, в т.ч. традиционно считавшиеся нехарактерными для эпохи палеолита. Применялись шлифовка различными абразивами, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом типа рашипля. Очевиден высокий производственный уровень изготовления браслета – хорошее качество практически всех выполненных операций, тщательность отделки, оригинальность решений возникавших технологических проблем. Изделие демонстрирует развитость трудовых навыков и устойчивую практику подобных работ у обитателей Денисовой пещеры на ранней стадии верхнего палеолита.

В целом процесс изготовления браслета характеризуется сочетанием относительно простых приемов обработки камня и применения достаточно прогрес-

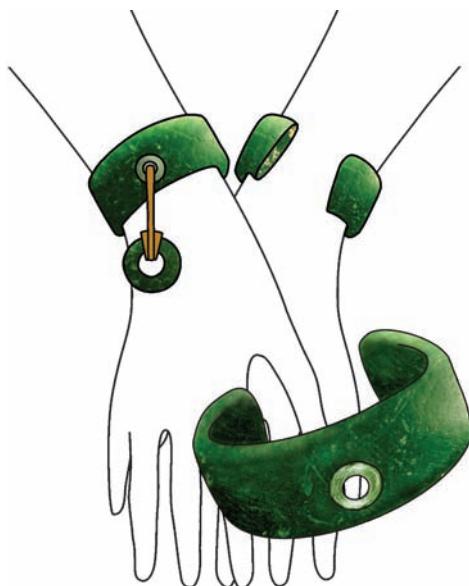

Рис. 35. Реконструкция палеолитического браслета из Денисовой пещеры.

сивных технологий. Учитывая эти признаки и хронологическую позицию находки, можно предположить, что в производстве обитателей пещеры ранней поры верхнего палеолита сложился прообраз ряда технологий, развившихся в более позднее время.

Внешняя поверхность браслета обработана с помощью сравнительно простых приемов шлифовки, без использования циркульного станка, широко распространенного с эпохи неолита [Семенов, 1968, с. 63]. В центральной части заготовки камень выбран расточкой с привлечением абразивного инструмента типа рашпиля. Это достаточно несовершенная и рискованная технология, при применении которой довольно высока вероятность поломки изделия. Позднее для подобных операций использовались резцы неолитических прототипов карусельных станков или широкие сверла.

Согласно общепринятой точке зрения, сверление камня зародилось в эпоху верхнего палеолита, но только в неолите приобрело черты развитой технологии. Важным шагом в этом направлении традиционно считается смена в начале неолита относительно архаичного принципа двуручного сверления более производительным лучковым способом [Там же, с. 62]. При станковом сверлении, в т.ч. с помощью лучкового движителя, отсутствуют следы прецессионного колебания сверла. С помощью такого прогрессивного способа было просверлено отверстие для подвески на браслете из Денисовой пещеры. Это уникальное свидетельство неожиданно раннего использования двустороннего скоростного станкового сверления в начале верхнего палеолита. На всех остальных известных в настоящее время палеолитических изделиях со следами сверления отмечены признаки относительно медленного вращения сверла с большой амплитудой колебания оси вращения.

Реконструкция демонстрирует высокие эстетические качества браслета (рис. 35). При ярком освещении он эффектно отражал солнечные лучи, при свете костра – отливало глубоким темно-зеленым цветом. Браслет вряд ли относился к предметам повседневного использования. Эту хрупкую изящную вещь носили, вероятно, достаточно редко, в особых случаях. Учитывая, что браслет сделан из исключительно редкого для данной территории материала, отличается тщательностью ювелирной отделки, можно сделать вывод о его принадлежности к числу эксклюзивных дорогих украшений, определявших, скорее всего, высокий социальный статус владельца.

Хлоритолитовый браслет занимает, несомненно, особое место в коллекции индивидуальных украшений ранней поры верхнего палеолита из Денисовой пещеры, которая на сегодняшний день является наиболее представительной и древней в палеолите Северной и Центральной Азии.

Благодарности

Авторы выражают признательность Н.А. Кулик за предоставленную информацию и консультации по вопросам геологии Алтая и петрографии каменного сырья, а также Л.В. Мирошниченко за рентгенофазовый анализ исходного материала. Отдельная благодарность А.В. Абдульмановой и Н.М. Шуньковой за подготовку аналитических данных и оформление иллюстративного материала.

Список литературы

- Волков П.В.** Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 191 с.
- Деревянко А.П., Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Геологические факторы развития палеолитических индустрий Северо-Западного Алтая // Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. кн. изд-во, 2000. – С. 143–147.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В., Ульянов В.А., Черников И.С.** Исследования в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1. – С. 100–105.
- Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Каменные украшения эпохи палеолита из Горного Алтая // «Минералогия во всем пространстве сего слова». – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 245–246.
- Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая /** А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
- Семенов С.А.** Первобытная техника. – М.; Л.: Наука, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).
- Семенов С.А.** Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983. – 255 с.
- Шилин Д.М., Иванова В.П.** Хлоритосодержащие породы // Измененные околоврудные породы и их поисковое значение. – М.: Госгеолтехиздат, 1954. – С. 148–195.
- Keeley L.H.** Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. – Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.
- Korobkowa G.F.** Narzedzia w pradziejach.– Torin: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. – 168 p.
- Moss E.H.** The Functional Analysis of Flint Implements – Pincevent and Pont d’Amboin: Two Case Studies from the French Final Paleolithic. – Oxford: BAR, 1983. – 249 p. – (BAR. International Ser.; 177).
- Vaughan P.** Use-wear analysis of flaked stone tools. – Tucson: Univ. of Arizona Press, 1985. – 204 p.

УДК 902.03

В.В. Питулько

*Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: pitulkov@rambler.ru*

ОСНОВНЫЕ СЦЕНАРИИ РАСКОПОЧНЫХ РАБОТ В УСЛОВИЯХ МНОГОЛЕТНЕМЕРЗЛЫХ ОТЛОЖЕНИЙ (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия)*

Освещаются практические аспекты раскопочных работ в криолитозоне. Теоретические вопросы, связанные с особенностями многолетнемерзлых отложений, а также основные понятия рассмотрены автором в статье «Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений», опубликованной в данном журнале в 2007 г. Предлагаемая методика раскопок основана на фундаментальных принципах полевой археологии каменного века. Описываются два основных сценария организации раскопочных работ на памятниках, залегающих в условиях перекрытия мерзлыми отложениями малой и значительной мощности. Отмечается необходимость использования приборов, позволяющих вести высокоточную фиксацию в трехмерном пространстве, насосов для промывки грунта на ситах, а также откачки воды из дренажей и удаления отвалов. Обсуждаются вопросы применения методов форсированной оттайки и основные приемы полевой консервации материала.

Введение

В настоящей работе рассматриваются практические аспекты раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений. Теоретические вопросы и основные понятия, связанные с особенностями таких отложений, обсуждались автором в статье «Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений» [Питулько, 2007].

Вопросы планирования, организации и методики поисков археологических объектов в криолитозоне отличаются спецификой. В пределах криолитозоны такие объекты выявляются в основном визуально,

поскольку закладка шурфов возможна только в сезонно-талом слое (СТС).

Археологические памятники в криолитозоне становятся доступными для обнаружения и изучения, как правило, вследствие действия эрозионных и термоэрозионных процессов или и тех, и других одновременно. Таким образом, каждый памятник является в той или иной степени поврежденным идущими на нем денудационными процессами. Это означает, что при организации раскопочных работ следует учитывать основные параметры этих процессов (прежде всего их направление и темп развития).

Фактически любые раскопочные работы на памятниках в криолитозоне являются спасательными. Проблема состоит в том, что провести исчерпывающие работы на отдельно взятом памятнике чаще всего (например, ввиду ограниченности средств) невозможно. Поэтому в максимально возможном объеме должна быть изучена та его часть, которая будет неизбежно разрушена.

*Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальному и техногенному трансформациям».

Большинству памятников в криолитозоне наибольший ущерб наносит бровковая эрозия рек. Стратегия раскопочных работ предполагает максимально возможное удаление обнажения культурного слоя от береговой линии с последующей его консервацией за счет материала бровки террасы и использования плавникового леса в качестве армирующих элементов. В процессе подконтрольного медленного «отодвигания» эрозионного фронта происходит изучение культурного слоя. Искусственно сформированное препятствие, блокирующее обнажение, окажется промороженным в ближайшую зиму и будет способствовать накоплению рыхлых осадков, поступающих в результате разрушения бровки.

Дальнейшее изучение объекта возможно в режиме мониторинга, который следует проводить раз в два-три года с целью сбора материала и контроля общего состояния памятника. На основе полученных наблюдений в случае необходимости должно приниматься решение о возобновлении работ. Самы работы организуются по двум основным сценариям.

Сценарий № 1. Раскопки памятников, залегающих в условиях малой мощности перекрытия мерзлыми отложениями

Как отмечалось выше, подавляющее большинство археологических памятников в криолитозоне приурочено к голоценовым многолетнемерзлым отложениям в пойме, высокой пойме и верхах первых и вторых речных террас. Во многих случаях глубина залегания культурного слоя не превышает мощности СТС и, следовательно, раскопки такого памятника стратегически и методически ничем не отличаются от раскопок любых других стоянок каменного века. Особенностью является необходимость отвода воды. Этую проблему решают с помощью организации естественного дренажа или закладкой кессона для последующей откачки. Для этих целей, как и для промывки, наиболее удобен низконапорный бензонасос с производительностью до 200 л/мин, технические характеристики которого позволяют прокачивать воду, содержащую механические частицы размерностью до 3–5 мм. Электрические погружные насосы такого класса недостаточно производительны и излишне дороги, предполагают электроснабжение, а значит, дополнительные вложения в оборудование и расход горючесмазочных материалов, поскольку для этих целей будет использоваться бензогенератор.

Рис. 1. Начальный этап работ на площади 3 (зачистка до кровли мерзлых отложений) Жоховской стоянки в 2001 г.

Как вариант данного сценария следует рассматривать проведение раскопок на памятнике, культурный слой (слои) которого находится вне пределов СТС (рис. 1). В этом случае в рамках изучаемой площади удаляются перекрывающие отложения на всю мощность сезонно-тального слоя и обеспечивается дренаж исследуемого участка. После достижения мерзлой поверхности необходимо дать ей протаять (температура оттайки бывает очень высоким и может достигать 10–20 см/сут). Если уровень культурного слоя не достигнут в результате первой проходки оттаявшего горизонта, операцию следует повторить. В ходе работ необходимо обеспечить отвод воды, тщательную фиксацию материала, промывку. Для поддержания высокого темпа работ в подобной ситуации следует иметь возможность вести раскопки на значительной площади, с тем чтобы один участок, вскрытый до мерзлого горизонта (1/3 общей площади раскопа), находился в состоянии начальной стадии прорастания, другой (примерно равный по площади) – дренировался и просыхал после оттайки, а третий – разбирался раскопочным инструментом и зачищался до мерзлого слоя. Такая стратегия раскопок полностью оправдала себя во время исследований Жоховской стоянки в 1989–1990 и 2000–2005 гг. [Питулько, 1998].

Подобным образом следует вести раскопки культурных слоев, расположенных в байджарах – небольших по площади конусообразных возвышениях, образующихся на месте грунтовых столбов в результате деградации полигонально-жильных льдов (ПЖЛ) отложений ледового комплекса, выполняющих борта долин, склоны холмов и, в меньшей степени, водораздельные поверхности. Археологический материал в них субин-

ситный – в краевой зоне байджарах он перемещен вследствие попадания в осыпь. В мерзлом ядре байджараха происходит компрессия слоев, в т.ч. культурного, из-за потери ими части объема в результате протайки. В данном случае высока вероятность перемещения по вертикали материала, используемого для определения радиометрических дат. Кроме того, нарушается оригинальное положение культурного материала в слое. При раскопках такого объекта возрастает значение точной фиксации (в противном случае результат раскопок может оказаться сложным для понимания).

Необходимо подчеркнуть, что проведение раскопок по этому сценарию возможно, как правило, в условиях молодых, слабопроморожденных отложений с невысокой льдистостью (объемным содержанием льда). Он исполним и в случае исследования таких отложений относительно большой мощности (от 2 до 4–5 м), поскольку свойства грунта допускают сохранение вертикальных стенок и даже бровок, потеря 10–15 % объема при вытаивании льда не вызывает немедленных катастрофических последствий. В случае же работы в условиях высокольдистых отложений, в которых лед составляет до 70–80 % объема, его вытаивание исключает сохранение как бровок, так и вертикальности стенок – бровки неизбежно протаивают и полностью растекаются. Поскольку верхняя часть разреза в любом случае протаивает быстрее, в сочетании с водой, мигрирующей по подошве СТС, многократно увеличивается вероятность обвалов и оползней. Бровки раскопа (или его края) при этом достаточно быстро отступают, что происходит в полном соответствии с механизмом термоэрэзионного процесса. Борьба с этими явлениями в определенном смысле определяет специфику сценария № 2.

Сценарий № 2. Раскопки памятников в условиях отложений ледового комплекса

Его реализация наиболее трудоемка, т.к. связана с природой самих объектов, изучение которых возможно только описанным ниже способом. Опыт работ такого рода получен за период исследований Янской стоянки [Pitulko et al., 2004]. Речь идет о памятниках эпохи палеолита, культурные слои которых залегают в многолетнемерзлых сингенетических толщах. Мощность разрезов таких отложений составляет обычно 18–20 м. Культурные остатки, относящиеся к сартанскому криохрону, могут быть встречены в верхней трети разреза. Обнаружить их в северной криолитозоне, как отмечалось, удается очень редко, поскольку большая часть отложений, способных вмещать культурные остатки названного времени, утрачена в ходе активной деградации мерзлоты после 15 тыс. л.н. Этот же процесс, видимо, нанес серьезный урон и более

древним памятникам, относящимся к концу каргинского времени. Отложения, к которым они приурочены, известны в качестве образований ледового комплекса – высокольдистых, с мощными сингенетическими жилами льда, образующими полигональные решетки. Строение таких разрезов часто осложнено позднейшим эпигенетическим промерзанием и наличием различных по происхождению и мощности включений льда, в т.ч. значительных по простиранию.

Культурный слой такого памятника будет обнаружен, скорее всего, на большой глубине, перекрытым балластными отложениями мощностью до 10 м. Исследования слоя представляют собой технически очень сложную задачу. Наиболее вероятно его обнаружение в естественном береговом обнажении, сформированном боковой эрозией реки и термоэрэзионными процессами.

Можно предположить, что поиски культурного слоя потребуют определенного времени. На этом этапе необходимо учитывать изменения в концентрациях вымытого из слоя культурного материала, образующегося на бечевнике шлейфа, пространственное взаиморасположение таких концентраций и высотное распределение материала. Наличие на склоне участков с повышенной насыщенностью культурным материалом может и не быть информативным признаком, поскольку распределение этого материала связано, в частности, с особенностями поверхности склона, формированием различного рода ловушек (например, в межблоковых трещинах). Однако зона находок, находящаяся на максимальной высоте над урезом реки, скорее всего, свидетельствует о близости культурного слоя. Единичные предметы и фрагменты костей могут встречаться и выше – это связано с деформацией слоя вследствие роста ледяных жил и перемещением материала по вертикали вверх.

Отсутствие признаков культурного слоя в верхней части обнажения, наиболее доступной для изучения, не следует рассматривать как свидетельство полного уничтожения памятника эрозионными процессами до полного изучения всей мощности разреза, т.к. обнажение культурного горизонта в коренном залегании на момент осмотра может быть забронировано осыпью, из которой археологический материал поступает на отмели и бечевник.

Отложения склона вне пределов СТС находятся в мерзлом состоянии. Однако это не означает, что археологический материал залегал *in situ*, поскольку является промерзшим вторично. Об этом свидетельствует характерная для данных отложений ячеистая криотектура (вкрапление многочисленных отдельных зерен и кристаллов льда). В основании склона могут быть значительные по площади (20–50 м²) протаявшие или частично протаявшие на месте блоки, содержащие культурные остатки в субинситном состоянии.

Пространственное положение таких фрагментов слоя нисколько не соответствует первичному залеганию и является следствием оползания или катастрофического обрушения участков берега вследствие прорезания рекой глубоких ниш в периоды длительного высокого стояния уровня воды (рис. 2). Если прорезанной насквозь оказывается жила, ориентированная вдоль берега, козырек неизбежно рухнет вместе со всем содержимым и может быть размыт на месте или захоронен в полностью или частично протаявшем состоянии. В пойменные отложения перезахораниваются и единичные предметы, вымытые рекой из культурного слоя. При значительной длительности этого процесса ритмичность возникающих при этом образований может создать иллюзию, что археологический материал залегает *in situ* (при этом вместе с каменными орудиями, не имеющими или почти не имеющими следов окатанности, будут закономерно представлены и фаунистические остатки).

Приступая к раскопочным работам в этих условиях, необходимо иметь в виду специфику отложений, вмещающих культурный горизонт, и учитывать, что объективно существуют и действуют естественные процессы, разрушающие памятник. Соответственно следует учитывать, каким образом раскопочные работы могут отразиться на его дальнейшей судьбе и каким образом эти естественные процессы, особенности строения разреза могут быть обращены на пользу раскопочным работам.

Фактически единственную возможность обнаружить культурный слой такого объекта предоставляет изучение эрозионных фронтов речных или озерных террас и оврагов, закладывающихся по склонам. Выявление слоя с помощью шурfovочных работ исключено, поскольку закладка шурфа глубиной 7–8 м и более в многолетнемерзлых породах ледового комплекса в летнее время неосуществима. Теоретически это возможно зимой (с применением взрывных работ или прожига), однако смысл такой операции невелик – при значительных финансовых вложениях и трудозатратах она принесет не много пользы. Относительно недорогого и эффективного способа разведки площади памятника, обнаруженного визуальным способом по результатам осмотра естественных обнажений, не существует.

Решению проблемы могли бы способствовать геофизические методы. Однако опыт применения методов магнитной и электроразведки в полевых археологических исследованиях в целом весьма незначителен и связан в основном с изучением памят-

Рис. 2. Следы блокового обрушения участка второй террасы в результате прорезания паводковыми водами ниш в ее мерзлом теле на Янской стоянке, скопление Южное, 2006 г.

ников позднейших археологических эпох [Франтов, Пинкевич, 1969]. Кроме того, следует ожидать серьезных проблем при интерпретации данных, полученных с помощью таких методов в криолитозоне. Установить пределы распространения культурного слоя (даже предположительно) на рассматриваемых объектах невозможно. Единственно допустимый и разумный способ ведения работ – боковая зачистка. Она, имея определенные недостатки (главный из них – невозможность видеть и фотографировать горизонтальную зачистку в пределах раскопа, что важно для понимания пространственного соотношения выявляемых при раскопках структур и оценки концентрации материала), позволяет производить надежную и подробную фиксацию материала и элементов строения разреза в трехмерном пространстве, необходимую для проведения полноценного планиграфического анализа находок и реконструкции поверхности горизонта обитания, а также изучения криогенных деформаций культурного слоя. Отображение результатов этих работ в ходе полевой камеральной обработки дает возможность составить полное представление об особенностях пространственного распространения материала в изучаемом горизонте (рис. 3). Таким образом, метод боковой зачистки, применяемый по эрозионному фронту с точной фиксацией материала, является основным при раскопках археологических памятников в криолитозоне. Их мощные балластные перекрытия и культурные слои представляют собой часть отложений ледового комплекса.

Вскрышные работы, которые позволили бы проводить раскопки в горизонтальной плоскости, не исполнимы. В пределах мощности СТС удаление балласта никаких затруднений не вызывает, но это обеспечивает изъятие перекрытия в лучшем случае на 1 м из

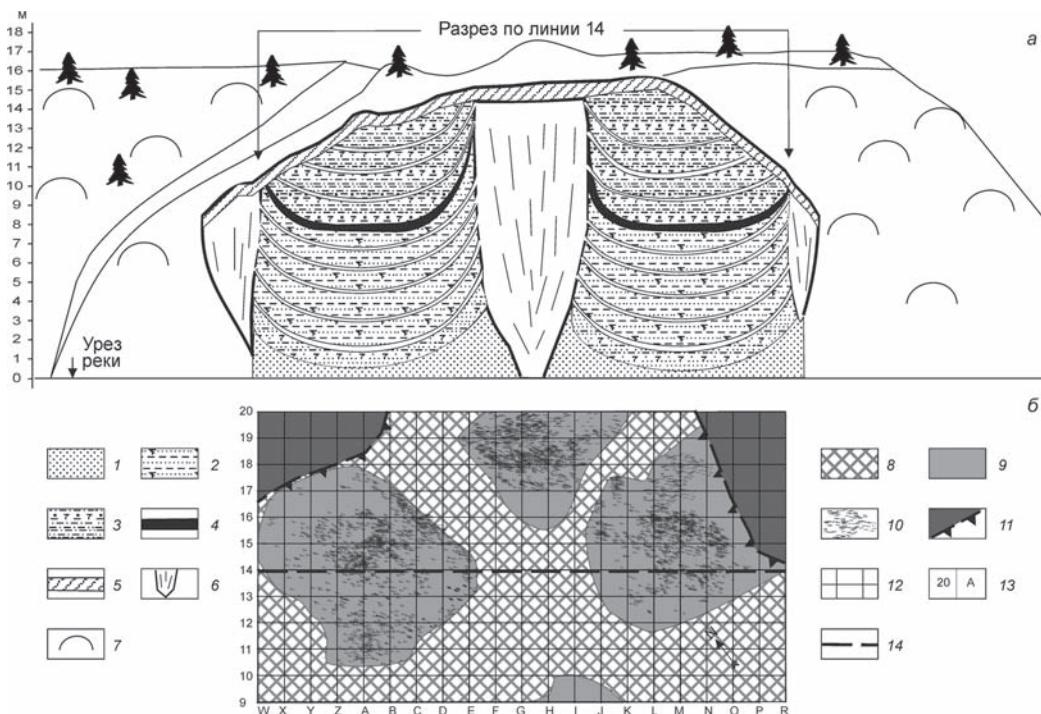

Рис. 3. Схематический разрез (а) и план (б) раскопа на памятнике в условиях отложений ледового комплекса (Янская стоянка, 2004 г.).

1 – тонкозернистый песок; 2 – песчанистый алеврит с тонкими корешками в прижизненном положении; 3 – песчано-глинистый алеврит с корешками; 4 – схематическое местоположение культурного слоя; 5 – сезонно-тальный слой; 6 – сингенетические повторно-жильные льды; 7 – байдарахи; 8 – повторно-жильный лед; 9 – грунтовый столб; 10 – материал культурного слоя; 11 – бровка термоцирка; 12 – линии сетки квадратов с шагом в 1 м; 13 – индексы линий сетки; 14 – линия 14, по которой показан вертикальный стратиграфический профиль.

7–8 м и более. Все остальное находится в мерзлом (многолетнемерзлом) состоянии и оттаивает чрезвычайно медленно. На горизонтальных плоскостях темп оттайки замедляется и не превышает обычно 5–7 см/сут. Удаление 7–8-метровой толщи мерзлого балласта на площади, например, 25 м² может занять примерно полгода, что значительно превышает продолжительность летнего периода в областях северной криолитозоны. Это полтора-два полноценных долгостоящих полевых сезона без научного результата, в течение которых памятник будет продолжать быстро разрушаться по эрозионному фронту. Фактически такая задача не выполнима, поскольку закладка раскопа с поверхности террасы приведет к формированию нового эрозионного пятна, площадь которого будет стремительно увеличиваться. Продукты разрушения бровок, поступающие с бортов, начнут скапливаться на днище и препятствовать оттайке, ценой больших трудозатрат удаляться и поступать вновь. В ходе закладки такого раскопа окажутся неизбежно вскрытые верхние участки некоторого количества мощных ПЖЛ, формирующих полигоны. Большой объем воды, поступающей при их вытаивании, вместе с водой, фильтрующейся по подошве СТС, будет способ-

ствовать формированию оврага (или оврагов), ориентированного соответственно наклону поверхности. Данные обстоятельства лишь усугубят разрушительные для памятника процессы.

По этой причине следует воздерживаться от применения технических средств для организации вскрышных работ. Вариантов здесь немного – взрывные работы, привлечение строительной техники, смыв (последний наиболее прост). Ни один из них не подходит, поскольку такие работы неизбежно охватят значительную территорию памятника, гораздо большую по площади, чем та, на которой возможны исследования. Этими работами неизбежно будет запущен эрозионный процесс, ведущий кратчайшим путем к стремительному уничтожению объекта. Последствия применения таких методов при изучении Берелехского костища описаны Н.К. Верещагиным [1977]. Через четыре года после начала работ объект был почти полностью уничтожен. Удаление даже балластных отложений (не говоря об изучении культурного слоя) с помощью смыва посредством мощной помпы или гидромонитора категорически исключается. Произойдет бесконтрольное расширение вскрытого участка за счет термоэрозии; сброс больших масс теплой

(по отношению к мерзлой толще) воды пройдет через обнажение культурного слоя, что вызовет его расчленение руслами и каналами стока. Культурный слой памятника, вероятно, будет в значительной степени уничтожен или серьезно поврежден, а большая часть материала утрачена.

Возможно ли применение средств механизации труда, в какой мере и для каких целей? Общеизвестно, что земляные работы большого объема очень трудоемки. Поэтому при производстве полевых археологических работ официально признана необходимость использования тяжелой строительной техники, например бульдозера для снятия балластов и удаления отвалов [Положение..., 2007].

Вопрос о снятии балласта рассмотрен выше. Остановимся на методике удаления отвалов. Появление отвалов связано как с зачистками всего фронта обнажения в пределах изучаемого участка (удаление вышележащих по отношению к культурному слою, или балластных, отложений), так и с поступлением в раскоп (или к подножию обнажения) продуктов естественного разрушения его бровок. Эти продукты поступают в значительном количестве и представлены чаще всего селевыми массами с включением блоков дернины, остатками кустарников, деревьев. Удаление таких оползней, а также протаявшего грунта, сброшенного лопатами с фаса обнажения, требует очень больших трудозатрат, поскольку грунт находится в полужидком состоянии, что предопределено высокой льдистостью отложений ледового комплекса. В таких отложениях лед, как отмечалось, составляет 70–80 % объема (иногда более). Это тысячи литров воды, непрерывно поступающей в раскоп. Основным свойством этих масс является их текучесть. Значительно облегчить и ускорить процедуру удаления отвалов можно, используя бензонасос относительно невысокой производительности (до 500 л/мин). Объем воды, подаваемый таким устройством, вполне достаточен для перемещения отвала вниз по склону. Для этого предпочтительно ориентировать каналы стока по руслам рек, которые формируются по вскрывающимся в таких обнажениях повторно-жильным льдам вследствие вытаивания верхних частей жил и фильтрации воды по подошве СТС.

Таким образом, в ходе раскопок памятников каменного века с

культурными слоями, залегающими на значительной глубине в условиях отложений ледового комплекса, следует: 1) в качестве основной стратегии использовать метод боковой зачистки; 2) в пределах раскопа закладывать сеть с шагом 1×1 м; 3) удалять балласт лопатами, опережая разборку слоя и по всему фронту его обнажения в пределах всей мощности, повторяя эту операцию не реже, чем один раз в три-четыре дня (или чаще, в зависимости от наружных температур и темпа оттайки); 4) вести расчистку слоя вручную мастерком, собирая извлекаемый грунт в ведра для последующей промывки; 5) производить промывку с использованием сита с ячейками 2×2 мм низконапорного насоса; 6) фиксировать находки и элементы разреза в трехмерных координатах и фотографически; 7) удалять отвалы и оползни с применением бензонасоса через каналы стока, закладываемые по простираннию ПЖЛ (рис. 4).

Естественная активность эрозионных и термоэрзионных процессов в криолитозоне вообще и в условиях отложений ледового комплекса в частности довольно высока. Это означает, что по берегам рек, озер и водоразделам формируются протяженные участки, в той или иной степени затронутые этими процессами. В ходе полевых работ необходимо вести инструментальную съемку, которая позволит оценить динамику эрозионных процессов, а также получить некоторое представление о сохранности изучаемого объекта в среднесрочной

Рис. 4. Раскоп в условиях отложений ледового комплекса со значительной мощностью перекрытия культурного слоя балластом (Янская стоянка, 2004 г.). 1 – осьпи бровок уровней, лежащих выше культурного слоя; 2 – направление стока воды, образующейся в результате вытаивания жил льда, и направление сноса материалов разрушения бровок; 3 – направление конуса выноса и осьпи, формирующихся естественным путем и за счет удаленного вручную балласта; 4 – границы грунтовых столбов; 5 – границы зоны, в которой возможно безопасное для исследуемого памятника удаление отвалов смытом.

перспективе. Несмотря на активное протекание эрозионных и термоденудационных процессов, рано или поздно наступает момент их затухания.

Может возникнуть впечатление, что археологические раскопки, проводимые на памятниках в криолитозоне, причиняют ей (и памятникам археологии) непоправимый ущерб. Но это не так. При нормальном темпе развития эрозии, который оценивается по движению бровок речных и озерных террас и морских береговых обрывов и составляет 5–6 м в год и более (особенно на морских побережьях), наблюдаемом на многих тысячах километров их протяженности, археологические раскопки не способны внести сколько-нибудь заметный вклад в эти процессы. Кроме того, вся информация, добываясь при раскопках археологического объекта, будет сохранена, а эрозионный фронт – в результате раскопок отодвинут от береговой линии и законсервирован.

Раскопки палеолитических памятников в условиях многолетнемерзлых отложений предполагают применение широкого комплекса естественно-научных методов. Помимо изучения стратиграфии, литологии и хронологии объекта, споры и пыльцы и растительных макроостатков, диатомовых, большое значение имеют исследования остатков грызунов и насекомых как индикаторов климатических изменений. Современные методы изучения включают также анализ ДНК, в т.ч. рассеянных фрагментов ДНК растений и животных (возможно, и человека), сохранившихся в мерзлом грунте. Нет необходимости говорить о том, что каждый из образцов должен быть зафиксирован в единой координатной сети в соответствии с элементом разреза, из которого отобран. Наличие этой информации впоследствии серьезно облегчает понимание полученных результатов. Это особенно важно для анализа мерзлых отложений, поскольку в теплые периоды они подвержены разрушению, в них формируются вложения, вносится омолаживающий материал и т.д. Тщательная фиксация, дополняющая внимательное изучение разреза, позволяет избежать многих сложностей.

Необходимо помнить, что для производства работ по сценарию № 2, помимо топогеодезического и фотографического оборудования, раскопочного инструмента, насосов и сит, потребуются также инструменты и материалы для организации рабочих помостов и переходов, а для полевой камеральной обработки данных съемки – портативный компьютер и генератор для решения проблем электроснабжения. Это минимально необходимый набор оборудования, который дополняется обычным инструментом (лопаты, топоры, кувалды, металлические штыри) и, в случае надобности, альпинистским снаряжением. Работы, проводимые на таких памятниках в криолитозоне, – технически и организационно сложная задача, решаемая к тому же в обстановке повышенной опасности, поскольку ра-

боты производятся в условиях, идеальных для скольжения либо по колено в грязи. При их выполнении требуется проявлять особое внимание к соблюдению мер безопасности.

Форсированная оттайка, основные приемы полевой консервации материала и подготовка его к транспортировке

Об оттайке в целом говорилось выше и тогда же было отмечено, что ее форсированные способы по ряду причин нежелательны. Тем не менее в отдельных случаях невозможно избежать применения форсированных методов (например, при вынужденном ускоренном извлечении какого-либо предмета при опасении за его судьбу или сохранность). Если возникает подобная ситуация, то наиболее безвредным, щадящим способом является увлажнение окружающего грунта из обычной резиновой груши и удаление оттаивающих частиц грунта острым инструментом наподобие толстого шила. Категорически недопустимо применение горячей воды. Вода должна иметь температуру, близкую к температуре слоя.

В случае, если предмет из кости, бивня или дерева больших размеров и вследствие этого не может быть извлечен быстро, необходимо изолировать его расчищенную часть от окружающей среды для того, чтобы избежать неравномерного просыхания. Целесообразно накладывать на такие находки бандажи из мекалентной бумаги, препятствующие образованию и расширению трещин, а также способствующие медленной сушке.

Сушка археологических предметов, извлеченных при раскопках в условиях криолитозоны, должна осуществляться при температурах, максимально близких условиям залегания. Данную процедуру следует проводить в тени, в противном случае происходит обесцвечивание материала. Предпочтительным способом является сушка в помещении. Этот процесс проходит медленно, требует обеспечения циркуляции воздуха. В помещении с этой задачей справляется бытовой вентилятор. Высушенные предметы из органических материалов можно упаковывать в бумагу или полиэтиленовые пакеты с замком, в которых необходимо сделать отверстия. Длительное хранение упакованного материала в герметичных ящиках нежелательно, поскольку это неизбежно приведет к загниванию; подготовленные к транспортировке ящики с материалом следует закрывать в последний момент. При хранении в картоне в коробках необходимо сделать вентиляционные отверстия. Идеальными для полевого хранения и транспортировки материала, в т.ч. фаунистической коллекции, являются полиэтиленовые вентилируемые ящики.

Предметы, находящиеся в плохом состоянии и требующие квалифицированной реставраторской помощи, необходимо упаковывать с особой осторожностью, накладывая бандажи из бинта или мекалентной бумаги, пропитанной этанолом. Подготовленную таким образом находку следует поместить в просторную вентилируемую упаковку (двойной полиэтиленовый пакет с замком) и периодически «освежать» спиртовую пропитку. Не рекомендуется самим пытаться склеивать или пропитывать предмет, поскольку это может иметь нежелательные последствия для него, а также создать проблемы для реставратора.

Заключение

Рассмотренные выше основные сценарии раскопок археологических памятников в криолитозоне очертили набор технологических приемов и операций, адекватных особенностям многолетнемерзлых отложений, вмещающих и перекрывающих культурные остатки. Применение этих технологий обеспечивает эффективность и достоверность полевых работ, а также позволяет производить спасательные (форсированные) исследования для создания информационных копий местообитаний древнего человека.

Основное значение при выборе конкретной технологии раскопок имеют дисперсность, льдистость и мощность мерзлого покровного комплекса, экспозиция исследуемого участка и современное состояние поверхности, включая ее наклон, мощность сезонноталого слоя, наличие эрозионных форм рельефа.

Наибольшую сложность вызывает изучение плейстоценовых объектов с мощным перекрытием балластными отложениями. Опыт работ на р. Яне вполне убеждает в этом [Pitulko et al., 2004]. Основной стратегией изучения таких объектов является метод боковой зачистки.

Обязательным условием раскопочных работ в криолитозоне является наличие приборов, позволяющих вести высокоточную фиксацию в трехмерном пространстве, насосов для промывки грунта на ситах, откачки воды из дренажей и удаления отвалов, а также бурового оборудования и материалов для строительства помостов. Результаты определения координат дают возможность впоследствии провести полноценный планиграфический анализ и реконструкцию поверхности культурного слоя.

Метод боковой зачистки вполне оправдывает себя при работах на однослойных памятниках, однако для раскопок многослойных стоянок, особенно в условиях отложений ледового комплекса, он может использоваться с ограничениями. Оыта подобных работ на

настоящий момент не имеется, как и самих объектов такого рода, что, впрочем, не исключает возможности проведения таких исследований в перспективе.

Изучение голоценовых геоархеологических объектов, в т.ч. многослойных, представляется менее сложным. В отличие от плейстоценовых, на таких стоянках доступна организация работ на широкой площади с возможностью работы на горизонтальных плоскостях. При проведении работ не следует стремиться к применению форсированной оттайки, поскольку ее последствия трудно предвидеть и преодолеть.

Все вскрышные работы на памятниках, расположенных в условиях многолетнемерзлых пород, следует производить вручную по мере оттайки. Для перемещения отвалов возможно применение различных строительных механизмов, в т.ч. насосов. Вскрышные работы, а тем более изучение самого культурного слоя способом размыва абсолютно исключены, поскольку оказывают разрушительное воздействие на изучаемый объект.

Успех раскопок в условиях многолетнемерзлых отложений целиком зависит от степени подготовленности мероприятия, технического оснащения, знания свойств многолетнемерзлых пород и особенностей их строения в районе памятника. Руководителю раскопочных работ, осуществляемых в условиях многолетнемерзлых пород, понадобится также большой запас терпения и изобретательности, поскольку этот процесс – творческий.

Список литературы

- Верещагин Н.К.** Берелехское «кладбище» мамонтов // Тр. ЗИН. – 1977. – Т. 72. – С. 5–50.
Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 189 с.
Питулько В. В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 29–38.
Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. – М.: ИА РАН, 2007. – 35 с.
Франтов Г.С., Пинкевич А.А. Геофизика в археологии. – Л.: Недра, 1969. – 212 с.
Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – Vol. 303 (5654). – P. 52–56.

УДК 569

С.К. Васильев

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

БИЗОНЫ (*Bison p. priscus* Bojanus, 1827) ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА ЮГО-ВОСТОКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

В фаунистических комплексах позднего плейстоцена на юго-востоке Западной Сибири первобытный бизон (*Bison p. priscus*) был одним из наиболее массово представленных видов мегафауны. С конца казанцевского времени (ок. 100–90 тыс. л.н.) отмечено направленное уменьшение размеров его тела, достигших своего минимума на завершающем этапе каргинского интерстадиала (ок. 30 тыс. л.н.). Сартанское похолодание вновь дало резкий толчок к увеличению размеров *Bison p. priscus*. В отличие от Европы и Восточной Сибири, на юге Западной Сибири размеры тела и черепа бизонов в течение позднего плейстоцена практически не изменились. Эта консервативность объясняется, очевидно, относительной стабильностью природно-климатической обстановки, наличием здесь благоприятных для существования вида степных и лесостепных пространств с богатыми кормовыми ресурсами и малой глубиной снежного покрова.

Введение

В фаунистических комплексах, последовательно сменивших друг друга на юге Западной Сибири на протяжении плейстоцена, первобытный бизон, наряду с лошадью, являлся наиболее массово представленным, фоновым видом. На отдельных этапах среднего и позднего плейстоцена доля костей бизона в аллювиальных тафоценозах могла составлять до половины всех остатков крупных млекопитающих. Несмотря на это, данный вид на территории Западной Сибири оставался до сих пор сравнительно слабо изученным в морфометрическом и эволюционном аспектах. Хранящиеся в различных музеях городов Западной Сибири черепа бизонов (как правило, без достоверной геологической привязки) описаны и упомянуты в целом ряде работ [Громова, 1935; Флеров, 1977, 1979;

Алексеева Э.В., 1980]. В монографии Э.В. Алексеевой [1980], кроме того, были использованы промеры нескольких сотен костей посткраниального скелета бизона, собранных ею в основном на песчано-галечной косе у Красного Яра Томской обл. Возраст этого подъемного материала предположительно оценивался автором в пределах среднего – позднего плейстоцена [Там же]. И.В. Форонова [2001], напротив, имела дело в основном со стратифицированными находками из плейстоценовых отложений Кузнецкой котловины. Однако общий объем собранной ею коллекции остатков *Bison priscus* сравнительно невелик, из-за чего, по-видимому, она была описана весьма лаконично, без указания в таблицах промеров средних значений (как и у Э.В. Алексеевой) и количества экземпляров костей. За последние десятилетия благодаря изучению на юге Сибири палеолитических, прежде всего пещерных, местонахождений накопился довольно значительный материал по первобытному бизону. В силу специфики формирования пещерных тафоценозов он представлен преимущественно эле-

*Исследование выполнено при финансовом содействии РФФИ (проект № 06-04-49232) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-6568.2006.6).

ментами дистальных отделов конечностей: фалангами, костями запястья и заплюсны, реже целыми метаподиями. Между тем именно по этим остаткам бизона (с которыми прежде всего и имеют дело палеозоологи) практически полностью отсутствуют опубликованные сравнительные данные.

Главное препятствие, возникающее при изучении остатков первобытного бизона, – свойственный представителям рода *Bison* огромный диапазон индивидуально-половой изменчивости. До настоящего времени он оставался слабоизученным, в особенности это касается ископаемых форм. Зачастую даже в пределах небольшой выборки одноименных элементов скелета *Bison priscus* наблюдаются такие крайние варианты изменчивости, которые заставляют палеотериологов задуматься об их отнесении к различным таксономическим или хронологическим формам [Алексеева Э.В., 1980; Форонова, 2001].

В предлагаемой статье на основе большого стратифицированного материала рассматриваются изменчивость и эволюционное развитие *Bison p. priscus* на юго-востоке Западной Сибири в течение позднего (от части среднего) плейстоцена.

Обзор местонахождений

Материалы для исследования были собраны автором на трех крупных местонахождениях позднеплейстоценовой фауны в Верхнем Приобье. Данные местонахождения весьма удачно взаимодополняют друг друга, хронологически охватывая все главные этапы позднего плейстоцена, что позволяет проследить основные тенденции в эволюционном развитии *Bison p. priscus* этого времени на юго-востоке Западной Сибири.

Местонахождение Красный Яр расположено на правом берегу Оби, в 17 км ниже г. Новосибирска. В разрезе третьей эрозионно-аккумулятивной террасы здесь вскрываются два основных костеносных горизонта: синевато-серые пойменные суглинки слоя 4 в средней части обнажения, относящиеся к заключительному отрезку каргинского интерстадиала, и уходящие под урез воды диагонально-слоистые пески слоя 6 в основании разреза, датируемые финалом казанцевского межледникова [Волков, Архипов, 1978; Панычев, 1979; Васильев, 2002, 2005]. С 1978 г. автором здесь было собрано 2 703 костных остатка, относящихся к казанцевскому времени, и 719 – к каргинскому (табл. 1). В русловых диагонально-слоистых песках слоя 6 встречаются все элементы скелета – от мелких костей запястья и заплюсны до целых осевых черепов бизонов, шерстистых носорогов и мамонтов. В тафоценозе этого слоя доминируют остатки *Bison p. priscus* (48,1 %), *Equus ex. gr. gallicus* из каргинского (ок. 30 тыс. л.н. по ^{14}C) слоя 4 Красного Яра [Васильев, 2004, 2005]. Таким образом, верхняя возрастная граница основного костеносного горизонта Тарадановского Яра, вероятнее всего, превышает 40–45 тыс. лет, а нижняя не опускается ниже 90–100 тыс. лет. Из песков, лежащих на несколько метров выше костеносного слоя, на урезе воды, были получены спорово-пыльцевые спектры, свидетельствующие о существовании лесо-

Кости оленей – гигантского, благородного и лося – в сумме составляют 17 %. В конце казанцевского межледникова, ок. 100–90 тыс. л.н., на территории Новосибирского Приобья получили развитие лесостепные ландшафты. В широких речных долинах произрастили еловые леса с примесью лиственницы, кедра и высокоствольной бересклети. Климат существенно не отличался от современного и был лишь несколько более сухим и прохладным [Волков, Архипов, 1978; Панычев, 1979]. Преобладание в 6-м слое костей бизона и лошади, а также заметно укороченные, по сравнению с современными, метаподии волка и лося свидетельствуют об относительной малоснежности зим рисс-вюромской эпохи.

Вторую половину ермаковского либо первую половину каргинского времени освещают материалы грандиозного по масштабам Тарадановского местонахождения, расположенного на р. Оби ниже с. Тараданова (Сузунский р-н Новосибирской обл.). Основной костеносный горизонт Тарадановского Яра, откуда происходит 99 % всех костных остатков, находится на несколько метров ниже меженного уреза воды и размывается рекой непосредственно. В весенне-летнее половодье отмытый материал выносится на обширную песчано-галечную костеносную отмель, расположенную в нижней по течению части яра. Гидродинамические условия на данном участке реки таковы, что до пляжа доносятся и отлагаются преимущественно костные остатки мелкого и среднего размерного класса – многочисленные фаланги, метаподии, астрагалы, кости запястья и заплюсны крупных копытных. Среди костей бизона совершенно отсутствуют роговые стержни, нижние челюсти и изолированные зубы, зато встречаются целые лопатки, вынесенные на пляж благодаря своей «парусности». Из крупных костей конечностей найдено 11 целых лучевых и берцовых (преимущественно самок бизона), одна целая бедренная и единственная дистальная половина плечевой кости. За сезоны 2003–2005 гг. здесь было собрано 3 085 костных остатков 20 видов крупных млекопитающих (табл. 1). По костям с пляжа получено 18 радиоуглеродных дат: 13 – в пределах ≥ 45 –40 тыс. л.н., 5 – в интервале 35–26 тыс. л.н. [Васильев, Орлова, 2006]. Графические построения по средним пропорциям более чем 180 пястных и плюсневых костей лошади из Тараданова показали ее полное тождество с *Equus ex. gr. gallicus* из каргинского (ок. 30 тыс. л.н. по ^{14}C) слоя 4 Красного Яра [Васильев, 2004, 2005]. Таким образом, верхняя возрастная граница основного костеносного горизонта Тарадановского Яра, вероятнее всего, превышает 40–45 тыс. лет, а нижняя не опускается ниже 90–100 тыс. лет. Из песков, лежащих на несколько метров выше костеносного слоя, на урезе воды, были получены спорово-пыльцевые спектры, свидетельствующие о существовании лесо-

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих на позднеплейстоценовых местонахождениях Верхнего Приобья

Таксон	Красный Яр, слой 6 (R-W)		Тараданово (W-1-2)		Красный Яр, слой 4 (W-2)		Р. Орда (W-3)	
	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%	Кол-во костей	%
<i>Lepus</i> sp.	2	0,07	—	—	1	0,14	—	—
<i>Marmota</i> sp.	1	0,04	—	—	—	—	—	—
<i>Castor fiber</i> L.	12	0,44	3	0,10	—	—	1	0,40
<i>Canis lupus</i> L.	9	0,33	4	0,13	1	0,14	—	—
<i>Canis</i> sp.	5	0,19	—	—	—	—	—	—
<i>Ursus arctos</i> L.	10	0,37	6	0,20	2	0,28	1	0,40
<i>U. (Spelaearctos) rossicus</i> Borissiak	7	0,26	12	0,39	—	—	—	—
<i>Gulo gulo</i> L.	1	0,04	—	—	—	—	—	—
<i>Meles meles</i> L.	1	0,04	—	—	—	—	—	—
<i>Crocuta spelaea</i> Goldfuss.	1	0,04	2	0,06	—	—	—	—
<i>Panthera spelaea</i> Goldfuss.	11	0,41	23	0,75	6	0,83	—	—
<i>Mammuthus primigenius</i> Blum.	131	4,85	22	0,71	9	1,25	32	12,9
<i>Equus ex. gr. gallicus</i> Prat.	531	19,7	1 210	39,3	446	62,0	105	42,2
<i>Equus</i> (<i>Equus</i>) sp.	—	—	1	0,03	1	0,14	—	—
<i>Equus ex. gr. hydruntinus</i> Regalia	12	0,44	46	1,49	—	—	—	—
<i>Equus cf. hemionus</i> Pallas.	—	—	—	—	1	0,14	—	—
<i>Coelodonta antiquitatis</i> Blum.	197	7,29	231	7,50	77	10,7	30	12,1
<i>Megaloceros giganteus</i> Blum.	187	6,92	92	2,29	—	—	—	—
<i>Cervus elaphus</i> L.	128	4,74	138	4,48	24	3,34	2	0,80
<i>Alces</i> cf. <i>alces</i> L.	144	5,33	57	1,85	21	2,92	2	0,80
<i>Rangifer tarandus</i> L.	—	—	1	0,03	12	1,67	2	0,80
<i>Bison priscus</i> Bojanus	1 300	48,1	1 201	39,0	115	16,0	72	28,9
<i>Saiga borealis</i> Tscherskii	3	0,11	11	0,36	3	0,42	2	0,80
<i>Ovis ammon</i> L.	—	—	2	0,06	—	—	—	—
<i>Bovini</i> gen. indet. (крупная форма)	1	0,04	1	0,03	—	—	—	—
<i>Bovini</i> gen. indet. (<i>Soergelia</i> sp.?)	—	—	20	0,65	—	—	—	—
Всего костных остатков	2 703	100	3 083	100	719	100	249	100

степных ландшафтов с участием сосново-березовых и еловых лесов [Панычев, 1979]. В фаунистических материалах преобладают кости лошади (39,3 %), бизона (39 %), шерстистого носорога (7,5 %); присутствуют остатки плейстоценового осла, сайгака, архара, а также оленей (9,6 %). Состав фауны позволяет реконструировать для этого времени ландшафты мезофитных степей или разреженной лесостепи.

Материалы из 4-го слоя Красного Яра свидетельствуют о том, что в конце каргинского интерстадиала (ок. 30 тыс. л.н.) соотношение бизона и лошади изменилось на обратное: 62 % остатков здесь принадлежит лошади, а бизон отодвигается на второй план (16 %). Количество костей оленей сокращает-

ся до 7,9 %. Единичность костных остатков сайгака и кулана, при абсолютном преобладании костей сравнительно широкопалой *Equus ex. gr. gallicus*, указывает, вероятно, на относительно мягкие, увлажненные грунты мезофитной степи. Климат приближался к современному, но отличался значительно меньшей мощностью снежного покрова.

Местонахождение на р. Орде, относящееся к финалу сартанского времени [Васильев, Николаев, Петрин, 1995], расположено между селами Рогалёво и Усть-Луковка Ордынского р-на Новосибирской обл. По костям, собранным в русле реки (в 1994 и 2006 гг.), получена серия радиоуглеродных дат – приблизительно от 14–13 до 21–19 тыс. л.н.

Здесь также остатков лошади (42,2 %) больше, чем бизона (28,9 %); весьма многочисленны кости шерстистого носорога (12,1 %) и мамонта (12,9 %). На долю оленей – благородного, северного и лося – в сумме приходится 2,4 % (табл. 1). Необычайная укороченность и массивность метаподий бизона и лошади свидетельствуют о существенном уменьшении мощности снежного покрова в это время, когда на юге Западной Сибири получили развитие ландшафты холодных и малоснежных перегляциальных степей [Архипов, Волкова, 1994].

Материал и методика

В общей сложности было исследовано почти 2,7 тыс. костных остатков *Bison p. priscus*, в т.ч. 1 300 – из казанцевского слоя б Красного Яра, 115 – из каргинского слоя 4 этого местонахождения, 1 200 – из Тараданова (W-1–2), 72 – из сартанских отложений р. Орды. Весь материал, за исключением особо оговоренных случаев, хранится в ИАЭТ СО РАН. Для сравнения привлекались коллекции пястных костей бизонов (132 экз.) из Куртака (Красноярское водохранилище) и с р. Чумыш Алтайского края.

При обработке и анализе пястных костей бизона использовалась несколько дополненная методика В. Айзенманн [Eisenmann, 1979; Eisenmann, Beckouche, 1986], применявшаяся ею при изучении и описании метаподий лошадей. Основа промеров черепов бизона была заимствована, с рядом сокращений, из работ В.И. Громовой [1935] и Б.С. Русанова [1975]. Измерения посткраниальных элементов скелета производились главным образом по методике, предложенной А. Дриш [Driesch, 1976]. Для костей запястья и заплюсны был введен ряд дополнительных промеров. Длина carpi radiale, с. intermedium, tarsale IV, ширина с. ulnare, carpi 2+3, carpi 4+5 измерялись в проекции на сагиттальную линию тела. Измерения производились штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Ряд трудных, «плавающих» промеров, как, например, поперечник верхнего конца плечевой или большой берцовой кости, осуществлялся при помощи специальной измерительной линейки. Поперечники дистального отдела 1-й и 2-й фаланг, высота carpi ulnare также измерялись линейкой с фиксацией на три точки.

Автор придерживается концепции К.К. Флерова [1977, 1979], предложившего считать выделенного В.И. Громовой [1935] *Bison priscus longicornis* тождественным типичной расе *B. p. priscus*, обитавшей на территории Европы и Западной Сибири, и *B. p. crassicornis*, занимавшему пространство к востоку от Енисея. Во второй половине позднего плейстоцена эти временные подвиды в процессе эволю-

ционного развития сменяются: в Европе и Западной Сибири на *B. p. mediator*, в Восточной Сибири на *B. p. occidentalis* [Флеров, 1977, 1979].

Описание и сравнение

Череп (Cranium). В.И. Громова [1935], изучавшая коллекции черепов *Bison priscus* из различных регионов Советского Союза, отмечала, что окончательное решение вопроса об индивидуально-половой изменчивости плейстоценового зубра следует ожидать от больших, геологически однородных серий черепов из одного местонахождения. С этой точки зрения коллекция краинальных остатков бизона из Красного Яра является идеальным объектом для исследования. В отложениях казанцевского слоя здесь было собрано 19 лобно-затылочных частей черепа со стержнями и 19 роговых стержней с прилегающей частью черепа. Целиком сохранился единственный осевой череп самца (находится в частной коллекции), а у одного черепа самки отсутствуют лишь intermaxillaria. Из каргинского слоя Красного Яра пока известен только единственный фрагмент черепа самки бизона. Из-под Тарадановского яра сетью был вытащен целый осевой череп самца (находится в частной коллекции). С р. Орды происходят семь краинальных остатков самцов бизона (хранятся в коллекции Ордынского краеведческого музея).

В русловом аллювии б-го слоя Красного Яра найдены черепа, принадлежащие, без сомнения, крупным самцам, с длиной рогового стержня вдоль большой кривизны до 595 мм и наименьшей шириной черепа за орбитами до 335 мм. Здесь же *in situ* были обнаружены два черепа старых, судя по стертости зубов, самок (рис. 1, 2) с наименьшей шириной лба 242–249 мм при длине стержня вдоль большой кривизны до 293 мм (№ 3188). Левый роговой стержень второго черепа (№ 3263) имеет длину по большой кривизне 215 мм, а правый – всего 170 мм. Степень сохранности всего перечисленного материала и условия его залегания (обнаружения) не оставляют сомнений в синхронности находок слою 6.

Возможен ли столь большой размах полового диморфизма в размерах черепа *Bison priscus*? Сравнение диапазона индивидуально-половой изменчивости в размерах черепа ископаемого бизона и современных представителей рода *Bison* [Громова, 1935; Бурчак-Абрамович, Наниев, 1954; Немцов и др., 2003] показало, что по большинству основных признаков он находится в пределах такового у современного зубра, т.е. не превышает уровня внутрипопуляционной изменчивости. Более существенные различия наблюдаются в размерах роговых стержней: у самок рисс-вюрмского бизона по сравнению с сам-

Рис. 1. Череп самки (№ 3263) *Bison p. priscus* Boj.
а – вид сверху, б – вид сзади.

Рис. 2. Череп самки (№ 3188) *Bison p. priscus* Boj.
а – вид сверху, б – вид сзади.

циами они относительно меньше, чем в современной популяции зубров. Сильнее у ископаемого бизона была выражена индивидуальная изменчивость рогов. Так, если по средним значениям основных промеров (табл. 2, № 5–8) размеры черепов самок *Bison bonansus* (по данным [Немцев и др., 2003]) составляют от размеров черепов самцов 82,8 %, то для черепов *B. p. priscus* из 6-го слоя Красного Яра этот показатель равен 80,1 %; по промерам же роговых стержней (табл. 2, № 11–16) – лишь 70 и 56,1 % соответственно.

Анализ работ, в которых содержатся данные измерений серии черепов *Bison priscus* [Громова, 1935; Русанов, 1975; Алексеева Э.В., 1980; Форонова, 2001; и др.], приводит к заключению, что основу изученных авторами коллекций составляли почти исключительно черепа самцов. Чем же вызвана подобная диспропорция? В русловом аллювии (откуда и происходит большинство черепов бизонов, составляющих музейные коллекции), как правило, преобладают остатки самцов бизона. Пример 6-го слоя Красного Яра показал, что, судя по пястным костям (где разделение по признаку пола может быть проведено более-менее уверенно), остатки самок бизона в русловом аллювии составляют менее трети – 31,9 %. Это связано, быть может, с какими-то этологическими особенностями *Bison priscus*. Фрагменты черепов самок бизона в русловом аллювии встречаются еще реже: 9 из 38 (23,7 %). Найденный *in situ* наиболее полный череп старой самки (№ 3188) был замыт в свое время в русловых отложениях до того, как соединительная ткань черепных швов полностью разложилась, однако он распался на части, едва только был освобожден от породы. Второй череп старой самки (№ 3263), по-видимому близкий к предыдущему по сохранности, на момент его обнаружения, к сожалению, уже был размыт водой. От него удалось найти лобные кости с роговыми стержнями и левую верхнюю челость с прилегающей нижней частью глазной орбиты.

У самок бизона черепа гораздо менее массивны и прочны, чем у самцов, с более рыхлыми и менее компактными роговыми стержнями [Громова, 1935; Флеров, 1979]. Срастание швов мозгового черепа у самок происходит лишь после окончания

*Примечательно, что в пойменных отложениях 4-го слоя на семь пястных костей самок бизона приходится лишь четыре (43 %) метакарпа самца. На пляже ниже Тардановского Яра, куда из-за гидродинамических особенностей выносились в первую очередь более легкие кости самок, на 29 пястных костей самок приходится лишь 11 (37,9 %) метакарпов самцов.

Таблица 2. Размеры черепов *Bison priscus*

Промеры (мм) и индексы (%)	<i>Bison p. priscus</i>										<i>B. p. crassicornis</i> , Якутия, R-W ♂ [Русанов, 1975]					
	Красный Яр, R-W						Тара- да- ново, W-1-2 ♂	Р. Орда, W-3 ♂								
	♀		♂		n	lim	M									
	n	lim	M	n	lim	M		n	lim	M	n	lim	M			
1. Срединная длина лба	1	—	257,0	10	275–326	293,9	305	—	—	—	14	271–316	291,5			
2. Заглазничная длина лба	1	—	206,0	13	222–284	242,9	263	1	—	249,0	14	229–265	249,5			
3. Предстержневая длина лба	1	—	162,0	15	182–227	197,5	212	4	198–223	208,5	14	175–217	194,0			
4. Боковая длина лба	5	158–175,5	167,3	22	169–222	199,0	193	2	186–191	188,7	14	178–224	193,9			
5. Ширина в орбитах, max	3	301–330	312,0	15	328–390	358,0	333	1	—	353,0	14	336–401	360,1			
6. Наименьшая ширина лба	5	242–273	251,8	18	286–335	310,3	268	5	294–334	315,4	14	274–335	301,0			
7. Ширина лба между стержнями	6	245–290	261,7	18	276–402	354,8	288	5	304–390	351,0	14	273–389	348,1			
8. Ширина темени	1	—	150,0	14	175–219	195,4	183	2	203–205	204,0	—	—	—			
9. Ширина затылка, max	1	—	243,0	13	269–313	291,8	279	2	279,5–290	284,8	12	276–326	297,8			
10. Высота затылка, max	1	—	145,0	14	151–175	164,7	166	2	162–179,5	170,8	14	135–167	149,8			
11. Обхват стебелька стержня	10	180–247	212,8	33	268–362	333,3	342	5	312–366	343,2	14	281–355	325,4			
12. Обхват основания стержня	11	180–246	208,3	33	278–395	345,2	336	5	323–399	359,0	14	310–408	367,2			
13. Лобный поперечник стержня	11	58–83	67,2	34	98,5–140	118,1	114	7	109–135,6	120,5	14	105–145	125,4			
14. Перпендикулярный к нему поперечник	11	55–77	65,7	34	83,5–120	104,5	104	7	100–118,3	108,8	14	97–134	114,9			
15. Прямая длина стержня	8	165–252	204,4	27	290–475	372,6	461	3	384–427	404,3	14	259–460	355,3			
16. Длина стержня вдоль большой кривизны	8	170–293	240,0	27	355–595	506,5	553	3	494–595	552,3	14	401–546	464,7			
17. Расстояние между вершинами стержней	5	530–735	614,0	14	800–1 350	983,2	1 120	3	986–1 150	1 044	12	737–1 458	1 002			
18. Расстояние вершин стержней ото лба	1	—	105,0	13	50–230	163,8	150	3	24–267	169,3	14	–50–226	115,9			
19. Угол расхождения стержней (град.)	6	53–77	65,3	18	58–82	67,9	67,5	5	72–74	73,2	14	62–73	69,6			
15 : 16. Индекс загиба стержня	8	67,3–97,1	85,2	27	64,1–81,9	73,6	83,4	3	67,6–77,7	73,2	14	64,6–89,7	76,5			
12 : 16. Индекс массивности стержня	8	73,1–109,4	86,8	25	60,4–79,3	68,2	60,8	3	64,9–70,3	65,0	14	67,8–91,6	79,0			
14 : 13. Индекс уплощенности стержня	11	87,8–105,5	97,8	33	77,5–100,5	88,6	91,2	7	86,2–93,3	90,3	14	80,2–99,2	91,6			

репродуктивной функции [Флеров, 1979], т.е. обычно к 13–15, самое позднее к 20 годам [Баскин, 1979; Соколов, Темботов, 1993]. Следы швов на черепе сохраняются даже у очень старых самок, особенно на лобной поверхности. У самцов швы исчезают в 6–7-летнем возрасте, а окончательное сращение черепа завершается к 8–9 годам [Флеров, 1979]. Общеизвестно, что в естественных популяциях, даже среди таких крупных животных, как представите-

ли рода *Bison*, смертность от разного рода причин весьма велика и до старости доживает сравнительно небольшой процент особей. С учетом всего вышесказанного, а также жесткой гидродинамической сортировки костных остатков в русловом аллювии становится очевидным, что в этих отложениях сохранились преимущественно лобно-затылочные части черепа самцов, а практически все черепа самок распадались и разрушались. В лучшем случае, от них

оставалась сагиттальная половина лобной кости с роговым стержнем. Подобные остатки, надо полагать, почти никогда не привлекали внимания не только краеведов-любителей, но и геологов-четвертичников, принимавших их, возможно, за обломки черепа молодых особей. Таким образом, основу музейных коллекций, изучавшихся В.И. Громовой [1935], Б.С. Рusanовым [1975] и другими исследователями, в подавляющем большинстве составляли черепа самцов *Bison priscus*.

Не менее резко, чем половой диморфизм, в черепах *Bison priscus* выражена индивидуальная изменчивость. Черепа самок бизона из Красного Яра сравнительно мало различаются по абсолютным размерам (наименьшая ширина лба за орбитами от 242 до 273 мм), очевидно, из-за небольшой (9 экз.) величины выборки. Сильнее разнятся размеры роговых стержней, длина которых по большой кривизне изменяется от 170 до 293 мм, а обхват основания стержня – от 180 до 246 мм. Судя по обнаруженной в Томском Приобье части скелета [Шпанский, 1997], размеры роговых стержней самок бизона могли достигать 350 мм по большой кривизне при обхвате основания 230 мм. Промеры данного черепа (наибольшая, наименьшая ширина лба, его ширина между стержнями, размах роговых стержней соответственно 298; 243; 230; 700 мм) находятся в пределах изменчивости этих признаков у самок казанцевского бизона Красного Яра. Нахodka датируется самым концом плейстоцена, возможно, началом голоцен [Там же].

Вариации размеров и строения роговых стержней самцов бизона также существенно превосходят изменчивость собственно черепа. Так, если наименьшая ширина черепа за орбитами изменяется от 286 до 335 мм, то длина рогового стержня вдоль большой кривизны – от 355 до 595 мм при обхвате его основания 278–395 мм. Череп № 1781, обладающий наименее короткими роговыми стержнями (355 мм), по всем критериям, без сомнения, принадлежит старому самцу, а его размеры по большинству признаков являются далеко не минимальными в серии. Длина следующих наименее коротких роговых стержней составляет 420; 430; 445; 455 мм (2 экз.) и т.д. Не менее изменчивы также постановка и форма роговых стержней. Индекс загиба стержня изменяется от 64,1 до 81,9, а индекс его массивности – от 60,4 до 79,3. В коллекции имеются роговые стержни, массивные от основания до кончика рога (с обхватом в середине их длины до 274 мм) и массивные только в основании, а затем резко утончающиеся (обхват посередине 224 мм) и благодаря этому сравнительно тонкие. Различаются постановка стержней по отношению к сагиттальной линии черепа (от 57 до 82°) и расстояние их вершин до лобной поверхности (от 50 до 230 мм). Еще более впечатля-

ет разница в размахе роговых стержней. Наиболее выдающийся в этом отношении череп старого самца № 1323 имеет самые длинные (595 мм) и сравнительно тонкие роговые стержни, которые при этом значительно распрямлены (индекс загиба 79,3), раскинуты в стороны (угол расхождения стержней 82°) и опущены книзу (расстояние от вершин стержней до лобной поверхности 50 мм), в результате чего расстояние между вершинами стержней достигает 135 см, хотя по своим абсолютным размерам череп не самый крупный в серии. У следующего экземпляра с наиболее широко раскинутыми рогами между концами роговых стержней 112 см, а у наименьшего – всего 80 см, т.е. максимальное значение превосходит минимальное почти в 1,7 раза.

В суглинках каргинского слоя Красного Яра пока найден только один фрагмент черепа самки бизона (№ 3974). Наименьшая ширина лба данного экземпляра 252 мм, наибольшая ширина по заднему краю глазниц – 308, ширина лба между стержнями – 240; обхват основания стержня – 204, собственно рогово-го стержня – 209, горизонтальный и вертикальный диаметры его основания соответственно 65 и 67 мм; прямая длина стержня – *ca* 220, длина вдоль большой кривизны – *ca* 270, а расстояние между вершинами – приблизительно 615 мм; угол расхождения стержней 65°. Эти размеры укладываются в пределы изменчивости черепов самок рисс-вюрмского бизона из 6-го слоя (табл. 2).

Единственный целый осевой череп самца из Тарданова (W-1–2) обладает довольно крупными роговыми стержнями при относительно небольших размерах самого черепа (табл. 2). Из числа промеров, не вошедших в табл. 2, необходимо указать кондило-базальную, основную, общую длину, альвеолярную длину зубного ряда: 596; 547; 633; 157 мм. Те же показатели для целого осевого черепа самца из Красного Яра составляют 615; 575; 627; 156 мм. Остальные его промеры (соответствуют № 1–19 в табл. 2) следующие: 279 мм; 233; 198; 199; 352; 301,5; 348; 209; 285; 166; 341; 366; 136,5; 108,5; 400; 543,5; 1 090; 130 мм; 76,5°.

Насколько можно судить по семи имеющимся краинальным остаткам, бизоны сартанского времени с р. Орды по размерам черепа, и особенно роговых стержней, заметно превосходили бизонов казанцевского межледникова, сохраняя при этом все особенности строения черепа своего предшественника (табл. 2). Еще один череп бизона сартанского времени происходит из окрестностей с. Куделин Ключ Тогучинского р-на Новосибирской обл. В 1996 г. здесь был обнаружен полный скелет старого самца, абсолютный возраст которого по ¹⁴C составил 23 050 ± 255 лет (СОАН-3635). Данный экземпляр имеет размах роговых стержней ок. 100 см, длину стержня вдоль боль-

шой кривизны – 415, обхват его основания – 347; ширину лба между стержнями – 345, а наименьшую в заглазничном сужении – 295 мм.

В.И. Громовой [1935] за главный критерий разделения длинно- и короткорогих (как предполагалось средне- и позднеплейстоценовых) форм *Bison* условно были приняты такие величины, как длина рогового стержня вдоль большой кривизны и обхват его основания, превышающие у *B. p. longicornis* соответственно 550 и 350 мм.

По размерам черепа бизоны, представленные материалами 6-го слоя Красного Яра, оказываются несколько мельче основной массы среднеплейстоценовых длиннорогих бизонов, изучавшихся В.И. Громовой [Там же]. Особенno уступают они *B. p. longicornis* (*B. p. priscus*) в размерах роговых стержней. По длине рогового стержня вдоль большой кривизны лишь 7 экз. из 27 (25,9 %), а по обхвату основания рогового стержня 17 из 33 (51,5 %) формально попадают в группу длиннорогих бизонов. Роговые стержни самцов бизона из Красного Яра, Тараданова и р. Орды полого-дугобразно изогнуты, их концы направлены в стороны, вверх и несколько назад, незначительно выступая за линию затылка и находясь выше (в среднем на 164–169 мм) уровня лобной поверхности. И.В. Форонова [2001] приводит данные по среднеплейстоценовым бизонам Кузнецкой котловины: ширина лба между стержнями 320–410 мм, длина рогового стержня вдоль большой кривизны – 620–780, обхват в основании – 338–450 мм, что существенно превосходит размерные показатели черепов позднеплейстоценовых бизонов из нашей коллекции. Для серии черепов *B. p. crassicornis* с местонахождения Песчаная Гора на р. Вилюе в Якутии, датированного казанцевским временем [Русанов, 1975], характерны еще более короткие и массивные роговые стержни, чем у одновременных бизонов Красного Яра, при сходных абсолютных размерах черепа (табл. 2). Та же закономерность – укорочение роговых стержней при сохранении общих крупных размеров черепа – наблюдается и у одновременных бизонов Западной Европы [Guenther, 1958; Kahlke, 1958; Флеров, 1977, 1979]. Восточную Европу в рисс-вюрме населял «весьма крупный и длиннорогий» бизон, размах роговых стержней которого достигал 120 см [Алексеева Л.И., 1990]. Остатки крупных бизонов, по размерам черепа и роговых стержней не уступающих в ряде случаев среднеплейстоценовым *B. p. priscus*, обнаружены на позднепалеолитических стоянках в долине Ангары [Ермолова, 1978]. Черепа бизонов, относящихся к ермаковскому и каргинскому времени, пока практически неизвестны. Учитывая уменьшение размеров костей посткраниального скелета *B. p. priscus*

(особенно сильно сказавшееся к концу каргинского межстадиала), следует предполагать, что черепа бизонов этого времени также уменьшались. Сартанское похолодание вновь дало некоторый толчок к увеличению размеров бизона, прежде всего черепа и роговых стержней. Если принять средние значения промеров черепа бизона из 6-го слоя Красного Яра за 100 %, то у сартанского бизона с р. Орды они возросли на 3,7 %. По размерам и строению черепа позднеплейстоценовые бизоны Верхнего Приобья сопоставимы с *Bison p. priscus* (*B. p. longicornis*), но отличались от последнего в среднем несколько меньшими размерами, в особенности роговых стержней. Отождествлять их с *Bison priscus mediator* (*B. p. deminutus*), очевидно, нельзя.

Таким образом, приведенные выше факты не оставляют сомнений в постепенном (хотя и незначительном) уменьшении размеров тела бизонов на юго-востоке Западной Сибири на протяжении среднего – позднего плейстоцена, которое коснулось прежде всего черепа, и особенно роговых стержней. Эта тенденция сильно затушевывается огромной индивидуальной изменчивостью, свойственной представителям рода *Bison*, и может быть уловима лишь в средних значениях промеров достаточно больших, геологически однородных серий черепов *B. priscus*. Тот факт, что измельчание бизонов началось с уменьшения роговых стержней, был подтвержден еще В.И. Громовой: «...процесс этот особенно сильно сказался на укорочении рогов, менее на их утончении и на уменьшении размеров самого черепа (а вероятно и всего зверя)» [1935, с. 131].

Использование черепов бизонов для биостратиграфических целей, особенно в пределах среднего – позднего плейстоцена, теоретически возможно, но, как показывает опыт, едва ли осуществимо практически. Для полноценного сравнения требуется значительная, стратиграфически однородная серия черепов с одного местонахождения, что крайне редко бывает на практике. Интерпретация же единичных черепов и тем более роговых стержней, в силу их огромной индивидуально-половой изменчивости (как показывают материалы Красного Яра), может привести к ошибочным заключениям.

Нижняя челюсть (Mandibula). Представлена только в материалах Красного Яра. В 6-м слое найдено 57 целых нижних челюстей и их фрагментов, в 4-м – один обломок. Нижние челюсти обладают всеми признаками, характерными для *Bison priscus*, обитателей открытых пространств (табл. 3). Pars dentalis узкая и высокая: высота за M_3 (в среднем 82,8 мм) значительно превышает длину $M_1 + M_2$ (60 мм) и несколько больше длины $M_2 + M_3$ (79,4 мм). На молярах с наружной стороны присутствуют дополнительные элементы в виде эмалевых петель, увеличивающие

Таблица 3. Размеры нижней и верхней челюстей *Bison p. priscus* Boj.

Промеры, мм	Красный Яр, R-W					
	Mandibula			Maxilla		
	n	lim	M	n	lim	M
Длина челюсти	15	407–492	465,99	—	—	—
Длина P ₂ -M ₃ альвеолярная	34	156–190,2	171,22	6	135–168	153,58
Длина ряда Р	39	56–70,5	60,63	7	51–67,3	59,97
Длина ряда М	39	100–124	110,64	8	78,5–106	94,00
Длина диастемы	19	121–154,5	135,71	—	—	—
Высота в суставном отростке	21	133–169	151,24	—	—	—
Высота в венечном отростке	12	216–240	229,83	—	—	—
Высота диастемы, min	33	33,6–46,9	39,78	—	—	—
Толщина диастемы, min	33	16,9–26,4	21,86	—	—	—
Высота перед P ₂	34	42,5–62,3	50,41	—	—	—
Высота между M ₁ и M ₂	35	55–77	66,96	—	—	—
Высота позади M ₃ , max	34	73–95	82,81	—	—	—
Толщина под M ₃ , max	38	29,5–39,3	35,53	—	—	—
Ширина суставного отростка	22	42–62	52,61	—	—	—
P ₂ , длина	15	11,3–14,5	12,98	1	—	19,00
ширина	15	8,8–10,6	9,79	1	—	15,30
P ₃ , длина	28	18–23,7	20,22	6	17,5–21,5	19,20
ширина	28	11,4–14,6	13,00	6	17–20,3	18,93
P ₄ , длина	30	20,3–28	23,54	7	16–21,7	18,49
ширина	30	12,7–17	15,41	7	21–24,4	22,69
M ₁ , длина	39	24,5–33	27,38	10	20,5–32	25,26
ширина	37	16,6–26,6	19,26	10	24,7–33	27,50
M ₂ , длина	41	27,6–37	32,57	11	26,5–34,7	31,22
ширина	40	17–22,4	20,53	9	23–31	28,07
M ₃ , длина	58	42–53,5	46,84	8	29–37	33,06
ширина	68	16–22,5	19,88	6	24–30,5	28,20

жевательную поверхность и противодействующие стиранию зубов. Часто эти петли, особенно на M₃, имеют замкнутую форму.

Посткраниальный скелет (Postcranium). Его остатки составляют свыше 98 % всего исследованного материала. В 6-м слое Красного Яра и в Тараданове почти все элементы посткраниального скелета представлены значительными сериями – от 20–30 до 100 и более экземпляров одноименных костей. Это позволяет получить достаточно полную, а в ряде случаев, надо полагать, исчерпывающую морфометрическую характеристику элементов скелета *B. p. priscus*. Материал из 4-го слоя Красного Яра и с р. Орды гораздо менееreprезентативный. Однако и он дает некоторое представление о морфометрических особенностях бизонов каргинского и сартанского времени (табл. 4). Обилие фаланг,

мелких костей запястья и заплюсны (главным образом из Тараданова) позволило привести их размерные характеристики (табл. 5). Сравнение крайних и средних значений промеров элементов посткраниального скелета *Bison p. priscus* из 6-го слоя Красного Яра и из Тараданова показывает, что по размерам костей эти бизоны, разделенные, очевидно, времененным интервалом в несколько десятков тысяч лет, практически не отличались друг от друга. По ряду промеров крупнее оказываются первые, по ряду других – вторые. В целом же, если принять размеры костей посткраниального скелета бизона из 6-го слоя Красного Яра за 100 %, то по совокупности всех сопоставимых промеров размеры посткраниума бизона из Тараданова сократились на 0,8 %. Аналогичное сравнение посткраниальных остатков *B. p. priscus* из 6-го и 4-го слоев Красного Яра

Таблица 4. Размеры 1-го и 2-го шейных позвонков и костей конечностей *Bison p. priscus* Boj.

Продолжение табл. 4

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
5. Ширина диафиза, mm	60	43-69	59,68	1	-	48,50	2	62,2-64	63,10	2	53,1-65,5	59,30	
6. Поперечник диафиза, mm	59	46-81,2	69,36	1	-	57,40	2	74,5-75,5	75,00	2	63-78,7	70,85	
7. Ширина нижнего конца	63	99,3-135,5	119,72	1	-	100,00	4	108,5-125	115,88	2	113-128	120,50	
8. Ширина суставного блока	69	94-124,5	108,89	1	-	93,00	7	96-109	102,79	3	100-114,5	106,83	
9. Медиальный поперечник нижнего конца	62	102,3-132	118,10	1	-	105,40	2	111-117,5	114,25	2	104,5-125,3	114,90	
10. Латеральный поперечник нижнего конца	56	68,7-90	79,55	1	-	67,70	2	69,3-81,7	75,50	2	70,7-86,5	78,60	
11. Поперечник в желобе, mm	72	46,1-63,2	52,45	1	-	46,20	10	46,7-51,7	48,42	3	44-55,8	50,10	
12. Высота медиального мышцелка	73	59-76,7	67,98	1	-	57,00	11	53-70	63,48	4	59-74	67,13	
13. Высота суставного блока на гребне	70	52,3-65,5	58,17	1	-	52,00	7	50,5-56,3	53,86	2	49,3-62,7	56,00	
3 : 1	8	27,4-33,1	30,99	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
5 : 1	8	13,0-15,5	13,80	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7 : 1	9	26,7-29,9	27,67	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
3 : 2	9	31,2-38,8	35,44	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
5 : 2	16	14,8-17,6	15,78	-	-	-	-	-	-	1	-	15,57	
7 : 2	16	30,7-35,0	31,65	-	-	-	-	-	-	1	-	33,14	
Radius													
1. Длина кости	40	343-427	389,87	6	351,8-400,3	374,40	1	-	366,00	2	390-391	390,50	
2. Ширина верхнего конца	61	100-142	115,93	11	98,5-121,7	106,93	4	94-126,4	107,75	4	116-124	119,00	
3. Ширина верхней суставной поверхности	62	94-130	107,14	11	94-108,7	99,51	3	86-116,5	100,33	-	-	-	
4. Поперечник верхнего конца	62	50-71,5	60,32	12	51,5-60,7	54,98	5	48-65	56,56	4	61-68	64,38	
5. Ширина диафиза	49	51,8-86	66,10	6	49,1-71	59,62	5	50,7-58,5	55,58	2	63-67,1	65,05	
6. Поперечник диафиза	47	33-50	41,33	6	31,5-45,8	37,23	3	35,5-41,5	38,50	-	-	-	
7. Ширина нижнего конца	40	93,2-132,5	110,59	16	82,3-111,2	95,79	3	84-98	90,90	1	-	111,00	
8. Поперечник нижнего конца	46	56,5-77,5	67,6	15	51,7-71	60,67	3	50,3-66	56,10	-	-	-	
2 : 1	39	27,3-33,3	29,74	6	27,7-30,6	28,56	-	-	28,85	2	30,6-31,6	30,47	
5 : 1	39	14,4-20,1	16,95	6	13,8-18,5	15,92	-	-	15,44	1	-	17,16	
7 : 1	37	25,5-31,0	28,37	6	25,3-28,1	25,58	-	-	26,78	1	-	28,39	

Окончание табл. 4

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
8. Ширина нижнего конца	16	120–154	138,17	1	—	141,00	—	—	—	—	—	—	—
9. Медиальный поперечник нижнего конца	6	168,5–182,8	174,97	1	—	175,70	—	—	—	1	—	—	160,60
10. Латеральный поперечник нижнего конца	15	128–146,5	134,46	1	—	134,70	—	—	—	1	—	—	125,30
11. Ширина <i>facies patellaris</i>	14	63–80	71,81	1	—	69,00	—	—	—	1	—	—	66,00
3 : 1	8	32,5–35,7	34,07	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6 : 1	8	10,1–11,1	10,29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8 : 1	8	25,8–28,2	25,88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3 : 2	8	34,7–38,6	37,23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6 : 2	11	10,4–12,0	11,25	1	—	11,45	—	—	—	—	—	—	—
8 : 2	9	26,5–30,5	28,28	1	—	29,25	—	—	—	—	—	—	—
Tibia													
1. Длина кости	16	430–496	459,44	5	476–489	482,40	1	—	413,70	1	—	—	442,50
2. Ширина верхнего конца	16	122–150	136,39	4	141–148,3	144,33	—	—	—	—	—	—	—
3. Поперечник верхнего конца	14	110,5–134,5	123,11	5	123–138	130,80	—	—	—	—	—	—	—
4. Ширина диафиза	66	50–74,3	62,50	10	53,7–66,9	60,97	2	52,3–62,5	57,40	1	—	—	60,30
5. Поперечник диафиза, mm	70	36,3–54,5	43,45	12	38–45,7	42,60	2	36,1–43,1	39,60	—	—	—	—
6. Ширина нижнего конца	92	73–98,2	85,84	31	67,3–94,6	83,87	3	79–94,3	87,10	4	76–88	80,75	—
7. Поперечник нижнего конца	87	56,5–75,4	65,04	27	58–69	63,83	3	59–72,7	66,40	4	55–63	60,75	—
2 : 1	13	28,1–32,0	29,69	3	29,5–30,3	29,92	—	—	—	—	—	—	—
4 : 1	16	11,5–14,3	13,60	5	12,5–13,7	12,64	1	—	12,64	1	—	13,63	—
6 : 1	16	17,0–19,5	18,68	5	17,5–18,5	17,39	—	—	—	1	—	—	17,97
Astragalus													
1. Латеральная длина	69	82–102,5	91,54	139	76,2–104	88,50	10	82,5–95,5	88,80	3	83,5–95	90,16	—
2. Сагиттальная длина	69	64,2–79,4	71,39	135	70,3–92,3	82,03	9	65,4–75,2	69,39	4	64–74,3	70,95	—
3. Медиальная длина	70	77,4–95,1	84,70	144	58,5–80	69,23	10	77–88,9	83,01	4	76–88	84,00	—
4. Ширина нижнего конца	69	53,2–67,3	60,49	125	47,5–63,6	57,00	11	53,2–68,8	58,55	4	55,5–64	60,75	—

Таблица 5. Размеры фаланг, коленных чашек, костей запястья и заплюсны *Bison p. priscus* Bo.

Промеры (мм) и индексы (%)	Красный Яр, R-W			Тараево, W-1-2			Красный Яр, W-2		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Phalanx I (передние)									
1. Наибольшая длина	36	72,5–91,6	79,84	78	70–93	80,35	5	75–82	78,80
2. Сагиттальная длина, min	36	63,5–82	71,43	79	61–82,7	71,85	4	67–74	70,50
3. Ширина верхнего конца	36	36,5–49,5	43,78	77	34,7–52,7	45,63	4	41,7–44,5	43,30
4. Поперечник верхнего конца	35	38–56	46,16	77	38,5–55,2	47,18	3	45,2–47	45,80
5. Ширина диафиза, min	36	34–47	40,94	79	33–51,2	42,18	5	38,4–41,7	40,22
6. Ширина нижнего конца	34	35,3–49	43,49	76	35,4–56	45,47	5	40,5–44	42,24
7. Поперечник нижнего конца	31	25,5–35	30,84	73	27,2–39,2	32,51	4	29–32,3	30,13
3 : 1	36	49,5–61,7	54,83	74	48,3–62,6	55,33	4	50,9–56,2	54,95
5 : 1	36	45,2–58,3	51,28	76	46,0–59,4	51,15	5	48,2–53,5	51,04
6 : 1	34	48,7–61,0	54,47	75	49,2–65,8	55,13	5	50,0–56,4	53,60
Phalanx II (передние)									
1. Наибольшая длина	34	46–58,8	53,34	101	46–62	54,35	1	–	51,80
2. Сагиттальная длина, min	34	39,5–49	43,82	104	38,5–50,9	44,48	1	–	41,00
3. Ширина верхнего конца	31	39,3–54	44,94	97	34,3–52,4	46,58	1	–	45,70
4. Поперечник верхнего конца	31	38–55	46,41	84	35–54,3	47,90	1	–	50,50
5. Ширина диафиза	32	31,5–44,8	37,21	100	28,5–44,2	36,92	1	–	37,50
6. Поперечник диафиза, min	34	28,7–40	33,42	103	26,4–39,5	34,00	1	–	32,70
7. Ширина нижнего конца	32	33,7–44,8	38,98	92	30,7–49	41,07	1	–	42,70
8. Поперечник нижнего конца	32	35–44,3	39,76	97	32–47,5	41,43	1	–	41,30
3 : 1	31	74,9–94,2	84,25	97	74,5–100,0	85,70	1	–	88,22
5 : 1	32	62,4–81,5	69,89	98	61,4–85,2	67,93	1	–	73,39
7 : 1	32	62,7–84,8	73,08	90	64,4–92,1	75,57	1	–	82,43
Phalanx III (передние + задние)									
Наибольшая длина	41	75–104	90,10	98	76,5–108,7	94,54	6	69–106,5	87,92
Дорзальная длина	41	58–80,8	70,15	97	61,6–85,8	73,29	6	55–79	67,72
Высота кости	41	45–68,3	55,89	99	48,2–71,3	59,23	6	44,3–62,5	53,10
Высота суставной поверхности	42	36–51	42,61	99	37–52,6	43,25	6	38–47	41,33
Ширина суставной поверхности	45	27–41,5	32,01	103	28,2–39,7	33,92	7	26–35,5	30,79
Phalanx I (задние)									
1. Наибольшая длина	26	74–90	82,01	75	73,7–93	82,35	2	80,4–87,2	83,80
2. Сагиттальная длина, min	27	66,7–88	72,90	77	64,8–82,8	73,69	3	72–76,8	75,13
3. Ширина верхнего конца	26	33,2–47	40,42	71	35,3–48,5	40,96	4	36–43,2	40,10
4. Поперечник верхнего конца	26	39,5–52,5	46,44	73	40,7–54	46,26	3	41,7–48,2	45,80
5. Ширина диафиза, min	29	30–43	36,46	75	29–43,1	36,64	2	35,8–37,5	36,65
6. Ширина нижнего конца	27	34,2–44,7	39,97	76	31,2–48,1	40,19	2	40–46,8	43,40
7. Поперечник нижнего конца	21	26–35	29,73	67	25–36,7	29,63	2	28–29	28,50
3 : 1	25	44,9–54,7	49,29	70	44,5–55,1	49,74	2	48,4–48,5	47,85
5 : 1	26	40,5–49,8	44,46	74	35,5–50,7	44,49	2	43,0–44,5	43,74
6 : 1	25	45,0–52,3	48,74	75	38,1–54,0	48,80	2	49,8–53,7	51,79

Продолжение табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Phalanx II (задние)									
1. Наибольшая длина	22	50,2–59,3	55,07	61	50–63	56,25	1	–	60,00
2. Сагиттальная длина, min	20	43,1–49,3	46,97	61	41,4–53,7	47,58	1	–	50,50
3. Ширина верхнего конца	20	35,5–45,6	40,00	62	35,9–52	42,10	1	–	42,00
4. Поперечник верхнего конца	20	37–49	43,53	50	37–54	45,32	1	–	45,40
5. Ширина диафиза	21	28–35,8	31,70	61	27,5–39,3	33,03	1	–	30,40
6. Поперечник диафиза, min	23	27,8–33,3	29,97	63	27,3–36,4	31,26	1	–	27,30
7. Ширина нижнего конца	17	28,8–37	33,59	57	29,5–42,4	35,01	1	–	34,70
8. Поперечник нижнего конца	19	32,5–42,4	36,61	59	33–45	38,47	1	–	36,70
3 : 1	19	68,5–78,7	72,63	60	66,1–82,9	74,84	1	–	70,00
5 : 1	20	52,8–64,8	57,56	59	50,9–66,1	58,72	1	–	50,67
7 : 1	17	54,0–65,9	61,00	56	54,3–70,5	62,24	1	–	57,03
Patella									
Длина	10	79–95,5	88,13	11	79,5–96,2	88,46	–	–	–
Ширина	5	79–91,5	83,08	14	71,5–98,3	86,00	–	–	–
Высота в проекции	18	52–60	55,46	22	43,5–60	52,49	–	–	–
Длина суставной поверхности	9	70–85	76,89	10	69–84	76,75	–	–	–
Ширина суставной поверхности	16	51–63	58,22	21	46–66,3	57,54	–	–	–
Carpi radiale									
Длина в проекции	19	50–69,5	58,99	76	50,2–72	61,13	–	–	–
Ширина	16	31,5–44	37,77	81	32–49,5	40,15	–	–	–
Ширина нижней суставной поверхности	18	30–42,2	35,99	76	30–44	37,43	–	–	–
Высота в переднем отделе, max	18	35,7–45,3	41,38	81	36,5–47,8	41,98	–	–	–
Высота посередине, min	20	22,5–31,8	27,68	80	24–33	28,16	–	–	–
Высота в заднем отделе (в отростке)	16	34–47,5	40,42	73	36–50,3	42,76	–	–	–
Carpi intermedium									
Длина в проекции	11	48,5–64	57,14	35	47,5–67	57,24	3	52–58	54,17
Высота в переднем отделе, max	11	37,2–42	36,97	36	32–42,5	37,50	3	35–37,3	36,37
Высота посередине, min	11	25,1–33,5	29,72	37	25,2–34	29,48	3	26–29,5	27,57
Ширина переднего отдела, max	11	33–44,8	38,13	35	33,2–44,5	39,25	3	37,4–39	38,20
Carpi ulnare									
Ширина в проекции	21	28,5–40	32,68	41	30–38,5	34,55	1	–	30,00
Высота кости	21	45,3–59	50,96	41	47,3–61,6	54,55	1	–	49,30
Carpi 2 + 3									
Ширина в проекции	23	46–64,5	55,54	29	46,5–67,5	55,77	2	53–55,5	54,25
Поперечник	23	42–53,7	48,52	29	40,3–56,5	48,06	2	48,5–49	48,75
Высота, max	20	23,5–35,8	28,70	27	25,5–33,2	28,71	1	–	29,80
Carpi 4 + 5									
Ширина	8	37–48,5	43,51	18	34,9–45,5	40,49	–	–	–
Поперечник	8	43,2–53,4	47,94	18	41–49,5	45,89	–	–	–
Высота, max	9	30–35,5	33,41	18	28,4–34,5	32,11	–	–	–
Carpi accessorium									
Длина наибольшая	–	–	–	4	40–44,5	42,45	–	–	–

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ширина дистального отдела	—	—	—	4	38,6–45,7	42,03	—	—	—
Поперечник дистального отдела	—	—	—	4	27,8–32	29,85	—	—	—
Ширина посередине, min	—	—	—	4	32–35,2	33,65	—	—	—
Длина суставной поверхности	—	—	—	4	31–36,9	34,05	—	—	—
Поперечник суставной поверхности	—	—	—	4	21,7–22,6	21,98	—	—	—
Os malleolare									
Длина наибольшая	6	46,2–49	47,25	4	46,1–53,3	48,80	2	51,5–52,5	51,75
Поперечник наибольший	6	21,7–27,7	24,62	3	21,2–30,8	26,33	2	25,4–26,3	25,85
Длина нижней суставной поверхности	5	35–42	37,52	4	35–39	36,48	2	43,5–44	43,75
Поперечник нижней суставной поверхности	6	17–22	19,97	4	16,4–23,4	19,30	2	20–20,5	20,25
Os tarsale IV									
Длина	8	48–53,5	51,44	2	50–54,2	52,10	—	—	—
Ширина	8	30,7–34,8	33,01	2	32–33,7	32,85	—	—	—
Высота	8	16,2–22	18,60	2	14,8–16	15,40	—	—	—

демонстрирует существенное измельчение бизона каргинского интерстадиала – на 4,6 %. В сартанское время, как показывают материалы с р. Орды, размеры костей скелета вновь резко возросли (особенно на фоне размерной депрессии бизонов каргинского времени), превысив таковые рисс-вюрмского предшественника на 1,1 %.

В материалах казанцевского времени иногда попадаются кости необычайно крупных бизонов, резко выделяющиеся своими размерами. Такова, к примеру, лучевая кость № 4305: длина 427 мм, ширина верхнего, нижнего концов и диафиза соответственно 142; 132,5 и 86 мм. До ее обнаружения максимальные значения соответствующих промеров radius составляли 426,5; 129,6; 123,6 и 78 мм.

Весьма интересным представляется сопоставление размеров костей *Bison priscus* позднего и более ранних этапов плейстоцена. Среди сильно минерализованных и, как правило, окатанных костных остатков т.н. третьей группы сохранности (Q_{1-2}) из 6-го слоя Красного Яра [Васильев, 2002, 2005] существует значительное количество костей *Bison priscus*. Проведенное сравнение показало, что по размерам (крайние и средние значения) костей посткраниального скелета раннесреднеплейстоценовые и рисс-вюрмские бизоны различаются мало (табл. 6). Первые в среднем несколько крупнее и массивнее, и среди них встречаются экземпляры, у которых значения ряда признаков незначительно превосходят максимальные для казанцевского бизона. Меньшие размеры астрагалов и центрально-кубовидных костей третьей группы сохранности объясняются

главным образом их существенной окатанностью. По данным А.В. Шера [Sher, 1997], увеличение размеров тела *Bison priscus* сопровождалось прежде всего возрастанием массивности костей посткраниального скелета, без их существенного удлинения, а также увеличением черепа и особенно роговых стержней.

Большой интерес палеотериологов вызывают обычно пястные кости *Bison*. В своих работах данной темы касались еще И.А. Аллен [Allen, 1876], И.Д. Черский [1891], а позднее Е. Шертц [Schertz, 1936], М.Ф. Скиннер и О.К. Кайзен [Skinner, Kaisen, 1947], В.И. Бибикова [1950], Б.С. Русанов [1975], В.Ю. Решетов [1974; Решетов, Суханов, 1979] и ряд других авторов. Принципиальное значение имеет дифференциация метаподий по признаку пола, т.к. от этого зависит правильность всей дальнейшей интерпретации материала. Разделение выборки на самцов и самок, как правило, легко осуществляется даже визуально, без предварительных измерений и вычислений. У самцов бизонов метакарпы в среднем несколько длиннее, чем у самок, и резко отличаются своей массивностью. Наиболее показательна в этом отношении ширина диафиза, где трансгрессия совершенно отсутствует. В промерах и индексах ширины верхнего и нижнего эпифизов она наблюдается лишь в слабой степени (табл. 7, 8). Впечатляет размах индивидуальной изменчивости пястных костей. Крайними примерами вариабельности являются метакарпы самцов из 6-го слоя Красного Яра № 3044 и 154 с длиной соответственно 280 и 227 мм, относительной шириной диафиза – 21,8 и 26,9.

Таблица 6. Размеры костей конечностей *Bison priscus* раннего – среднего плейстоцена (Q_{1-2}) и казанцевского времени (R–W) из Красного Яра

Промеры, мм	Q_{1-2}			R–W		
	<i>n</i>	lim	<i>M</i>	<i>n</i>	lim	<i>M</i>
Humerus						
Ширина диафиза	5	59,8–66,8	64,0	60	43–69	59,7
Ширина суставного блока	7	105–119	111,5	69	94–124,5	108,9
Radius						
Длина кости	4	371,5–413	398,6	40	343–427	389,9
Ширина диафиза	7	52–72,3	62,8	49	51,8–86	66,1
Ширина верхнего конца	6	104,7–125,7	115,8	61	100–142	115,9
Metacarpale						
Длина кости	16	221–257,2	239,1	64	215,2–280	240,5
Ширина верхнего конца	13	69,5–90,3	88,6	68	71,5–98	85,5
Ширина диафиза	16	44,7–61,4	54,5	69	42–64,5	53,0
Поперечник диафиза	17	30,6–39,5	34,1	70	28,5–41	34,4
Ширина нижнего конца	21	72–94,5	83,0	63	73,7–100,2	87,1
Astragalus						
Латеральная длина	52	77,3–101,7	89,6	69	82,1–102,5	91,5
Centrotarsale						
Ширина кости	23	65–88	77,9	61	68,2–91,4	80,5
Metatarsale						
Длина кости	6	275–319,5	292,8	30	278,3–314	295,8
Ширина диафиза	7	39,8–49,5	44,8	36	34,7–50,2	44,4
Ширина нижнего конца	11	69,5–82,2	77,3	42	68,3–86,7	77,7

К весьма интересным результатам привело изучение пястных костей бизона по методике, применявшейся В. Айзенманн [Eisenmann, 1979; Eisenmann, Beckouche, 1986] при изучении современных и ископаемых лошадей. Значение каждого из семи промеров (табл. 7, 8) соотносилось с соответствующим параметром самцов или самок современного *Bison b. bonansus* [Решетов, Суханов, 1979]; вычислялся десятичный логарифм этого отношения. Полученные значения наносились на координатное поле; точки соединялись в характерную кривую. Сравнение различных форм *Bison* производилось по средним значениям промеров и индексов. В качестве сравнительного материала привлекались пястные кости позднеплейстоценовых *B. p. priscus* из Куртака (район г. Красноярска) и р. Чумыш Алтайского края. Использовались также литературные данные по метакарпам *B. priscus* верхнего плейстоцена Бельгии [Germonpre, 1993], *B. p. crassicornis* (Q_2) и *B. p. occidentalis* (Q_3) с различных местонахождений Якутии [Русанов, 1975], *B. p. deminutus (mediator)* (Q_3) из Амвросиевки (Украина), которая рассматривается как место гибели стад в результате загонной охоты палеолитического человека [Бибикова,

1950]*. По всем перечисленным выборкам отдельно для самцов и самок были построены графики средних пропорций пястных костей (табл. 7, 8; рис. 3, 4). Сравнение показало чрезвычайную близость, если не тождественность, метакарпов бизонов из Красного Яра, Тараданова, Куртака и Чумыша. Бизоны из Европы и Якутии заметно отличаются от последних по абсолютным размерам и пропорциям. Анализ пястных костей еще раз подтверждает отмеченную на других элементах скелета значительную консервативность в размерах посткраниума *B. priscus* в позднем плейстоцене юга Западной Сибири. В этой связи применение рассмотренной методики для биостратиграфических целей в данном регионе представляется малоперспективным. Вместе с тем она позволяет судить о систематической близости различных представителей рода *Bison*: у близкородственных форм кривые на графиках подобны, а у таксономически удаленных –

*В этой статье, к сожалению, отсутствуют промеры поперечников метасагральных костей; недостающие данные любезно предоставил Н.Д. Оводов, ознакомившийся в свое время с диссертационной работой В.И. Бибиковой.

Таблица 7. Размеры пястных костей представителей рода *Bison* (самцы)

Промеры (мм) и индексы (%)	<i>B. o. prisicus</i>														
	Красный Яр, R-VW			Тараиданово, W-I-2			Красный Яр, W-2								
n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	P. Чумыш, Q ₃	M
1. Длина кости	40	223–280	242,99	9	222–254,5	242,34	4	229,3–246	238,25	37	231,2–251	241,12	36	218–260,6	240,86
2. Ширина верхнего конца	42	80,5–98	89,82	9	83,7–95,4	89,33	4	84,1–95	90,03	40	82–101,5	90,98	33	79,7–99	89,48
3. Поперечник верхнего конца	41	46–56	52,11	9	47,5–55,6	51,14	4	47,6–53	50,98	37	47,3–60	52,23	32	45–58,8	51,79
4. Ширина диафиза	41	53,5–64,5	57,65	9	53–61,5	56,18	4	54,2–60,8	57,10	41	52,7–65,1	58,22	35	52,4–65	57,96
5. Поперечник диафиза	42	31,9–41	36,22	9	33,2–40,7	35,94	4	32,5–36,8	35,35	41	32,5–39,5	36,04	35	31,2–39,8	36,23
6. Ширина нижнего конца	39	81–100,2	91,46	11	86,1–93	89,35	4	89,3–94	91,08	42	78,3–104,4	91,21	36	82–99,6	91,59
7. Поперечник нижнего конца	39	43,3–51,8	47,94	10	43,1–51	48,19	4	45,2–51	47,10	34	43–55,6	47,39	28	41,5–54,4	48,22
2 : 1	39	33,8–42,3	36,96	9	35,5–38,0	36,86	4	36,7–39,6	37,79	37	33,7–41,6	37,73	33	34,0–41,7	37,15
4 : 1	38	21,2–26,9	23,73	8	21,8–25,4	23,18	4	22,6–25,6	23,97	37	21,7–26,6	24,15	35	22,1–27,4	24,06
6 : 1	37	33,7–42,7	37,64	8	35,8–38,8	36,87	4	36,6–39,2	38,23	36	33,7–42,8	37,83	35	35,0–41,9	38,03

Промеры (мм) и индексы (%)	<i>B. p. crassicornis</i> , Якутия, Q ₂ [Русанов, 1975]							<i>B. p. occidentalis</i> , Якутия, Q ₃ [Русанов, 1975]							<i>B. p. mediator</i> , Украина, Q ₃ [Бибикова, 1950]							<i>B. p. prisicus</i> , Бельгия, Q ₃ [Гембропре, 1993]							<i>B. b. bonansus</i> , современный [Решетов, Суханов, 1979]						
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M					
1. Длина кости	11	220–249	230,5	7	214–227	217,6	47	214,5–245,4	232,4	7	225–292	246,43	25	202–225	215,0																				
2. Ширина верхнего конца	11	85–98	89,5	7	80–85	83,0	43	76,4–90,4	84,5	7	78,1–94,8	86,13	25	70–79	74,0																				
3. Поперечник верхнего конца	11	42–59	48,3	7	42–48	45,4	45	44,2–52,6	48,8	6	46,8–59,5	52,02	25	39,3–45,8	42,8																				
4. Ширина диафиза	11	53–63	57,1	7	45–56	51,1	46	46,6–57,8	53,1	7	51,1–57,6	55,29	25	41–49	44,0																				
5. Поперечник диафиза	11	32–43	35,57	7	28–36	33,3	45	30,6–36,8	33,7	8	32,8–40,7	36,69	25	—	27,6																				
6. Ширина нижнего конца	11	84–99	90,8	7	81–89	85,6	45	80–98,1	87,0	7	82,4–93,1	86,74	25	66–75	70,0																				
7. Поперечник нижнего конца	11	43–53	46,1	7	43–50	44,7	37	41–49,1	45,4	6	39–57,4	47,53	25	37,2–42,4	39,8																				
2 : 1	11	36,5–41,9	38,8	7	35,6–39,7	38,1	—	—	—	—	36,36	6	32,5–39,0	34,95	25	30,6–37,6	34,8																		
4 : 1	11	23,1–25,9	24,8	7	21,1–26,1	23,5	—	—	—	—	22,85	6	19,6–23,8	22,44	25	18,7–22,7	20,6																		
6 : 1	11	34,8–41,8	39,4	7	37,4–41,5	39,3	—	—	—	—	37,45	6	30,8–37,5	35,20	25	30,7–34,9	33,3																		

Окончание табл. 7

Таблица 8. Размеры пястных костей представителей рода *Bison* (самки)

Промеры (мм) и индексы (%)	<i>B. b. priscus</i>						<i>B. b. bonansus</i> , современность [Решетов, Суханов, 1979]								
	Красный Яр, R-W			Тараиданово, W-1-2			Красный Яр, W-2			Куртак, Q ₃			Р. Чумыш, Q ₃		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
1. Длина кости	24	215,2–258,5	236,65	22	220,3–245,2	233,35	4	226,5–245,5	236,50	26	213,4–247,3	232,55	21	221–253	234,96
2. Ширина верхнего конца	26	71,5–88,8	78,62	25	69,8–82,5	76,57	6	73–80,3	75,97	25	73,4–83,6	78,16	19	71,3–83,6	78,57
3. Поперечник верхнего конца	28	40,8–54,6	45,83	25	38,3–50,1	44,69	4	42,6–45	43,85	28	40–50	45,14	19	40,7–48,5	45,76
4. Ширина диафиза	28	42–50,6	46,10	27	40,2–49,5	45,42	5	41–48,1	44,60	29	41,2–51,5	46,23	21	41,2–51	47,30
5. Поперечник диафиза	28	28,5–34,3	31,56	27	28,5–34,3	30,75	6	29,3–31,2	30,57	29	26,8–35	31,43	20	28,8–35,9	31,79
6. Ширина нижнего конца	24	73,7–88,8	80,09	29	72,2–82,4	78,34	4	72–79,5	76,48	33	74–87	79,58	21	71,2–85	79,84
7. Поперечник нижнего конца	20	39,5–49,8	44,21	25	39–46,5	42,99	3	40–45,9	43,37	28	39,6–46,9	42,93	13	38,3–47	43,90
2 : 1	22	31,2–36,4	33,22	21	31,2–34,9	32,81	4	31,6–32,5	32,12	21	31,3–36,6	33,61	19	31,3–36,3	33,44
4 : 1	24	17,2–20,9	19,48	22	17,3–21,6	19,46	3	16,8–20,3	18,86	25	17,8–21,7	19,88	21	18,6–21,9	20,13
6 : 1	23	31,5–36,6	33,84	21	30,6–36,3	33,57	3	32,4–32,8	32,34	26	31,5–37,6	34,22	21	30,2–36,9	33,98

Промеры (мм) и индексы (%)	<i>B. b. occidentalis</i> Якутия, Q ₃ [Русанов, 1975]						<i>B. b. mediator</i> , Украина, Q ₃ [Бибикова, 1950]						<i>B. b. priscus</i> , Бельгия, Q ₃ [Гермонпре, 1993]		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
1. Длина кости	8	221–244	229,9	11	204–227	217,1	31	206,2–237,1	224,69	5	215–230	232,20	10	204–209	205,0
2. Ширина верхнего конца	7	75–82	78,3	11	70–78	73,2	30	69,5–78,6	72,18	9	62,3–79,3	73,16	10	62–72	67,0
3. Поперечник верхнего конца	7	40–49	47,1	10	36–44	40,0	29	40,2–47,1	43,10	9	39,2–47,1	43,57	10	37,3–43,1	40,0
4. Ширина диафиза	8	42–48	45,9	14	40–49	43,9	29	40,7–48,1	42,36	8	38,6–49,9	43,84	10	32–38	35,0
5. Поперечник диафиза	8	29–36	31,5	14	28–37	30,3	30	27,7–32,4	29,30	8	27,6–33,3	30,64	10	—	24,1
6. Ширина нижнего конца	8	76–86	79,8	13	74–79	75,8	27	71,5–81,6	75,60	6	68,4–81,2	73,77	10	60–67	63,0
7. Поперечник нижнего конца	7	41–47	43,7	11	39–42	39,9	17	39–44	41,10	6	36,9–43,7	40,73	10	34,6–37,9	36,5
2 : 1	7	31,9–35	34,1	11	30,2–35,5	33,7	—	—	32,12	5	30,8–33,1	31,51	10	30,7–34,1	32,3
4 : 1	8	15,6–21	20,0	11	18,6–21,4	20,2	—	—	18,85	5	16,9–20,8	18,88	10	15,9–18,6	17,3
6 : 1	8	32,3–38	34,7	10	33,8–38,7	34,9	—	—	33,65	5	31,2–32,7	31,77	10	29,3–32,2	30,6

Окончание табл. 8

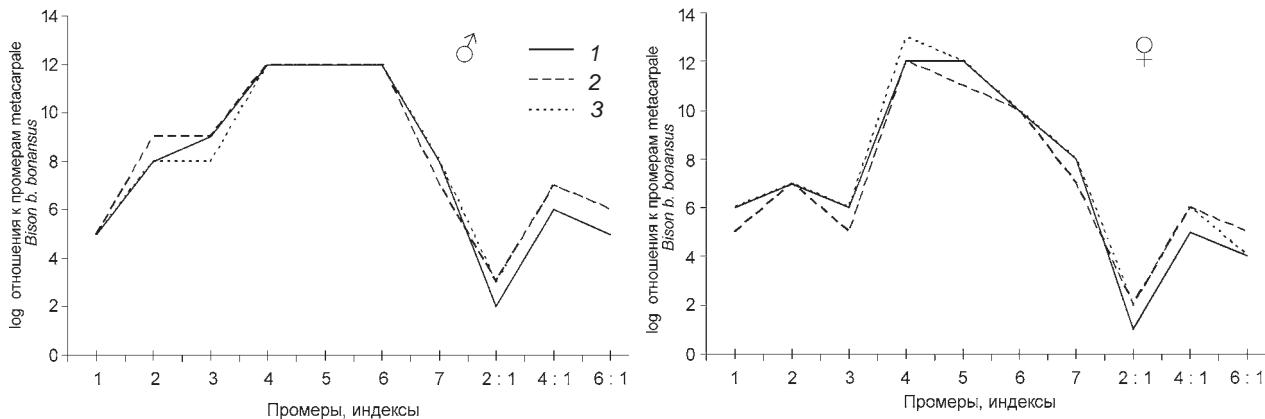

Рис. 3. Диаграммы соотношений средних пропорций пястных костей *Bison p. priscus*.
1 – Красный Яр, R-W; 2 – Красноярское водохранилище, Куртак, Q₃; 3 – Алтайский край, р. Чумыш, Q₃.

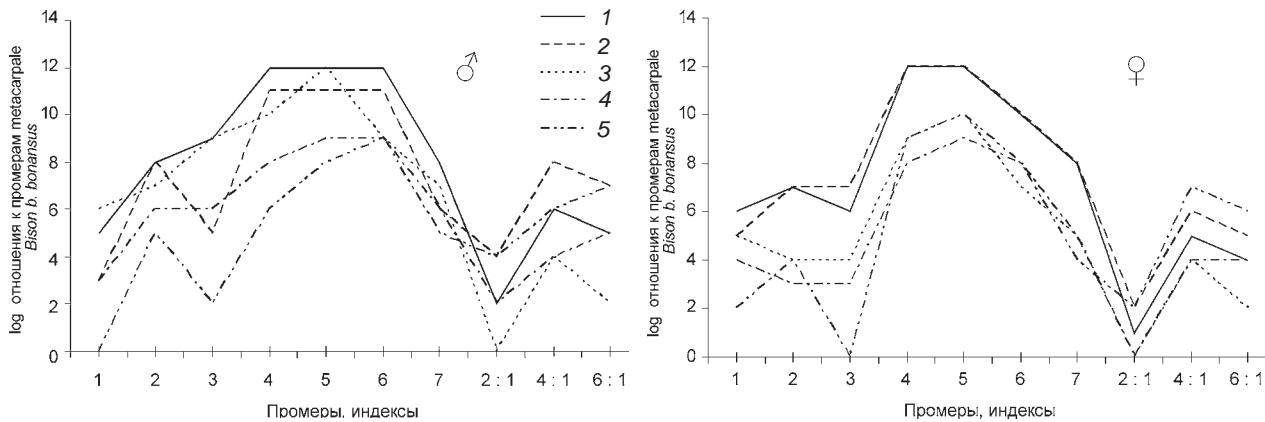

Рис. 4. Диаграммы соотношений средних пропорций пястных костей *Bison priscus*.
1 – *B. p. priscus*, Красный Яр, R-W; 2 – *B. p. crassicornis*, Якутия, Q₂ (по: [Русанов, 1975]); 3 – *B. p. priscus*, Бельгия, Q₃ (по: [Germannpre, 1993]); 4 – *B. p. mediator*, Украина, Q₃ (по: [Бибикова, 1950]); 5 – *B. p. occidentalis*, Якутия, Q₃ (по: [Русанов, 1975]).

существенно различаются. Применение данной методики требует соблюдения двух непременных условий: геологически одновозрастной хорошей серии костей и правильного разделения их по признаку пола.

Обсуждение

В коллекции ИАЭТ СО РАН хранятся превосходные материалы по позднеплейстоценовым бизонам из пещерных местонахождений Алтая, таких как Логово Гиены, пещера Окладникова и др. В Красноярском педагогическом университете автором были обработаны большие коллекции остатков бизонов (преимущественно каргинско-сартанского времени) с уже упоминавшегося Куртака и ряда других местонахождений по берегам Красноярского водохранилища. Особое место занимают материалы со стоянки

Лиственка под г. Дивногорском, датируемой сартанским временем [Акимова и др., 2005]. Изучение всех этих коллекций показало, что во второй половине позднего плейстоцена Алтай и юг Средней Сибири населяла очень крупная форма *Bison priscus*, по размерам костей посткраниального скелета в среднем несколько превосходившая одновременных бизонов Верхнего Приобья.

Таким образом, анализ всех имеющихся в нашем распоряжении данных приводит к заключению, что на юге Западной Сибири, по крайней мере со среднего плейстоцена, происходило направленное, но в целом незначительное уменьшение размеров тела *Bison priscus*. Даже среди наиболее поздних бизонов, обитавших 20–12 тыс. л.н., были особи, по размерам костей посткраниума не уступавшие среднеплейстоценовым *Bison priscus*: небольшое уменьшение размеров улавливается только при сравнении средних

значений промеров. Более существенно измельчание сказалось в размерах черепа, и главным образом роговых стержней. И.В. Форонова [2001] отмечает, что линия очень крупных степных-лесостепных бизонов из группы *priscus* прослеживается на юге Западной Сибири с раннего плейстоцена, тогда как Западную Европу в это время населял более мелкий *B. schoetensacki*, являвшийся преимущественно лесным обитателем [Флеров, 1972; Флеров, Давид, 1971]. Природная обстановка на юге Западной Сибири на протяжении плейстоцена изменялась не столь кардинально, как в более высоких широтах. В эпохи оледенений здесь господствовали холодные степные, отчасти лесостепные ландшафты, а в периоды межледниковых – преимущественно лесостепи [Архипов, 1971; Архипов, Волкова, 1994]. Наличие благоприятных для вида открытых и полуоткрытых пространств с богатыми кормовыми ресурсами и обусловило, вероятно, значительную консервативность в размерах тела *Bison priscus* вплоть до его окончательного исчезновения на этой территории на рубеже голоценена. Бизоны Европы и северо-востока Сибири, напротив, к концу позднего плейстоцена сильно измельчали, трансформировавшись в современного европейского зубра – *Bison b. bonansus* и американского лесного бизона – *B. b. athabascae*, который исчез на территории Якутии в течение голоценена, но сохранился до наших дней на северо-западе Канады [Флеров, Заблоцкий, 1961; Флеров, 1977, 1979; Русанов, 1975]. В голоцене небольшие популяции бизонов продолжали существовать в ряде мест (наиболее малоснежных?) Южной Сибири. Единичные фрагментарные остатки таких бизонов найдены в слоях среднеголоценовых памятников Приишумской лесостепи [Косинцев, 1988]. В степной и лесостепной зонах Забайкалья и Прибайкалья остатки бизонов в слоях поселений известны вплоть до VIII–X вв. н.э. [Ермолова, 1978].

Заключение

Проведенное исследование показало, что с конца казанцевского времени (ок. 100–90 тыс. л.н.) на юго-востоке Западной Сибири происходило некоторое, в целом незначительное уменьшение размеров тела *Bison p. priscus*. Своего максимума оно достигло на завершающем этапе каргинского времени (ок. 30 тыс. л.н.). Однако, в отличие от *Bison priscus* Европы и Восточной Сибири, бизоны юга Западной и Средней Сибири не испытали столь существенного измельчания. В период сартанского похолодания размеры черепа и посткраниального скелета (и тела соответственно) бизонов резко возросли, вновь приблизившись к параметрам *Bison p. priscus* конца казанцевского межледникового.

Консервативность в размерах и морфологии костей скелета делает остатки *Bison p. priscus* малоперспективными для биостратиграфических исследований отложений позднего плейстоцена, что усугубляется огромным размахом их индивидуально-половой изменчивости.

В отложениях слоя 6 Красного Яра *in situ* была собрана серия черепов самок бизона, это позволило впервые достоверно разделить краинальные остатки по признаку пола. По ряду причин черепа самок крайне редко сохраняются в ископаемом состоянии. По диапазону индивидуально-половой изменчивости в размерах черепа позднеплейстоценовые *Bison p. priscus* оказались сопоставимы с современными представителями рода *Bison*.

Остатки *Bison p. priscus* на юге Западной Сибири могут быть использованы в качестве своеобразного индикатора лесостепных ландшафтов. Наиболее показательным здесь является соотношение костей бизона и лошади. Чем большему остепнению подвергались территории, тем существенное сокращалось количество бизонов, а лошади, напротив, заметно возрастало; распространение же на водораздельных пространствах лесостепей вызывало обратный процесс.

Список литературы

- Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П., Орлова Л.А., Кольцова В.Г., Санько А.Ф., Шпакова Е.Г.** Палеолит Енисея: Лиственка. – Новосибирск; Красноярск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 180 с.
- Алексеева Л.И.** Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы (крупные млекопитающие). – М.: Наука, 1990. – 109 с.
- Алексеева Э.В.** Млекопитающие плейстоцена юго-востока Западной Сибири. – М.: Наука, 1980. – 188 с.
- Архипов С.А.** Четвертичный период в Западной Сибири. – М.: Наука, 1971. – 331 с.
- Архипов С.А., Волкова В.С.** Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.
- Баскин Л.М.** Экология и поведение зубра // Зубр: Морфология, систематика, эволюция, экология. – М.: Наука, 1979. – С. 442–470.
- Бибикова В.И.** О некоторых биологических особенностях первобытного зубра // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1950. – Т. 55 (5). – С. 35–43.
- Бурчак-Абрамович Н.И., Наниев В.И.** Зубры в Северной Осетии // Тр. Естеств.-истор. музея им. Г. Зардаби. – Баку, 1954. – Вып. 8. – С. 134–189.
- Васильев С.К.** Фауна крупных млекопитающих казанцевского и каргинского времени Новосибирского Приобья по материалам местонахождения Красный Яр // Фауна Урала в плейстоцене и голоцене. – Екатеринбург: Университет, 2002. – С. 62–70.
- Васильев С.К.** Тафономические особенности Тарадановского вторичного аллювиального местонахождения //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10. – С. 164–168.

Васильев С.К. Крупные млекопитающие казанцевского и каргинского времени Новосибирского Приобья (по материалам местонахождения Красный Яр): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.

Васильев С.К., Николаев С.В., Петрин В.Т. К проблеме тафономии палеонтологических остатков в «займищах» юга Западной Сибири // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 40–42.

Васильев С.К., Орлова Л.А. К вопросу о возрасте Тардановского местонахождения фауны крупных млекопитающих // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1. – С. 36–42.

Волков И.А., Архипов С.А. Четвертичные отложения района Новосибирска. – Новосибирск: ИГиГ СО АН СССР, 1978. – 90 с.

Громова В.И. Первобытный зубр (*Bison priscus* Bojanus) в СССР // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1935. – Т. 2, вып. 2/3. – С. 77–205.

Ермолова Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. – Новосибирск: Наука, 1978. – 220 с.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: УрО АН СССР, 1988. – С. 32–51.

Немцов А.С., Раутян Г.С., Пузаченко А.Ю., Синко Т.П., Калабушкин Б.А., Мироненко И.В. Зубр на Кавказе. – М.; Майкоп: Качество, 2003. – 292 с.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 132 с.

Решетов В.Ю. Сравнительно-остеологический анализ посткраниального скелета бизонов в связи с историей рода *Bison* // Териология. – Новосибирск: Наука, 1974. – Т. 2. – С. 57–64.

Решетов В.Ю., Суханов В.Б. Посткраниальный скелет // Зубр: Морфология, систематика, эволюция, экология. – М.: Наука, 1979. – С. 142–195.

Русанов Б.С. Ископаемые бизоны Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 143 с.

Соколов И.Е., Темботов А.К. Млекопитающие: копытные. – М.: Наука, 1993. – 528 с. – (Позвоночные Кавказа).

Флеров К.К. Древнейшие представители и история рода *Bison* // Териология. – Новосибирск: Наука, 1972. – Т. 1. – С. 81–86.

Флеров К.К. Бизоны Северо-Восточной Сибири // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. – 1977. – Т. 73. – С. 39–58.

Флеров К.К. Систематика и эволюция // Зубр: Морфология, систематика, эволюция, экология. – М.: Наука, 1979. – С. 9–127.

Флеров К.К., Давид А.И. Род *Bison* H. Smith // Плейстоцен Тирасполя. – Кишинев: Штиинца, 1971. – С. 156–165.

Флеров К.К., Заблоцкий М.А. О причинах изменения ареалов бизонов // Бюл. МОИП. Сер. биол. – 1961. – Т. 66 (6). – С. 99–109.

Форонова И.В. Четвертичные млекопитающие юго-востока Западной Сибири (Кузнецкая котловина). – Новосибирск: Изд-во СО РАН. Фил. «Гео», 2001. – 243 с.

Черский И.Д. Описание коллекции послетретичных млекопитающих, собранных Новосибирской экспедицией 1885–1886 гг. – СПб., 1891. – 706 с. – (Прил. к т. 12 «Зап. Имп. Акад. наук»).

Шпанский А.В. Нахodka остатков бизона в Томском Приобье // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1997. – Вып. 1. – С. 46–52.

Allen I.A. The american bison, living and extinct // Mem. Mus. Compar. Zool. Harvard Coll. – 1876. – Vol. 4, N 10. – P. 1–206.

Driesch A., von den. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Mus. Bull. – 1976. – N 1. – P. 1–136.

Eisenmann V. Les metapodes d'Equus sensu lato (Mammalia, Perissodactyla) // Geobios. – 1979. – Vol. 12, N 6. – P. 863–886.

Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic // Equids in the Ancient World / eds. H. Meadow, H.-P. Uerpmann. – Wiesbaden: L. Reichert Verlag, 1986. – P. 116–163.

Germonpre M. Osteometric data on Late Pleistocene mammals from the Flemish Valley, Belgium. – Brussels: Department of Paleontology Royal Belgian Institute of Natural Sciences, 1993. – 136 p. – (Studiedocumenten van het Koninklijk Belgisch Instituut voor Natuurwetenschappen; N 72).

Guenther E.W. Feinstratigraphische Untersuchung einer Zwischenschicht und der Deckschichten der Travertine von Ehringsdorf // Alt-Thüringen: Jahresschriften des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens. – Weimar, 1958. – Bd. 3. – S. 1–9.

Kahlke H.-D. Die jungpleistozänen Säugetierfaunen aus dem Travertingebiet von Taubach – Weimar – Ehringsdorf // Alt-Thüringen: Jahresschriften des Museums für Ur- und Frühgeschichte Thüringens. – Weimar, 1958. – Bd. 3. – S. 9–130.

Schertz E. Der Geschlechtsunterschied an Metapodien von Bison // Senckenbergiana. – 1936. – Bd. 18. – S. 357–381.

Sher A.V. An Early quaternary bison population from Untermaßfeld: *Bison menneri* sp. nov. // Monogr. Rom. – Mainz: Germ. Zentralmus. – 1997. – Vol. 40, N 1. – P. 101–180.

Skinner M.F., Kaisen O.C. The fossil bison of Alaska and preliminary revision of the genus // Bull. Amer. Mus. Natur. Hist. – 1947. – Vol. 89, N 3. – P. 123–256.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 902

А.С. Пилипенко¹, А.Г. Ромашенко¹, В.И. Молодин², И.В. Куликов¹,
В.Ф. Кобзев¹, Д.В. Поздняков², О.И. Новикова²

¹Институт цитологии и генетики СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 10, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: alexpil@mail.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: molodin@sbras.nsc.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАХОРОНЕНИЯ МЛАДЕНЦЕВ В ЖИЛИЩАХ ГОРОДИЩА ЧИЧА-1 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ПО ДАННЫМ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ДНК

В IX–VII вв. до н.э., в переходный период от бронзового к железному веку, на территории Барабы возникает крупное городище Чича-1. Новые черты социальной организации населения городища проявились и в практике захоронения младенцев непосредственно в жилищах. В настоящей работе предпринята попытка методами анализа структуры ДНК выяснить мотивации отбора младенцев. Результаты анализа половой принадлежности погребенных указывают на осознанный выбор мальчиков для захоронения в жилищах. Наличие разных вариантов гаплотипов митохондриальной ДНК у двух младенцев, захороненных в одном жилище, свидетельствует об отсутствии между ними прямого родства по материнской линии. Некоторые из обнаруженных гаплотипов mtДНК младенцев, нехарактерные для древнего и современного населения региона, в настоящее время распространены на территориях, простирающихся к югу и юго-западу от Барабы (Средняя и Передняя Азия, Ближний Восток, Кавказ).

Введение

В IX–VII вв., в переходный период от бронзового к железному веку, в лесостепной зоне Западной Сибири происходили процессы, в определенной степени сопоставимые с цивилизационными [Молодин и др., 2004]. В это время в Барабинской лесостепи появилось население, мигрировавшее, по-видимому, с запада, юго-запада. В результате здесь сформировалась смешанная в этнокультурном плане популяция с новыми (привнесенными) чертами социальной организации.

В предшествовавшие эпохи развитой и поздней бронзы на территории Барабы уже проникло население из юго-западных районов современных Средней Азии и Казахстана. Наиболее ранний импульс миграции относится к самому началу эпохи развитой бронзы, по-видимому, к рубежу III–II тыс. до н.э., о чем

свидетельствуют обнаруженные на могильнике Сопка-2 пастовые бусы-крестовики, сердоликовые бусины со следами травления, а также другие предметы из Средней Азии. Антропологи отмечают появление специфических европеоидных черт в костном материале [Молодин, 1988]. Следующая волна миграции относится ко второй половине II тыс. до н.э.: автохтонное население – представители кротовской культуры – сменилось пришлыми европеоидными носителями андроновской (федоровской) культуры.

В результате длительного сосуществования носителей пришлой андроновской и аборигенной культур сформировался пласт населения, представлявшего ирменскую культуру эпохи поздней бронзы [Молодин, 1985], которая, по сути, стала автохтонной для региона. В конце эпохи бронзы в Барабинскую лесостепь и Кулундинскую степь устремилось несколько мигра-

Рис. 1. Городище Чича-1, раскоп 10, жилище 10, погребение 1 (а) и 2 (б). Вид с юга.

ционных потоков с запада и юго-запада. Сначала это были носители культуры валиковой керамики [Кирюшин, Удодов, 1992, с. 89], а затем бегазы-дандыбаевской [Молодин, 1981, с. 15–17; Удодов, 1988, с. 107–110]. Следы еще одного потока мигрантов с юго-запада, относящегося к переходу от бронзового к железному веку, зафиксированы на городище Чича-1. Здесь пришлое население существовало с автохтонным позднеирмен-

ским, вступая с последним, по-видимому, не только в культурные, но и в кровно-родственные отношения [Молодин, 2006б]. Отмеченные выше миграционные потоки, двигавшиеся в эпоху бронзы через Барабинскую лесостепь, несомненно, стали причиной чрезвычайно сложной этнокультурной ситуации в регионе.

Постепенно у носителей позднеирменской культуры сформировались новые формы социально-культурной организации. Они проявились, например, в создании крупного городища Чича-1, элементах домостроительства, возведении мощных фортификационных сооружений, зачатках ремесленничества и, по всей видимости, в изменении некоторых сторон духовной культуры [Молодин и др., 2004]. Новации нашли отражение в погребальной практике. Удалось выявить некрополи, оставленные как автохтонным населением, так и мигрантами [Молодин, 2006а].

В этой связи особый интерес вызывают захоронения младенцев, обнаруженные на памятнике Чича-1 в отдельных жилых домах какaborигенного, так и пришлого населения (рис. 1). Молекулярно-генетические исследования структуры ДНК этих погребенных должны помочь определить истоки пришлого населения городища Чича-1, т.к. подобный обряд не был характерен для коренных жителей Барабы предшествовавших исторических периодов. Он был широко распространен у представителей древнеземледельческих культур Средней и Передней Азии [Алекшин, 1986, с. 151–153]. В литературе этот феномен связывают со строительными жертвоприношениями [Байбурин, 1983, с. 61–62; Формозов, 1984, с. 240; Кузьмина, 1994, с. 97], с обрядами, направленными на предотвращение болезни и смерти будущих детей [Аntonova, 1990, с. 105], идеей возвращения умершего [Там же; Алекшин, 1986, с. 152], культом плодородия [Бибиков, 1953, с. 197–198; Антонова, 1990, с. 106–107]. Имеются этнографические источники, свидетельствующие о захоронении детей по особому обряду, в основе которого лежат представления о принадлежности ребенка, не достигшего определенного возраста, еще не к миру людей, а к миру духов, в связи с чем он наделялся некими мистическими качествами. Так, у каргинцев детей заворачивали в кошму, затем в бересту и подвешивали на дереве или клади в дупло [Усманов, 1980, с. 109]. Воздушное захоронение на дереве мертворожденных или умерших младенцев устраивали барабинские татары [Титова, 1976, с. 132]. У обских угров умерших детей, души которых считались очень опасными [Карьялайнен, 1994], хоронили на отдельных кладбищах под корнями и в дуплах деревьев завернутыми в бересту [Соколова, 1980, с. 130, 137]. Вместе с тем в этнографии народов Сибири отсутствуют сведения о погребении умерших детей в жилых домах. Очевидно, данная традиция здесь не имела места. В настоящей работе предпринимается попытка

изучить особенности зафиксированного на городище обряда захоронения младенцев методами молекулярно-генетического анализа структуры их ДНК.

Материалы и методы

Для выделения ДНК использовались фрагменты скелетов восьми из десяти младенцев, захоронения которых были обнаружены в жилищах городища Чича-1 [Молодин и др., 2004] (табл. 1). В жилищах находилось по одному или два погребения. В выборке представлены образцы костей младенцев из разных частей городища: четырех из «цитадели» (площадка II) (рис. 2) – зоны проживания автохтонного для того периода населения; четырех с периферии (один погребенный с площадки III и трое с площадки IV), заселенной, вероятно, мигрантами [Там же]. Захоронения двух детей в одном жилище представлены парами образцов – № 3, 4 (жилище № 20, площадка II) и 6, 7 (жилище № 10, площадка IV).

Для исследования от шести из восьми скелетов использовались целые бедренные кости хорошей макроскопической сохранности, от двух других скелетов – фрагменты трубчатых костей более низкой степени сохранности.

Предварительная обработка костного материала и выделение ДНК. Поверхность костей механически очищали от загрязнений и чужеродной ДНК. После удаления внешнего слоя костной ткани (ок. 1–2 мм) поверхность обрабатывали перекисью водорода или гипохлоритом натрия и облучали ультрафиолетовым светом (30 мин с каждой стороны). Из внутренней области костных фрагментов высверливали мелкодисперсный костный порошок, из которого экстрагировали ДНК.

Тотальную ДНК выделяли обработкой костного порошка 5М гуанидинизотиоционатным буфером pH 11 (48 ч при температуре 65 °C) и последователь-

ной экстракцией сначала смесью фенола и хлороформа, а затем хлороформом. Осаждение ДНК из водной фазы в присутствии 1M NaCl осуществляли изопропиловым спиртом. ДНК хранили в водном растворе при температуре –20 °C.

Определение половой принадлежности погребенных. Пол определяли путем амплификации с помощью полимеразной цепной реакции (ПЦР) фрагментов ДНК, специфичных для хромосом X и Y перицентромерных альфоидных повторяющихся последовательностей нуклеотидов, размером 130 пар нуклеотидов (п.н.) (из последовательности DXZ1 размером 2,0 тыс. п.н. ~5 тыс. копий на хромосоме X) и 170 п.н. (из последовательности DYZ3 размером 5,5 тыс. п.н. ~1 тыс. копий на хромосоме Y). ПЦР, специфичные для фрагментов ДНК X- и Y-хромосом, проводили в разных пробирках. Для амплификации использовали соответствующие пары праймеров: X1 ($5'$ -aatcatcaaatggagattg- $3'$), X2 ($5'$ -gttcagctgtgagtgaaa- $3'$) для X-хромосомы, Y1 ($5'$ -atgatagaaacggaaatatg- $3'$), Y2 ($5'$ -agtagaatgcaaaggc- $3'$). Реакционная смесь объемом 25 мкл включала: 75 мМ Tris HCl (pH 9,0); 20 мМ $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$; 0,01 % Tween-20; 3,0 мМ MgCl₂; 0,2 мМ каждого dNTP; 1 μM каждого праймера; 1 мг/мл БСА; 5 мкл раствора тотальной ДНК; 0,75 единиц активности (ед. акт.) термостабильной ДНК-полимеразы. Режим амплификации: 95 °C 3 мин и 42 цикла – 95 °C 30 с, 55 °C 30 с, 72 °C 30 с. Результаты реакции визуализировали разделением продуктов амплификации в 4%-м полиакриламидном геле (ПААГ) с последующим окрашиванием их бромистым этидием. При облучении геля УФ наблюдали специфические полосы: 130 п.н. – для X-хромосомы и 170 п.н. – для Y-хромосомы. Если в образце ДНК обнаруживали специфические последовательности как X-, так и Y-хромосомы, – пол индивида мужской; если обнаруживали ДНК X-хромосомы и отсутствие продукта для Y-хромосомы (только полоса 130 п.н.), – пол женский.

Таблица 1. Палеоантропологический материал с городища Чича-1, использовавшийся для анализа ДНК

Номер образца	Место захоронения останков	Фрагмент скелета
1	Площадка II, раскоп 6, жилище За, погр. 2	Бедренная кость
2	» раскоп 7, жилище 9, погр. 1	» »
3	» раскоп 17, жилище 20, погр. 1	» »
4	» раскоп 17, жилище 20, погр. 2	» »
5	Площадка IIIb, раскоп 5, жилище 8, погр. 1	Фрагменты трубчатых костей
6	Площадка IV, раскоп 10, жилище 10, погр. 1	Бедренная кость
7	То же, погр. 2	» »
8	Площадка IV, раскоп 12, жилище 11, погр. 2	Фрагменты трубчатых костей

Рис. 2. Магнитограмма городища Чича-1 с выделенными границами раскопов (цифры соответствуют их номерам).

Амплификация ГВС I митохондриальной ДНК.

Амплификацию последовательности нуклеотидов первого гипервариабельного сегмента некодирующей области mtДНК (ГВС I mtДНК) проводили, используя два варианта ПЦР. Метод «вложенной» ПЦР (nested PCR) включает в себя два последовательных раунда ПЦР. Первый раунд ПЦР с внешними праймерами L16046 (5'-ttctttcatgggaaagcaattt-3') и H16401 (5'-attgatttcacggaggatgg-3') проводили в объеме 25 мкл. Реакционная смесь включала: 75 мМ Tris HCl (рН 9,0); 20 мМ $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$; 0,01 % Tween-20; 5,0 мМ MgCl₂; 0,2 мМ каждого dNTP; 1 мМ каждого праймера; 1 мг/мл БСА; 5 мкл раствора тотальной ДНК; 0,75 ед. акт. термостабильной ДНК-полимеразы. Реакцию проводили в следующем режиме: первоначальная

денатурация – 95 °C 3 мин, затем 10 циклов – 95 °C 1 мин, 55 °C 1 мин, 72 °C 1 мин и 30 циклов в режиме – 95 °C 23 с, 55 °C 23 с, 72 °C 23 с. Второй раунд ПЦР (продукт 336 п.н.) проводили в объеме 50 мкл с внутренними праймерами L16073 (5'-ccacccaagtattgactcaccc-3') и H16367 (5'-ctatctgagggggtcatccat-3'). Реакционная смесь включала: 75 мМ Tris HCl (рН 9,0); 20 мМ $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$; 0,01% Tween-20; 5,0 мМ MgCl₂; 0,2 мМ каждого dNTP; 1 мМ каждого праймера; 4 мкл продукта первого раунда ПЦР и 1,5 ед. акт. термостабильной ДНК-полимеразы. Реакцию проводили в следующем режиме: 95 °C 3 мин и 25 циклов – 95 °C 23 с, 55 °C 23 с, 72 °C 23 с.

Амплификацию 5'-участка ГВС I (между позициями 16004–16193 кембриджской референсной последовательности) проводили с праймерами L16004 (5'-ccatttagcaccsaagcta agattc-3') и H16193 (5'-gtacttgcttgtaagcatg-3') [Adcock, Dennis, Easteal, 2001]. Реакционная смесь объемом 50 мкл включала: 75 мМ Tris HCl (рН 9,0); 20 мМ $(\text{NH}_4)_2\text{SO}_4$; 0,01 % Tween-20; 5,0 мМ MgCl₂; 0,2 мМ каждого dNTP; 1 мМ каждого праймера; 1 мг/мл БСА; 5 мкл раствора тотальной ДНК; 1,5 ед. акт. термостабильной ДНК-полимеразы. Режим амплификации: 95 °C 3 мин и 40 циклов – 95 °C 30 с, 55 °C 30 с, 72 °C 30 с.

Амплификацию участка второго гипервариабельного сегмента некодирующей области mtДНК (ГВС II) в сегменте 16517–00160 проводили в реакционной смеси объемом 50 мкл, по составу аналогичной предыдущей, с праймерами L16517 (5'-catctggtcctacttcagg-3') и H00160 (5'-tgtaatattgaacgttaggtgcgt-3'), в режиме – 95 °C 3 мин и 42 цикла – 95 °C 30 с, 55 °C 30 с, 72 °C 30 с.

Детекцию продуктов ПЦР осуществляли электрофоретическим их разделением в 4%-м ПААГ с последующим окрашиванием бромистым этидием и облучением ультрафиолетовым светом.

Определение нуклеотидной последовательности амплифицированных участков mtДНК проводили прямым автоматическим секвенированием с использованием BigDye Terminator v3.1 Cycle Sequencing (Applied Biosystems, США), согласно рекомендациям производителя. Для секвенирования продукта ПЦР использовали секвенирующие праймеры L16114 (5'-ggggacgagaaggattga-3') и H16347 (5'-tttgcgtacattactgccagccas-3'). Образцы ДНК анализировали на автоматическом секвенаторе ABI Prism 310 Genetic Analyzer (Applied Biosystems, США).

Полученные последовательности mtДНК из останков древних индивидов сравнивали с кембридж-

ской референсной последовательностью мтДНК для выявления специфических нуклеотидных замен и определения гаплотипов [Anderson et al., 1981] с помощью пакета программ DNASTar (DNASTar Inc., США) и программы Sequence Scanner (Applied Biosystems, США).

Меры против контаминации. Все стадии работы с древним материалом проводили в специально оборудованном изолированном помещении с использованием специальной одежды, лицевых масок, очков, стерильных перчаток. Все рабочие поверхности в помещении регулярно обрабатывали 5%-м раствором гипохлорита натрия и облучали ультрафиолетом. На всех этапах использовали стерильные реактивы и пластиковую посуду, наконечники для автоматических дозаторов с фильтрами. Экстракцию ДНК и постановку ПЦР контролировали на отсутствие загрязнений в виде чужеродной ДНК во всех компонентах растворов. Повторные экстракции ДНК из одних и тех же костных образцов осуществляли в разное время. Для всех работающих с древней ДНК сотрудников была определена последовательность нуклеотидов гипервариабельных сегментов I и II мтДНК.

Результаты

Пол младенцев из погребений в жилищах городища Чича-1. Во всех восьми образцах тотальной ДНК были выявлены специфические последовательности нуклеотидов как X-, так и Y-хромосом. Пол каждого младенца определяли с использованием двух и более независимо выделенных образцов тотальной ДНК. ПЦР для каждого образца ДНК повторяли дважды. Во всех случаях контроли экстракции и чистоты ПЦР-системы указывали на отсутствие контаминации. Таким образом, нами достоверно

установлен мужской пол всех младенцев, подвергнутых исследованию (табл. 2).

Гаплотипирование мтДНК погребенных. Последовательности нуклеотидов ГВС I мтДНК были определены для шести образцов. Для образцов № 1, 2, 4, 6 дополнительно установлены последовательности нуклеотидов участка ГВС II в сегменте 16517 – 00160 и показано наличие в них транзиции A00073G. Сопоставлением с референсной последовательностью нуклеотидов контрольного района мтДНК были выявлены гаплотипы и определена их принадлежность к гаплогруппам, согласно общепринятой в настоящее время классификации [Richards et al., 1998, 2000] (табл. 2).

Гаплотипы мтДНК всех детей различаются. Следовательно, индивиды № 3, 4 и 6, 7, погребенные парами в жилищах № 20 и 10 соответственно, не могут являться прямыми родственниками по материнской линии. Данное обстоятельство позволяет предположить, что либо в некоторых жилищах Чича-1 проживало несколько семей, либо у данного сообщества бытовала полигамная структура организации семьи.

Мужской пол всех исследованных младенцев и отсутствие родства по материнской линии у погребенных попарно указывают на возможность существования у населения городища Чича-1 специфического обряда, связанного с особым отношением к детям мужского пола. Последнее было присуще сообществам со скотоводческим укладом хозяйства и группам с присваивающей системой экономики и бытовало до этнографической современности [Литвинский, 1958, с. 31–33; Заднепровский, 1962, с. 99].

Принадлежность установленных гаплотипов мтДНК младенцев к разным западно-евразийским гаплогруппам свидетельствует об отсутствии существенного восточно-евразийского влияния на генофонд населения городища, а также о высокой степени их филогенетической неоднородности.

Таблица 2. Гаплотипы митохондриальной ДНК и половая принадлежность останков младенцев с городища Чича-1

Номер образца	Гаплотип ГВС I	Гаплогруппа мтДНК	Число независимых экстракций ДНК	Число секвенированных последовательностей ГВС I мтДНК	Нуклеотид в положении 00073 ГВС II мтДНК	Пол
1	16093-16224-16311	K	2	2	G	Мужской
2	16183A→C-16189-16249	U1a	3	4	G	»
3	16189-16260-16270	U5b	2	2	—	»
4	16356-16362	U4	3	6	G	»
5	—	—	—	—	—	»
6	16069-16126	J	2	3	G	»
7	16366	H	2	3	—	»
8	—	—	—	—	—	»

Обсуждение результатов

Городище Чича-1 является одним из наиболее крупных из известных за Уралом поселений переходного от бронзы к железу времени [Молодин и др., 2006]. Анализ артефактов, прежде всего керамики, выявил этнокультурную неоднородность его населения. Территория городища подразделяется на две основные зоны обитания – «цитадель» (площадки I, II) и периферию (площадки III, IV), соответствующие, вероятно, зонам проживания двух различных этнокультурных групп [Молодин, 2006б]. С «цитаделью» связан первый этап освоения территории городища автохтонным для Барабы населением (сначала ирменцами, а затем и позднеирменцами) при участии мигрантов из различных регионов Западной Сибири [Молодин и др., 2004]. Освоение зон III и IV происходило при доминировании пришлого населения из западных и юго-западных районов, скорее всего, с территории современного Казахстана. По-видимому, длительное время две этнокультурные группы сосуществовали на поселении, сохраняя свою специфику культурно-хозяйственного уклада [Молодин, 2006б]. На городище выявлены также следы пребывания носителей культур с территорий, расположенных к северу и северо-западу от Барабы (атлымской, красноозерской, завьяловской и сузгунской). Это свидетельствует о том, что на поселении проживали также представители культур таежного и лесостепного поясов Западной Сибири. Весьма высока вероятность вступления носителей этих культурных образований в брачные контакты с основными обитателями городища, что делало этнокультурную ситуацию на памятнике еще более сложной.

Погребения, обнаруженные в жилищах, либо примыкали к восточной или западной стене котлована, либо находились вблизи от одного из углов жилища и, как правило, были вписаны в ряд между столбовыми ямами. То, что захоронение младенцев было произведено в жилищах намеренно, позволяет выдвинуть предположение о существовании у населения Чичи-1 специфического погребального обряда [Молодин и др., 2004]. Бессспорно, рассматриваемый обряд не распространялся на всех младенцев, умиравших на поселении. Для древнего населения конца эпохи бронзы был характерен высокий уровень детской смертности [Чикишева, 2000]. Расчеты, произведенные для могильника ирменской культуры Журавлево-4, показали, что 29 % всех погребенных составляли дети и подростки, причем преобладали младенцы [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993].

Отбор для погребения в жилищах только детей до года также указывает на бытование у населения специфического обряда. Полученные нами генетические доказательства отсутствия девочек среди восьми мла-

денцев свидетельствуют об осознанном выборе мальчиков для захоронения в жилищах.

На городище Чича-1 в трех жилищах находились парные погребения младенцев. Установив, есть ли родственные связи внутри таких пар, можно выяснить, что лежит в основе обряда и его сущность. У детей, погребенных по двое в жилищах № 10 и 20, mtДНК представлена разными гаплотипами. Следовательно, младенцы не являются родственниками по материнской линии. Эти данные не исключают родства погребенных по отцовской (мужской) линии. Однако для проверки последнего предположения необходим дополнительный анализ маркеров Y-хромосомы.

Рассматриваемый обряд не был характерен для древнего автохтонного населения Западной Сибири [Там же], хотя отдельные захоронения детей на поселениях известны [Молодин и др., 2003]. Такие погребения отмечены, например, на памятнике елуинской культуры Березовая Лука на Алтае [Кирюшин, Тишкун, Грушин, 1999]. Возможно, обряд был заимствован у древних жителей Средней Азии. У них эта традиция бытовала еще с IV тыс. до н.э. [Литвинский, 1952]. В земледельческих культурах Востока захоронения детей совершались под полом, стенами и порогом жилища [Ghirshman, 1954, р. 30]. Погребения младенцев в жилищах являются характерной чертой петровской культуры Северного Казахстана (начало эпохи развитой бронзы) [Зданович, 1988, с. 133], территориально и хронологически близких им памятников нуртайского типа в Центральном Казахстане [Ткачев, 1999, с. 22–24]. Таким образом, рассматриваемый обряд тяготеет к юго-западным от Барабинской лесостепи территориям [Молодин и др., 2003, с. 315].

Данное предположение подтверждается результатами генетического анализа структуры ГВС I и II mtДНК младенцев из жилищ городища Чича-1. Гаплотипическое разнообразие mtДНК младенцев (табл. 2) в некоторой степени отражает высокую гетерогенность митохондриального генофонда всего населения Чичи-1. Выявленные структурные варианты хотя и принадлежат к кластеру западно-евразийских гаплогрупп mtДНК, но отличаются по времени и месту возникновения на континенте, а также по распространенности в современных популяциях человека.

Наиболее представительными в исследованной группе оказались линии кластера UK, объединяющего гаплогруппы U и K (образцы № 1–4). Супергаплогруппа U является одной из древнейших гаплогрупп западно-евразийского кластера. Ее возраст составляет свыше 50 тыс. лет [Richards et al., 1998]. Линии гаплогруппы U занимают второе место по распространенности в генофондах европеоидных популяций западной части Евразии и уступают лишь вариантам гаплогруппы H. В составе супергаплогруппы U выделяют несколько подгрупп

(U1–8), эволюционно различающихся и пространственно разобщенных в современных популяциях человека [Maca-Meyer et al., 2001].

Три из шести исследованных образцов мтДНК входят в состав супергаплогруппы U. МтДНК образца № 2 с гаплотипом 16183A→C-16189-16249 относится к гаплогруппе U1a. В современных популяциях человека гаплогруппа U1a распространена главным образом на Ближнем Востоке (друзы (Израиль) – 6,7 %, курды – 3,8, турки – 3,2 %) и Кавказе (адыгейцы – 6,0 %, северные осетины – 3,5 %) [Macaulay et al., 1999; Richards et al., 2000]. В генофондах популяций Европы линии этой группы встречаются редко, в единичных случаях. Исключение составляют популяции Центрального Средиземноморья – 3,8 % [Di Rienzo, Wilson, 1991; Francalacci et al., 1996; Torroni et al., 1998; Richards et al., 2000]. В качестве минорного компонента линии гаплогруппы U1a присутствуют в генофондах многих современных средне- и центральноазиатских популяций [Kolman, Sambuughin, Birmingham, 1996; Comas et al., 1998, 2004]. Варианты гаплогруппы U1a полностью отсутствуют в генофондах современного коренного населения Южной Сибири [Derenko et al., 2003], финно-угорских и самодийских народов Западной Сибири [Derbeneva et al., 2002; Дербенева и др., 2002; Губина, Осипова, Виллемс, 2005], а также финно-угров и тюркоязычных этносов Волго-Уральского региона [Бермишева и др., 2002].

Специфическое распространение гаплогруппы U1a в современных популяциях позволяет объяснить ее присутствие у населения Чичи-1 миграцией в Барабинскую лесостепь древних групп населения с юга и/или юго-запада, вероятно, с территории современного Казахстана. Это подтверждается и археологическими данными [Молодин, 2006а, б]. Действительно, варианты гаплогруппы U1a были обнаружены у представителей древнего населения Казахстана переходного от бронзы к железу периода [Lalueza-Fox et al., 2004]. Кроме того, они присутствуют в генофонде населения Синьцзяна эпохи развитой бронзы (~1 800 лет до н.э.) [Цуй Иньцю, 2003]. Кстати, последнее также может быть обусловлено связанный с миграцией в Барабу с территории современного Центрального Казахстана сначала андроновцев [Кузьмина, 1994; Molodin, Komissarov, 2004], а затем носителей бегазы-даньбыбайской культуры [Молодин, 1998].

Наличие «пришлого» компонента отмечено также присутствием в генофонде населения Чичи-1 линии гаплогруппы U3. Вариант с нуклеотидной заменой в положении 16343, относящийся к этой группе, ранее был выявлен у взрослой женщины, погребенной на территории городища Чичи-1 [Молодин и др., 2006]. Картинны распространения гаплогруппы U3 и U1a в современных популяциях человека в общих чертах схожи. Вероятно, присутствие гаплогруппы U3 в ге-

нофонде населения городища Чичи-1 также связано с привнесением ее вариантов из древних среднеазиатских или ближневосточных популяций.

Образец мтДНК № 4 со структурой гаплотипа 16356-16362 относится к гаплогруппе U4. Эта группа распределена в современных популяциях человека иначе, чем рассмотренные выше гаплогруппы U1a и U3. Ее частота возрастает с запада на восток. Несмотря на то, что гаплогруппа U4 присутствует в генофондах многих популяций Ближнего Востока [Richards et al., 2000; Metspalu et al., 2004; Di Rienzo, Wilson, 1991], ее частота здесь не превышает 3 % (сирийцы – 2,9 %) [Richards et al., 2000]. В Европе ее частота несколько выше и достигает максимума 5,4 % в популяциях Северо-Восточной Европы [Sajantila et al., 1995, 1996; Richards et al., 1998, 2000; Tolk et al., 2000]. С наибольшими частотами линии этой группы присутствуют в генофондах финно-угорских и тюркских народностей Волго-Уральского региона (максимальные частоты в этом регионе: коми зыряне – 24,2 %, чуваши – 16,4 %) [Бермишева и др., 2002], а также финно-угорских и самодийских народностей Западной Сибири и примыкающих к ней территории Восточной Сибири: манси – 16,3 %, ханты – 18,6, нганасаны – 20,8 и кеты – 28,9 % [Derbeneva et al., 2002; Дербенева и др., 2002; Губина, Осипова, Виллемс, 2005]. На юге Западной Сибири гаплогруппа U4 отмечена у алтайцев и хакасов [Derenko et al., 2003; Дамба и др., 2003]. В среднеазиатских популяциях она встречается с небольшой частотой [Comas et al., 1998, 2004]. Таким образом, максимальными частотами линий гаплогруппы U4 характеризуются финно-угорские и самодийские народы Западной Сибири.

Гаплотип мтДНК, маркируемый мотивом 16356-16362 (образец № 4), является предковым для одной из групп вариантов гаплогруппы U4, распространенных в Западной Сибири. Так, в генофондах манси и хантов распространена группа линий, характеризуемых мотивом 16113C-16356-16362, возраст которой оценивается в ~19 тыс. лет [Малярчук, 2004].

Следовательно, обнаруженный вариант гаплогруппы U4, по всей видимости, длительное время присутствовал на данной территории и его носителя следует отнести к автохтонной части древнего населения Барабинской лесостепи. Примечательно, что гаплотип гаплогруппы U4 выявлен у младенца, погребенного в жилище на территории «цитадели» – секторе городища, где проживало предположительноaborигенное для Барабы население.

Образец мтДНК № 3 с гаплотипом 16189-16260-16270 относится к гаплогруппе U5b. Линии этой группы распространены по всей территории Европы, достигают частот ок. 5 % в популяциях Северо-Восточной Европы (без учета популяции саамов) [Sajantila, 1995, 1996; Richards et al., 2000]. Сопоста-

вимые частоты линий гаплогруппы U5b характерны для популяций Волго-Уральского региона [Бермишева и др., 2002]. В популяциях Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии присутствуют лишь ее единичные линии. На территории Западной Сибири гаплогруппа U5b выявлена в митохондриальном генофонде алтайцев с частотой 2,7 % [Derenko et al., 2003]. В генофондах финно-угорских и самодийских народностей севера Западной Сибири варианты гаплогруппы U5b не обнаружены.

Гаплогруппа K, к которой относится образец мтДНК № 1 с гаплотипом 16093-16224-16311, широко распространена в популяциях западной половины Евразийского материка. Линии гаплогруппы K представлены в генофонах большинства популяций Европы, Ближнего Востока и Кавказа с частотой от 3 до 10 % (в среднем ок. 6 %) [Macaulay et al., 1999; Richards et al., 2000]. С меньшей частотой они встречаются в популяциях Средней Азии, а также Волго-Уральского региона [Comas et al., 1998, 2004; Бермишева и др., 2002]. В современных популяциях Западной Сибири немногочисленные линии этой гаплогруппы присутствуют только в генофонах финно-угорских народов.

МтДНК образца № 6 содержит нуклеотидные замены в положениях 16069-16126, что позволяет однозначно определить ее принадлежность к западно-евразийской гаплогруппе J [Richards et al., 1998]. Гаплогруппа J возникла порядка 45 тыс. л.н. на Ближнем Востоке; здесь выявлено наибольшее разнообразие линий этой гаплогруппы. Современные близневосточные популяции характеризуются самыми высокими частотами этой гаплогруппы в митохондриальных генофонах – в среднем 12 % [Richards et al., 2000; Metspalu et al., 2004]. В некоторых популяциях этого региона ее частота превышает 20 %: у бедуинов Аравийского полуострова – 25 % [Di Rienzo, Wilson, 1991], у арабов Саудовской Аравии – 22,5 % [Abu-Amero et al., 2007]. В европейских популяциях частота гаплогруппы J несколько ниже – порядка 10 % [Richards et al., 2000]. С близкой частотой она встречается в популяциях Кавказа – в среднем менее 8 % (максимум у северных осетин – 9,6 %) [Macaulay et al., 1999; Richards et al., 2000; Comas et al., 2000; Bermisheva et al., 2004]. В качестве минорного компонента линии гаплогруппы J присутствуют в генофонах популяций Средней и Центральной Азии, а также юга Западной Сибири [Derenko et al., 2003]. У финно-угров Западной Сибири частота гаплогруппы J существенно выше и сопоставима с европейским и близневосточным уровнями (манси – 12,2 %, ханты – 11,9 %). Структура ГВС I образца мтДНК № 6 совпадает с вариантом-основателем гаплогруппы J. Известно, что гаплотипы с идентичной структурой ГВС I могут различаться заменами нуклеотидов на других участках мтДНК. Определив структуры этих

участков ДНК, в дальнейшем можно уточнить дополнительную филогенетическую информативность обнаруженного варианта мтДНК.

В ГВС I образца мтДНК № 7 выявлена всего одна нуклеотидная замена в положении 16366. По-видимому, этот структурный вариант является непосредственным производным кембриджской референсной последовательности и относится к западно-евразийской гаплогруппе Н. Гаплогруппа Н с наибольшей частотой встречается у населения Западной и Северной Европы (40–50 %), с частотой 20–40 % – Южной, Юго-Западной, Восточной Европы, с частотой менее 20 % – Ближнего Востока и Индии [Torroni et al., 1996]. С довольно высокой частотой она присутствует в митохондриальных генофонах финно-угорских народов Западной Сибири (манси – 14,3 %, ханты – 19, коми – 26,9 %) [Губина, Осипова, Виллемс, 2005; Derbeneva et al., 2002], что сближает их с популяциями Европы и Ближнего Востока. Высокая частота вариантов гаплогруппы Н отмечена у шорцев (21,4 %) [Деренко и др., 2001]. С меньшими частотами линии группы Н присутствуют в генофонах самодийцев (кеты – 10,5 %, нганасаны – 8,4 %) и некоторых народностей юга Западной Сибири. В составе гаплогруппы Н выявлено большое число подгрупп (свыше 15) [Loogvali et al., 2004]. Высокая информативность некоторых субгаплогрупп Н проявляется при филогеографических исследованиях популяций человека [Achilli et al., 2004]. Поэтому оперирование в анализе только сведениями, касающимися структуры последовательности нуклеотидов ГВС I мтДНК в случае гаплогруппы Н, малоинформативно. Для детального филогеографического анализа требуется установление конкретной подгруппы [Roostalu et al., 2007].

Итак, несомненный интерес представляет тот факт, что варианты мтДНК относительно небольшой выборки младенцев, погребенных в жилищах городища Чича-1, принадлежат к тем западно-евразийским гаплогруппам, значительная часть которых отсутствует либо представлена с незначительными частотами в генофонах современных групп населения региона. Наряду с линиями мтДНК, ныне распространенными среди жителей территорий, которые расположены южнее и юго-западнее Барабы (Казахстан, Средняя Азия, Ближний Восток, Кавказ), в анализируемой выборке выявлены также носители предковых вариантов гаплогрупп, распространенных среди современного коренного населения Западной Сибири.

Провести полноценное сравнение особенностей генофонда мтДНК групп, населявших центральную и периферическую части территории городища, пока не представляется возможным ввиду небольшой численности исследованной выборки. Для этого необходимо проанализировать дополнительные образцы ДНК из палеоантропологических материалов того

времени. Раскопки некрополя, относящегося к городищу [Молодин и др., 2004], восточная периферия которого сформирована мигрантами [Молодин, 2006а], позволяют надеяться, что с привлечением останков из некрополя можно будет полнее охарактеризовать генетические различия между автохтонным и пришлым населением. Несомненно, требуется изучение структуры не только последовательностей нуклеотидов контрольного района, но и других фрагментов mtДНК. На данном этапе работы, используя генетические данные, мы можем констатировать присутствие на городище смешанного – автохтонного и пришлого – населения, что согласуется с выводами, полученными при анализе археологических источников.

Список литературы

- Алекшин В.А.** Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам средней Азии и Ближнего Востока). – Л.: Наука, 1986. – 192 с.
- Антонова Е.В.** Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Вост. лит., 1990. – 261 с.
- Байбурин А.К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 192 с.
- Бернишева М., Тамбетс К., Виллемс Р., Хуснутдинова Э.** Разнообразие гаплогрупп митохондриальной ДНК у народов Волго-Уральского региона России // Молекулярная биология. – 2002. – Т. 36, № 6. – С. 990–1001.
- Бибиков С.Н.** Поселение Лука-Брулевецкая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 460 с. – (МИА; № 38).
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 156 с.
- Губина М.А., Осипова Л.П., Виллемс Р.** Анализ материнского генофонда по полиморфизму митохондриальной ДНК в популяциях хантов и коми Шурышкарского района ЯНАО // Коренное население Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа: демографические, генетические и медицинские аспекты. – Новосибирск: ART-AVENUE, 2005. – С. 105–117.
- Дамба Л.Д., Губина М.А., Кончук Ч.Д., Кобзев В.Ф., Ромашенко А.Г., Воевода М.И.** Особенности представленности монголоидных и европеоидных гаплогрупп митохондриальной ДНК в двух популяциях коренных жителей юга Сибири // Генофонд населения Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 19–24.
- Дербенева О.А., Стариковская Е.Б., Володько Н.В., Уоллес Д.С., Сукерник Р.И.** Изменчивость митохондриальной ДНК у кетов и инганасан в связи с первоначальным заселением Северной Евразии // Генетика. – 2002. – Т. 38, № 11. – С. 1554–1560.
- Деренко М.В., Денисова Г.А., Малярчук Б.А., Дамбуева И.К., Лузина Ф.А., Лотош Е.А., Доржу Ч.М., Карамчакова О.М., Соловенчук Л.Л., Захаров И.А.** Структура генофондов этнических групп Алтая-Саянского нагорья по данным о полиморфизме митохондриальной ДНК // Генетика. – 2001. – Т. 37, № 10. – С. 1402–1410.
- Заднепровский Ю.А.** Древнеземледельческая культура Ферганы. – М; Л.: Наука, 1962. – 328 с.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, – 1988. – 184 с.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 1. – 152 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С.** Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая // Маргулановские чтения-1990: Мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 84–89.
- Кирюшин Ю.Ф., Тиштин А.А., Грушин С.П.** Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 391–396.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение андроновцев. – М.: Вост. лит., 1994. – 464 с.
- Литвинский Б.А.** Намазга-Тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. (предварительное сообщение) // СЭ. – 1952. – № 1. – С. 49–50.
- Литвинский Б.А.** О древности одного среднеазиатского обычая // КСИЭ. – 1958. – Вып. 30. – С. 31–33.
- Малярчук Б.А.** Дифференциация митохондриальной подгруппы U4 у населения Восточной Европы, Урала и Западной Сибири: к проблеме генетической истории уральских народов // Генетика. – 2004. – Т. 40, № 11. – С. 1549–1556.
- Молодин В.И.** О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1981. – Вып. 3. – С. 15–17.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 186 с.
- Молодин В.И.** О южных связях носителей кротовской культуры // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Досоветский период. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1988. – Вып. 1. – С. 36–37.
- Молодин В.И.** Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 286–289.
- Молодин В.И.** Некрополь городища Чича-1 и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006а. – № 4. – С. 115–121.
- Молодин В.И.** Специфика этнокультурных и хозяйственных явлений на памятнике переходного от бронзы к железу времени Чича-1 (Бараба, Западная Сибирь). Вероятная модель // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006б. – С. 171–175.
- Молодин В.И., Новикова О.И., Парцингер Г., Шнеевайс Й., Гришин А.Е., Ефремова Н.С., Чемякина М.А.** Погребения людей на жилом пространстве городища Чича-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006в. – С. 176–183.

ча-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 312–316.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнейвайс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Чемякина М.А., Ефремова Н.С., Марченко Ж.В., Овчаренко А.П., Рыбина Е.В., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Бенеке Н., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Кулик Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е., Васильев С.К., Чемякина М.А., Васильевский А.Н., Воевода М.И., Губина М.А., Дамба Л.Д., Дребушак В.А., Зубова А.В., Казанский А.Ю., Кобзев В.Ф., Кривоногов С.К., Куликов И.В., Нефедова М.В., Овчаренко А.П., Поздняков Д.В., Пронин А.О., Ромашенко А.Г., Чикишева Т.А., Шульгина Е.О. Этнокультурные процессы в переходное от бронзы к железу время в лесостепной зоне Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.А. Тишков. – М.: Наука, 2006. – Т. 1. – С. 132–145.

Соколова З.П. Ханты и манси // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – С. 125–143.

Титова З.Д. Барабинские татары (историко-этнографический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1976. – 132 с. – (Из истории Сибири; вып. 19).

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 1999. – Вып. 2. – С. 2–29.

Удодов В.С. Эпоха поздней бронзы Кулунды (к постановке вопроса) // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1988. – С. 107–110.

Усманов М.С. Хакасы // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – С. 108–112.

Формозов А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // CA. – 1984. – № 4. – С. 238–241.

Цуй Иньцю. Синьцзян гудай цзюйминь сяньхити DNA яньцю (изучение митохондриальной ДНК древнего населения Синьцзяна). – Чанчунь: Цзилинь дасюэ чубаньшэ, 2003. – 156 с.

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 131–147.

Abu-Amero K., Gonzalez A., Larruga J., Bosley T., Cabrera V. Eurasian and African mitochondrial DNA influences in the Saudi Arabian population // BMC Evolutionary Biology. – 2007. – Vol. 7. – 32 p.

Режим доступа: <http://www.biomedcentral.com/1471-2148/7/32>.

Achilli A., Rengo C., Magri C., Battaglia V., Olivieri A., Scozzari R., Cruciani F., Zeviani M., Briem E., Carelli V., Moral P., Dugoujon J., Roostalu U., Loogvali E., Kivisild T., Bandelt H-J., Richards M., Villems R., Santachiara-

Benerecetti A.S., Semino O., Torroni A. The Molecular Dissection of mtDNA Haplogroup H Confirms That the Franco-Cantabrian Glacial Refuge Was a Major Source for the European Gene Pool // American Journal of Human Genetics. – 2004. – Vol. 75. – P. 910–918.

Adcock G.J., Dennis E.S., Easteal S., Huttley G.A., Jermiin L.S., Peacock W.J., Thorne A. Mitochondrial DNA sequences in ancient Australians: implications for modern human origins // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. – 2001. – Vol. 98, N 2. – P. 537–542.

Anderson S., Bankier A.T., Barrell B.G., de Brujin M.H.L., Coulson A.R., Drouin J., Eperon I.C., Nierlich D.P., Roe B.A., Sanger F., Schreier P.H., Smith A.J.H., Staden R., Young I.G. Sequence and organization of the human mitochondrial genome // Nature. – 1981. – Vol. 290. – P. 457–465.

Bermisheva M.A., Kutuev I.A., Korshunova T.Yu., Dubova N.A., Villems R., Khusnutdinova E.K. Phylogeographic Analysis of mitochondrial DNA in the Nogays: A Strong Mixture of Maternal Lineages from Eastern and Western Eurasia // Molecular Biology. – 2004. – Vol. 38, N 4. – P. 516–523.

Comas D., Calafell F., Bendukidze N., Fananas L., Bertranpetti J. Georgian and Kurd mtDNA Sequence Analysis Shows a Lack of Correlation Between Languages and Female Genetic Lineages // American Journal of Physical Anthropology. – 2000. – N 112. – P. 5–16.

Comas D., Plaza S., Wells S., Yuldaseva N., Lao O., Calafell F., Bertranpetti J. Admixture, migrations, and dispersals in Central Asia: evidence from maternal DNA lineages // European Journal of Human Genetics. – 2004. – Vol. 12, N 6. – P. 495–504.

Comas D., Calafell F., Mateu E., Pérez-Lezaun A., Bosch E., Martínez-Arias R., Clarimon J., Facchini F., Fiori G., Luiselli D., Pettener D., Bertranpetti J. Trading genes along the Silk Road: mtDNA sequences and the origin of Central Asian populations // American Journal of Human Genetics. – 1998. – Vol. 63. – P. 1824–1838.

Derbeneva O.A., Starikovskaya E.B., Wallace D.C., Sukernik R.I. Traces of Early Eurasians in the Mansi of Northwest Siberia Revealed by mitochondrial DNA Analysis // American Journal of Human Genetics. – 2002. – Vol. 70. – P. 1009–1014.

Derenko M.V., Grzybowski T., Malyarchuk B.A., Dambueva I.K., Denisova G.A., Czarny J., Dorzhu C.M., Kakpakov V.T., Masiczka-Sliwka D., Wozniak M., Zakharov I.A. Diversity of mitochondrial DNA Lineages in South Siberia // Annals of Human Genetics. – 2003. – Vol. 67. – P. 391–411.

Di Renzo A., Wilson A.C. Branching pattern in the evolutionary tree for human mitochondrial DNA // Proceedings of the National Academy of Sciences USA. – 1991. – N 88. – P. 1597–1601.

Francalacci P., Bertranpetti J., Calafell F., Underhill P.A. Sequence diversity of the control region of mitochondrial DNA in Tuscany and its implications for the peopling of Europe // American Journal of Physical Anthropology. – 1996. – Vol. 100. – P. 443–460.

Ghirshman R. Iran From the Earliest Times to the Islamic Conquest. – L.: Pelican, 1954. – 368 p.

Kolman C.J., Sambuughin M., Birmingham E. Mitochondrial DNA analysis of Mongolian population and

implications for the origin of New World founders // *Genetics*. – 1996. – Vol. 142, N. 4. – P. 1321–1334.

Lalueza-Fox C., Sampietro M.L., Gilbert M.T.P., Castri L., Facchini F., Pettener D., Bertranpetti J. Unravelling migrations in the steppe: mitochondrial DNA sequences from ancient Central Asians // *Proceedings of the Royal Society of London*. – 2004. – Vol. 271. – P. 941–947.

Logvali E.-L., Roostalu U., Malyarchuk B.A., Derenko M.V., Kivisild T., Metspalu E., Tambets K., Reidla M., Tolk H.V., Parik J., Pennarun E., Laos S., Lunkina A., Golubenko M., Barac L., Pericic M., Balanovsky O., Gusarov V., Khusnutdinova E.K., Stepanov V., Puzyrev V., Rudan P., Balanovska E., Grechanina E., Richard C., Moisan J-P., Chaventre A., Anagnou N.P., Pappa K.I., Michalodimitrakis E.N., Clastres M., Golge M., Mikerezi I., Usanga E., Villem R. Disuniting uniformity: a pied cladistic canvas of mtDNA haplogroup H in Eurasia // *Molecular Biology and Evolution*. – 2004. – Vol. 21, N 11. – P. 2012–2021.

MacA-Meyer N., Gonzalez A.M., Larruda J.M., Flores C., Cabrera V.M. Major genomic mitochondrial lineages delineate early human expansions // *BMC Genetics*. – 2001. – Vol. 2 (13).

Режим доступа: <http://www.biomedcentral.com/1471-2156/2/13>, свободный.

Macaulay V., Richards M., Hickey E., Vega E., Cruciani F., Guida V., Scozzari R., Bonné-Tamir B., Sykes B., Torroni A. The emerging tree of West Eurasian mtDNAs: a synthesis of control region sequences and RFLPs // *American Journal of Human Genetics*. – 1999. – Vol. 64, N 2. – P. 232–249.

Metspalu M., Kivisild T., Metspalu E., Parik J., Hujdushov G., Kaldma K., Serk P., Karmin M., Behar D.M., Gilbert M.T.P., Endicott P., Mastana S., Papiha S.S., Skorecki K., Torroni A., Villem R. Most of the extant mtDNA boundaries in South and Southwest Asia were likely shaped during the initial settlement of Eurasia by anatomically modern humans // *BMC Genetics*. – 2004. – Vol. 6 (41).

Режим доступа: <http://www.biomedcentral.com/1471-2156/5/26>, свободный.

Molodin V., Komissarov S. Recent Finds of bronze Age Cultures in Xinjiang and their Siberian Affinities // *Essays in Honour of An Zhimin*. – Hong Kong, 2004. – P. 214–221.

Richards M.B., Macaulay V.A., Bandelt H.-J., Sykes B.C. Phylogeography of mitochondrial DNA in western Europe // *Annals of Human Genetics*. – 1998. – Vol. 62, N 3. – P. 241–260.

Richards M., Macaulay V.A., Hickey E., Vega E., Sykes B., Guida V., Rengo C., Sellito D., Cruciani F., Kivi-

sild T., Villem R., Thomas M., Rychkov S., Rychkov O., Rychkov Y., Golge M., Dimitrov D., Hill E., Bradley D., Romano V., Cali F., Vona G., Demaine A., Papiha S., Triantaphyllidis C., Stefanescu G., Hatina J., Belledi M., Di Rienzo A., Novelletto A., Oppenheim A., Norby S., Al-Zaheri N., Santachiara-Benerecetti S., Scozzari R., Torroni A., Bandelt H.-J. Tracing European founder lineages in the Near Eastern mtDNA pool // *American Journal of Human Genetics*. – 2000. – Vol. 67, N 11. – P. 1251–1276.

Roosralu U., Kutuev I., Logvali E.-L., Metspalu E., Tambets K., Reidla M., Khusnutdinova E.K., Usanga E., Kivisild T., Villem R. Origin and expansion of haplogroup H, the dominant human mitochondrial DNA lineage in West Eurasia: the Near Eastern and Caucasian perspective // *Molecular Biology and Evolution*. – 2007. – Vol. 24, N 2. – P. 436–448.

Sajantila A., Salem A.H., Savolainen P., Bauer K., Gierig C., Paabo S. Paternal and maternal DNA lineages reveal a bottleneck in the founding of the Finnish population // *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*. – 1996. – Vol. 93. – P. 12035–12039.

Sajantila A., Lahermo P., Anttinen T., Lukka M., Siaston P., Savontaus M.L., Aula P., Beckman L., Tra nebjaerg L., Geddedahl T., Isseltarver L., Di Rienzo A., Paabo S. Genes and languages in Europe—an analysis of mitochondrial lineages // *Genome Research*. – 1995. – Vol. 5. – P. 42–52.

Tolk H.V., Pericic M., Barac L., Klaric I.M., Janicjevic B., Rudan I., Parik J., Villem R., Rudan P. MtDNA haplogroups in the populations of Croatian Adriatic Islands // *Coll. Anthropol.* – 2000. – Vol. 2. – P. 267–279.

Torroni A., Huoponen K., Francalacci P., Petrozzi M., Morelli L., Scozzari R., Obinu D., Savontaus M.L., Wallace D.C. Classification of European mtDNAs from an analysis of three European populations // *Genetics*. – 1996. – Vol. 144. – P. 1835–1850.

Torroni A., Bandelt H.J., D'Urbano L., Lahermo P., Moral P., Sellitto D., Rengo C., Forster P., Savontaus M.L., Bonne-Tamir B., Scozzari R. MtDNA analysis reveals a major late Paleolithic population expansion from southwestern to northeastern Europe // *American Journal of Human Genetics*. – 1998. – Vol. 62, N 5. – P. 1137–1152.

УДК 903.5

А.Н. Попов

Дальневосточный государственный университет
Океанский пр., 37, Владивосток, 690950, Россия
E-mail: popov@museum.dvgu.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА МНОГОСЛОЙНОМ ПАМЯТНИКЕ БОЙСМАНА-2 В ЮЖНОМ ПРИМОРЬЕ

Особенностью памятника Бойсмана-2, который располагается на побережье залива Петра Великого в Приморье, являются погребальные комплексы, обнаруженные в слоях раннего железного века и среднего неолита. В процессе разборки нижней части заполнения жилища раннего железного века (янковская археологическая культура, 2,8–2,3 тыс. л.н.) были найдены остатки двух погребений на поверхности глиняного пола. Следующий могильный комплекс связан с неолитическим горизонтом бойсманской археологической культуры (6,5–4,7 тыс. л.н.). Два могильника, обнаруженные в раковинной куче, представляли собой законченные кладбища отдельных семейных или родовых групп единой культурной общности (бойсманской). Очевидно, что сакральный смысл янковских погребений, по сравнению с бойсманскими, имеет совершенно другую направленность.

Введение

Юг Дальнего Востока России отличается многообразием и оригинальностью неолитических культур. При этом могильные памятники данной эпохи чрезвычайно малочисленны: известны только три неолитических местонахождения, где был обнаружен антропологический материал, – Бойсмана-2, Чертовы Ворота [Неолит..., 1991], Зайсановка-7 [Zaisanovka..., 2005].

Памятник Бойсмана-2 располагается на восточном побережье залива Петра Великого, в устье р. Рязановки, в 500 м от моря (на высоте 3,5 м от его современного уровня). Он занимает склоновый участок сочленения одной из прибрежных сопок и заболоченной речной долины. За период исследований (с 1987 по 2005 г.) здесь выявлены три историко-культурных горизонта: раннего железного века (янковская культура, 2,8–2,3 тыс. л.н.), позднего неолита (зайсановская культура, 5,3–3,5 тыс. л.н.) и среднего неолита (бойсманская культура, 6,5–4,7 тыс. л.н.).

Одной из особенностей памятника являются погребальные комплексы, обнаруженные в слоях раннего железного века и среднего неолита. Сведения о первом неолитическом могильнике достаточно известны [Попов 1995; Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. По результатам его изучения установлен антропологический тип носителей бойсманской культуры, отнесенных к северной группе дальневосточной ветви монголоидной расы с комбинацией признаков, промежуточной между континентальной сибирской и прибрежной тихоокеанской, и имеющих сходство с некоторыми вариантами арктической расы [Чикишева, 2003]. Основой их питания были морские биоресурсы [Yoneda et al., 1999].

В последние годы на памятнике изучены еще два погребальных комплекса. Стратиграфия в районе могильников (рис. 1):

1. Дерново-гумусный горизонт (5–8 см).
2. Черно-коричневая гумусированная супесь (8–20 см).
3. Темно-коричневая гумусированная супесь (до 50 см).

4. Пачка слоев целых створок раковин с гумусированными линзами (мощность пачки до 30 см).
5. Коричневая супесь с битой ракушкой (до 27 см).
6. Пачка слоев целых створок раковин (8–12 см).
7. Коричневый суглинок с битой ракушкой (до 5–8 см).
8. Прослойка слабоокатанного гравия (2–4 см).
9. Коричневый суглинок (35–40 см).
10. Материковый делювий желто-коричневого цвета.

Слои 2, 3 содержат материалы раннего железного века, в т.ч. погребения. Слои 4–9 представляли собой единую стратиграфическую колонку неолитической раковинной кучи бойсманской культуры (99 % остатков моллюсков – створки *Grassistrea gigas* [Раков, Попов, Лутаенко, 1996]). Неолитические погребения связаны со слоями 7–9.

Погребальный комплекс раннего железного века

В процессе разборки нижней части заполнения жилища раннего железного века (янковская археологическая культура, 2,8–2,3 тыс. л.н.) в юго-восточном углу были обнаружены остатки двух одиночных погребений на поверхности глиняного пола. Могильные пятна не зафиксированы. Оба скелета чрезвычайно плохой сохранности.

Погребение 1. Найдены малые берцовые кости, коленные чашечки, пяткочные кости, фрагменты лопатки и тазовых костей, под ними – следы прокала с мелкими угольками; в 40 см к северо-востоку – несколько позвонков и фрагмент ребра; в 50 см к востоку от костей ног – скопление из фрагмента ключицы, нескольких обломков костей плеча и предплечья и, возможно, грудины; в 50 см к северу – фрагменты берцовой кости, нижняя челюсть и несколько неопределенных костей, под ними – маломощное (до 0,7 см) очажное пятно. По расположению частей скелета можно установить, что погребенный был ориентирован головой на северо-восток. В заполнении погребения встречены отдельные фрагменты керамики (2 экз. придонной части, 3 – прямого венчика, 18 – неорнаментированных стенок сосудов) раннего железного века (янковская культура). В 15 см к северо-западу от нижней челюсти лежал крупный, хорошо окатанный камень (18 × 12 см), возле которого (в 5 см к востоку) было найдено прямоугольное в сечении рубящее орудие из темно-серого сланца.

Погребение 2 (рис. 2). Располагалось в 20–40 см к востоку от погр. 1. Совершено в подпрямоугольном в плане углублении. Высота стенок достигала 5 см в западной и северной частях и сходила на нет в юго-восточной. На месте ступней, кистей рук, пред-

Рис. 1. Стратиграфия памятника (описание слоев 1–10 см. в тексте).

Рис. 2. Погребение 2 раннего железного века.

плечья, верхней части грудной клетки обнаружены лишь истлевшие костные остатки. По расположению остальных костей можно установить, что умерший был погребен на спине, лицом вверх, с выпрямленными ногами, левой рукой вдоль тела, правой, вероятно, согнутой в локте. Возле черепа находились два сосуда: один – у правой височной кости, другой – в 8 см к востоку от теменной. Оба баночкой формы со слегка выпуклым туловом и слабо обозначенной горловиной; кромка венчика отогнута почти под прямым углом. Первый орнаментирован горизон-

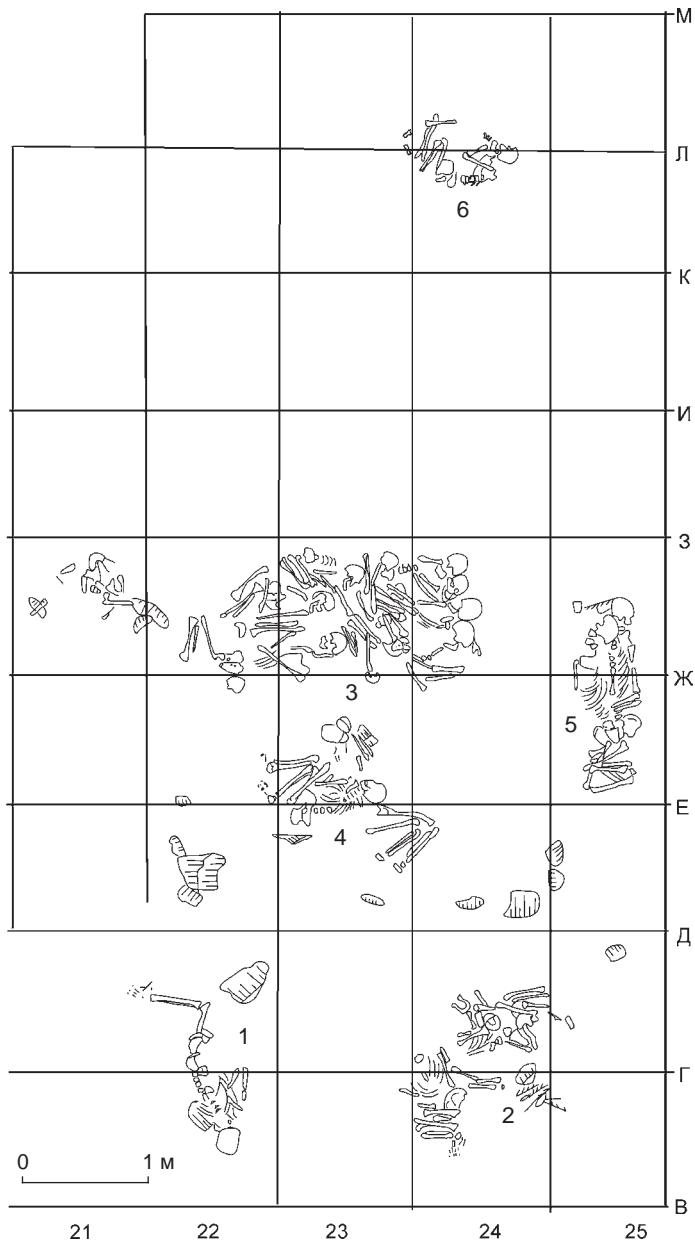

Рис. 3. План могильника № 2 (неолит, бойсманская культура).

тальными прочерченными линиями в верхней трети. У второго сосуда две горизонтальные скобообразные налепные ручки. В 40 см к северу от черепа, в северо-восточном углу погребального углубления находились два крупных камня, между которыми располагался развал придонной части плоскодонного горшковидного сосуда. В 16 см к югу от левой берцовой кости найдено прямоугольное в сечении тесло из светло-зеленого сланца. В 10–30 см к югу от тазовых костей располагались два крупных камня, под ними – маломощное (до 1 см) зольное пятно округлых очертаний.

Материалы погребений дополняют два комплекса, которые непосредственно не могут быть отнесены к погребальному инвентарю, но, возможно, имеют отношение к ритуалу захоронения. Первый (южный) располагался на пологом склоне плеча жилища в 15 см к югу от края могильной ямы. Один крупный и два средних камня лежали на маломощном (до 0,8 см) зольном пятне округлых очертаний (диаметр ок. 40 см). Между ними стоял небольшой керамический светильник – чашка (диаметр венчика 10 см) с коротким (до 3 см) поддоном-подставкой. Второй комплекс (северный) располагался в 50–90 см к востоку от нижней челюсти погр. 1. Возле удлиненной крупной гальки со шлифованной поверхностью находились два остроугольных мелких камня и развал горшковидного сосуда с шаровидным туловом и вертикально расположенной налепной ручкой. Декор – прочерченный на плечиках меандр в виде трапеций. В 10 см к востоку от гальки находился развал горшковидного плоскодонного сосуда с шаровидным туловом (высота 25 см, диаметр венчика 15 см, дна – 8, турова – 25 см). Прочерченный на плечиках орнамент состоит из прямоугольных треугольников с наколами внутри, ограниченных сверху и снизу двумя горизонтальными линиями; над верхней несколько групп наколов.

Неолитические погребения

Следующий могильный комплекс связан с неолитическим горизонтом бойсманской археологической культуры. Могильник состоял из шести погребений. Четыре располагались по окружности вокруг центрального захоронения № 4 в 0,5–2 м от него и были ориентированы по сторонам света, а одно (№ 6) находилось в 4,2 м к северу (рис. 3).

Погребение 1. Располагалось в 1,6 м к юго-западу от центрального захоронения, на глубине 1,06 м от дневной поверхности. Следов погребальной камеры не обнаружено. Мужчина 20–25 лет был погребен в скорченном положении, головой на юг, лицом вниз, со скрещенными под животом руками. Костяк сохранился почти полностью в анатомическом порядке; отсутствуют левая половина таза и кости левой ноги, за исключением пяткочных. Средняя часть скелета была присыпана крупными раковинами устриц. Погребенный располагался на тонкой, насыщенной мелкими угольками подсыпке из слабоокатанного пляжного гравия. Ее подстипал также тонкий черно-углистый слой, залегавший на прослойке лимо-

нитовой глины краснокирпичного цвета. Общая мощность указанных наслойений не превышала 8 см.

Под костями грудной клетки были обнаружены крупный плоский камень (20×25 см) и удлиненная, овальная в сечении галька ($20 \times 8 \times 4$ см). В 20 см к юго-западу от черепа лежал большой камень (галька), около него – длинное костяное лошило, фрагмент рога со следами рубки, часть ребра крупного животного, пять удлиненных мелких галечек. В 15 см к западу от этого комплекса находились костяные гарпун с одним зубом и лошило, в 12 см к северо-западу – галечное грузило и обломок наконечника дротика из серого сланца. На костях запястья правой руки погребенного был найден костяной пластинчатый браслет, украшенный резным орнаментом, композиция которого напоминает декор на части бойсманских сосудов. Под локтевым суставом правой руки лежало небольшое костяное острье.

Погребение 2. Располагалось в 2 м к юго-востоку от центрального захоронения. Погребение коллективное: зафиксированы остатки трех индивидуумов. Следов могильной ямы не отмечено. В юго-западной части найден скелет ребенка (2,5–7,5 лет), погребенного в скорченном положении на правом боку, головой на северо-запад; череп отсутствовал. В 30 см к северо-востоку находился костяк, скорее всего, женщины. Она была захоронена на левом боку, со скрещенными на груди руками, согнутыми и подтянутыми к груди ногами, головой на запад; череп отсутствовал, за исключением нижней челюсти. Между двумя анатомически целыми скелетами были найдены две большие берцовые кости, не принадлежавшие описанному выше костякам.

Возле детских костей находок не обнаружено. В районе нижней челюсти женщины найдены шлифованный топор, удлиненно-ромбовидный шлифованный наконечник стрелы, обломок костяного острия и плоский окатанный камень без следов использования. На костях предплечий были браслеты из створок раковин и фрагмент костяной пластины, украшенной по краю резным орнаментом. В 5–7 см к югу от тазовых костей обнаружено скопление изделий. Сверху лежали четыре односторонних гарпуна: 2-зубый – 16 см, 3-зубый – 14 (рис. 4, 2), 4-зубый – 20, 5-зубый – 15 (рис. 4, 5), 6-зубый – 25 см (рис. 4, 4); роговое орудие, Г-образное изделие из кабаньего клыка с отверстием для привязывания, фрагмент лошила из клыка, кремневый отщеп коричневого цвета, уплощенное шлифованное тесло из светло-серого сланца (длина 15 см), двусторонне ретушированный кинжал из темного сланца (длина 16 см). Под этой группой орудий находились два шлифованных тесла из темно-серого сланца, один фрагмент и три целых костяных гарпуна, в т.ч. составной (рис. 4, 1), два лошила-ножа из клыков; под гарпунами – галечный отщеп и четыре шипа ската-хвостокола, на двух из них были отвер-

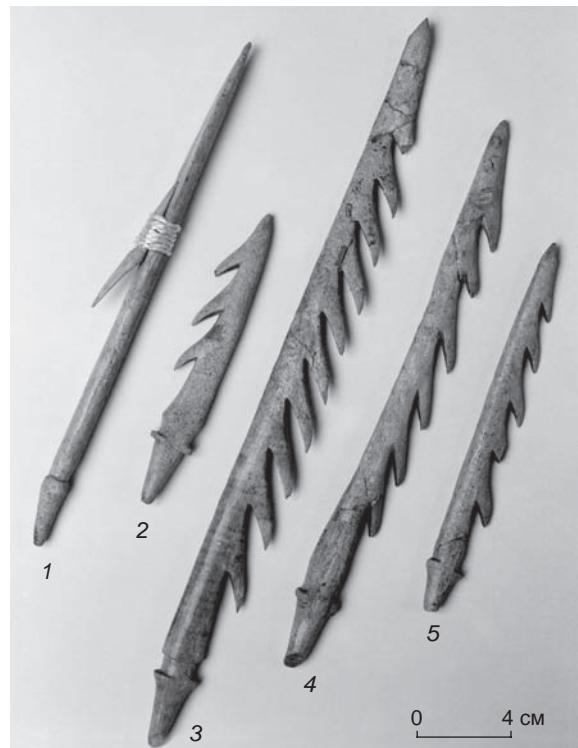

Рис. 4. Наконечники гарпунов.

стия для привязывания. В северной части скопления залегала крупная галька со следами скальвания, а в 1–5 см к западу от нее – несколько крупных фрагментов керамики, орнаментированной рядами гребенчатого штампа. Кроме того, в скоплении были обнаружены три целые гальки и одна расколотая, два отщепа, четыре фрагмента неорнаментированной керамики, а также костные остатки рыб.

Погребение подстипалось насыщенной мелкими угольками подсыпкой из слабоокатанного гравия (мощность до 0,6 см). С южной и восточной сторон оно оконтуривалось маломощным слоем ракушек со следами огня.

Погребение 3. Располагалось в 0,5 м к северу от центрального захоронения (глубина от современной поверхности 1,10–1,35 м). Совершено в подстилающем раковинную кучу коричневом суглинке. Верхняя часть заполнения содержала значительное количество фрагментированной ракушки, которая почти исчезла в процессе продвижения к низу слоя. Могильная яма не зафиксирована. Единственное отличие от основного массива постраковинного слоя – более темный оттенок вокруг костей. Площадь погребения ок. $3,5 \text{ m}^2$ ($3,5 \times 1 \text{ м}$).

Захоронение коллективное: семь хорошо сохранившихся костяков, ориентированных черепами на восток (два – на северо-восток), располагались в три ряда (рис. 5). Первый состоял из двух скелетов

Рис. 5. Погребение 3 могильника № 2.

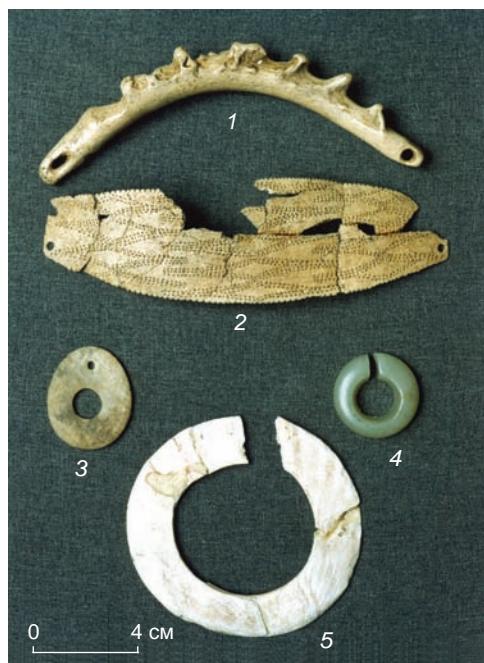

Рис. 6. Украшения из погребений и слоев раковинной кучи. Могильник № 2 (неолит, бойсманская культура). 1 – подвеска из рога (погр. 3); 2 – костяная пластина (погр. 3); 3 – каменная подвеска (слой 7); 4 – шлифованная подвеска из жадеита (погр. 4); 5 – кольцо из раковины (слой 7).

(А и Б). Расстояние между черепами 25 см. Во втором ряду находился один скелет (Ж). Его коленные чашечки примыкали к затылочной части черепа Б. Третий ряд составляли четыре скелета (В, Г, Д, Е). Погребенные были уложены вплотную друг к другу, с сильно согнутыми в коленях ногами, чтобы они не перекрывали черепа А, Б, Ж. Кости их ног примыкали к теменным участкам этих черепов, а эпифиз правой бедренной кости скелета Г оказалась под черепом Ж. Верхние части костяков Д и Е лежали крест-накрест. Кости всех скелетов в целом сохраняли анатомический порядок.

Костяк А. Мужчина 35–40 лет был погребен на спине, с согнутыми в коленях ногами, вытянутой вдоль тела правой рукой и согнутой в локте левой, уложенной на груди так, что кисть располагалась на правом плече. Череп лежал на затылочной кости, лицевой частью на запад. Нижняя челюсть была значительно смещена к югу.

Под затылочной частью черепа обнаружены две цилиндрические бусины (одна короткая из белого камня, другая костяная фигурная); под костями правого предплечья – округлая бусина из хрупкого красноватого материала; возле шейных позвонков – тонкая (0,1 см) ромбовидная в плане (длинная ось 12 см, короткая – 7 см) костяная пластина, орнаментированная точечной резьбой, имитирующей сеть (рис. 6, 2), под пластиной – три костяных острия.

Костяк Б. Женщина 35–40 лет была захоронена в том же положении, что и предыдущий погребенный, только руки располагались одинаково: обе сильно согнуты в локтях, кисти каждой на соответствующем плече. Череп лежал на левом боку, лицевой частью на юг. Правая височная кость вдавлена внутрь.

Под черепом обнаружены бусины: восемь цилиндрических, в т.ч. две фигурные костяные, шесть коротких из белого (3 шт.), черного (2 шт.) и узорчатого камня, и три круглые из хрупкого красноватого материала; а также прямоугольная подвеска из полупрозрачного камня; у правой плечевой кости – дугообразная подвеска из рога (длина 13 см) с отверстиями на противоположных краях (рис. 6, 1), мелкая костяная бусина; возле шейных позвонков – тонкая (0,1 см), прямоугольная в плане, изогнутая костяная пластина, орнаментированная точечной резьбой, имитирующей сеть; под ними – шлифованный кинжал из серого сланца (длина 26 см), нож из полупрозрачного халцедона, обработанный тонкой отжимной ретушью, роговое острье; возле коленных чашечек – округлая бусина из красноватого разрушающегося материала; под тазовой костью – длинный шлифованный кончик стрелы из зеленоватого сланца; в районе таза – несколько необработанных птичьих костей.

Между черепами А и Б были обнаружены позонки рыб (сем. сельдевые), а также односторонний

неповоротный гарпун с тремя крупными клювовидными зубьями и орнаментированное нарезками костяное острие с отверстием.

Костяк Ж. Женщина 14–15 лет была погребена на левом боку, с подтянутыми к груди коленями и согнутыми в локтях руками, прижатыми к груди. Череп лежал на левом боку, лицевой частью на юго-восток. Шейные позвонки обожжены.

Под черепом лежало костяное острие; под шейными позвонками – односторонний гарпун с тремя клювовидными зубьями; на левой плечевой кости – фрагмент браслета из раковины анадары (*Anadara subcrenata*); под грудным отделом позвоночника – пластинчатый отщеп из сургучного кремня, под поясничным – крупный (длина ок. 40 см) точильный камень из мелкозернистого песчаника, на нем же располагались локтевые суставы; у камня, под грудной клеткой находились две створки раковины вымершего тропического моллюска – меретрикса (*Meretrix luzoria*), несколько птичьих костей, под камнем – раздавленная округлая бусина из хрупкого красноватого материала; с севера вплотную к тазовым костям лежали две округлые гальки (диаметр каждой 8 см) – одна из белого, другая из темно-серого кварцита.

Костяк В. Женщина 35–40 лет была захоронена на правом боку, с сильно согнутыми в коленях (расположены под углом 90° по отношению к позвоночнику) ногами и подтянутыми к тазу пятками. Руки были уложены вдоль тела и полусогнуты в локтях так, что кисти оказались скрещены в районе паха. Череп лежал на правом боку, лицевой частью на северо-запад. Позвоночник был дугообразно изогнут в южную сторону.

Возле затылочной части черепа найдены крупный рог с двумя отростками, роговое изделие, украшенное винтовой нарезкой, два концевых скребка – из узорчатого риолита и темно-голубого перлита; под плечевой костью – сверло из сургучного кремня, длинный игольник из полой птичьей кости (длина 14 см); на костях предплечья левой руки – 10 браслетов из раковин анадары (*Anadara subcrenata*); под тазовыми костями – небольшой точильный камень из песчаника, кремневый отщеп зеленоватого цвета.

Костяк Г. Женщина 20–25 лет была погребена на спине с сильно согнутыми в коленях ногами и подтянутыми к тазу пятками, прижатыми к телу руками, согнутыми в локтях так, что кисти оказались в районе шеи. Череп лежал на правом боку, лицевой частью на северо-запад. Среди ребер найдено длинное изогнутое острие из кабаньего клыка.

Костяк Д. Положение погребенного было аналогично вышеописанному. Череп лежал на затылочной кости, лицевой частью на юго-запад; нижняя челюсть смещена к югу. Инвентарь не обнаружен.

Костяк Е. Погребенный был уложен на левом боку, с сильно согнутыми в коленях (расположены

под углом 90° по отношению к позвоночнику) ногами и подтянутыми к тазу пятками, вытянутой вдоль тела левой рукой и согнутой в локте правой, кисть которой находилась возле подбородка. Череп лежал на затылочной кости, лицевой частью на запад; правая половина нижней челюсти смещена к западу. Позвоночник дугообразно изогнут в северную сторону. Его средняя часть находилась в слое, насыщенном мелкими угольками.

Под затылочной частью черепа лежали два односторонних гарпуна с клювовидными зубьями; под тазовыми и пяточными костями – крупный роговой отросток, под ним – фрагментированные кости мелкого животного.

Несомненно, составной частью погребения является комплекс в 50–70 см к западу от скелетов А и Б: на большом камне (70 × 20 см) лежали два средних размеров, а в 18 см к северу – крупная галька (15 × 15 см). К западу от камней находилось скопление костей животных: лопатки и челюсти пяти некрупных волков, позвонки рыб, птичьи кости. Среди них были обнаружены девять тонких костяных игл (длина 3–5 см), два длинных костяных острия, костяная ложка, подвеска из молочно-белого камня. В 60 см к юго-западу от скопления найден крупный костяной кинжал.

После снятия погребения под костяком А было обнаружено неглубокое чашевидное углубление без четких границ (диаметр ок. 70 см, глубина в середине до 7 см), по дну которого прослежена тонкая (до 1 см в середине) линза раковин.

Погребение 4 (рис. 7). Оно является центральным на могильнике (см. рис. 3). Залегало на глубине 1,35–1,7 м от современной поверхности, совершено в подстилающем раковинную кучу коричневом суглинке. Погребение парное, ярусное. Выраженных следов могильной ямы не отмечено, хотя в процессе разборки заполнения слабо угадывались контуры чашевидного углубления. Костяки располагались крест-накрест по отношению друг к другу. Верхний скелет (А) принадлежал мужчине 45–50 лет, погребенному в скорченном положении на правом боку, головой на восток, с согнутыми в локтях руками, кисти которых находились под подбородком. У таза стоял почти вертикально крупный плоский камень подтреугольной формы.

Нижний костяк (Б) принадлежал женщине 30–35 лет, захороненной на спине, головой на северо-восток, с согнутыми в коленях ногами, вытянутой вдоль тела правой рукой и согнутой в локте левой, кисть которой находилась у головы. Под костями левой руки лежал крупный камень.

Толщина земляной прослойки между костяками не более 12 см. Над заполнением погребения было прослежено скопление очажных пятен, под ними – раковинная прослойка на черно-угллистом слойчике,

Рис. 7. Погребение 4 могильника № 2.

Рис. 8. Погребение 5 могильника № 2.

Рис. 9. Костяк Б, погр. 5 могильника № 2.

залегавшем на слое краснокирпичной лимонитовой глины. Мощность указанных наслоений не превышала 13 см.

Возле мужского костяка обнаружены ретушированный нож из серого риолита, плечиковое сверло, две подвески из раковин, фрагмент венчика-«скобки», орнаментированного по краю полуovalными оттисками. Еще один подобный фрагмент был найден среди костей грудной клетки. Состав погребального инвентаря женщины следующий: в нескольких сантиметрах к северо-востоку от черепа лежал крупный нуклевидный желвак серо-желтого узорчатого риолита со следами снятий и остатками желвачной коры; на костях левой кисти, у черепа, располагался плоскодонный сосуд закрытой баночной формы без горловины, декорированный по кромке венчика и узкой полосой под ним (1,6 см) перекрещивающимися подпрямоугольными оттисками одиночного штампа; среди шейных позвонков была найдена шлифованная подвеска из бледно-зеленого жадеита, представляющая собой разомкнутое кольцо (см. рис. 6, 4).

Погребение 5 (рис. 8). Располагалось в 1,3 м к северо-востоку от центрального погребения. Захоронение парное, ярусное. Выраженных следов могильной ямы не отмечено, хотя в процессе разборки заполнения уггадывались контуры небольшого углубления (глубина не более 6 см).

Верхний скелет (А) принадлежал женщине 25–30 лет, погребенной в скорченном положении на правом боку, головой на север, с сильно согнутыми в коленях ногами. Плечевые кости обеих рук, локтевая и лучевая левой располагались вдоль костяка, кости левой кисти находились под тазом, кости предплечья и кисти правой руки – в 40 см к северу от плечевой кости. Позвоночный столб сильно изогнут; верхняя часть костяка – в исходном положении, нижняя – развернута на 90°.

Нижний костяк (Б) принадлежал мужчине 40–45 лет (рис. 9), погребенному на спине, головой на север, с согнутыми в коленях ногами и подтянутыми к тазу пятками. Кисть правой руки, согнутой в локте под острым углом, была положена на грудь, а левой, согнутой в локте под тупым углом, – в районе паха. Возле локтевого сустава левой руки обнару-

жены кости предплечья, ключица и лопатка, которые не принадлежали скелетам А и Б.

Костяки были разделены линзой целых створок раковин устриц (*Grassjstrea gigas*), мощность которой составляла от 1 до 5 см. При этом она лишь частично покрывала скелет Б (от ключиц до таза).

В 20 см к востоку от правой плечевой кости скелета А, на краю могильной линзы раковин, на площади ок. 20 см² найдены два пемзовых поплавка, два галечных скола, двусторонне ретушированный нож из серого сланца, шлифованное тесло, три наконечника шлифованных стрел, кусок окаменевшего дерева, костяное острье и развал небольшого тонкостенного плоскодонного горшковидного сосуда (высота 12 см, диаметр дна 9 см), изготовленного из формовочных масс, отощенных большим количеством дробленой ракушки. Орнамент выполнен в технике отступающей лопаточки. По верхней поверхности карниза нанесены три волнообразные бороздки, треугольные в сечении; по шейке и верхней части плеча – семь рядов прямых горизонтальных борозд, под ними – семь волнистых линий, нижняя из которых достигает середины туловища. В 20 см к востоку от тазовых костей, на краю могильной линзы раковин, находились два небольших камня, рядом с ними фаланг пальца. В 10 см к юго-востоку от пятиточных костей, на краю могильного углубления, найдены цельнорезной рыболовный крючок из клика, кусочек пемзы и округлая галька, около коленных чашечек – костяное острье. Возле таза обнаружены три костяные цилиндрические фигурные бусины. Под шестым позвонком лежал фрагмент орнаментированной нарезками костяной пластины с отверстием для привязывания. Тазовые кости располагались на некрупной каменной плитке (20 × 12 см).

В 8 см к югу от пятиточных костей скелета Б по склону могильного углубления найдены отщеп из светло-голубого кремня и костяная бусина с двумя перехватиками. У коленной чашечки правой ноги лежал отщеп от крупного шлифованного орудия, между бедренными костями – два костяных острья, длинная и короткая костяные иглы, риолитовый отщеп; под тазом и вплотную к нему с восточной стороны – нож из кабаньего клика, костяное острье, под ножом – частично шлифованный кинжал из темно-серого сланца. В 3–5 см к северу от коленной чашечки левой ноги обнаружено скопление наконечников стрел: пять длинных шлифованных, два фрагмента таких же наконечников, короткий шлифованный, переоформленный из остряя длинного, 12 ретушированных с жальцами; остряя всех наконечников были направлены на юг. Вдоль костей левого предплечья располагалось костяное острье, на плечевой кости правой руки – втульчатое костяное орудие. В 8 см к западу от этой кости, параллельно ей, лежали два длинных шлифованных наконечника стрел со скругленным острием; к остряям, направленным на

Рис. 10. Наконечники острог.

север, вплотную примыкали два акульих зуба. Под правой височной костью найдено костяное острье с круглой в сечении средней частью, прямоугольной в сечении базой и дыркой в основании; под затылочной – крупный односторонний зубчатый наконечник неповоротного гарпуна (длина 31 см), лежавший острием на восток (см. рис. 4, 3), рядом – шлифованный топор, под ним – три костяных зубчатых наконечника острог (рис. 10). Между нижней челюстью и левой ключицей находилась рассыпавшаяся плитка песчаника (10 × 5 см). В районе шейных позвонков обнаружена мелкая бусина из хрупкого материала красного цвета, на них – роговая подвеска. Несколько одиночных наконечников стрел найдены во время разборки костяка: около второго позвонка – ретушированный с жальцами, в районе горла и между ребрами (внутри грудной клетки) – длинные шлифованные, под правой плечевой костью и возле левой – ретушированные с жальцами. Их расположение свидетельствует, на наш взгляд, о насильственной смерти погребенного.

Погребение 6. Располагалось в 2,8 м к северу от погр. 3. Погребение одиночное. Выраженных следов могильной ямы не отмечено, хотя в процессе разборки заполнения угадывались контуры небольшого округлого в плане чашевидного углубления. Его границы фиксировались в северной части. Скорее всего,

оно было врезано в склон. Над заполнением погребения располагалась линза раковин диаметром ок. 1 м (мощность 1–4 см). Под ней обнаружен развал бойсманского сосуда. Внутри заполнения, над плечевым поясом, было линзовидное в сечении зольное пятно диаметром ок. 30 см (мощность 1–3 см). Костяк принадлежал женщине 25–30 лет, погребенной на правом боку, головой на восток, с сильно согнутыми в коленях ногами и согнутыми в локтях руками, кисти которых находились около подбородка. Около костей ног обнаружена бедренная кость, не принадлежавшая данному субъекту. Инвентарь отсутствовал.

Погребения могильника № 2 совершались на специально подготовленной площадке, которая была засыпана мелким гравием (мощность до 1 см). На этой площадке отмечены следы поминальных кострищ – в центральной части прослежена полоса грунта ярко-красного цвета (ориентирована по линии запад – восток) шириной 60–70 см, длиной ок. 1,5 м. Она представляла собой перекаленный суглинок со значительным содержанием золистых включений, пережженных раковин, а также отдельными фрагментами обгоревших костей животных, птиц и рыб. К западу и югу от полосы располагались крупные камни.

Заключение

Исследование разновременных и разнокультурных могильных комплексов на памятнике Бойсмана-2 позволяет значительно пополнить археологические данные о носителях янковской культуры раннего железного века и бойсманской среднего неолита.

Для железного века характерно захоронение умерших в вытянутом положении на спине, что коренным образом отличается от скорченных поз неолитических погребенных. Поскольку янковские погребения были совершены под полом жилища, очевидно, их сакральный смысл имеет другую направленность по сравнению с бойсманскими.

Наиболее полная картина погребальной обрядности представлена на неолитических могильниках. На памятнике их два. Они располагались в 18 м друг от друга и представляли собой кладбища отдельных семейных или родовых групп единой культурной общности (бойсманской). Кроме единства материальной культуры оба могильника объединяет расположение отдельных погребений по окружности вокруг центрального; их ориентация по сторонам света; идентичность погребального инвентаря, имеющего четкую половую дифференциацию; наличие черепных деформаций, вызванных, скорее всего, использованием специальных головных уборов.

Именно янковская и бойсманская культуры наиболее тесно были связаны с добычей морских биоресурсов, о чем свидетельствуют расположение памятников в прибрежной зоне, раковинные кучи в культурных отложениях, характерный орудийный набор [Popov, Yesner, 2006]. К сожалению, по археологическим данным нельзя проследить генетическую связь этих культур, но, возможно, анализ антропологического материала позволит ее установить. Еще одно важное направление дальнейших исследований – изучение и расшифровка погребального обряда, ритуального и семантического смысла произведенных в древности действий.

Список литературы

- Неолит Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертова Ворота.** – М.: Наука, 1991. – 225 с.
- Попов А.Н.** Неолитический могильный комплекс на многослойном поселении Бойсмана-2 в Приморье // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 3 – С. 23–30.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Неолит Южного Приморья (бойсманская археологическая культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Раков В.А., Попов А.Н., Лугаенко К.** Сравнительный анализ комплексов моллюсков из неолитических стоянок Приморья и Хоккайдо (предварительное сообщение) // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: (Мат-лы Междунар. конф.). – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1996. – С. 196–204.
- Чикишева Т.А.** Результаты исследования новых палеоантропологических материалов из могильника на поселении Бойсмана-2 (раскопки 1998–2000 гг.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 209–213.
- Popov A.N., Yesner D.R.** The reasons of arose and the form of early Maritime Adaptation at the Southern part of Far East in ancient time // Beyond the Steppe and the Sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. – Brill; Leiden; Boston, 2006. – P. 469–476. – (Colloquia Pontica; vol. 13).
- Yoneda M., Kuzmin Y.V., Shibata Y., Popov A.N., Chikisheva T.A., Shpakova E.G.** Preparation and Dating of Bone Samples at NIES-TERRA – A Case Study of Human Bones from the Boisman II Site, Russia: Proceedings of the International Workshop on Frontiers in Accelerator Mass Spectrometry / National Institute for Environmental Studies (Tskuba), National Museum of Japanese History (Sakura). – Tskuba, 1999. – P. 259–265.
- Zaisanova 7 Site: Excavation 2004.** – Kumamoto: Kumamoto University, 2005. – 76 p.

УДК 903'14

Н.В. Полосьмак¹, Е.С. Богданов¹, Д. Цэвээндорж², Н. Эрдэнэ-Очир²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*²*Институт археологии АН Монголии**Institute of Archaeology, Mongolian Academy of Sciences**Zhukoviyn Gudamzh, 77, Ulaan-Baator, 51, Mongolia**E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru**E-mail: polosmak@archaeology.nsc.ru*

ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ КУРГАНА 20 В НОИН-УЛЕ (МОНГОЛИЯ)*

В 2006 г. археологами Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Институтом археологии Монгольской академии наук был исследован один из последних сохранившихся больших курганов хунну на известном могильнике Ноин-Ула в Северной Монголии. Раскопки производились вручную, это позволило впервые во всех деталях проследить особенности погребальной конструкции могилы высокопоставленного хунну. Было установлено, что все погребальное сооружение возводилось по аналогии с ханьскими погребениями одного из наиболее распространенных типов: прямоугольная земляная платформа, обнесенная каменной оградой; ориентированный на юг длинный коридор – вход в могилу; глубокая (18, 35 м) яма, ступенями спускающаяся вниз; китайская колесница над погребальной камерой; уголь и глина, уложенные между стенками могильной ямы и сруба; двойной сруб из сосновых плах; коридоры, заполненные вещами; лакированный гроб. Четыре выложенных из камней перекрытия, соответствующие четырем уходящим вниз ступеням, были необходимы для плотной забутовки могильной ямы. Подобный прием сооружения многослойного заполнения с перемычками использовался при строительстве фундаментов под здания в эпоху эллинизма. Погребальный инвентарь ноин-улинского памятника разнообразен, содержит много предметов из органических материалов.

Введение

Могильники в горах Ноин-Ула получили известность благодаря раскопкам, проведенным экспедицией П.К. Козлова в 1924–1926 гг. Итоги этих исследований обобщены в вышедшей в 1962 г. монографии С.И. Руденко «Культура хуннов и Ноинулинские курганы». В отличие от других известных сегодня «царских» курганов хунну, в погребениях ноин-улинских могильников хорошо сохранились предметы из органических материалов – деревянные внутримогильные конструк-

ции, ткани, войлок, лаковые изделия, а также семена, заплетенные в косы волосы и др. Этому способствовало сочетание ряда обстоятельств: месторасположение могильника на высоте 1 474 м над ур.м., суровый климат Северной Монголии, особенности погребальных конструкций хунну (глубокие могильные ямы (до 18 м), сосновые двухсрубные погребальные камеры с полом и мощными перекрытиями) и, главное, могила выкапывалась в глинисто-щебеночном грунте и им же засыпалась. Для изучения одного из ноин-улинских курганов на современном научном уровне был использован опыт многолетних раскопок пазырыкских могильников Горного Алтая, в которых обнаружено большое количество предметов из органических материалов, сохранившихся в погребениях во льду, и последующего междисциплинарного исследования этих необычных для археоло-

*Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 06-06-80069а), программы «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальному и техногенному трансформациям» (проект № 21.2); НШ-1648.2008.6.

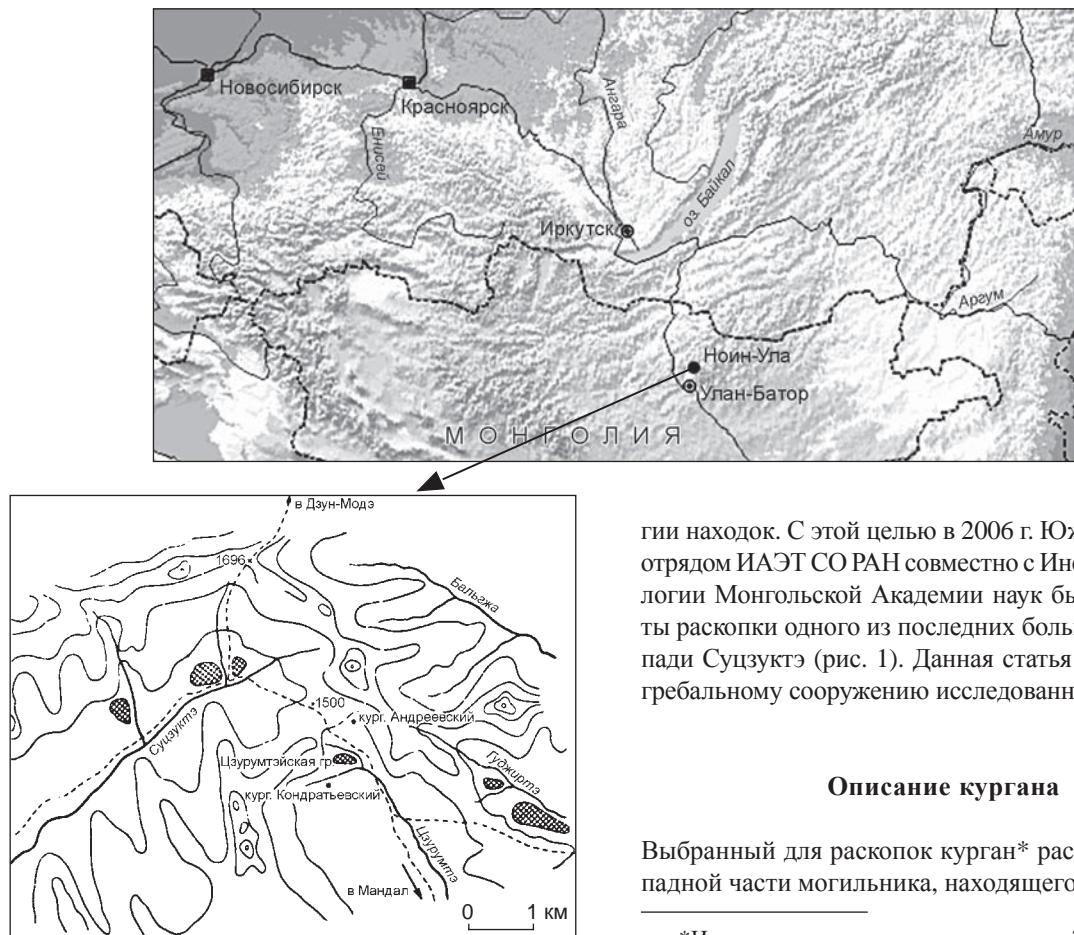

Рис. 1. Карта расположения могильников хунну в горах Ноин-Ула (по результатам работ экспедиций П.К. Козлова в 1924–1926 гг.).

ии находок. С этой целью в 2006 г. Южно-Алтайским отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с Институтом археологии Монгольской Академии наук были предприняты раскопки одного из последних больших курганов в пади Суцзуктэ (рис. 1). Данная статья посвящена по-гребальному сооружению исследованного кургана.

Описание кургана

Выбранный для раскопок курган* располагался в западной части могильника, находящегося на северном

*Исследование площади, прилегающей к кург. 20, с помощью геофизических методов показало отсутствие каких бы то ни было археологических объектов вокруг этого по-гребального сооружения [Полосьмак и др., 2007].

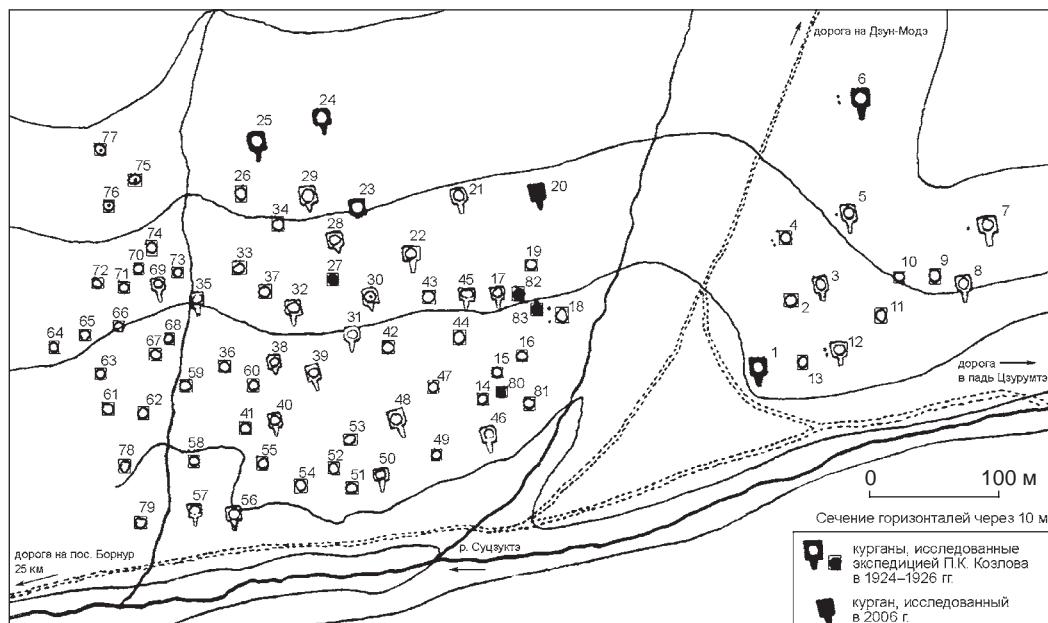

Рис. 2. План могильника Суцзуктэ (по результатам работ экспедиций П.К. Козлова в 1924–1926 гг.).

склоне лесистой пади Суцзуктэ, в глубине горного массива (рис. 2)*. Объект представлял собой задернованную плоскую четырехугольную платформу размерами 20×19 м, вытянутую по линии север – юг, с редкими выступающими камнями ограды по краям (рис. 3). В центре находилась большая воронка диаметром ок. 5 м и глубиной 3,5 м. От южной стенки ограды в южном направлении отходил дромос в виде невысокой (не более 0,5 м) насыпи. Длина дромоса 17 м, ширина на уровне древней поверхности у стенки ок. 9 м, в конце – 3 м.

После расчистки на уровне древней поверхности была выявлена сложенная из камней и валунов четырехугольная ограда размерами 20×19 м, ориентированная стенками по сторонам света (рис. 4). Высота стенок каменной ограды составляла 0,5–1 м. Пространство внутри ограды разделено по линии восток – запад на три части двумя перегородками из крупных валунов и камней, уложенных друг на друга. Перегородки шли вглубь до первого каменного перекрытия, которое было обнаружено на глубине 5,5–6 м. Учитывая характер укладки камней, можно предположить, что перемычки сооружались одновременно с засыпкой ямы и делили котлован на отсеки. Подобной перемычкой из камней и валунов был перекрыт по всей глубине «вход» в курган со стороны дромоса. На уровне первого перекрытия «вход» с запада на восток перегораживали деревянная плаха и ряд из мелких камней. Около северной стенки внутри ограды на уровне древней дневной поверхности было зафиксировано скопление крупных валунов, которое тоже уходило вглубь и упиралось в первое каменное перекрытие. Уходящий в южном направлении дромос был оконтурен рядом камней. Дромос на уровне древней дневной поверхности с севера на юг по центру был разделен перемычкой из мелких камней, которая не имела продолжения вглубь. Схожая конструкция прослежена в кург. 54 в Ильмовой Пади (Забайкалье) [Коновалов, 1976, с. 153, рис. 113], кург. 20 могильника Гол Мод (Монголия) [Gergely Csiky, 2007, р. 57–58], кург. 7 могильника Царам (Кяхтинский р-н Республики Бурятия) [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 194–195, рис. 2], а также в курганах могильника Дуурлиг Нарс (Восточная Монголия), исследуемого экспедицией Корейского Национального музея [Eunjeong Chang, Changseo Ywangbo, Sangdeok Yoon, 2007].

Могильная яма, границы которой подходили к ограде, занимала всю площадь кургана (ее длина в верхней части по линии запад – восток 18 м, север – юг – 16 м) и имела нехарактерную для ноин-улинских памятников глубину – 18,35 м (наибольшая глубина одного из исследованных ранее в этом могильнике курганов 13,1 м).

*На плане, составленном П.К. Козловым, это кург. 20.

Рис. 3. Курган 20 могильника Суцзуктэ до начала раскопок. Вид с юго-запада.

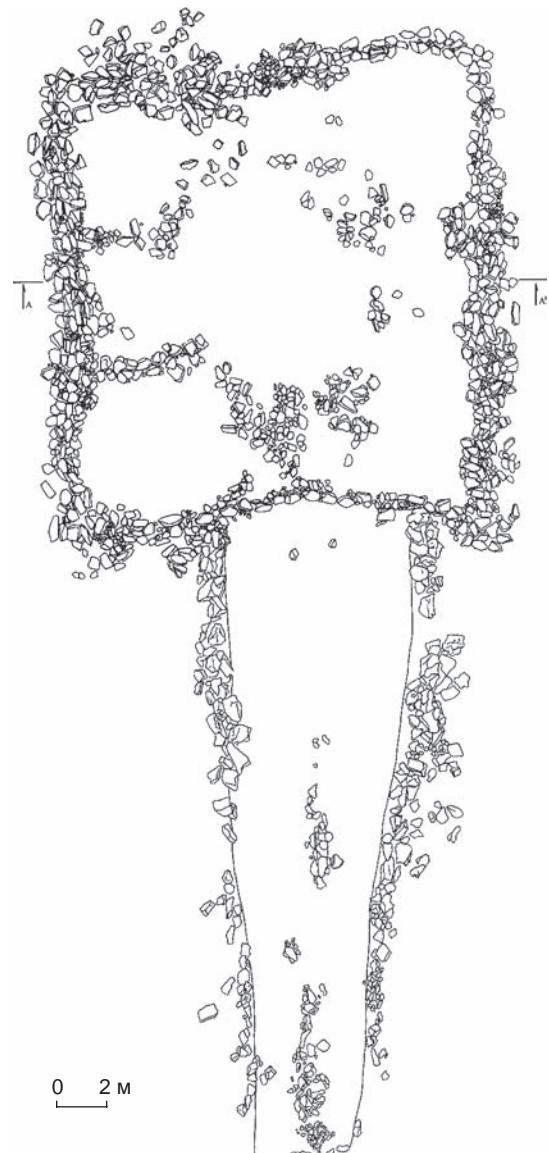

Рис. 4. План надмогильного сооружения кург. 20 на уровне древней дневной поверхности.
Здесь и далее рисунки В. Ефимова и В. Кофторова.

Рис. 5. Вид на могильную яму кург. 20 после зачистки первого каменного перекрытия.

Рис. 6. Первое каменное перекрытие. Вид с севера.

Рис. 7. Процесс зачистки второго каменного перекрытия.

Яма была вырыта в плотном слое глины, мелкого галечника и щебня. Ее стенки имели уступы (сту-пени), более широкие и ярко выраженные с восточ-ной и западной сторон (рис. 5–10). Уступов было пять. Последняя ступень на глубине 12,35 м была сделана уже после обрыва дромоса, когда глинистый слой сменился песчаным. Далее стенки моги-лы отвесные. Каждой из четырех верхних ступеней соответствовало каменное перекрытие; последнее располагалось на глубине 8,5–10,3 м. Между пере-крытиями могильную яму заполняли утрамбован-ные разноцветные глины, редкие камни, щебень и гумусированные прослойки.

Все внутримогильные конструкции по центру были нарушены грабительской «шахтой». Ее заполняли крупные камни, глина и мощные уг-листые прослойки. Появление угля объясняется, вероятно, тем, что грабителям, продвигавшимся в глубь ямы, приходилось заниматься оттаива-нием замерзшего грунта*. Кроме того, над пе-рекрытием погребальной камеры был мощный слой угля, также маркировавший грабительский лаз. Корейским археологам в процессе раскопок кургана могильника Дуурлиг Нарс удалось про-следить, что грабительский лаз укреплялся на всем протяжении деревянной конструкцией, без которой он вряд ли мог устоять на больших глубинах хуннуских могил [Ibid, p. 229, pic. 6].

Перекрытия в могильной яме кург. 20 состо-яли из камней и валунов; они были плотно уло-

*Во всех исследованных ноин-улинских курганах зафиксирована мерзлота [Руденко, 1962, с. 10–22].

Рис. 8. Вид на могильную яму кург. 20 на уровне второго и третьего каменных перекрытий.

Рис. 9. Четвертое каменное перекрытие.

жены в один слой по всей площади. Поверх первого перекрытия в южной части находился слой серповидных очертаний более мелкого камня (см. рис. 6). В последнем, четвертом, перекрытии непосредственно перед входом в дромос из камня была выложена площадка прямоугольной формы (см. рис. 9). На уровне четвертого перекрытия (на глубине 8,5 м) вдоль северной стенки ямы обнаружено скопление черепов лошадей, козлов и овец (более 20 особей), засыпанное сверху камнями, грунтом, углами и остатками сгоревших деревьев, – типично хуннская особенность обряда, который исполнялся при погребении и знатных, и рядовых представителей общества. Черепа домашних животных – свидетельства тризны – символизировали стадо, без которого невозможна жизнь скотовода.

Интересной конструктивной деталью кург. 20 являются расположенные друг против друга небольшие ниши в западной и восточной стенках могильной ямы (см. рис. 10). Учитывая характер углублений, а также то, что они расположены на одной глубине (ок. 10 м), на уровне обрыва дромоса, можно предположить их назначение. Скорее всего, в эти ниши вставляли несущие балки, на которые укладывали деревянное перекрытие; на него древние строители вытаскивали грунт, а затем выносили его по дромо-

Рис. 10. Вид на могильную яму на уровне пятой ступени в процессе работы.

Рис. 11. Остатки зонта ханьской колесницы.

Рис. 14. Фрагмент колеса колесницы.

Рис. 12. Боковая стенка колесницы.

Рис. 15. Вид на деревянное перекрытие сруба.

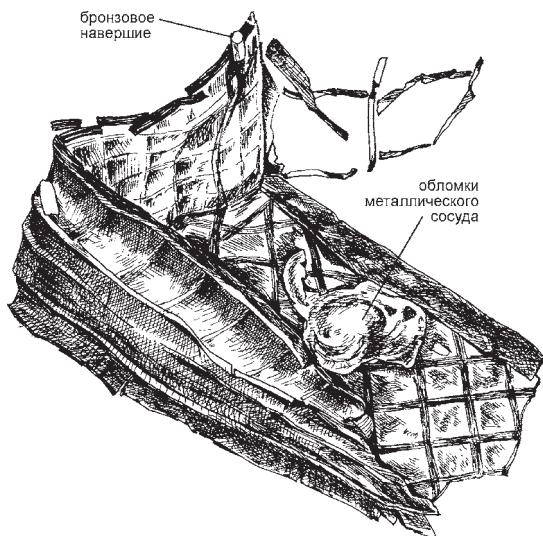

Рис. 13. Сиденье и часть кузова ханьской колесницы.

су из кургана. Такое приспособление позволило им выкопать столб глубокую яму, кроме того, на уровне обрыва дромоса, на глубине 10,4 м, изменился состав грунта: глину и мелкий щебень сменил песок, копать который было легче.

Под четырьмя каменными перекрытиями на глубине 11,62 м и на уровне последней, пятой, ступени ближе к восточной стенке были обнаружены остатки ханьской колесницы, заложенные камнем. Хорошо сохранились бронзовые фигурные концы деревянных спиц зонта с остатками кожи и шелковых лент (рис. 11), часть кузова из дерева, покрытого красным и черным лаком (рис. 12, 13), фрагменты колес (рис. 14) и бронзовые позолоченные детали. Под сиденьем колесницы находились сильно деформированные фрагменты металлического сосуда на небольшом поддоне и черпак (?). Половина колесницы была разрушена грабительским лазом, однако сохранившиеся части позволяют восста-

новить первоначальную конструкцию. Это легкая повозка с зонтом для высокопоставленного чиновника, идентичная некоторым из тех, которые изображались на ханьских рельефах и в живописи. Вполне возможно, колесницы были погребены и в других ноин-улинских курганах, но, поскольку памятники раскапывались с помощью узких шурfov, эти артефакты не были замечены исследователями, хотя бронзовые наконечники спиц зонтов ими были найдены [Руденко, 1962, табл. XXXIII].

Могильная яма, вырытая в песке, имела отвесные стены, закругленные углы. Ее заполнение состояло из очень плотной массы из щебня, камней и мокрой глины. Вдоль песчаных стен могилы на глубине до 16,2 м только по углам, а с глубины 17,7 м по всему периметру прослеживался уголь. Под слоем угля могильная яма была заполнена водой. Перекрытие погребальной камеры показалось на глубине 17,85 м. Оно состояло из обугленных в верхней части бревен и плах, уложенных по линии запада – восток (рис. 15). В центральной части было хорошо видно прорубленное грабителями отверстие размерами $0,5 \times 0,5$ м (рис. 16). Под давлением грунта и вследствие нарушения конструкции погребальной камеры грабителями перекрытие «сложилось» и лежало уже фактически на полу.

Погребальная конструкция состояла из внутреннего и внешнего срубов, собранных из сосновых плах*. Стенки срубов, а также внутренние подпорки (колонны) были разрушены. Однако достаточно хорошая сохранность дерева позволяет реконструировать погребальное сооружение со всеми особенностями (рис. 17). Внешний сруб был четырехвенцовый (размеры $4,8 \times 3,2$ м), внутренний – трехвенцовый; ширина бруса составляла ок. 35 см, толщина – 5–6 см. Короткие бревна стенки срубов (северная и южная) были врублены в паз в длинные (восточная и западная). В нижних плахах внутреннего сруба по центру имелся продольный паз, в который вставлялся специальный выступ, сделанный в верхних плахах. Оба сруба длинными стенками плотно примыкали друг к другу, т.е. отсутствовали западный, восточный и южный «коридоры», которые фиксировались в исследованных ранее ноин-улинских курганах [Там же, рис. 5, 10, 12, 15]. В северном отсеке, забитом

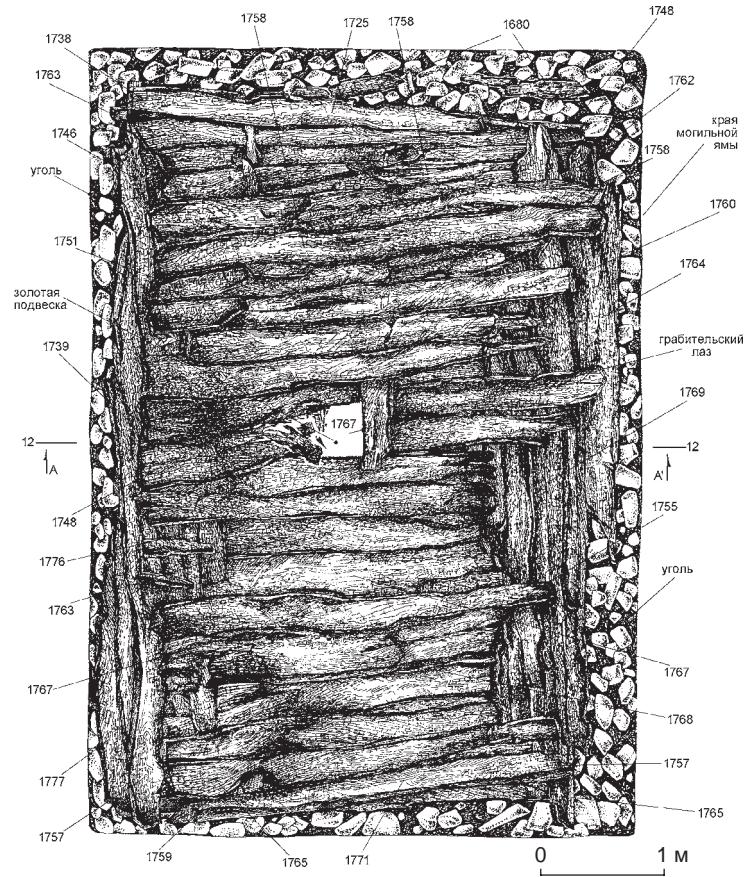

Рис. 16. План деревянного перекрытия.

камнями, находились три разбитых глиняных сосуда и фрагменты ткани. Согласно реконструкции, высота внешнего сруба не превышала 1,4 м, внутреннего – 1 м. Потолок внутренней камеры лежал на стенках сруба и балке, которая поддерживалась двумя колоннами, укрепленными в полу, а потолок внешнего сруба опирался на его стены и три балки, поддерживаемые девятью колоннами, как это было и в первом ноин-улинском кургане [Там же, рис. 12]. Срубы были установлены на пол из 15 сосновых плах (уложены по линии запад – восток), стесанных с четырех сторон и плотно подогнанных друг к другу (рис. 18, 19). Ширина плах составляла 32 см, толщина – ок. 5 см. Пол погребальной камеры покоялся на двух квадратных ($0,1 \times 0,1$ м) в разрезе брусьях, расположенных по линии север – юг.

Покрытый красным лаком сосновый гроб был разбит грабителями практически в щепу. Но, судя по фрагментам, конструктивно он, скорее всего, был аналогичен другим гробам, найденным в ноин-улинских курганах [Там же, с. 11–12, рис. 7, 8]: его дно и стенки были собраны из толстых досок, которые скреплялись с помощью шпеньков. Рядом с обломками лежали три бронзовые ручки гроба. Остан-

*Определение пород дерева, из которых сделаны срубы и гроб, произведено д-ром биол. наук В.Е. Беньковой (Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН (г. Красноярск)).

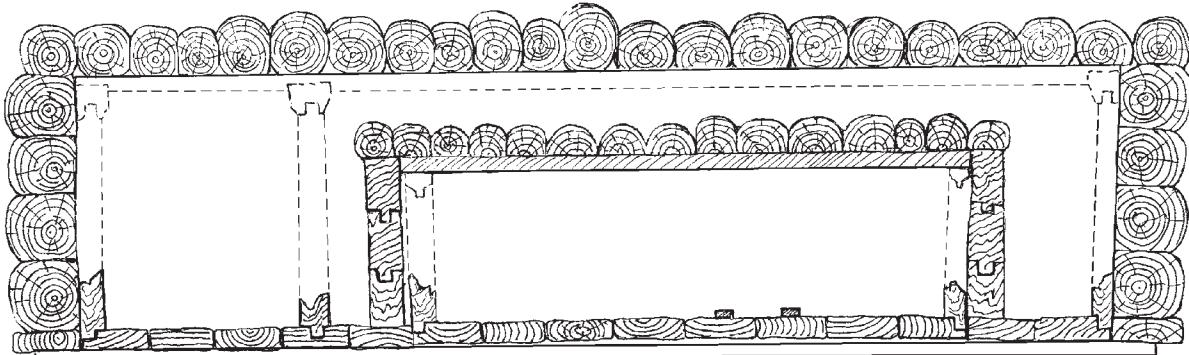

Рис. 17. План погребальной камеры (реконструкция).

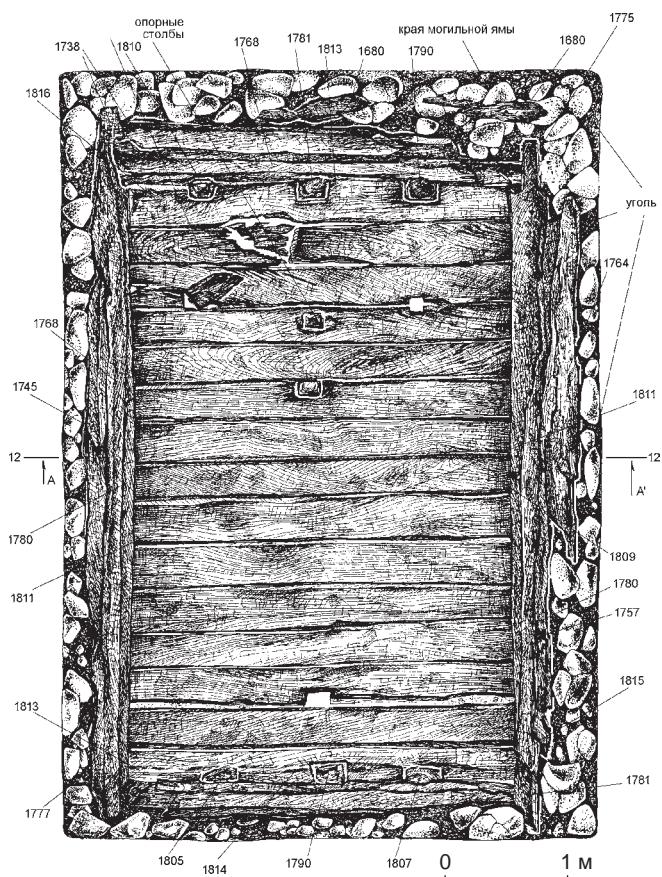

Рис. 18. План пола погребальной камеры.

Рис. 19. Вид на пол погребальной камеры после снятия находок.

ки погребенного человека отсутствовали. Весь пол погребальной камеры был застелен войлочным, крытым шерстяной и отделанным шелковой тканью, ковром с аппликациями в виде спиралей в центре и животных по краям. Аналогичный ковер найден в ноин-улинских кург. 1 и 6 [Там же, с. 16, рис. 48] и кург. 20 Гол Мод [Bourret, Steffen, 2007, р. 90–91]. Ковер был усыпан зерном (в настоящее время определяется его родовая принадлежность) и затянут сло-

ем светло-серой вязкой глины, в которой находилась часть из того, что было когда-то положено в погребение, – предметы конской упряжи и ее украшения из серебра и меди, лаковая посуда и вышитые шелковые ткани, фрагменты нефритовых изделий, курильница, зеркало, черепаховые шпильки и т.д. Вода размыла и затянула внутрь погребального сооружения глину, специально уложенную между стенками могильной ямы и погребальной камеры.

Основные выводы и интерпретация

Сложность внутримогильной конструкции, разделенной на отсеки, с несколькими мощными каменными или бревенчато-каменными перекрытиями во всех больших и средних курганах объясняется, на наш взгляд, тем, что большие по площади и глубине могильные ямы знатных хунну должны были засыпаться так основательно, чтобы по прошествии времени сооружения не проседали. Могильные ямы были не только местом захоронения, но и фундаментом для невысокой наземной части погребального сооружения, размеры которой соответствовали контуру ямы.

Могилы хунну заполнялись плотно утрамбованными слоями специально подобранных грунта (глина, щебень, галька), которые чередовались со слоями камней-перекрытий (или как в Цараме – слои бревен, тростника, бересты и каменных плит). Отсеки были предназначены для плотной забутовки ямы. Забутовка производилась по всем правилам строительной технологии. В эллинистическую эпоху фундамент общественных зданий и храмов делали в виде стенок, пересекающихся под прямым углом; примером может служить фундамент Пергамского алтаря*. Для засыпки фундаментов использовали уголь и песок, впитывающие влагу. Материалы с влагопоглощающими свойствами применялись и при устройстве земляных полов в жилых помещениях [Там же, с. 104].

Многослойное, сложное и плотное заполнение ямы должно было предотвратить проникновение в могилу грабителей. Количество перекрытий, их конструктивные особенности могут быть как-то связаны с представлениями хунну о загробной жизни и символизировать небеса, которым они поклонялись.

В ходе раскопок 2006 г. стало совершенно очевидно, что курганы шаньюев и, вероятно, средние

*«Все здание представляло собой в плане почти равносторонний прямоугольник – 36,80 × 34,20 м. Вся эта площадь пересечена прямыми параллельными фундаментными стенками, расположеными на одинаковом друг от друга расстоянии. Одни из них проходят с севера на юг, другие пересекают их под прямым углом и идут с запада на восток. Таким образом между стенками получаются пустые клетки продолговатой формы, т.к. стенки, идущие с севера на юг, имеют толщину в 0,50 м, а перпендикулярные к ним – толщину в 1 м; по краям вся конструкция окаймлялась массивными стенами толщиной в 3–3 м... Фундаменты сложены насухо из грубо отесанных квадров мягкого трахитного туфа и не имеют никаких механических соединений. Пустые пространства между стенками заполнены землей, камнями и всякими отбросами. Сверху пустоты были прикрыты ровными рядами больших каменных плит» [Максимова, 1948, с. 84–85]. Это описание типично-го фундамента вполне соответствует тому, что мы видим в погребениях хунну.

курганы, как на могильниках Гуджиртэ или Дуурлиг Нарс (Монголия), строились по аналогии с ханьскими погребениями (рис. 20). Единственная уступка традициям хунну – захоронение в северной части могильной ямы большого количества черепов домашних животных. Ханьские строительные традиции соблюдались как в выборе места захоронения, так и в устройстве самого погребального сооружения и гроба. Для ноин-улинских захоронений (все три пади в горах Ноин-Ула) были выбраны живописные отроги гор, поросшие густым сосновым лесом, с ручьями и рекой, настоящие охотничьи угодья, в которых до сих пор водится много зверей и птиц. Согласно китайским источникам, уже в начале эпохи Чжоу действовали правила, по которым простых смертных должны были хоронить на равнинах, знатных – на холмах, а императоров – на вершинах гор [Васильев, 2001, с. 68–69]. Если учитывать эту китайскую традицию, то можно предположить, что в укромных падях Ноин-Улы похоронены знатные представители хунну. «Удачно выбранному участку для могил предков придавалось огромное значение, поскольку считалось, что это оказывает решающее влияние как на

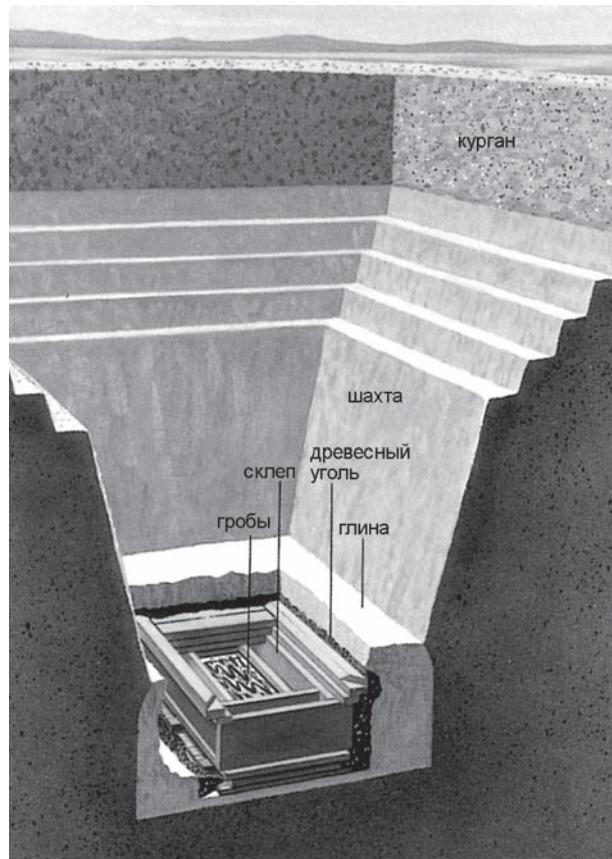

Рис. 20. Разрез погребальной камеры. Мавандуй-1 (Западная Хань) (по: [Погребенные царства Китая, 1998, с. 147]).

самочувствие покойников, так и на благосостояние живых потомков» [Там же, с. 155].

Четырехугольную форму курганов хунну, пришедшую на смену круглым насыпям обитателей Центральной Азии скифской эпохи, можно объяснить китайским влиянием, поскольку эпохальным этот переход признать нельзя – сарматские курганы евразийских степей продолжали оставаться круглыми. Все ханьские погребальные сооружения, которые по сути являлись пирамидальными курганными насыпями, построены на прямоугольной или квадратной земляной платформе. Традиция делать платформы соблюдалась и при сооружении хуннских погребальных комплексов. Поскольку все курганы в центральной части сильно разрушены грабительскими воронками, мы не знаем, были ли какие-то еще сооружения на четырехугольных платформах (курганах) хунну.

По китайским меркам хуннские курганы не были большими. «Размеры насыпей, как свидетельствуют источники (“История младших Хань” и “История старших Хань”), строго нормировались ханьскими законами в соответствии со степенью знатности человека. Так, насыпи высотой более четырех чжан (12,8 м) могли иметь только члены императорской фамилии. Люди, принадлежавшие к рангу лехоу (высшая знать), могли иметь насыпь до 12,8 м, а обычные сановники – не более 1,5 чжан (4,8 м)» [Терехова, 1959, с. 42]. Но небольшие в своей наземной части курганы хунну нередко имели очень глубокие и обширные мо-

гили, сооружение которых требовало много времени. Если для китайских императоров гробницы начинали строить вскоре после их вступления на престол, то для знатных хунну – вероятно, только после их смерти. Следуя китайской традиции, государя полагалось хоронить через семь месяцев после кончины, аристократов высшего ранга – через пять, остальных – через три [Васильев, 2001, с. 151]. Времени вполне достаточно для того, чтобы подготовить могилу и срубы.

Как и у хунну, у населения окраин империи в течение всего периода Западная Хань и в начале Восточная Хань основным видом погребальных сооружений являлась грунтовая могила с деревянной конструкцией. Сюда относятся могильная яма без дромоса с деревянным саркофагом и могильная яма с дромосом, содержащая деревянную камеру [Терехова, 1959, с. 34]. «Могилы с дромосом по размерам и сложности конструкции, наличию насыпи, а также обилию и богатству погребального инвентаря (дорогие лаковые изделия, шелковые ткани, керамические модели, изображающие амбары с зерном, пашни, рисовые поля, многочисленных слуг и т.п.) могут быть определены как погребения наиболее зажиточной части населения» [Там же, с. 34–35]. Этот вывод относится и к хунну: могилы с дромосом отличаются внутренним устройством и относительным богатством сопровождающих вещей. Ступенчатые могильные ямы, прослеженные при раскопках ноин-улинского кург. 20 (рис. 21) и кург. 7 могильника Царам, широко представлены и на исследованных ханьских объектах.

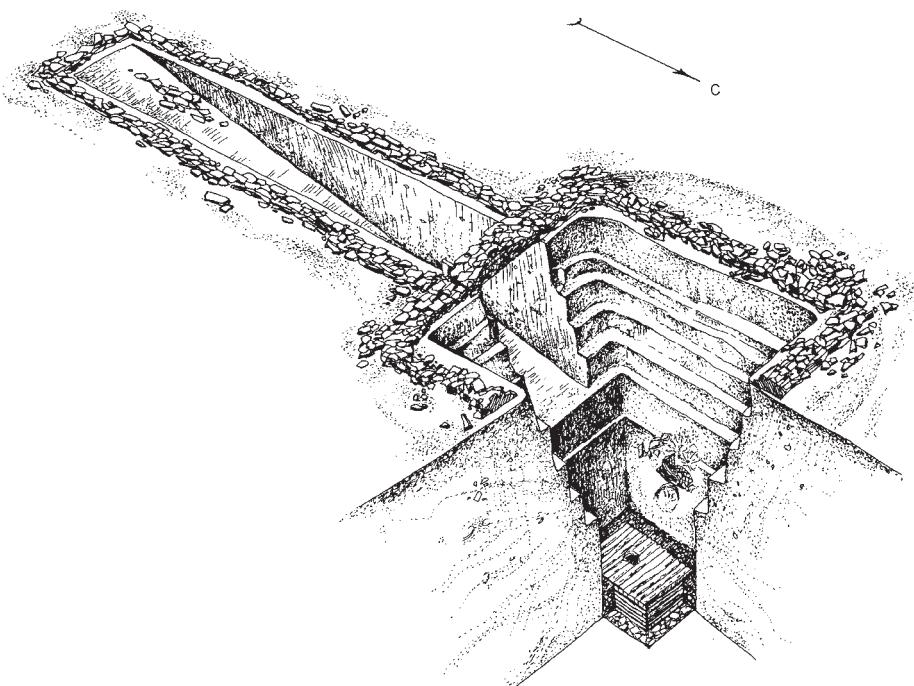

Рис. 21. Реконструкция могильной ямы кург. 20.

Вполне возможно, что хуннские курганы сооружались при помощи и участии китайских «перебежчиков».

По устройству погребальное сооружение княгини Синь (168 г. до н.э., Западная Хань) [Погребенные царства Китая, 1998, с. 146], находящееся на окраине современного г. Чанша, при всей своей грандиозности более всего напоминает мог. 20 ноин-улинского кургана. Это искусственно возведенный холм с плоской вершиной. Его высота ок. 4 м. Холм насыпан над 16-метровой могильной ямой. «...Родственники покойной стояли, по-видимому, на ступеньках, вырытых с четырех сторон у входа в сужающуюся книзу воронкообразную шахту, на дне которой в оболочке из глины находился массивный кипарисовый склеп» [Там же, с. 146–147]. Само место захоронения окружено примерно метровым слоем белой глины. Находящийся внутри склеп покрыт слоем (37–48 см) древесного угля. Тело княгини было уложено в гроб, обтянутый расшитым шелком. Четыре дополнительных отделения склепа вмещали погребальные предметы. Вокруг склепа было уложено 5 т древесного угля, хорошо впитывающего влагу; сверху склеп был запечатан слоем глины в 3 фута толщиной. До самой поверхности шахта была заполнена утрамбованной землей [Там же].

Вероятно, толстый слой древесного угля вокруг погребальной камеры характерен для всех раскопанных больших курганов в горах Ноин-Ула. Так, П.К. Козлов писал, что «с 5–6 аршин глубины шурфа в Кондратьевском кургане стало обнаруживаться много угля» [2003, с. 287]. Слои древесного угля зафиксированы С.С. Миняевым в третьем и четвертом перекрытиях в кург. 7 могильника Царам [Миняев, Сахаровская, 2007, с. 195]. В ноин-улинском кург. 20 впервые зафиксирована специально уложенная вдоль стен и на дне, под полом погребальной камеры, светло-серая глина, которая вместе с углем должна была на века «запечатать» погребение, как это было в Мавандуе-1. Но герметичность склепа была нарушена в результате воздействия грунтовых вод и вторжения грабителей.

В устройстве деревянных погребальных камер из сосны с отсеками (коридорами) для сопроводительного инвентаря, значительно отличающихся от склепов скифского времени (например, пазырьских), явственно прослеживается китайская традиция, сложившаяся еще в период Чжаньго и получившая широкое распространение в эпоху Хань. Сосновые гробы, покрытые лаком, нередко расписные, были изготовлены безусловно китайцами [Руденко, 1962, с. 115].

Причина китаизации погребального обряда хунну состоит, на наш взгляд, в том, что, имея имперские амбиции, высший слой хуннского общества копиро-

вал культурные традиции (и не только погребальные) империи Хань, с которыми хунну были хорошо знакомы. Кроме того, проведение погребального обряда так, как это было принято у китайцев эпохи Хань, соответствовало менталитету хунну. И те, и другие поклонялись Небу, а шаньюи, как и ханьские императоры, считали себя «сынами Неба».

Список литературы

- Васильев Л.С.** Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – 482 с.
- Козлов П.К.** Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1924. – СПб.: Наука, 2003. – 1037 с. – (Науч. наследие; т. 30).
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 247 с.
- Максимова М.И.** Строительная техника // Энциклопедическая техника / под ред. И.Н. Толстого. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 57–191.
- Миняев С.С., Сахаровская Л.М.** Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. – 2007. – № 1. – С. 194–201.
- Погребенные царства Китая.** – М.: Терра–Книжный клуб, 1998. – 168 с.
- Полосьмак Н.В., Дядьков П.Г., Адайкин А.А., Богданов Е.С.** Геофизические исследования кургана хунну могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 234–239.
- Руденко С.И.** Культура хунну и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.
- Терехова Н.П.** Погребальные конструкции эпохи Хань // СА. – 1959. – № 3. – С. 28–47.
- Bourret S., Steffen A.** La naissance d'un heritage // Mongolie, les Xiongnu de l'Arkhangai. Mission archéologique française en Mongolie. – P.: Mission archéologique française en Mongolie: Musée national des Arts asiatiques-Guimet, 2007. – P. 89–91.
- Eunjeong Chang, Changseo Ywangbo, Sangdeok Yoon.** Archaeological research on Xiognu tombs of Duurlig Nars, Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. – Seul: National Museum of Korea, 2007. – P. 214–231.
- Gergely Csiky.** L'architecture funéraire Xiongnu // Mongolie, les Xiongnu de l'Arkhangai. Mission archéologique française en Mongolie. – P.: Mission archéologique française en Mongolie: Musée national des Arts asiatiques-Guimet, 2007. – P. 57–58.

УДК 903.08

И.В. Филатова

*Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
ул. Кирова, 17, корп. 2, Комсомольск-на-Амуре, 681000, Россия
E-mail: inga-ph@mail.ru*

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НИЖНЕАМУРСКОГО НЕОЛИТА

Статья посвящена проблеме орнаментальных традиций неолита нижнего Амура. На основе структурного и функционального анализа декора на керамике как «языка культуры» в орнаментике малышевской, кондонской и вознесеновской культур выявлены сходные признаки, определено их соотношение. Малышевская и вознесеновская орнаментика характеризуется преобладанием оттисков гребенчатого штампа и зубчатого колесика, окрашиванием различных частей сосудов, оформлением венчиков сосудов прямыми и волнистыми валиками, наличием мотивов меандра, спиралей, личин, концентрическим построением композиций. В малышевском и кондонском декоре доминируют оттиски гребенчатого штампа, присутствует мотив сетки-плетенки типа «амурская плетенка». Кондонский и вознесеновский орнамент сближает использование оттисков гребенчатого штампа, наличие мотива «каннелюры». По-видимому, малышевский и вознесеновский комплексы можно рассматривать как компоненты одной, кондонский – другой орнаментальных традиций. Присутствие в декоре на керамике всех трех нижнеамурских культур орнаментальных мотивов-инвариантов, ассоциирующихся с водой, свидетельствует об общей парадигме их развития и позволяет предположить, что у их носителей была горизонтальная «речная» модель мира.

Введение

Нижнее Приамурье – территория долины р. Амур от низовьев р. Уссури до устья – входит в число культурных ареалов Дальнего Востока, которые отличаются насыщенностью материалами гончарного производства эпохи неолита. Изучение нижнеамурских неолитических памятников в целом связано с деятельностью Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова. Благодаря работам А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.Е. Медведева, А.К. Конопацкого и других исследователей была сформирована крупная источниковая база, включающая разнообразный материал. На основе его в археологии нижнего Амура были выделены пять неолитических культур: осиповская, марийская, малышевская, кондонская и вознесеновская. Данные стратиграфии и радиоуглеродного датирования позволили соотнести осиповскую культуру

(XIV–X тыс. лет до н.э.) с начальным, марийскую (VIII–VII–VI тыс. лет до н.э.) – с ранним, малышевскую (VI–V – середина III тыс. лет до н.э.) – с ранним средним, кондонскую (VI – середина III тыс. лет до н.э.) – с ранним (?) средним, вознесеновскую (середина III – последняя четверть II тыс. лет до н.э.) – с поздним неолитом [Медведев, 2005б, 2006].

Памятники малышевской (Малышево, Гася, Вознесенское, поселение на о-ве Сучу и др.), кондонской (Кондон-Почта) и вознесеновской (Вознесенское, Кондон-Почта, поселение на о-ве Сучу и др.) культур характеризуются представительными коллекциями керамики с богатым и разнообразным декором. Керамика с памятников осиповской (Гася, Хумми и др.) и марийской (поселение на о-ве Сучу) культур немногочисленна, поэтому составить исчерпывающее представление об орнаменте трудно. Цель данной статьи – по результатам структурного и функционального анализа выявить черты сходства и различий в декоре на

керамике мальшевской, кондонской и вознесеновской культур, а также определить соотношение этих орнаментальных комплексов.

Историография орнаментики нижнеамурского неолита

Орнаментальные традиции нижнеамурских неолитических культур детально не исследовались, хотя проблема представляется актуальной, поскольку нижний Амур является зоной активного культурогенеза [Медведев, 2006, с. 288] и результаты сопоставления выявленных здесь орнаментальных комплексов могут дать ответ на вопрос, есть ли преемственная связь между культурами региона и сопредельных территорий.

В работах А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, В.Е. Медведева, А.К. Конопацкого и других исследователей декору на керамике уделяется достаточно много внимания. По мнению А.П. Окладникова, в искусстве нижнеамурского неолита «отлична от остальной сибирской прежде всего орнаментика» [2003, с. 67], т.е. орнамент является основным культуроопределяющим знаком. В стадиальной характеристике мальшевской, кондонской и вознесеновской культур А.П. Деревянко опирается на морфологические и декоративные признаки сосудов [Деревянко, 1972, с. 45–47]. Критериями для выделения раннего, развитого («этап классических культур») и позднего этапов в периодизации нижнеамурского неолита, предложенной А.К. Конопацким, выступают типологические признаки орнамента на керамике [Конопацкий, Мыльникова, 1994]. Общая характеристика орнаментики всех выделенных неолитических культур на основе сравнительно-типологического и формально-типологического анализа представлена в работах В.Е. Медведева [2000; 2001; 2005а,б; 2006]. Естественно-научные методы исследования технологии изготовления и орнаментики сосудов опробованы Л.Н. Мыльниковой при анализе керамики поселения Кондон-Почта [1999]. Комплексная методика использовалась при изучении целых археологических комплексов [Шевкомуд, 2004]. Исследование орнамента на нижнеамурской неолитической керамике характеризуется разнообразием методологических подходов, попытками найти наиболее адекватные методические приемы и способы изучения.

Методология и методика исследования орнаментальных традиций нижнеамурского неолита

В понимании традиции мы придерживаемся точки зрения Э.С. Маркаряна: «культурная традиция – это

выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [1981, с. 80]. Средствами фиксации, хранения, преобразования и передачи жизненного опыта, помимо собственно «человеческого языка», могут выступать и т.н. языки культуры. Язык культуры – совокупность культурных объектов, обладающая внутренней структурой (комплексом устойчивых отношений, инвариантных при любых преобразованиях), явными (формализованными) или неявными правилами образования, осмыслиния и употребления ее элементов и служащая для осуществления коммуникативных и трансляционных процессов (производства культурных текстов) [Культурология..., 1998, с. 215]. Каждому языку культуры соответствует, как правило, своя область действительности или человеческой деятельности, представленная в определенных смыслах, а также собственно знаковая система – выразительное средство языка.

Роль одного из таких «языков культуры» в архаичном обществе, на наш взгляд, выполняет орнамент – узор, построенный на регулярно ритмическом чередовании и организованном расположении абстрактно-геометрических или изобразительных элементов. Орнамент является объектом специального изучения археологов, этнографов, искусствоведов, культурологов, семиотиков и пр. Среди основных в исследованиях назовем искусствоведческий (Ю.Я. Герчук 1998], Л.М. Буткевич [2005]), нередко с привлечением методов точных наук, сравнительно-исторический (С.В. Иванов [1963]), семантический (В.В. Евсюков [1988]), информационно-семиотический (В.Б. Ковалевская [1970]), формализованный (В.Ф. Генинг [1992]) подходы. Это свидетельствует о многоаспектности исследуемого нами явления.

В орнаменте на керамике одинаково важными представляются как его технические, так и декоративные составляющие. Большое значение имеет способ взаимодействия с поверхностью сосуда – техника нанесения декора. Выделяют два вида орнамента: рельефный (углубленный, выпуклый) и плоскостной [Глушков, 1996, 63]. Декоративные качества орнамента во многом зависят от формальных признаков его структурных единиц – пространственного строения (простые и сложные), формы (замкнутые и разомкнутые), характера очертаний (прямолинейные и криволинейные).

Технические характеристики технико-декоративного элемента как минимальной единицы структуры орнамента определяются способом его создания. В самом общем виде в качестве нормы (типа) можно рассматривать модель, образованную одним движением орнамента с замкнутой формой, которая изначально задана

самим инструментом. Прочие модели могут быть определены как отступления от нормы (варианты).

Повторение элементов, в результате которого образуется орнаментальный ряд, дает мотивы простые по строению, форме и характеру очертаний. Это прямые (горизонтальные, вертикальные, наклонные) и изогнутые линии (дуги, углы). Использование различных принципов построения (повтор, чередование) не только элементов, но и орнаментальных рядов приводит к образованию сложных мотивов, таких как зигзаг, меандр, спираль, сетка и пр.

В композиции средствами выражения формальных признаков служат в первую очередь метр, ритм, симметрия и тектоника. На основе метрических и ритмических повторов, симметрии или асимметрии в пространстве организуются (1) неограниченные закрытые (бордюр), (2) неограниченные открытые (сетка), (3) ограниченные закрытые (розетка) орнаменты. Однако при характеристике композиций на глиняных сосудах необходимо учитывать зоны размещения орнамента; при всей его самодостаточности как системы декор нельзя рассматривать отдельно от изделия. Таким образом, структура орнамента включает три компонента: фон (внешняя поверхность сосуда), мотив (простейшая единица сюжетного развития) и разграничительную линию, которая отмечает сорасположение мотива и фона, а также различных мотивов.

Как всякая организованная по определенным правилам система знаков, орнамент фиксирует, кодирует, сохраняет и передает информацию, т.е. выступает в качестве специфического текста. В этом проявляется его основная функция – семантическая. Восприятие орнамента как текста позволяет проводить определенные параллели между ним и письменным текстом в привычном для нас понимании. Поскольку пространство, на котором расположен печатный текст, выполняет свои семиотические функции, можно предположить, что определенное значение имеет и фон. Мотив в этом случае следует рассматривать как собственно текст, а разграничительную линию – как отступ в печатном тексте перед началом нового абзаца: он отделяет друг от друга различные элементы сообщения, указывает на их относительную обособленность и связь.

При выявлении и формулировке семантического содержания компонентов орнамента мы учтем: во-первых, значимость позиций компонентов в рамках композиционного целого; во-вторых, что перед нами знаки-копии, которые в силу техники своего воспроизведения (примитивизм, схематизм) обнаруживают признаки знаков-индексов, а в некоторых случаях, возможно, трансформируются в индексы; в-третьих, компоненты фиксируют важные актуальные реалии окружающего мира; в-четвертых, семантика таких знаков может быть описана преимущественно

через абстрактные категории; в-пятых, не каждый отдельный элемент орнамента семантичен. Нами предлагается модель, которая предполагает описание по следующим позициям: 1) название мотива; 2) разновидность (указываются в случае их наличия, каждый описывается отдельно); 3) чем образован; 4) количество повторений; 5) место расположения (венчик, туло, днище); 6) ориентация (вертикальная, горизонтальная, неопределенная); 7) выступает ли самостоятельно или с другими мотивами; 8) мотивы-контактеры; 9) мотивы-дистантеры; 10) ориентация контактеров и дистантеров в пространстве; 11) наличие фиксированной позиции; 12) инварианты (бордюр, сетка, розетка); 13) функция фона. Эта модель позволяет, на наш взгляд, составить набор основных семантических характеристик орнаментального комплекса керамики той или иной культуры.

Результаты структурного анализа орнаментальных комплексов керамики

Структурный анализ выявил в орнаментальных комплексах малышевской, кондонской и вознесеновской неолитических культур нижнего Амура черты сходства и различий. Так, рельеф как принцип (терминология по И.Г. Глушкову) декорирования поверхности сосудов является ведущим для малышевской и вознесеновской и единственным – для кондонской культур. Во всех трех орнаментальных комплексах он представлен негативными (доминируют) и позитивными изображениями.

Негативный рельеф во всех трех культурах создавался различными способами – штампованием, накаливанием, насеканием, «шаганием», прокатыванием, протаскиванием, протягиванием, прочерчиванием. Штампованием чаще всего использовалось носителями малышевской и кондонской культур. Вознесеновцы прибегали, как правило, к прокатыванию и протаскиванию, реже – к штампованию. Для всех трех орнаментальных комплексов обычно применение сочетания двух-трех и более способов декорирования. Негативным рельефом оформлялись все основные зоны размещения декора. Позитивный рельеф в керамике всех трех культур получали налеплением и защипыванием. В малышевском и вознесеновском орнаментальных комплексах он характерен прежде всего для оформления венчиков. Представители кондонской культуры позитивным рельефом украшали сосуды, как правило, определенного типа. Плоскостной декор представлен в материалах малышевской и вознесеновской культур. В кондонской культуре такой отсутствует.

В целом использование рельефного орнамента в качестве ведущего принципа декорирования, а также

доминирование его негативной разновидности можно рассматривать как стадиальный признак орнаментальной традиции нижнеамурского неолита. Наличие окрашенной керамики в малышевском и вознесеновском орнаментальных комплексах и отсутствие таковой в кондонском, по всей видимости, являются культурными признаками.

Принципы декорирования поверхности сосудов напрямую связаны с технико-декоративными элементами как первичной единицей структуры орнамента. Выделенные нами по формальным признакам группы элементов – простые/сложные, прямолинейные/криволинейные – характерны для орнамента всех трех культур (рис. 1). В орнаменте малышевской, кондонской и вознесеновской культур к простым прямолинейным элементам негативного рельефа отнесены линии и желобки, позитивного – валики прямые. Их доля в разных орнаментальных комплексах неодинакова. Простые криволинейные элементы негативного рельефа малышевской керамики – оттиски дугообразные и угольчатые; кондонской и вознесеновской – дугообразные. В орнаменте всех трех культур сложные прямолинейные элементы включают оттиски гребенчатого штампа, а также квадратные и прямоугольные оттиски. В малышевском и кондонском орнаменте также имеются оттиски треугольные и ромбовидные, в малышевском и вознесеновском – фигурные. Среди прочих элементов в малышевском и вознесеновском орнаменте ведущими являются оттиски прямоугольные и фигурные, полученные прокаткой зубчатого колесика. Сложные криволинейные элементы во всех трех орнаментальных комплексах представлены круглыми и овальными оттисками, а также волнистыми валиками.

Таким образом, для всех орнаментальных комплексов характерно использование простых и сложных элементов, прямолинейных и криволинейных форм, что можно рассматривать в качестве стадиального признака. Доминирование в малышевской и кондонской керамике оттисков гребенчатого штампа, а в малышевской и вознесеновской еще и квадратных, прямоугольных и фигурных оттисков, полученных прокаткой зубчатого колесика, на наш взгляд, является культурно-стадиальным признаком. Характер же оттисков «гребенки» в малышевской, кондонской и вознесеновской керамике, а также следы использования техники прокатывания зубчатым колесиком и окрашивания в малышевском и вознесеновском орнаментальных комплексах следует оценивать как культурные признаки.

Следующая структурная единица – орнаментальные мотивы. Они подразделены нами на «геометрические» (рис. 2) и «негеометрические» (рис. 3). Первые отмечены во всех трех орнаментальных комплексах, вторые – только в малышевском и вознесеновском. Геометрические мотивы делятся на простые/сложные, разомкнутые/замкнутые, прямо- и криволинейные. В орнаменте всех культур к группе мотивов простых разомкнутых прямолинейных отнесена прямая линия. Мотивы простые разомкнутые криволинейные – линия изогнутая (дуга, угол) – имеются на малышевской, вознесеновской и отсутствуют в кондонской керамике. Мотивы сложные разомкнутые прямолинейные в малышевской и вознесеновской ке-

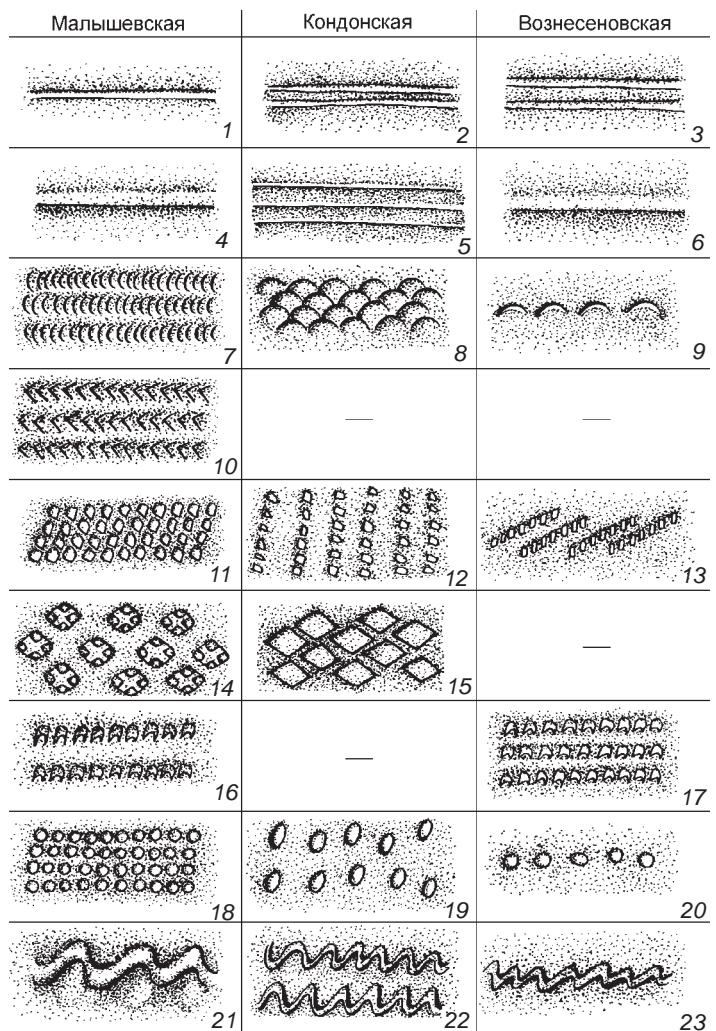

Рис. 1. Технико-декоративные элементы в орнаменте нижнеамурских неолитических культур

1, 4, 11, 18 – Вознесенское; 2, 3, 5, 6, 8, 12, 15, 19, 22, 23 – Кондон-Почта; 7, 14, 16, 17, 20, 21 – поселение на о-ве Сучу (14 – по: [Деревянко, Медведев, 1995, с. 28, рис. 10, 5]); 9 – Голый Мыс-5 (по: [Шевкомулд, 2004, с. 40, табл. 28, 5]); 10 – Гася (по: [Деревянко, Медведев, 1993, с. 84, рис. 57, 2]); 13 – Малышево-2. Зоны орнаментации: 1, 3, 6, 7, 9, 10, 17, 20, 23 – шейка; 2, 4, 5, 8, 11, 12, 14–16, 18, 19, 22 – туло; 13, 21 – венчик.

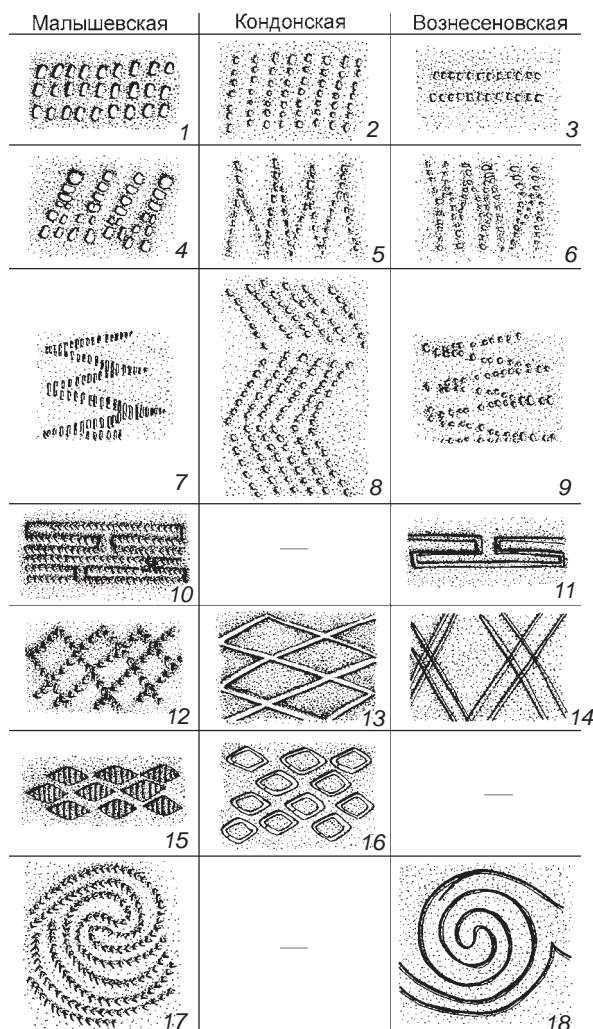

Рис. 2. «Геометрические» орнаментальные мотивы неолитических культур нижнего Амура.

1, 4, 12 – Вознесенское; 2, 5, 8, 13, 16, 18 – Кондон-Почта; 3, 6, 9, 10, 14, 17 – поселение на о-ве Сучу; 7, 15 – Гася (7 – по: [Деревянко, Медведев, 1993, с. 77, рис. 50, 3]; 15 – по: [Деревянко, Медведев, 1993, с. 82, рис. 55, 2]); 11 – Кольчем-3 (по: [Шевкомулд, 2004, с. 73, табл. 55, 2]).
Зоны орнаментации: 1, 2, 4–9, 11, 13–18 – тулов; 3 – венчик; 10, 12 – шейка.

рамике представлены зигзагом, меандром и сеткой, в кондонской культуре – зигзагом и сеткой. Мотивы сложные разомкнутые криволинейные в малышевской орнаментике – волнистая линия, спираль, волюта, в кондонской – волнистая линия, в вознесеновской – волнистая линия, спираль. Мотивы сложные замкнутые прямолинейные в малышевской керамике – треугольник, прямоугольник, ромб, в вознесеновской – треугольник, прямоугольник, в кондонской – не выделены. Мотивы сложные замкнутые криволинейные в малышевской и вознесеновской керамике представлены кругом и эллипсом. В целом для орна-

ментальных комплексов всех трех культур характерны мотивы сложные по строению, прямолинейных и криволинейных форм. «Негеометрические» изображения, т.н. личины, зафиксированы в малышевской (рис. 3, 1, 3) и вознесеновской (рис. 3, 2, 4) керамике. В малышевском орнаменте они носят преимущественно ярко выраженный стилизованный характер. В вознесеновской культуре представлены как сравнительно реалистичные, так и стилизованные формы. Можно говорить о качественном многообразии мотивов в орнаменте всех трех культур, причем вознесеновской керамике в значительной мере присущи образность, сюжетность.

Следующий структурный уровень орнамента – композиция (рис. 4). Для малышевского и кондонского декора основными средствами выражения формальных признаков в композиции являются метр и ритм. Для вознесеновской керамики метрические и ритмические порядки характерны только для простых и сложных прямолинейных мотивов. На наш взгляд, это является культурными признаками. Строение малышевского и вознесеновского орнамента, как правило, концентрическое (рис. 4, 1, 3, 4, 6); образцы с радиально-концентрической структурой (рис. 4, 7, 9) единичны. В кондонском орнаменте структура концентрическая (рис. 4, 2, 5) и радиально-концентрическая (рис. 4, 8). Типы пространственного построения композиции в орнаменте всех трех культур – бордюр, сетка, розетка в различных сочетаниях. Морфологические характеристики сосудов в построении орнаментальных композиций не являются решающими.

Рис. 3. «Негеометрические» орнаментальные мотивы («личины») неолитических культур нижнего Амура.

1, 3 – поселение на о-ве Сучу (1 – по: [Деревянко, Медведев, 1997, с. 54, рис. 1, 3]; 3 – по: [Деревянко, Медведев, 1995б, с. 226, 1]); 2 – Кондон-Почта; 4 – Вознесенское (по: [Медведев, 2005а, с. 47, рис. 8, 1]).

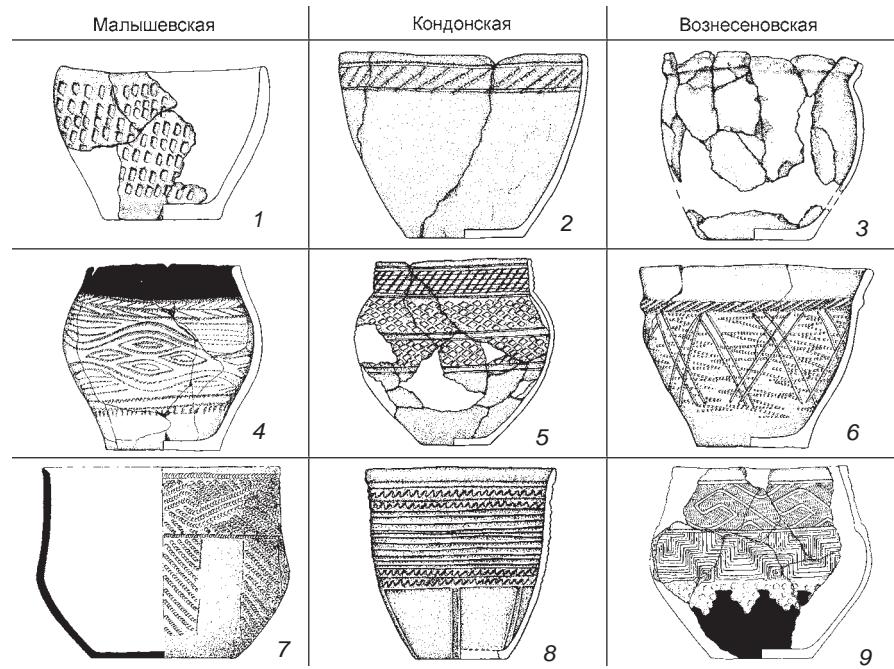

Рис. 4. Варианты построения концентрической (1–6) и радиально-концентрической (7–9) композиций в орнаменте нижнеамурских неолитических культур.

1, 9 – Вознесенское; 2, 5, 8 – Кондон-Почта; 3, 4, 6 – поселение на о-ве Сучу; 7 – Гася (по: [Деревянко, Медведев, 1994, с. 40, рис. 14, 4]).

Результаты функционального (семантического) анализа орнаментальных комплексов керамики

Семантические характеристики орнаментальных комплексов всех трех нижнеамурских культур, составленные по предложенной модели, включают описание таких компонентов, как фон, мотив и разграничительная линия.

Два основных типа фона, выделенных нами (пустая (незаполненная элементами) поверхность; окрашенная и/или заполненная различными оттисками поверхность), присущи всем трем культурам. Однако кондонская керамика с окрашенной краской поверхностью отсутствует. Основные семантические значения фона – окружающий мир, пространство существования, фон бытия. Они соответствуют таким основным элементам мироздания, как вода, земля, воздух, огонь. Поверхность сосудов, заполненная оттисками гребенчатого штампа, может быть, символизировала дождь или рябью от ветра поверхность реки, озера, а гладкая неокрашенная поверхность – спокойную водную гладь. Образы земли – почва, лес – могли передаваться прямыми горизонтальными линиями или желобками, прочерченными на поверхности сосуда, оттисками гребенчатого штампа. Образы воздуха ассоциировались, возможно, с гладкой, не заполненной элементами, неокрашенной поверхностью сосудов. Представления об огне, пламе-

ни костра могла выражать окрашенная красной краской поверхность мальшевской и вознесеновской керамики, покрытая горизонтальным и/или вертикальным зигзагом – в орнаменте кондонской и вознесеновской культур. Возможно, понятия «вода», «земля», «воздух», «огонь» воплощались в образах животных.

Инвариантами разграничительной линии для всех трех культур являются прямая и волнистая горизонтальные линии. Для орнамента керамики мальшевской культуры более характерны прямые горизонтальные линии, составленные из оттисков разнообразных форм и/или прямого валика. В орнаментальном комплексе кондонской культуры ведущим вариантом разграничительной линии выступают оттиски гребенчатого штампа, реже оттиски овальные, прямоугольные на верхней плоскости венчика. Разграничительные линии в орнаменте вознесеновской культуры – прямые горизонтальные линии, составленные из желобков, оттисков круглой формы, валиков, волнистые линии из валиков. Смысловое выражение разграничительной линии зависит от места, которое она занимает в орнаментальной композиции. При расположении в верхней части она подобна заголовку или заставке в тексте, в средней – отступу в тексте перед началом нового абзаца, в нижней – концовке текста.

Орнаментальный мотив – основной смысловой компонент семантической структуры орнамента. Фик-

сirуются инвариантные для всех трех культур мотивы: прямая горизонтальная линия, зигзаг (горизонтальный и вертикальный), сетка. Прямая горизонтальная линия из оттисков гребенчатого штампа, упорядоченная в соответствии с метром и ритмом в малышевском и кондонском орнаменте, в вознесеновском утрачивает метричность, сбивая таким образом ритм, но, тем не менее, читается достаточно четко. Этот мотив может быть интерпретирован (подобно соответствующему фону сосудов) как выражение стихии воды – земной (река Амур, ее притоки) или небесной (дождь).

Зигзаг (вертикальный и горизонтальный) образован в основном оттисками гребенчатого штампа, кроме того, в малышевском орнаменте – оттисками фигурного штампа в виде угла, в вознесеновском – оттисками зубчатого колесика, желобками. Мотив прослеживается на плечиках и тулове, реже на горловине. Ориентирован вертикально или горизонтально. Вертикальный зигзаг выступает самостоятельно или же во взаимодействии с горизонтальным зигзагом-контактером, перемежаясь с ним. В сочетании со спиральным и меандровым декором является фоном. Инвариант расположения – сплошная линия, отрезок. Как компонент семантической структуры орнамента зигзаг связан со сферой верхнего, горного мира. Таким образом, вертикальный зигзаг может ассоциироваться с молнией, «огненным змеем», драконом – существом воздушной, огненной и водной стихий, горизонтальный – с вершиной сопок.

Сетка – наклонные или прямые сочлененные перекрещивающиеся линии – в малышевской керамике образована оттисками гребенчатого штампа, угольчатыми оттисками, в кондонской – оттисками фигурного штампа, валиками, в вознесеновской – оттисками гребенчатого штампа, желобками. Мотив прослеживается на внешнем бортике венчика (в малышевском орнаменте), плечиках и тулове сосудов (в кондонском и вознесеновском декоре). Ориентирован горизонтально. Выступает самостоятельно или контактно. В вознесеновском орнаменте фоном служит вертикальный зигзаг. Инвариант расположения – сетка. Семантика мотива (по формальным признакам) – рыболовная сеть.

В целом присутствие инвариантов, ассоциирующихся с водной стихией, свидетельствует об общей парадигме развития неолитических культур нижнего Амура, связанных в своей культурно-хозяйственной деятельности напрямую с крупнейшей водной артерией региона. Так или иначе река как компонент структуры мироздания должна была найти свое смысловое выражение в орнаменте.

Итак, вхождение мотивов в композиции создает в совокупности текстовый уровень семантического анализа. Доминирующее горизонтальное расположение орнаментальных мотивов-инвариантов, ассоциирую-

щихся с водной стихией, позволяет говорить о том, что у носителей культур нижнеамурского неолита моделью мира, вероятно, выступала горизонтальная «речная» модель. Кроме того, семантика глиняной посуды и орнамента на ней была связана, на наш взгляд, с общей идеей жизни, благополучия. Сосуд был воплощением представлений о вместелище, которое всегда должно быть наполнено, будь то реально или символически, как залог благополучного существования человека.

Заключение

В орнаментальных комплексах малышевской, кондонской и вознесеновской неолитических культур нижнего Амура на разных уровнях структуры декора выделяется ряд сходных культурных признаков. В орнаменте малышевской и вознесеновской керамики к таковым относятся: на уровне элемента – преобладание оттисков гребенчатого штампа, прямоугольных и фигурных оттисков, выполненных зубчатым колесиком, окрашивание красной краской различных частей сосудов, оформление венчиков сосудов прямыми (в частности, в виде карниза на внутреннем бортике) и волнистыми валиками; на уровне мотива – наличие сложных прямолинейных и криволинейных разомкнутых геометрических мотивов (меандр и спираль), «негеометрических» мотивов (личины); на уровне композиции – концентрическое построение. В целом сходные культурные признаки фиксируются на всех уровнях структуры орнамента, что, на наш взгляд, позволяет допустить возможность прямых (аккультурация) или опосредованных (диффузия) контактов на разных стадиях формирования орнаментальных комплексов.

В декоре малышевской и кондонской керамики подобие на уровне элемента проявляется в главенстве оттисков гребенчатого штампа при наличии дугообразных и ромбовидных оттисков; на уровне мотива – в присутствии сложного прямолинейного разомкнутого мотива (сетка-плетенка типа «амурская плетенка»). Сходных культурных признаков на уровне композиции не зафиксировано. Близость культурных признаков в малышевской и кондонской керамике на низшем и среднем уровнях структуры декора позволяет говорить о возможных прямых (аккультурация) или опосредованных (диффузия) контактах только на ранних стадиях формирования орнаментальных комплексов.

Орнаментальные комплексы кондонской и вознесеновской керамики на уровне элемента роднят преимущественное использование оттисков гребенчатого штампа; на уровне мотива – наличие «каннелюр». Аналогий на композиционном уровне нет. Сходство культурных признаков кондонской и вознесеновской керамики на низшем и среднем уровнях структуры декора, возможно, свидетельствует о наличии пря-

мых (аккультурация) или опосредованных (диффузия) контактов на поздней для кондонской и ранней или средней для вознесеновской стадий развития орнаментальных комплексов.

В целом структурный и функциональный анализ декора нижнеамурских неолитических культур показал значительное сходство орнаментов на малышевской и вознесеновской керамике. По-видимому, их можно рассматривать в качестве компонентов единой орнаментальной традиции, сформировавшейся на основе аккультурации и в какой-то мере диффузии. Орнамент кондонской культуры развивался, вероятно, в рамках иной традиции, хотя и испытал эпизодическое внешнее воздействие (прямое или опосредованное) со стороны носителей как малышевской, так и вознесеновской культур.

Благодарности

Автор искренне признателен всем участникам полевых и камеральных работ, благодаря труду которых у археологического сообщества появилась возможность познакомиться с новыми многочисленными керамическими коллекциями, а также д-ру ист. наук В.Е. Медведеву за ценные рекомендации в ходе исследования и рецензентам за их позитивную критику и комментарии.

Список литературы

Буткевич Л.М. Орнамент как искусство. – М.: Искусство, 2005. – 245 с.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: Методы и программы исследования в археологии. – Киев: Наук. думка, 1992. – 185 с.

Герчук Ю.Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. – М.: Галарт, 1998. – 356 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Деревянко А.П. Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1972. – Ч. 1. – С. 38–66.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1986–1987 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 95 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследования поселения Гася (предварительные результаты, 1989–1990 гг.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995а. – 64 с.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Святилище идолопоклонников на о. Сучу – новый тип памятников на Дальнем Востоке // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов

Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995б. – С. 225–227.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К итогам раскопок на о. Сучу в 1995 и 1997 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы V Годовой итог. сес. Института археологии и этнографии СО РАН, посвящ. 40-летию Сиб. отд-ния РАН и 30-летию Ин-та истории, филологии и философии СО РАН, декабрь 1997. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 52–57.

Евсюков В.В. Мифология китайского неолита по материалам росписей на керамике культуры Яншоа. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1988. – 127 с.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. – М.; Л.: АН СССР, 1963. – 500 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 81).

Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М.: Наука, 1970. – С. 144–165.

Конопацкий А.К., Мыльникова Л.Н. Основные проблемы изучения неолита нижнего Амура // «Съезд сведущих людей Дальнего Востока»: Мат-лы конф. – Хабаровск, 1994. – Т. 2. – С. 11–14.

Культурология. ХХ век: Энциклопедия / под ред. С.Я. Левита. – СПб.: Университет. книга, 1998. – Т. 2 – 447 с.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 78–96.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56–59.

Медведев В.Е. К проблеме истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 77–94.

Медведев В.Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005а. – № 5. – С. 40–69.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнавака, 2005б. – С. 234–267.

Медведев В.Е. О культурогенезе в эпоху неолита в Нижнем Приамурье // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 288–291.

Мыльникова Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 159 с.

Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 54–85.

Шевкомулд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

УДК 903.27

И.В. Асеев

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск 630090, Россия
 E-mail: aseev@archaeolog.nsc.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ ВСАДНИКА НА ФРАГМЕНТЕ СКОРЛУПЫ СТРАУСОВОГО ЯЙЦА

Статья посвящена анализу изображения всадника, выполненного тонкими резными линиями наископаемом фрагменте скорлупы страусового яйца, найденном на песчаном выдуве в пустыне Гоби (Монголия). Рисунок рассматривается на фоне и в сравнении с петроглифами тюркской эпохи в Монголии, Прибайкалье, на Алтае и датируется этим же временем, но не позднее V–VI вв. Находку можно отнести к культовым предметам, связанным с шаманизмом. Миниатюрность изображения на столь хрупком материале, как скорлупа страусового яйца, предопределяет его назначение как фетиша, который постоянно можно носить при себе.

Материалы археологических памятников, относящихся ко времени передвижения индоиранцев во II–I тыс. до н.э. из европейских и, очевидно, евразийских степей в Переднюю Азию, свидетельствуют о неразрывной связи древних кочевников с лошадью. При раскопках погребений вместе с останками человека и коня найдены наиболее ранние формы удила, первые стремена и седла. В эпоху Тюркского каганата (VI–VIII вв.) знатных тюрок было принято хоронить с обилием сопроводительного инвентаря, а также с двумя-тремя и большим количеством специально убитых для этого лошадей [Кубарев Г.В., Кубарев В.Д., 2003, с. 64–82]. Конь и всадник – распространенный сюжет петроглифов тюркской эпохи, оставленных курыканами в Прибайкалье и на Лене [Окладников, 1959, с. 110–155], тюркскими племенами в Монголии [Новгородова, 1984, рис. 58, 60] и на Алтае [Кубарев В.Д., 2001]. При раскопках курганов Копенского чаатаса в Хакасии найдены отлитые из бронзы фигуры коня и всадника [Киселев, 1951, табл. XVII]. Наиболее полно этот вопрос освещен в монографии В.Б. Ковалевской «Конь и всадник», в которой только список использованной литературы насчитывает 239 работ [1977, с. 142–151]. Книга не утратила своего значения на

фоне многочисленных публикаций, посвященных отдельным эпизодам из жизни кочевников тюркской эпохи. В ней, кроме исторических фактов, представлены предметы художественного литья, мелкой пластики, горельефы и графические рисунки с изображениями коня и человека, изготовленные из долговечных материалов – золота, серебра, бронзы, камня, глины. Потому они и дошли до наших дней без больших изъян и утрат. Но встречаются работы древних мастеров, использовавших совершенно нетрадиционные и хрупкие материалы, на которых также изображены конь и всадник. И только благодаря бережному отношению к ним, продиктованному, видимо, сакральными мотивами, через сотни лет мы можем получить информацию о социальных и этнических процессах, а также о мифологии и искусстве в древних обществах. Одной из таких работ является рисунок на фрагменте скорлупы страусового яйца, найденном в 1976 г. в районе Далан-Задагата в пустыне Гоби (юг центральной части Монголии) в песчаном выдуве среди скудной ковыльной растительности. Размеры фрагмента 2,5 × 2 см (рис. 1). На его вогнутой поверхности контуры коня и всадника выполнены в технике граффити. Грифа показана в виде трех зубцов. В ходе доработ-

ки рисунка по контуру более углубленными линиями художник придал изображению объем, сходный с горельефом. Бессспорно, какую-то роль в углублении этих линий и их шлифовке в течение длительного времени сыграли эрозийные воздействия. Для фигуры коня характерны реалистичные, но несколько тяжеловесные формы – большая голова с мощной, изогнутой у холки шеей, массивные ноги. Намечен прогиб спины, переходящий в крутой круп и пышный, слегка приподнятый хвост, по которому во всю длину прочерчены две линии, придающие ему объем. Конь изображен в движении. Тонкой линией от храта показана спускающаяся на шею узда. Всадник изображен анфас, с откинутой назад на уровне плеча рукой. Резной линией намечены очертания головы. Неправильным прямоугольником обозначен свисающий со спины коня короткий чепрак или подседельник.

При внимательном рассмотрении рисунка можно заметить, что он в деталях копирует изображения коней тюркской эпохи. Для них характерна передача гривы в виде зубцов (рис. 2, 3). По этому признаку А.П. Окладников отнес обнаруженные на р. Лене рисунки к тюркской эпохе, а конкретно, к курыканам [1959, с. 110–111]. Наездники, за редким исключением, изображены очень схематично; предпочтение отдавалось фигуре коня, детали которой прорисованы тщательно. Показательны в этом плане сюжетные рисунки на каменных плитах из вала Манхайского городища, расположенного на горе Манхай в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе. Исследователи считают, что это городище в I тыс. населяли курыканы, относившиеся к тюркским племенам [Седякина, 1964]. Поскольку материалы памятника опубликованы [Асеев, 1980, с. 103–127], нет необходимости останавливаться на них подробно. В контексте рассматриваемой проблемы обратим внимание на рисунки на некоторых плитах (коллекция этих плит находится в хранилищах ИАЭТ СО РАН). На них изображены всадники в доспехах (рис. 4, 1–3), со знаменами (рис. 4, 5), сцены охоты (рис. 4, 4, 8), волтыжировки (рис. 4, 6), оседланный конь (рис. 4, 7). Все рисунки выполнены тонкой резной линией. Благодаря тому что плиты были перекрыты земляной насыпью (вал городища), они сохранили свой первозданный вид. На многих рисунках грива лошади изображена тремя (и более) вертикальными штрихами. В большинстве случаев подчеркиваются стройность коня и пластика движений, соблюдены пропорции тела животного. Фигура всадника почти схематична. Он изображен сидящим вполоборота к зрителю; одна рука, как правило, откинута назад, другой он держит уздечку. Все это подтверждает выводы А.П. Окладникова о принадлежности таких рисунков к искусству тюркской эпохи.

Изображения лошадей с зубчатыми гривами и всадников, сидящих к зрителю вполоборота, встре-

Рис. 1. Изображение всадника на фрагменте скорлупы страусового яйца (увеличено в 2 раза).
Фото В.Н. Кавелина.

Рис. 2. Всадник с развернутым штандартом.
Шиштинские писаницы (по: [Окладников, 1959]).

Рис. 3. Кыргызский всадник. Шиштинские писаницы (по: [Окладников, 1959]).

чены в петроглифах Монголии, в Бэгэр-сомоне Гоби-Алтайского аймака [Новгородова, 1984]. Необходимо отметить, что рядом с такими рисунками на скалах часто встречаются тамгообразные знаки в виде кру-

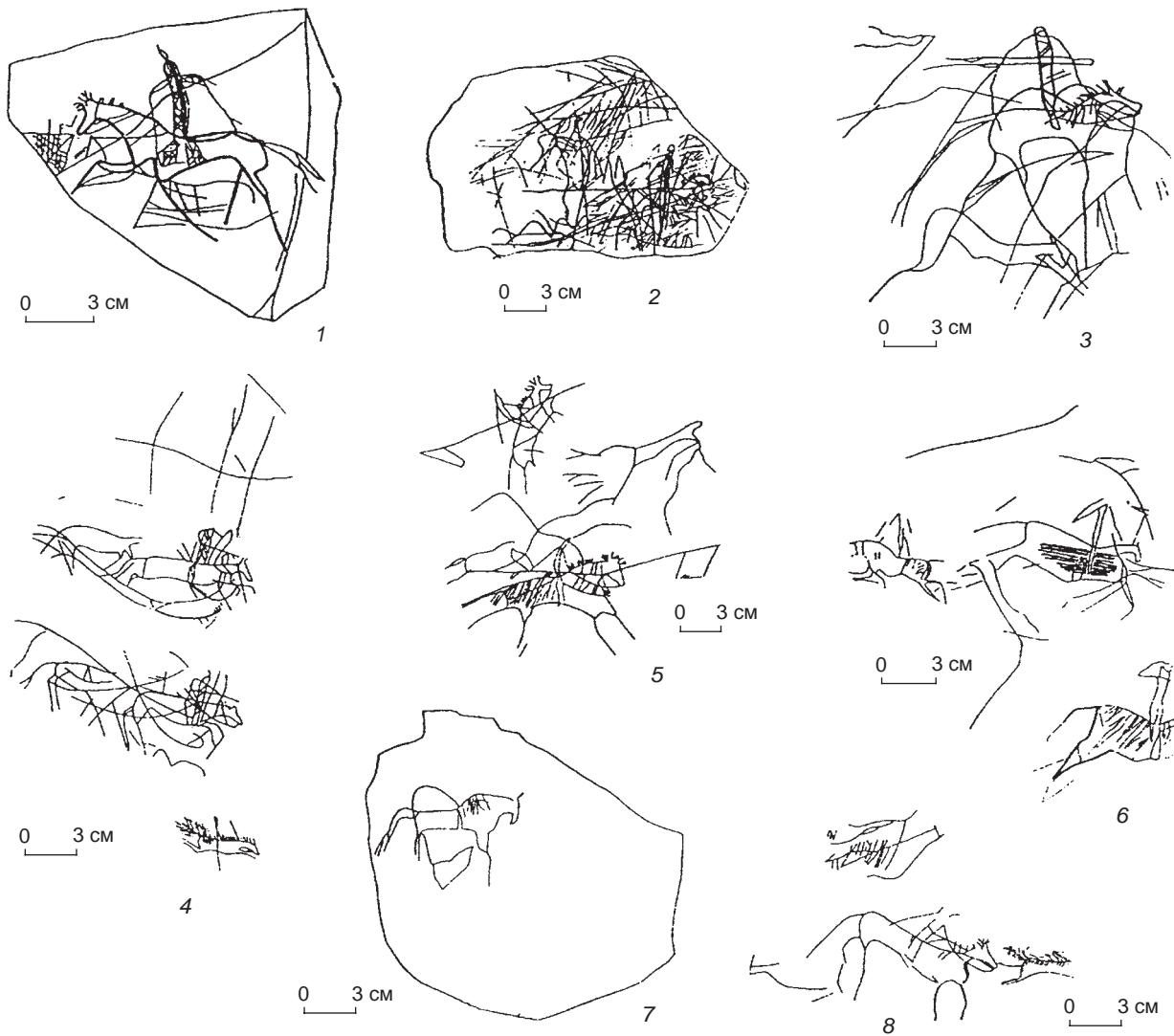

Рис. 4. Сюжетные рисунки. Манхайское городище.

гов, крючков и т.д., сопровождаемые тюркскими письменами. На горе Ханын-хад в Бугат-сомоне в ущелье Яманы-ус рядом с серией подобных знаков изображен всадник на коне. Рисунок выполнен в типично тюркской манере: «Конь с поджарым животом, на длинных ногах, у всадника за спиной колчан и в руке узечка. В этой же части скалы обнаружена тонко процарапанная тюркская надпись...» [Там же, с. 126]. Апеллируя к переводу текста, Э.А. Новгородова пишет: «С исторической точки зрения кажется интересным появление на скале приказа о дальнейшем продвижении войска с приложением ханской печати – тамги...» [Там же]. И далее автор на примере приведенных в работе рисунков с Манхайского городища (Прибайкалье) и со скалы Хар-хад (Монголия) убедительно показывает наличие у тюрков не только легкой конницы, вооруженной луками, но и катафрактиев, закованных в

броню [Там же, рис. 58, 60]. Об этом свидетельствуют некоторые изображения на рис. 4.

При сравнении рисунка на фрагменте скорлупы страусового яйца из Монголии с петроглифами Манхайского городища наблюдается много общего. Очевидно, и датировать этот рисунок следует средневековьем, но не позднее V–VI вв. н.э. Необходимо отметить, что наскальные изображения в большинстве своем располагаются в потаенных и труднодоступных местах, которые на протяжении тысячелетий для многих народов являются святилищами. Петроглифы служат неоцененным источником сведений о социальных и этнических процессах, религии, мифологии и искусстве. Рассматриваемый фрагмент скорлупы яйца с изображением всадника можно отнести к культовым предметам. Вероятно, он использовался в магических целях и был связан с шаманизм-

мом. На шаманских костюмах сибирских народов, в т.ч. и тюркоязычных, очень часто встречаются подвески в виде фигурок различных птиц, олицетворяющих духов, с помощью которых шаманы общаются с божествами различных стихий [Алексеев, 1984, с. 144]. Страус тоже птица, хотя и не может летать, но в беге и выносливости не уступает хорошей скаковой лошади. Фрагмент скорлупы с изображенными на нем конем и всадником мог быть фетишем, синкретически обозначая дух быстроногого коня. То, что страус обитал на территории Монголии, отмечено советскими палеонтологами, в частности И.А. Ефремовым [1962, с. 96]. Подтверждением этому можно считать половинку скорлупы яйца ископаемого страуса, найденную в коренных отложениях эоловых песков в Западном Забайкалье, территория которого в климатическом и геологическом отношении схожа со степями Монголии [Иванов, 1966, с. 51, рис. 10].

Если учесть факт наличия изображений страуса в пещере Хойт-Цэнкер-агуй в северных отрогах Монгольского Алтая [Окладников, 1972, с. 54; Новгородова, 1984, рис. 2], а также на петрографическом памятнике Арап-Толгой (Монгольский Алтай) [Кубарев В.Д., Забелин, 2006, с. 87–103; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, Якобсон, 1999, рис. 3], то можно высказать предположение об особом отношении к этой птице в эпоху неолита, очевидно связанном не только с большим количеством животного белка и перьев для украшения, но и с мифологией, анимистическими представлениями.

Список литературы

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – 151 с.

Ефремов А.И. Дорога ветров. – М.: [Первая образцовская тип. им. А.А. Жданова], 1962. – 365 с.

Иванов А.Д. Эоловые пески Западного Забайкалья и Прибайкалья. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1966. – 232 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Ковалевская В.Б. Конь и всадник. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1977. – 151 с.

Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 96–107.

Кубарев В.Д., Забелин В.И. Авиафауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 87–103.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Арап-Толгоя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 407–410.

Кубарев Г.В., Кубарев В.Д. Погребение знатного тюргана из Балык-Соока (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 64–82.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1984. – 168 с.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы. – Иркутск.: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.

Окладников А.П. Центральноазиатский очаг первобытного искусства: пещерные росписи Хойт-Цэнкер-агуй (Сэнгри-агуй). Западная Монголия. – Новосибирск: Наука, 1972. – 75 с.

Седякина Е.Ф. Курьканы // Древняя Сибирь: (Макет I тома «Истории Сибири»). – Улан-Удэ: Отд. гум. исслед. Ин-та экономики СО АН СССР, 1964. – С. 427–439.

Материал поступил в редакцию 24.09.07 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

Ю.Н. Есин¹, Ю.И. Ожередов²

¹Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия

E-mail: esin2006@yandex.ru

²Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: nohoister@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ Г-ОБРАЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ С УРАЛА, ИЗ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ, КАЗАХСТАНА И МОНГОЛИИ*

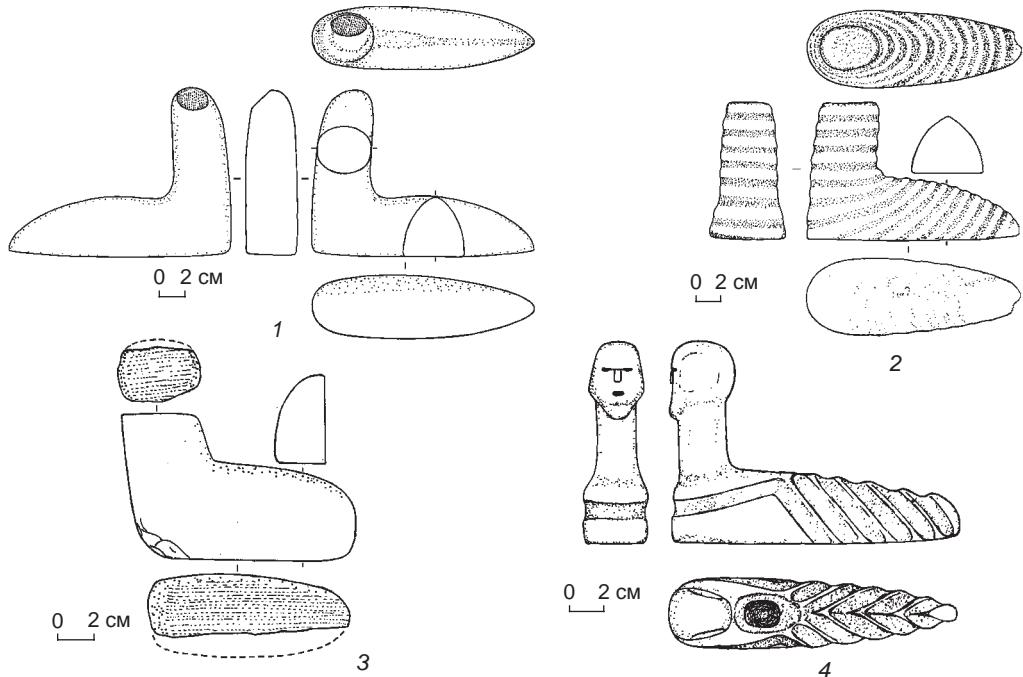
Статья посвящена комплексному исследованию предметов Г-образной формы из камня и глины, найденных на Урале, в Западной и Южной Сибири, Казахстане и Монголии. Предложена номенклатура терминов и признаков для единообразного описания и сравнения таких находок. Установлено, что они использовались представителями разных культурных сообществ в конце IV – начале II тыс. до н.э. Проанализированы тенденции исторического развития Г-образных предметов. Высказано предположение, что генезис предметов такого типа происходил на основе песта и связан с территорией Центральной Азии. Анализ признаков изношенности, декора, размера, материала позволил сделать вывод о функциях данной категории изделий: главная из них – растирание растительных продуктов, хотя параллельно они применялись для растирания и дробления и других материалов; предметы использовались как в хозяйственных, так и в ритуальных целях. Изучение изображений на Г-образных предметах с позиции структурно-семиотического подхода позволило реконструировать некоторые аспекты осмысления этих изделий.

Введение

Среди археологических находок существуют такие, которые на протяжении многих лет вызывают столкновение различных, порой диаметрально противоположных, гипотез и мнений. К их числу, несомненно, принадлежат загадочные предметы из камня и глины (некоторые являются произведениями искусства своей эпохи), найденные в лесостепной и степной полосе Азии от Урала на западе до Монголии на востоке. Наглядное подтверждение такой их оценки – отсутствие даже общепринятого

названия. В археологической литературе их называют «лошила», «утюжки», «гладилки», «рукояточные утюжки», «утюжки-фаллосы», «зернотерки в форме сапога», «сапожковидные терочники», «песты в виде башмачной колодки», «Г-образные предметы» и т.д. На наш взгляд, наиболее корректным из существующих наименований является последнее, характеризующее форму, а не ту или иную интерпретацию. Каждый такой предмет состоит из двух частей, образующих угол: основания, полукруглого или подтреугольного в сечении, и стержня, округлого или овального в сечении. Стержень отходит от одного из краев основания в противоположную от его плоской грани сторону, по отношению к которой он расположен перпендикулярно или наклонно (рис. 1). С изучением Г-образных предметов связан

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-63507а/Т) и Совета по грантам Президента РФ (МК-1015.2007.6).

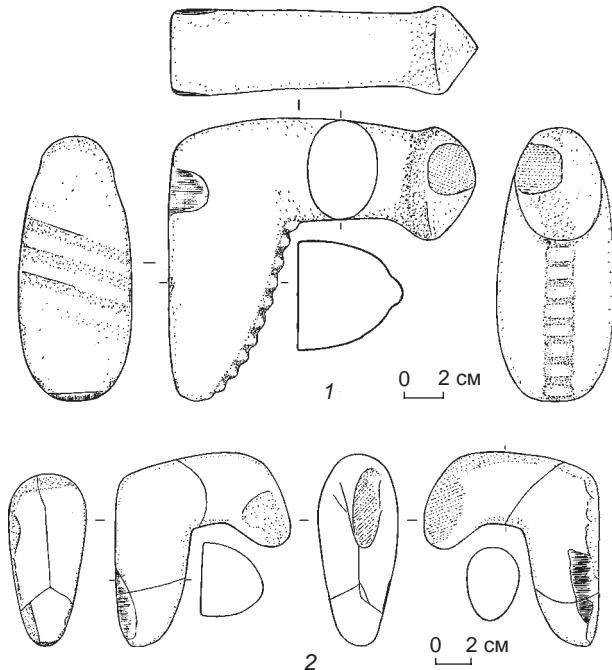
Rис. 1. Материалы самусьской культуры.
1–3 – Самусь-4 (фонды МАЭС ТГУ); 4 – пос. Дзержинский (фонды ТОКМ).

целый ряд проблем: культурно-хронологической атрибуции, функции, типологии, семантики и pragmatики декора. Их комплексному рассмотрению и посвящена предлагаемая статья.

Культурные контексты и хронология находок

В ходе исследования учтен 51 предмет. Из них 31 связан с самусьской археологической культурой Приобья, принадлежащей к сейминско-турбинскому культурному кругу (рис. 1, 2): 29 обнаружено на поселении Самусь-4 (Томский р-н Томской обл.) [Матющенко, 1973а, с. 23; Боброва, 2000, с. 21]; еще по одному найдено в пос. Дзержинском (Томский р-н Томской обл.) и на поселении Завьялово-1а в устье р. Каракан (Искитимский р-н Новосибирской обл.) [Матющенко, 1973а, с. 10, рис. 54, 3; Молодин, 1977, табл. LXXX, 1]. В последнее время на основании калиброванных радиоуглеродных дат памятники сейминско-турбинского круга Сибирского и Волго-Уральского регионов датируются концом III – началом II тыс. до н.э. [Кирюшин, 2002, с. 80–82; Грушин, 2004, с. 160; Молодин, 2001, с. 123; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, рис. 3]. Не позднее начала II тыс. до н.э. сформировалась и самусьская культура [Есин, 2004, с. 19].

Четыре предмета, изготовленные из глины, связаны с кротовской культурой Прииртышья, тоже принадле-

Rис. 2. Предметы со «стесами» на основании, Самусь-4 (фонды МАЭС ТГУ).

жающей к сейминско-турбинскому кругу. Они обнаружены на культовом месте Туруновка-4 на р. Каме и в могильнике Сопка-2 в устье р. Тартас (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) [Молодин, 1985, рис. 36, 11–14].

Шесть Г-образных предметов найдены в южной части бассейна р. Оби. Один из них (рис. 3, 1) обнаружен в погребении мужчины особого общественно-го статуса, датируемом IV тыс. до н.э., на могильнике неолитической кузнецко-алтайской культуры Солонцы-5 на левом берегу р. Бии (Красногорский р-н Алтайского края) [Кунгирова, 2003, с. 35–36]. Другой предмет найден на поселении афанасьевской культуры Нижняя Соору возле с. Кулада (Республика Горный Алтай) и может датироваться III тыс. до н.э. [Ларин, Кунгирова, Степанова, 1998, с. 68–69] (рис. 3, 2). Еще один происходит из слоя большемысской культуры поселения Тыткескень-6 в устье р. Тыткескень (Республика Горный Алтай) и, вероятно, тоже относится к III тыс. до н.э. [Кирюшин, Кунгиров, 1994] (рис. 3, 3). Три предмета на Алтае обнаружены случайно: два из коллекции Н.С. Гу-

ляева [Кирюшин, 2002, с. 55, рис. 126, 5], один найден возле с. Зеркалы Э.М. Медниковой [Матющенко, 1973а, с. 11, рис. 54, 4; Кирюшин, 2002, с. 55, рис. 126, 4]. По мнению Ю.Ф. Кирюшина [2002, с. 48–55], эти находки могут относиться к елунинской культуре, входящей, наряду с самусьской и кротовской, в сейминско-турбинский круг. Однако отсутствие Г-образных предметов на раскопанных елунинских памятниках пока не позволяет быть в этом уверенным. Близость размеров находок из коллекции Гуляева и с поселения Нижняя Соору не исключает их связь с афанасьевцами.

Четыре предмета происходят из южной части Минусинской котловины: фрагмент основания обнаружен на поселении афанасьевской культуры Тепсей-10 (Краснотуранский р-н Красноярского края) [Грязнов, Комарова, 1979, с. 24–25, рис. 14, 5], остальные найдены случайно (рис. 4). Близость длины основания и наклона стержня этих находок к параметрам предмета с поселения Тепсей-10 позволяет предположить, что они тоже изготовлены афанасьевцами.

Ряд Г-образных предметов обнаружен в Казахстане. Три из них связаны с памятниками энеолитической терсекской культуры III тыс. до н.э.: на поселении Бестамак (Аулиекольский р-н Кустанайской обл.) найдено отбитое основание и целый экземпляр*; еще одно основание находилось в терсекском погребении женщины [Колбина и др., 2006, с. 397]. Недалеко от поселения Бестамак случайно был найден еще один Г-образный предмет, несколько отличающийся от терсекских (рис. 5, 1). Он выделяется коротким основанием и по пропорциям сходен с предметом, случайно найденным на Южном Урале возле горы Чека (Кизильский р-н Челябинской обл.) (рис. 5, 2). Особенностью последнего является оформление стержня в виде головы лошади, манера изображения которой близка сейминской изобразительной традиции, представленной на бронзовых предметах, каменной скульптуре, петроглифах [Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 146–153; Кирюшин, 2002, с. 56]. Этот факт может служить основанием для датировки обеих находок.

Г-образный предмет найден на Среднем Урале, на поселении Коптяки-9 (рис. 5, 3) на оз. Исетском (Свердловская обл.) [Косарев, 1981, рис. 28, 15; Ченченкова, 2004а, № 139]. По мнению М.Ф. Косарева [1981, с. 84], он связан с сейминско-турбинской эпохой и, возможно, отражает контакты уральского и са-

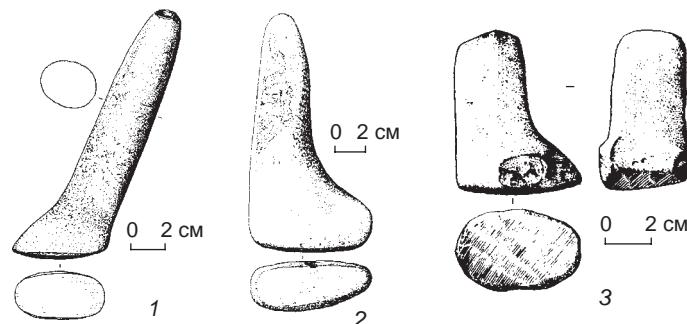

Рис. 3. Найдки из южной части бассейна р. Оби.
1 – Солонцы-5 [Кунгирова, 2003, рис. 8, 3]; 2 – Нижняя Соору [Ларин, Кунгирова, Степанова, 1998, рис. 1, 6]; 3 – Тыткескень-6 [Кирюшин, Кунгиров, 1994, рис. 6, 1].

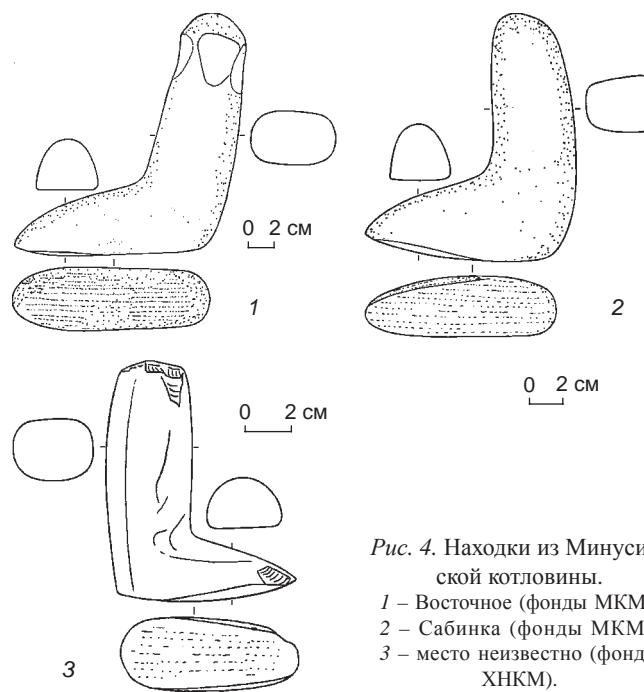

Рис. 4. Найдки из Минусинской котловины.
1 – Восточное (фонды МКМ);
2 – Сабинка (фонды МКМ);
3 – место неизвестно (фонды ХНКМ).

*Авторы выражают большую признательность С.С. Калиевой за предоставленную информацию о находках.

мусьского населения. В пользу его предположения свидетельствует то, что четыре уголка на стержне предмета с памятника Коптяки-9 аналогичны структуре декора на основании предмета из пос. Дзержинского; сопоставимы также ямки на их основаниях.

К кругу рассматриваемых предметов относится случайная находка из Монголии, характеризующаяся коротким основанием и утолщением на вершине стержня. По мнению Э.А. Новгородовой [1989, рис. 15], ее можно датировать неолитом.

Опубликованные, но недостаточно информативные сведения еще о нескольких Г-образных предметах [Дмитриев, 1935, с. 214; Спицын, 1915, рис. 30; и др.], в т.ч. из более восточных районов [Окладников, 1970, с. 6], к анализу не привлекались.

В целом контексты обнаружения Г-образных предметов на Урале, в Казахстане, Западной и Южной Сибири, Монголии свидетельствуют об их использовании населением разных культурных сообществ в IV – первой половине II тыс. до н.э.

Сравнительный анализ и вопросы исторического развития

Сравнение находок позволяет выявить важные для этого типа исторических источников признаки.

Материал: основная часть предметов изготовлена из камня (преобладающим сырьем послужило несколько его разновидностей – от твердых гранитоидов до мягких осадочных пород), но среди кротовских известны только глиняные.

Обработка: большинство предметов создано искусственно, но среди материалов поселения Самусь-4 имеются речные гальки естественной Г-образной формы, лишь слегка подработанные или совсем без обработки.

Размер: из общего числа выделяются кротовские находки, представленные пока только миниатюрными предметами; такие же имеются и среди самусьских материалов.

Пропорции: у предмета неолитического времени (Солонцы-5) основание по отношению к стержню едва выделено; близкие пропорции у находок из Северного Казахстана (возле поселения Бестамак) и Южного Урала (Чека); у предметов с поселения афанасьевской культуры Нижняя Соору и из коллекции Н.С. Гуляева длина стержня почти в 2 раза больше, чем основания; менее резкая диспропорция вполь-

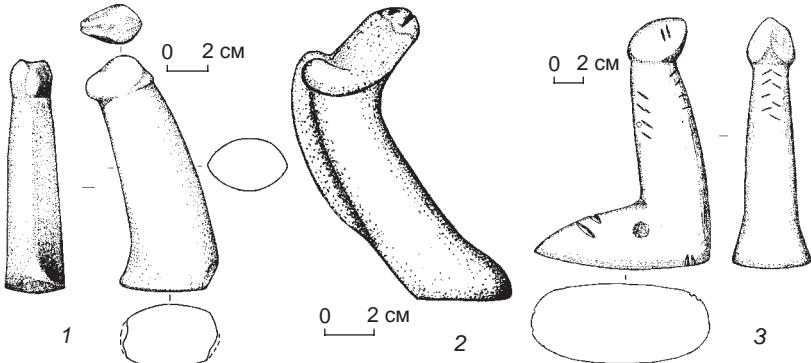

Рис. 5. Найдены из Казахстана и с Урала.
1 – около поселения Бестамак [Ченченкова, 2004а, № 138]; 2 – Чека [Там же, № 137];
3 – Коптыки-9 [Там же, № 139].

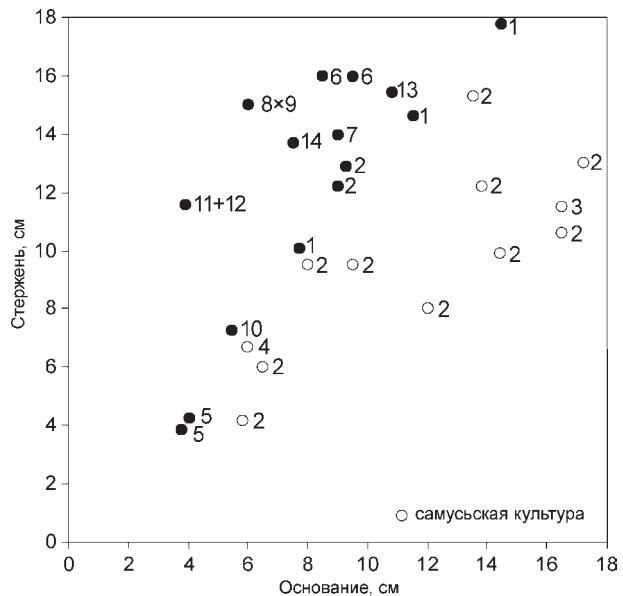

Рис. 6. Отношение длины стержня к длине основания Г-образных предметов:

1 – Минусинская котловина (средний коэффициент – 1,2); 2 – Самусь-4 (средний коэффициент – 0,9); 3 – пос. Дзержинский (коэффициент – 0,7); 4 – Завьялово-1а (коэффициент – 1,1); 5 – Туруновка-4 (коэффициент – 1); 6 – коллекция Гуляева (средний коэффициент – 1,8); 7 – Зеркалы (коэффициент – 1,5); 8 – Солонцы-5 (коэффициент – 2,6); 9 – Нижняя Соору (коэффициент – 2); 10 – Тыткескен-6 (коэффициент – 1,3); 11 – Чека (коэффициент – 3); 12 – около поселения Бестамак (коэффициент – 2,3); 13 – Коптыки-9 (коэффициент – 1,4); 14 – Бестамак (коэффициент – 1,8).

зу стержня у находок из Минусинской котловины и с памятника Коптыки-9; у кротовских обе части примерно равны; у самусьских длина стержня, как правило, меньше, чем основания; предметы самусьской культуры и найденные в Минусинской котловине свидетельствуют об устойчивости пропорций в рамках серий при различии абсолютных размеров и наличии отдельных отклонений (рис. 6).

Изношенность: у находок, относящихся к эпохам неолита и энеолита, она хорошо выражена на плоской грани основания; у предметов бронзового века может быть выражена слабо или вовсе отсутствовать на этой грани, может находиться на вершине стержня.

Оформление: выделяются не менее десяти изобразительных элементов, использованных в оформлении; наиболее распространено утолщение на вершине стержня, которое у исследователей традиционно вызывает ассоциацию с головкой фаллоса, но иногда оно имеет облик головы человека или животного; изображения на основании известны только у предметов самусьской и кротовской культур, а также с памятника Коптаки-9 (см. таблицу).

Окрашенность: на ряде самусьских находок фиксируются следы красной краски различных оттенков, от розового до темно-вишневого (возможно, охра и гематит), и сажи; красная краска обнаружена на предмете из окрестностей поселения Бестамак.

В целом различия Г-образных предметов демонстрируют определенные закономерности, связанные с их территориальной, культурной и хронологической принадлежностью.

В контексте проблемы генезиса данных изделий специального внимания заслуживает гипотеза о сходстве самусьских Г-образных предметов со скульптурными изображениями сидящих женщин у древнеземледельческого населения Туркмении и Анатолии [Славинин, 1978, с. 16; Ченченкова, 1995, с. 12; Кирюшин, 2004, с. 36]. Косвенным аргументом в ее пользу служит наличие южных связей как у самусьской, так и у других упомянутых выше культур Урала и Сибири.

Изобразительные элементы на Г-образных предметах

Элементы	Кол-во предметов с определенными элементами	
	на стержне	на основании
Округлое утолщение	2 (5)	—
Одинарный короткий желобок	(1)	—
Элементы головы человека	2	—
Элементы головы животного	1 (3)	—
Поперечные желобки и валики	1	1
Наклонные насечки	(1)	(1)
Уголки из желобков или насечек	(1)	1
Валик из зубцов	—	3
Волнистая линия с черточками по бокам	—	(1)
Овальное или округлое углубление	—	1 (1)

Примечание: цифры без скобок – данные по самусьской серии, в скобках – по другим находкам.

В частности, происхождение социально доминирующего компонента сейминско-турбинских коллективов, вероятно, связано с Тянь-Шанем и Западным Алтаем [Черных, Кузьминых, 1989, с. 250–251; Есин, 2004, с. 21]. Признаки южно-европеоидного средиземноморского антропологического типа нашли отражение на основной части самусьской скульптуры, он же представлен в самусьском и елунинском антропологическом материале [Дремов, 1984; 1997, с. 66].

Афанасьевская культура характеризуется европеоидным антропологическим типом и производящим хозяйством; значительная часть ее ареала расположена южнее и западнее Минусинской котловины и Горного Алтая. Проблема ее происхождения должна рассматриваться в контексте процесса возникновения и распространения скотоводства [Хлопин, 1999, с. 81].

Южный компонент, близкий древним формам южной ветви древнесредиземноморской европеоидной расы, зафиксирован у носителей кузнецко-алтайской культуры. Первоначальная территория его распространения неизвестна, но предполагается, что ближайшим входившим в нее районом мог быть юг Казахстана [Дремов, 1980, с. 41; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 55–58]. Аналогичный компонент, наряду с афанасьевским, выделяют в материалах большемысской культуры [Кирюшин, 2002, с. 36–37].

Таким образом, распространение на Урале, в Западной и Южной Сибири предметов Г-образной формы связано с проникновением на север различных групп населения с более южных, центрально-азиатских территорий, которое началось в неолите и продолжалось в эпоху бронзы. Тем не менее гипотеза о сходстве этих предметов со скульптурными изображениями женщин, найденными в Туркмении и Анатолии, не может быть принята. Она была основана всего на двух аргументах: женские фигурки тоже имеют Г-образную форму; на стержне самусьского предмета из пос. Дзержинского изображена голова человека. Однако остальные признаки этих изделий различаются: Г-образные предметы лишены антропоморфного облика; у изображений женщин и голов на таких предметах лица развернуты в противоположные стороны; у фигурок отсутствуют характерные для Г-образных предметов следы изношенности, что свидетельствует об ином использовании. Еще важнее, что наиболее ранние находки из бассейна Оби (Солонцы-5, Нижняя Соору, Тыткескень-6) и с Тургайского плато (терескская культура), у которых в контексте данной гипотезы можно было бы ожидать наибольшей антропоморфности, совершенно ее лишиены.

Форма ранних предметов отличается коротким основанием, что указывает на их генезис на базе песта. Видимо, возрастание объемов растирания и необходимость повышения его производительности мотивировали увеличение площади рабочей поверхности

орудия и переход от круговых движений к прямолинейным. Данная гипотеза подкрепляется характером оформления Г-образных предметов. В количественном и территориальном отношении наиболее распространенным является приданье стержню фаллической формы. На лингвистическом материале установлена зависимость между частотой употребления знака и его «возрастом», применимая к любой эволюционирующей знаковой системе [Сенчилов, 2000, с. 30]. Поскольку декор изучаемых предметов тоже является такой системой, фаллическое оформление следует признать исторически наиболее ранним и базовым для Г-образных предметов. Это также указывает на высокую вероятность их генезиса на основе трансформации песта, т.к. фаллос и пест имеют сильную древнюю ассоциативную связь, что подтверждается очень большим количеством пестов, форма которых уподоблена фаллосу [Ченченкова, 2004а, № 99–108; Аванесова, 2004, рис. 1, 1–4; 2, 7; и др.].

Опираясь на хронологию памятников, можно наметить некоторые тенденции исторического изменения Г-образных предметов. Вероятно, для наиболее древних из них было характерно короткое основание, которое постепенно удлинялось, достигнув максимальных размеров в эпоху бронзы. Исключением являются две находки, датируемые бронзовым веком, из Северного Казахстана и с Южного Урала (см. рис. 5, 1, 2), пропорции которых близки архаичным. Наиболее ранним оформлением Г-образных предметов было приданье стержню фаллической формы. В эпоху бронзы декор усложнился, появились изобразительные элементы, моделирующие голову человека или животного, расщепление и др. При этом изделия с простым оформлением не исчезли, их продолжали создавать и использовать. Для ранних предметов характерна значительная изношенность нижней грани основания. У находок, относящихся к эпохе бронзы, она может быть на основании выражена слабо или даже отсутствовать, зато прослеживается на стержне. Появляются миниатюрные Г-образные предметы, в т.ч. глиняные, не имеющие хозяйственного значения. Все это отражает усложнение и начавшуюся дифференциацию социальных функций таких изделий. Перемены в хозяйстве, в частности распространение более производительных двуручных зернотерок иной конструкции, и мировоззрении, произошедшие в эпоху развитой и поздней бронзы, приводят к прекращению их изготовления и использования.

Функция

Существует несколько гипотез о назначении Г-образных предметов. Согласно одной из них, базирующейся на заложенности плоской стороны основания, они использовались для разглаживания швов на кожаной

одежде подобно утюгу [Спицын, 1915, с. 236–238; Кирюшин, Кунгурев, 1994, с. 112], по другой, основанной на том же признаке, – для растирания зерна [Дмитриев, 1935, с. 213; Косарев, 1981, с. 103; Ченченкова, 2004а, с. 10]; стержень предмета служил рукоятью. Третья гипотеза связывает назначение этих изделий с горнometаллургическими и металлообрабатывающими операциями, допуская использование в качестве абразива, молоточка, терочной плитки [Вальков, 1997, с. 111–112; Ларин, Кунгурева, Степанова, 1998, с. 68]. Основной ее аргумент – обнаружение данных предметов на памятниках, демонстрирующих высокоразвитое бронзолитейное производство, – нельзя признать убедительным, особенно с учетом наличия таких находок в материалах эпохи неолита. Четвертая гипотеза построена на неутилитарных признаках Г-образных предметов, в частности фаллической форме их стержня, и связывает их с обрядовой сферой, причем рукоятью в этом случае могло служить основание [Матющенко, 1973б, с. 196; Матющенко, Шерстобитова, 2004, с. 223; Молодин, 1985, с. 73; Ожередов, 1999, с. 108; Гусев, 1999, с. 227; Балакин, Шерстобитова, 2005, с. 60]. Согласно пятой гипотезе, основанной на привлечении сведений о гончарном производстве в Индии, Г-образные предметы могли использоваться в качестве наковальни, помещаемой внутрь керамического сосуда при выбивании стенок деревянной лопаткой [Славин, 1978, с. 16–17]. Этой гипотезе противостоит несколько фактов: длинный стержень делает предмет неудобным для такого применения; на сосудах соответствующих следов формовки не выявлено; не согласуется с предложенной интерпретацией и изношенность на основании и стержне. Предположение о сходстве Г-образных предметов с женскими фигурками уже было проанализировано выше. В целом среди перечисленных гипотез реальные основания имеют лишь те, которые базируются на признаках самих изделий и контексте их бытования. Расхождения между ними обусловлены разным вниманием к отдельным признакам этих изделий и недостаточным учетом остальных.

Для дальнейшего изучения Г-образных предметов необходим новый анализ источников. Наибольший информативный потенциал у самусьской серии. Она выделяется как по количеству предметов, так и по числу характеризующих их признаков. Кроме того, анализ в рамках однокультурной серии методологически наиболее корректен. Поэтому именно предметы самусьской культуры выбраны в качестве основного объекта изучения в данной статье; остальные находки привлекаются как дополнительный материал. Предметы будут проанализированы с позиций структурно-семиотического подхода, ориентированного на использование внутренних информативных возможностей.

Среди признаков, отражающих использование Г-образных предметов, наиболее типична изношен-

ность плоской грани основания. Изучение этой изношенности у предметов с поселения Самусь-4, из Минусинской котловины, могильника Солонцы-5 [Кунгуррова, 2003, с. 36] показало, что она характеризуется двумя основными признаками: 1) заполированностью поверхности, слаженностью имевшихся неровностей (ямки, трещины, выступы); 2) тонкими и слабыми продольными царапинами, связанными с прямолинейными возвратно-поступательными движениями предмета, при которых стержень был рукоятью. Такая изношенность могла образоваться от соприкосновения с мягким органическим материалом. Она похожа на заполированность рабочей поверхности курантов зернотерок [Семенов, 1969, с. 9] и свидетельствует в пользу гипотезы об использовании Г-образных предметов для растирания растительных продуктов. Очень важно, что данное объяснение подтверждается растительным декором на основании ряда изделий. На плоской грани основания двух самусьских предметов имеются неглубокие поперечные желобки (см. рис. 2, 1). Они сопоставимы с поперечными насечками на поверхности зернотерок, наносившимися для более эффективного растирания [Там же]. Залощенность от растирания имеется на основании и миниатюрных предметов с поселения Самусь-4. Однако эффект их применения не мог иметь хозяйственного значения. У ряда самусьских Г-образных предметов изношенность наблюдается не на основании, а на конце стержня (см. рис. 1, 1, 3; 2). С хозяйственной точки зрения, растирание стержнем, имевшим небольшую площадь рабочей поверхности, как и миниатюрными предметами, неэффективно. Оно, несомненно, связано с обрядовой сферой. На основании предмета из пос. Дзержинского имеется овальное углубление, которое могло использоваться для наполнения чем-то, растирания или смешивания каких-то компонентов. Не исключено, что функциональное значение в контексте обряда имели и желобки на основании этого предмета, а также желобки и углубления между зубцами продольного валика на других изделиях. Возможно, они использовались для обмазывания тем, что получалось в результате растирания, или каким-то иным составом. У нескольких изделий концы стержня и основания повреждены сколами, очевидно, вследствие дробления чего-то твердого. Это свидетельствует о том, что использование Г-образных предметов не было ограничено только растиранием растительных продуктов, и указывает на их неполную функциональную дифференцированность. У четырех изделий с поселения Самусь-4 на боковых и торцевой сторонах основания имеются дополнительно обработанные небольшие участки поверхности, слегка уменьшающие его ширину и длину в определенных местах (см. рис. 2). Вероятно, эти «стесы» связаны с подгонкой основания под какое-то жесткое крепление. Иным креплением может быть вызвана залощенность

внутреннего угла между стержнем и основанием еще одного изделия (см. рис. 1, 1). Видимо, при таком использовании основание располагалось вертикально, стержневой частью вверх (как это показано на рис. 2), и привязывалось к твердой основе; устойчивость положения предмета обеспечивала плоская грань, не позволявшая ему поворачиваться в стороны. Закрепленный таким образом предмет не мог применяться в хозяйственных целях. О неутилитарном использовании свидетельствуют также следы красной краски и сажи, сохранившиеся на ряде изделий.

Семантика и pragматика декора

Реконструировать семантику и ритуальную роль Г-образных предметов в древних культурах помогает их оформление. Ряд признаков стержня указывает на сходство с фаллосом: 1) овальное или округлое сечение; 2) иногда небольшой изгиб или наклон относительно основания; 3) утолщение в виде головки на верхнем конце; 4) продольный желобок сверху утолщения (см. рис. 5, 1); 5) оформление поверхности некоторых предметов поперечными желобками и валиками, сопоставимыми со складками кожи (см. рис. 1, 2). В пользу фаллической гипотезы свидетельствует также реконструируемый для ряда предметов способ крепления, при котором положение стержня сходно с положением фаллоса в состоянии эрекции. Можно предположить, что предметы с таким креплением использовались в качестве детали костюма лиц, исполнявших обрядовые функции. Аналоги известны в оформлении скульптуры эпохи бронзы из Туркмении (рис. 7, 1, 2) и Передней Азии [Массон, Сарианиди, 1973, рис. 9, 2]: у антропоморфных фигурок прямо под рельефным поясом налеплен такой же рельефный фаллос.

У двух самусьских изделий верх стержня оформлен в виде головы человека. Из них наибольший интерес представляет предмет из пос. Дзержинского (см. рис. 1, 4). Черты лица, в частности массивность подбородка, позволяют считать изображенную на нем голову мужской, причем ее форма в горизонтальном сечении не соответствует реальной, т.к. ширина лица больше, чем затылка. Предположение, что показан искусственно деформированный череп [Ченченкова, 2004а, с. 320], не подкреплено аргументами. По нашему мнению, такая трактовка обусловлена желанием придать этой части предмета не только антропоморфные, но и фаллические черты. У одного изделия с поселения Самусь-4 окончание стержня изогнуто и напоминает голову животного (см. рис. 2, 2). В рамках самусьского искусства такая форма стержня соответствует форме головы лошади (вероятно, жеребца), изображенной на керамических сосудах [Есин, 2001, рис. 5]. Реалистичное изображение головы лошади

представлено на предмете, найденном возле горы Чека (см. рис. 5, 2). Не вполне ясные зооморфные формы, совмещенные с фаллическими признаками, имеют стержни изделий из окрестностей поселения Бестамак (возможно, голова барана [Ченченкова, 2000, с. 208]) и Коптяки-9 (возможно, голова птицы или змеи [Ченченкова, 2004б, с. 160]).

Аналогичный принцип совмещения фаллических признаков с антропоморфными или зооморфными (голова барана, коня, быка, медведя и др.) демонстрируют сибирские и центрально-азиатские каменные песты, терочники и «жезлы». У некоторых из них (в основном песты), как и у самусьских Г-образных предметов, изображение головы человека или животного совмещено с изображением головки фаллоса или замещает ее [Ченченкова, 2004а, № 83, 88], у других – размещено на противоположной части изделия [Там же, № 66], а в одном случае (ирский «жезл») две головы человека отождествляются с testiculami [Там же, № 96]. Характерно, что эти находки имеют такую же изношенность (заполированность, сколы), как и Г-образные предметы. Не исключено, что некоторые из фаллических «жезлов» в процессе обряда могли затыкаться за пояс.

Совмещение на одной части предмета признаков фаллоса и головы человека или животного нарушает таксономические границы, противоречит формальной логике, но не особенностям человеческого мышления, способного создавать ассоциативные связи между объектами безотносительно к реальным сходству и различиям между ними. Реализацию таких связей в языке и тексте принято называть метафорой. Как изобразительную мифологическую метафору [Есин, 2005, с. 116–117; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 26–33] можно рассматривать и оформление стержня Г-образных предметов. В филологических науках, где теория метафоры наиболее разработана, в смысловой структуре метафоры предлагается выделять четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты и их признаки, дающие основания для сравнения субъектов. Цель метафоры – охарактеризовать свойства основного субъекта при помощи сходных свойств вспомогательного. Понять метафору – значит найти сходство в некоторых признаках двух несовместимых объектов действительности [Шахнарович, Юрьева, 1988, с. 109–113; Арутюнова, 1998, с. 296]. Несмотря на отличие изобразительной мифологической метафоры от более поздней поэтической [Есин, 2005, с. 117], обусловленное спецификой архаического мышления, принцип ее интерпретации тот же. При этом важно учитывать, что для мифологических отождествлений особенно важное значение имели обобщения по действию, тесно связанные с чувственными качествами, неотделимыми от самих объектов. Анализируя с таких позиций оформление стержней самусьских Г-образных предметов, можно выделить

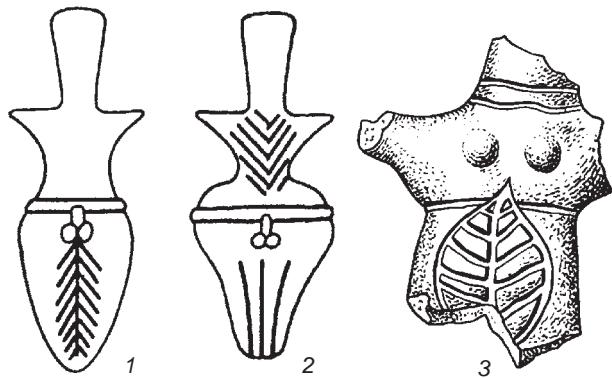

Рис. 7. Глиняные статуэтки из Туркмении

и Причерноморья.

1, 2 – Туркмения [Массон, Сарианиди, 1973, рис. 8, Б],

3 – Причерноморье [Рыбаков, 1981, с. 182].

несколько метафор. Во-первых, это отождествление предмета с фаллосом. Во-вторых, совмещение изображений фаллоса и головы антропоморфного или зооморфного персонажа. Основание для первого отождествления – идентичность ритмичных возвратно-поступательных движений терочника при растирании и фаллоса во время полового акта. Особенно наглядно об этом свидетельствуют следы сработанности не только на плоской грани основания, но и на вершине стержня, порой имеющего фаллическую форму. Закрепление ассоциативной связи с фаллосом в оформлении Г-образного предмета является способом усиления у него соответствующего качества, важного для обрядовой сферы. Для интерпретации второй метафоры важно, что изображение фаллоса в состоянии эрекции олицетворяет важнейший для определенной ситуации признак мужчины – оплодотворяющую силу. Несомненно, такой силой обладал и совмещенный с ним образ человека или жеребца. По производительным силам жеребец превосходит человека. В ряде древних культур они оценивались как очень важное качество, а их обладатель мог обожествляться. Это, например, нашло отражение в древнеиндийском ритуале ашвамедха, в образе древнеиранского мифического жеребца Тиштрия. Оценить репродуктивные возможности антропоморфного персонажа сложнее, однако позиционное тождество с образом жеребца позволяет считать их также неядовыми. На самусьских ритуальных сосудах изображения головы лошади всегда располагаются в приустьевом орнаментальном ярусе, соотнесенном с небом [Есин, 2004, с. 18]. Видимо, совмещение фаллических признаков с антропоморфными или зооморфными нацелено на усиление мужской репродуктивной силы предмета через ее отождествление с образом связанного с небом мифологического персонажа (в образе жеребца или человека). Близкую магическую цель имело окра-

шивание Г-образных предметов: различные оттенки краски сопоставимы с цветом кожи и крови, поэтому окрашивание, видимо, было призвано наделить предмет жизненной силой.

Очень важно для интерпретации рассматриваемых изделий оформление основания предмета из пос. Дзержинского (см. рис. 1, 4). Сверху у него шесть пар наклонных желобков, которые сходятся под углом. Аналогичным образом, в виде прямой линии с отходящими от нее наклонными черточками, в самуськом искусстве изображались растения (рис. 8, 1), колос [Молодин, Глушков, 1989, рис. 25, 1]. Аналогичные по стилю изображения имеются в материалах афанасьевской [Грязнов, 1999, рис. 13, 5; 35, 4] и окуневской культур Минусинской котловины (рис. 8, 2), в искусстве древних земледельцев западных районов Центральной Азии (см. рис. 7, 1, 2) и т.д. В одном случае (окуневская культура) наклонные линии, отходящие от вертикальной, являются частью рисунка листа (см. рис. 8, 4). Эти аналоги, зеленый цвет и подтреугольная форма основания предмета из пос. Дзержинского позволяют интерпретировать его декор как растительный, что является дополнительным указанием на основной материал, который подвергался растирианию: скорее всего, он был растительного происхождения. Овальная ямка в нижней части изображения растения, противопоставленная утолщению на вершине стержня, с достаточно высокой степенью вероятности моделирует вульву. Такой же ямкой обозначен этот орган у

изображения богини-матери из окуневского могильника Верхний Аскиз-1 [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, № 227]. В целом оформление основания отождествляет женское начало с растительным объектом. Оно сопоставимо с женскими статуэтками, на которых изображено растение, появляющееся из лона, широко представленными в древнеземледельческой скульптуре Евразии (см. рис. 7, 3 [Массон, Сарианиди, 1973, табл. III, 4; Погожева, 1983, рис. 27, 2; 30, 2]). Подобно композиции на Г-образном предмете из пос. Дзержинского, на некоторых антропоморфных фигурках эпохи бронзы из Туркмении сочетаются изображения растения и фаллоса (см. рис. 7, 1); порой растение представлено только прочерченными уголками (см. рис. 7, 2), что особенно близко декору основания самуського предмета и стержня изделия с памятника Коптяки-9.

С женской и растительной темой связано оформление еще трех самусьских изделий, у которых на овальном в плане основании расположен продольный валик из треугольных выступов (см. рис. 2, 1). Это оформление, видимо, моделирует вульву. Например, сходным образом – в виде овала с продольной линией – изображался женский половой орган в близком по хронологии и изобразительному языку окуневском искусстве Минусинской котловины [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 20, 4, № 118]. Однако данная гипотеза в полной мере не объясняет деление валика на отдельные зубцы. Следует учесть, что валик из зубцов имеется на двух самусьских скульптурных изображениях головы [Ченченкова, 2004а, № 73, 74]. В этом контексте он может обозначать волосы, прическу. Однако и в данном случае смысл деления на зубцы неясен, а возможность переноса такого объяснения на зубцы у Г-образных предметов вызывает серьезные сомнения. Собственное (денотативное) их значение помогает понять другое сравнение: они могут быть сопоставлены с ритмичными наколами по бокам вертикальных линий на самуських керамических сосудах, передающими листья или зерна [Боброва, 2000, рис. 6, 4; Матющенко, 1973а, рис. 34, 5]. Кстати, схожим образом изображалась растительность и на керамике древних земледельцев Ирана, Туркмении [Кирчо, 1981, рис. 2, 1, 21]. Исходя из предлагаемого объяснения, валик из зубцов на основании Г-образных предметов можно интерпретировать как растительность, появляющуюся из женского лона, как отождествление женского лона и растения. Видимо, данная композиция в иной форме выражает то же содержание, что и основание предмета из пос. Дзержинского. Цель изобразительной метафоры на основании – акцентировать и усилить идею плодородия, отождествляя ее с воплощаемой растениями порождающей силой земли.

Отождествление мужской оплодотворяющей силы с небом, а женского плодородия с землей и растениями в древности было широко распространено. Такие

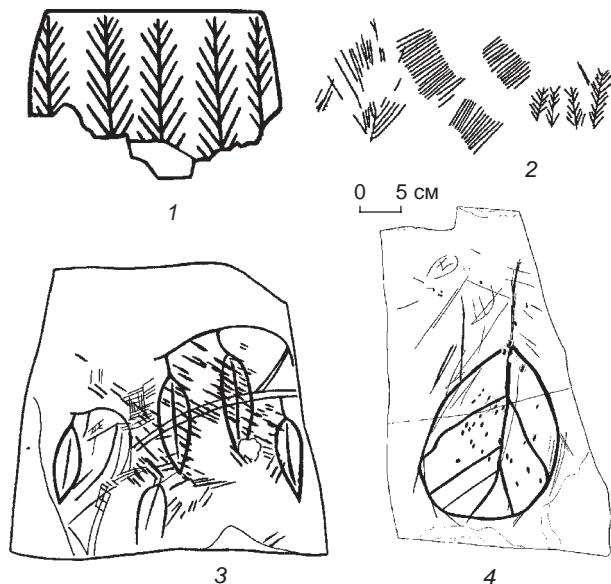

Рис. 8. Изображения растений в искусстве самусьской и окуневской культур.

1 – Верхний Соп-1 [Косарев, 1984, рис. 28, 1]; 2 – Черновая-8 [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 24, 1]; 3 – Минусинская котловина [Там же, рис. 24, 2]; 4 – Минусинская котловина (фонды ХНКМ).

представления зафиксированы в индоевропейской мифологии. Как мать, рождающая растения после брака с небом, выступает земля в шумерских текстах. Олицетворением периодически воспроизведенного брака неба и земли в обоих случаях мог выступать дождь [Антонова, 1984, с. 23; Левинтон, 1994, с. 423]. Аналогичная мифологическая формула воплощена в окуневском искусстве. На плитках песчаника изображены ветви растения с листьями и серия коротких черточек и продолговатых ямок (см. рис. 8, 3, 4), которые в этом и других контекстах интерпретируются как капли и струи дождя [Леонтьев, 1984, с. 32; Есин, 1999, с. 142; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 68]. Заслуживает внимания изобразительная структура листьев на одной из плиток (см. рис. 8, 3), отличная от других окуневских рисунков растений, но идентичная изображению вульвы окуневской богини-матери. Противоречие между элементами, соединенными в одну композицию, указывает на метафорическое значение изображенного. Такое соединение порождает качественно новую информацию, раскрывает существовавшее в культуре ассоциативное отождествление растений с женским началом (растение могло выступать воплощением женского божества), а дождя и неба – с мужским. Языком метафор эта композиция рассказывает о браке неба и земли. С брачными отношениями в обрядово-магическом контексте, видимо, соотносились и возвратно-поступательные движения при растирании Г-образным предметом (пестом, «жезлом»), отождествляемым с фаллосом и соотносимым с мужским небесным божеством. Женское начало представляло растираемый объект растительного происхождения, воплощавший женское божество.

Обобщая все сказанное, можно констатировать, что у Г-образных предметов имеются признаки, связанные с несколькими объектами: фаллосом, вульвой, растением, головой человека и животного. По расположению на изделии эти признаки объединяются в две группы, одна из которых локализована на стержне, другая – на основании (см. таблицу). В целом Г-образные предметы совмещают в себе два плана содержания и два способа использования. Первый (доминирующий) смысловой и функциональный блок связан с представлением о мужской оплодотворяющей силе. Он проявляется в оформлении стержня, способе крепления на костюм, ритмичных возвратно-поступательных движениях предмета в процессе растирания, а также в ходе ритуального танца (в случае прикрепления на костюм). Другой (дополнительный) блок связан с растительной и женской темой. Он проявляется в оформлении основания, расположении основания на костюме, объекте растирания, предполагаемом заполнении овального углубления и желобков каким-то составом, что могло соотноситься с представлениями о плодородии и оплодотворении. Оба блока связаны

с идеей плодородия, поэтому их противопоставление на одном уровне снимается синтезом на другом. Объединение на одном предмете мужских и женских признаков не уникально; оно имеет параллели в антропоморфной скульптуре Туркмении [Антонова, 1977, с. 77; Риндюк, 1999, с. 35–38], Казахстана [Ченченкова, 2000, с. 198]. Также очень важно, что оформление Г-образных предметов ассоциативно связывает плодовитость растительного, животного мира и человеческого коллектива. Видимо, именно представление о такой взаимосвязи человека и природы лежало в основе прагматики обрядового использования данных предметов и обеспечивало их магическую эффективность. Целью обряда было стимулирование плодородия и повышение жизнеспособности коллектива. Несомненна вариативность самого обряда, допускавшего тот или иной акцент в оформлении и применении предмета при сохранении смыслового и прагматического ядра.

Различные способы активного и пассивного использования Г-образных предметов (растирание растительного материала, обмазывание, прикрепление на костюм для исполнения танца, обжигание на огне) были элементами одного обряда. Многие из таких изделий найдены в очагах и представлены обломками [Матющенко, 1973б, с. 196]. Возможно, это свидетельствует о том, что в конце обряда или какого-то календарного обрядового цикла они были специально разрушены и брошены в огонь. Разбитые предметы Г-образной формы есть в материалах могильников Сопка-2 и Бестамак (во всех случаях представлены только основаниями), следовательно, их использовали и в погребальном обряде. Данный факт имеет параллель – использование в погребальном обряде многих культур терочников другой формы, пестов, жерновов, в т.ч. сломанных. Видимо, это указывает на связь терочников с представлениями о смерти и возрождении.

При раскопках поселения Самусь-4 зафиксирован набор из шести Г-образных предметов [Там же], что напоминает жертвенные комплексы из нескольких пестов, терочников, «жезлов», известные в елунинской, окуневской и других культурах. Более поздний вариант подобного явления – песты фаллического облика и курант зернотерки, найденные у основания «оленного камня» в Горном Алтае. При этом сам «оленный камень» является изображением мифологического мужского персонажа (покровителя коллектива), одной из функций которого было дарование плодовитости [Кубарев, 1979, с. 19–20, 86]. Очень важно, что на конце куранта выбиты три наклонные линии, такие же, как на месте лица божества у «оленных камней». По своей роли они сопоставимы с изображением головы человека на стержне изделия Г-образной формы из пос. Дзержинского, а может быть, и с двумя наклонными линиями на зооморфной головке уральского предмета (см. рис. 5, 3).

Обнаружение Г-образного изделия в неординарном («шаманском») мужском погребении неолитического могильника Солонцы-5 указывает, что главным действующим лицом в обрядах с использованием таких предметов мог быть мужчина. Далеким отголоском подобного обряда, возможно, является обряд плодородия, посвященный духу-предку Кочо-кану, зафиксированный у северных алтайцев.

Заключение

Проведенное исследование Г-образных предметов демонстрирует возможность рассмотрения их в одном ряду с пестами, «жезлами» и терочниками различных культур эпохи неолита – бронзы Северной и Центральной Азии. Сходство проявляется в обрядовой функции, принципах декорирования, а порой и в изобразительных элементах. Оно может указывать на близость обрядов, магических представлений, художественных приемов и мифологических образов у создававшего их населения. В значительной мере сходство объясняется функцией этих предметов, связанной с их генезисом на базе недифференцированных орудий для растирания и дробления. Отличия в форме изделий и изобразительных элементах отражают различия культурных традиций и мифологических представлений. Предложенное в работе решение проблем, связанных с Г-образными предметами, – результат изучения их внутренних информативных возможностей и контекстов бытования. Представляется, что проведение конкретных исследований с позиции такого подхода – важный аргумент в дискуссии о теоретических перспективах интерпретации изображений бесписьменных обществ, развернувшихся на страницах журнала.

Список литературы

Аванесова Н.А. Случайные находки эпохи бронзы из фондов госмузея-заповедника Самарканд // У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 405–414.

Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. – М.: Наука, 1977. – 227 с.

Антонова Е.В. Божества земли и растений в представлениях древних обитателей Средней Азии и Двуречья // Информ. бюл. Междунар. ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1984. – Вып. 7. – С. 18–27.

Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 296–297.

Балакин Ю.В., Шерстобитова О.С. Семантика изделий фаллической формы в связи с бронзолитейной традицией культур лесостепной полосы Западной Сибири в бронзовом веке // Проблемы историко-культурного разви-

тия древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 59–60.

Боброва А.И. Поселение Самусь IV (материалы к каталогу археологических коллекций Томского областного краеведческого музея) // Тр. Музея г. Северска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 19–31.

Вальков Д.В. О «фаллических формах» на поселениях эпохи поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей. – Саратов: Сарат. гос. пед. ин-т, 1997. – С. 109–112.

Грушин С.П. Комплексы эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья и проблема формирования сейминско-турбинских традиций Северной Евразии // Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – С. 158–161.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 136 с.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 20–27.

Гусев С.В. Фаллос в шаманской атрибутике народов таежной зоны и тундр (археологический и этнографический аспект) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ин-та, 1999. – С. 226–228.

Дмитриев П.А. К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. – 1935. – Вып. 106. – С. 206–219.

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19–46.

Дремов В.А. О родственных связях населения Среднего Прииртыша в эпоху бронзы // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1984. – С. 14–21.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 254 с.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфри К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92–102.

Есин Ю.Н. Биконические фигуры в древнем искусстве Сибири (по материалам самусьской и окуневской культур) // Тр. Междунар. конф. по первобытному искусству. – Кемерово: Никалс, 1999. – Т. 1. – С. 139–147.

Есин Ю.Н. Семантика декора на сосудах самусьской культуры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С. 39–54.

Есин Ю.Н. Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.

Есин Ю.Н. О некоторых проблемах интерпретации изображений эпохи бронзы Центральной и Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 2 (22). – С. 114–128.

Кирчо Л.Б. Погребальный обряд и культурные традиции (по материалам южно-туркменистанских погребений периода ранней бронзы) // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 28–35.

- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и бронзовый век южно-тажинской зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.
- Киришин Ю.Ф., Кунгурев А.Л.** Многослойное поселение Тыгкескенъ-б на Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111–123.
- Киришин Ю.Ф., Кунгурева Н.Ю., Кадиков Б.Х.** Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 117 с.
- Колбина А.В., Логвин А.В., Шевнина И.В., Калиева С.С.** Доандроновские погребения могильника у поселения Бестамак // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 396–398.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая (оленевые камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кунгурева Н.Ю.** Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 30–40.
- Ларин О.В., Кунгурева Н.Ю., Степанова Н.Ф.** Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 67–72.
- Левинтон Г.А.** Священный брак // Миры народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 422–423.
- Леонтьев Н.В.** К вопросу о земледелии у племен окуневской культуры и его отражении в искусстве // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан: ХакНИИЛИ, 1984. – С. 27–34.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н.** Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 236 с.
- Массон В.М., Сарианиди В.И.** Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973а. – Ч. 2: Самусьская культура. – 212 с. – (Из истории Сибири; вып. 10).
- Матющенко В.И.** Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973б. – С. 191–198.
- Матющенко В.И., Шерстобитова О.С.** О месте самусьской мелкой пластики в системе районов изобразительного творчества эпохи неолита и ранней бронзы Евразии // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2004. – С. 223–226.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 167 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
- Ожередов Ю.И.** Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – С. 77–119.
- Окладников А.П.** К проблеме культурных контактов между племенами Дальнего Востока и Прибайкалья в неолитическое время: каменные песты из долины Зеи // Зап. Амур. обл. музея краеведения. – Благовещенск: Хабар. кн. изд-во, 1970. – Т. 6, вып. 2. – С. 3–7.
- Погожева А.П.** Антропоморфная пластика Триполья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 145 с.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.** Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 146–153.
- Риндюк Н.В.** Основные группы антропоморфной пластики древних земледельцев Евразии // АСГЭ. – 1999. – Вып. 34. – С. 34–43.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 182 с.
- Семенов С.А.** Каменные орудия эпохи ранних металлов // СА. – 1969. – № 2. – С. 3–14.
- Сенчилов А.П.** Геометрический орнамент эпохи бронзы (проблемы локальной идентификации). – Белово: [Б.и.], 2000. – 146 с.
- Славинин В.Д.** Некоторые аспекты развития ранних форм религии в лесном Приобье в эпоху металла // Этнокультурная история населения Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 13–25.
- Спицын А.** Археологический альбом // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – Пг., 1915. – Т. 11. – С. 225–250.
- Хлопин И.Н.** Афанасьевская культура (историческое содержание) // Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 71–84.
- Ченченкова О.П.** Древняя скульптура Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. – СПб., 1995. – 26 с.
- Ченченкова О.П.** Западносибирская скульптура: вещь, знак, символ // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб.: Петро-РИФ, 2000. – С. 194–212.
- Ченченкова О.П.** Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III – I тыс. до н.э. – Екатеринбург: Тезис, 2004а. – 336 с.
- Ченченкова О.П.** Песты из коллекции Свердловского областного краеведческого музея (в сравнении с каменной скульптурой западно-сибирской лесостепи) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС, 2004б. – С. 156–173.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.** К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 108–118.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

Д.Ц. Цыденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: darimats@ngs.ru

СУДЬБА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АГИНСКИХ БУРЯТ

Работа посвящена теме судьбы в культуре и представлениях агинских бурят. Анализ аутентичной терминологии позволяет говорить, что судьба рассматривалась ими как доля, определенная человеку высшими силами при рождении. Вершителем судеб являлось небесное божество – демиург; его земной локализацией служил домашний очаг. Человеческая жизнь рассматривалась как дар свыше, что формировало ритуалы агинских бурят. Система ценностей этого народа, связанная с представлениями об отмеренности судьбы и доли, предопределяла этические нормы и практики социального патернализма, которые в бурятской среде сохраняют свое значение и поныне.

В исследованиях по бурятской этнографии тема судьбы не получила сколько-нибудь серьезного освещения. Такие работы отсутствуют в формате как всего бурятского этноса, так и его отдельных субэтносов, в т.ч. агинских бурят. В трудах И.А. Манжигеева [1978], Т.М. Михайлова [1987], К.М. Герасимовой [1989, 1999, 2006], Г.Р. Галдановой [1987] и Т.Д. Скрынниковой [1997] мы находим отдельные сведения по данному комплексу мировоззренческих представлений, однако материала по агинским бурятам практически нет. Попытаемся заполнить эту лакуну.

С древнейших времен тайна судьбы остается непостижимой загадкой. В мифологии различных народов развито представление о судьбе как о непознаваемой силе, детерминирующей не только отдельные события, но и всю жизнь человека (в более широком смысле – социального коллектива). Вера в нее диктовалась объективной несвободой индивида от коллектива и природы, невозможностью реализовать формы индивидуального бытия, отличные от определенных с момента рождения [Карев, 2003, с. 471]. Понятие «судьба» в структурно-смысловом отношении является двухполюсным (пределность–определенность – беспределность–неопределенность)

[Топоров, 1994, с. 38]. Конечные точки – появление человека на свет и уход его из мира. Человеку не суждено знать ни своего рождения, ни своего последнего часа. Между этими рубежами лежит его жизненное пространство, иначе говоря, поле судьбы [Пюрбееев, 1999, с. 212].

Судьба в сознании монгольских народов, в их мифологии, фольклоре и религии, традиционной культуре в целом воспринимается как категория, отражающая представление о сверхъестественных, божественных силах, предопределяющих все события в жизни людей [Там же]. В традиционном мирапонимании агинских бурят она обозначена такими терминами:

1) *заяа, заяан* (монг. *ձզայ*) – судьба, предназначенная человеку свыше; *заяата хүн заргагуй* – счастливый человек тяжбами не занимается [Бурятско-русский словарь, 1973, с. 254];

2) *заяабари* – судьба, рок; судьба человека, якобы предопределенная Вечно Синим Небом, или *Заяабари тэнгрием* [Манжигеев, 1978. с. 52]; *заяабарита* – предназначенный судьбой [Бурятско-русский словарь, 1973. с. 254];

3) *хуби* – доля, удел, которыми высшие силы назначают человека при рождении; *хуби заяан* – спут-

ник жизни человека; *зайлашагүй хуби заяан* – фактум, рок; *хуби заяатая уулзаха/ушарха* – встретить свою судьбу (столкнуться со спутником жизни); *одо заяан* (*одо мүшиэн*) – звезда, под которой человек родился. По трактовке И.А. Манжигеева, *хуби* (участь, удел, судьба) представляет собой фаталистическую веру шаманистов в то, что каждому человеку не миновать доли, предначертанной ему судьбой при рождении [1978, с. 52];

4) *зол* (*зол заяан, зол жаргал*) – счастье, счастливая судьба человека;

5) *табисуур, табилан* – предначертанность (высшими силами, Богом, божествами и различными духами-покровителями) бытия человека; предопределенность всего в его жизни: места и времени рождения, родителей, условий и качества жизни, всех событий, которые должны произойти. *Баяжаха табисуртай/табилантай байбаш* – удел твой стать богатым (Половые материалы автора (далее – ПМА), информатор (далее – инф.) М. Дымбрылова);

6) *хуби талан* (от рус. простореч. *талан*) – удачливая, доля; *аза талаан* – везение, данное судьбой; *мухар талаан* – внезапная удача;

7) судьба часто ассоциируется с дорогой – *зам, харгы зам* (путь, дорога) *наанай харгы* (жизненный путь).

В архаичных воззрениях бурят, в т.ч. и агинских, вершителем человеческих судеб являлся *заян/заяша/заяагша* – небесное божество, демиург, один из основных *тэнгэри* (*Заяша-тэнгэри*). Непосредственное отношение к этому имел *Заян Сагаантэнгэри* (творец/творящий – белый *тэнгэри*) – глава западных, светлых (белых) *тэнгриев*, покровительствующий талантам, способностям и различным занятиям людей, обеспечивающим здоровье и благополучие человека [Михайлов, 1987, с. 14]. Ему приписывалась способность помогать актам оплодотворения и размножения живых существ [Манжиев, 1978, с. 53]. У монголов покровителем счастья являлся *Дзол-дзаяагачи*, или *Дзаяагачи-тэнгри*, который в шаманских призываиях именовался «самовозникшим» и «создателем всего», – божество человеческой судьбы, как небесного волеизъявления, даритель жизни, счастья и блага, защитник имущества и скота. Покровительницей детей, их здоровья и счастья считалась *Эмэгэльджэ-дзаяагачи* [Банзаров, 1997, с. 45–46]. *Дзаяагачи* представляла собой разумное начало в человеке, противостоящее нравственной порче и, очевидно, в качестве такового выступающее своеобразным ангелом-хранителем [Там же]. Эти мифологические взгляды отражены у балаганских бурят, веривших, что *заяша* – «хорошая душа» человека, одна из его двух или трех душ (среди которых есть и «плохая»); она может существовать отдельно от него, после смерти отлетает на небо, является точным подобием человека, заботится о нем

[Хангалов, 2004]. У агинских бурят *Заяша* считается покровителем детей (*ури хуугэдэй заяша*), скота (*малай заяша*) и огня (*галай заяша*) (ПМА, инф. Ц.-Д. Балдантугаров, Б. Бадараева, М. Дымбрылова, Ц.-Д. Чимитов, Д. Чимитова). Верили, что, обидев ребенка, можно прогнеть и его *заяшу*; когда ребенок радуется, то вместе с ним ликует и его хранитель (*заяашань баясаха*). Прибайкальские буряты считают, что *Заяша* является собственным именем легендарного шамана, бежавшего из Забайкалья и нашедшего убежище от преследователей-лам у мыса *Бохан* в Прибайкалье. Впоследствии ему приписали роль «благодетеля-чудотворца», спасающего скот от чумы [Манжиев, 1978, с. 53].

По народным воззрениям, *заяша* локализуется в домашнем очаге. Как у многих тюрко-монгольских народов, у агинских бурят имел распространение культ огня. Жизнь не мыслилась без этого таинственного «брата» солнца. Значение его настолько универсально, что нет ни одного народа на земле, который в своих сказаниях и преданиях не пытался бы объяснить его происхождение [Липс, 2001, с. 54]. Существовали особый ритуальный комплекс и система запретов по отношению к огню. Например, запрещалось бросать в него сор, растапливать огонь острыми щепками и направлять в него острые предметы. Думали, что, поступая так, можно выколоть глаза *заяше*: «Шорын узуур гал уруу харуулхагүй, заяшынгаа нюдэ хадхаха» (ПМА, инф. М. Дымбрылова). Огню приписывалась способность притягивать удачу, богатство и счастье [Галданова, 1987, с. 23]. Каждая хозяйка должна была почитать *заяшу* и всегда «кормить» свой очаг «первникой» (непробованной частью) лучшей пищи, чтобы удача и благополучие сопровождали ее семью. В противном случае, как полагали, он мог отвернуться и навлечь на них беду. Эти воззрения нашли отражение в широко распространенной среди агинских бурят легенде:

Когда-то, давным-давно, встретились покровители огня богатой и бедной семей. *Заяша* богатой семьи стал жаловаться второму, что хозяйка дома совсем его не кормит, что возле огня не держит даже остатков пищи. А *заяша* бедной семьи похвалил хозяйку своего дома, рассказал, что она всегда ему подносит лучшую часть всей еды, которая есть в доме. В конце концов второй посоветовал первому напустить холод и мор на скот семьи, в которой он жил. *Заяша* богатой семьи так и поступил, после чего покинул их. В результате эту семью постигли несчастья (ПМА, инф. М. Дымбрылова, Н. Ринчинов).

В речи агинских бурят часто встречаются метафоры, связанные с именем хранителя человека и характеризующие неудачу в делах: *заяашань буруу хараа* («заяша от него отвернулся»), *заяанин доройтоо* («судьба отвернулась»). К *заяану* всегда обращались при сильном испуге, страхе, например, до сих пор сре-

ди агинских стариков сохранилось выражение «*Заян халхалаг!*» («Да убережет заяан!») (ПМА, инф. Ц.Ж. Цыденова, Б. Дашидондокова).

Известно, что у древних монголов существовал культ Вечно Синего Неба (*Хухэ Мунхэ Тэнгэри*), во власти которого якобы находилась судьба земных людей. *Тэнгэри* (Небо, тенгрий, дух-небожитель) как божественное пророчество и дух-гений наделял людей счастливой судьбой, властью или же, наоборот, лишал счастья, удачи. Об этом можно судить на основании таких устойчивых метафорических выражений, как *хүний хувь заяг тэнгэр мэднэ* («судьбу человека знает тенгрий, все в воле Неба»), *тэнгэр нь хээр хаяжээ* («тенгрий оставил его в безлюдной степи, Небо покинуло его в степи») [Пюрбееев, 1999, с. 213]. Архаичные воззрения о покровительстве Неба у агинских бурят бытуют и в настоящее время: запрещается спрятывать нужду и выливать нечистоты в видном для Неба и небесных светил месте; женщине во время менструаций нельзя показывать Небу, солнцу и луне свою кровь (*hara наранда муу муухайгаа харуулхагуй*) (ПМА, инф. М. Дымбрылова). В бурятской мифологии, кроме тэнгриев – покровителей судеб человека – выделяются *заяны* (заянууд), относящиеся к разряду низших духов, которые выступают посредниками между небесными богами и людьми; эта категория пополняется за счет умерших шаманов, что соответствует дуализму пантеона – добрых и злых духов [Банзаров, 1997; Михайлов, 1987; Хангалов, 2004].

В мировоззрении буддистов покровителем судьбы считается *бурхан* (бог), олицетворяющий собой высшую силу, которая вершит судьбами всех смертных: *бурхан бухые мэдэх* – «бог все знает», *бухы юумэн бурханай мэдэлдэ* – «все в ведении бога». Замаливая свои грехи, прося о спасении и защите от несчастий, люди всегда обращаются к богу, о чем говорит следующее выражение: «*Бурхан зайлул!*» – «Бог, убереги, избавь!». Слово *бурхан* часто употребляется вместе со словом *тэнгэри*: *тэнгэри-бурхан* («бог-небо»), *Бурхан тэнгэри мэдэх* («Небо все знает»). Согласно представлениям буддистов, сроком жизни и судьбой души в будущем перерождении (в зависимости от совершенных поступков) ведал *Эрлик-хан** (ПМА, инф. Б.Д. Мункуев). Веря в по-

кровительство небес, старики часто утверждают, что живы благодаря их милости: «*Бурхан тэнгэриин хайраар амиды мэндэ ябагдана*» (ПМА, инф. Ц.-Д. Балдандугаров). В народных представлениях понятия «бог» и «Будда» идентичны, хотя буддийская философия не признает персонифицированной идеи Бога как творящей и оказывающей воздействие на жизнь человека силы.

Непосредственное отношение к судьбе имеют воспринятые буддизмом *сахюусаны* – хранители веры, покровительствующие людям в зависимости от их года рождения и сферы жизнедеятельности. Например, защитником тех, кто родился в 1976 г., считается *Будда Манла*, покровителем учебы – *Будда Манчжушири*. Каждая агинская семья имеет родовых *сахюусанов*, передающихся по наследству. По сведениям информатора Ц. Жаповой, их семья: *Жамсаран, Лхама, Гуни Лхама, Балдан Лхама, Сагаан Шухэртэ, Махагала, Дамдин*. Ц.-Д. Балдандугаров назвал пять: *Лхама, Жамсаран-хан, Дорлиг, Сагаан угээн, Махагала*. Изображения *сахюусанов* можно увидеть на буддийских алтарях возле изображений Будды и Далай-ламы. Все они читаются, им подносится «белая» пища*. В буддийских храмах регулярно проводятся различные хуралы (молебны) в их честь. Люди, веря в возможность получения благополучия посредством расположения *сахюусанов*, «стараются не пропускать их» (ПМА, инф. Ц.Ж. Цыденова).

По традиционным воззрениям агинских бурят, каждый человек с рождения наделяется своей долей (*хуби*) свыше, поэтому известие о появлении нового человека всегда воспринималось с радостью. Ребенок никогда не считался обузой, что отражено в таком изречении: «*Хуугэд орын хубитаяаа, эдлэх зооритээ дэлхэй дээрэ ерэнэ*» – «Ребенок всегда приходит на этот свет со своей долей/притягивает свою долю, удачу». Необходимо подчеркнуть, что исчисление возраста у всех бурят шло с момента по-

«владыка веры». Кроме того, в Монголии Эрлик часто именуется Чойджалом (от тибет. *Чойгайал* – «царь закона»). Согласно буддийским преданиям, в прошлом Эрлик был монахом, достигшим высокой степени святости и обретшим сверхъестественное могущество, однако он был казнен по ложному обвинению в воровстве или же убит грабителями, поскольку оказался невольным свидетелем их преступления. Обезглавленный, но оставшийся живым, Эрлик приставил себе бычью голову и стал ужасным демоном-губителем. Его укротил «победитель смерти» Ямандаг (санскр. *Ямантака*), который низверг Эрлика в подземный мир, где тот стал владыкой и судьей в загробном царстве [Неклюдов, 1988, с. 667].

*«Белая» пища – условное обозначение молока и продуктов из него, используемых в ритуальных целях для подношения богам и духам. Такой пищей также угощают почетных гостей.

*Эрлик-хан, Эрлик, Эрлен-хан (бурят.), Эрлик Номун-хан (монг.), Эрлик Номин-хан (калм.), Эрлик Ловун-хан (тув.), Ирлик (хакас.) – в мифах монгольских народов и саяно-алтайских тюрок владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, дьявол, демиург или первое живое существо, созданное демиургом. Имя восходит к древнеуйгурскому *эрклиг-каган* («могучий государь») – эпитету владыки буддийского ада Ямы. Номун-хан – монгольская калька титула Ямы – «царь закона»,

явления эмбриона в утробе матери, поэтому ребенку при рождении уже «был» год. В дальнейшем отсчет возраста шел с *Сагаалгана* (Нового года по лунному календарю) независимо от даты рождения человека. О ценности человеческой жизни и здоровья, второстепенности материального свидетельствует общенародное мнение: «*Амиды мэндэ ябаа haas, эдихэ хоол эдлэхэ эдлэлшийн хододоо олдох*» – «Если будешь жив-здоров, всегда найдутся и еда, и одежда». Как уже отмечалось, прерогатива наделения людей долей принадлежала *заяаши* или *сахюусанам*. Все, что полагалось человеку иметь в жизни – имущество, скот, детей, – соответствовало *хуби*. Он мог обладать плохой или хорошей судьбой. О человеке с хорошей судьбой говорили: *хайн заяатай хүн, заяатай хүн; с плохой – муу заяатай, заяагуй, заяа муутай*. *Заяаша* (*заяан*) мог наделить человека неполной долей, о чем свидетельствуют следующие понятия: *хубигуй, заяагуй, аза талаангуй* – «без доли, судьбы, удачи/везения». В старину буряты, веря в судьбу людей, невосприимчивых к различным болезням, якобы насыляемым различными духами, называли их *хаттуу заяатай хүн* (досл. «человек, имеющий неуязвимое зарождение») [Манжиев, 1978, с. 52].

У агинских бурят распространены представления о том, что Бог или высшая сила в образе Неба распределяет между всеми людьми жизненные силы и блага. Обретение своей доли (части) рассматривалось как одно из важнейших условий жизни человека. Прав А.К. Байбурин, утверждая, что в традиционной культуре судьба ребенка определяется временем и местом рождения. Значение имели час, день недели, фаза месяца, будни или праздники. Эти представления обусловлены семантической неравноценностью отрезков времени в традиционной картине мира. Удачный момент появления ребенка на свет – тот, когда природная жизненная сила проявляется в максимальной степени [Байбурин, 1993, с. 51].

Доля, связанная с представлениями о долголетии, многодетности и обилии скота, становилась всеобъемлющим выражением благоденствия. Она определялась мерой причастности человека к сакральной благодати, к силе божеств, олицетворяющих природное начало. Согласно традиционному мировоззрению, вместе с получением доли – дара – на субъект (получателя) переносилась частица сущности самого дарителя. При этом не проводилось разграничение между духовным и материальным. Потребительские ценности выступали овеществленным воплощением ментальных категорий [Гуревич, 1984, с. 235–239]. Представления о доле у агинских бурят связаны с верой в меру владения жизненными благами и наделение счастьем *эдлэхэ саба*, которую получал человек

свыше. Поскольку *саба* была у всех разной и, согласно верованиям, влияла на продолжительность жизни, следовало бережно пользоваться всем тем, что дано человеку, т.к., исчерпав свою долю, можно приблизить смерть. В то же время необходимо было помнить о бренности всего материального и скоротечности человеческой жизни, о чем ясно сказано в следующей пословице: «*Зоори шуудэр – бэе hyудэр*» – «Богатство подобно утренней росе, а тело – тени». По рассказам стариков, нередко в случае внезапной кончины человека в расцвете сил ламы-астрологи, истолковывая причину смерти по его «потустороннему завещанию», объясняли, что им сверх меры была употреблена *саба* (*сабаяа дуунан эдлэжэ, наааяа богонидохого*). Об этом говорится в легенде:

Давным-давно, богатая семья выдавала свою dochь замуж, и для свадебного пира было забито большое количество голов скота для угождения гостей, вследствие чего невеста накануне отъезда к жениху умерла. На суде Эрликхана девушке сказали, что ей была отведена долгая жизнь, но из-за того, что было перебито много скота в честь ее свадьбы, жизнь ее прервалась. В итоге, девушка обратно возвратилась на землю с тем условием, что она будет совершать только благие действия, не будет наживать богатства и не будет причинять страдания живым существам (ПМА, инф. Ц.Ж. Цыденова).

Так называемая мера свыше регулировала пользование материальным в жизни. В прошлом, чтобы прожить дольше, старались домашние вещи часто не обновлять. Люди старшего поколения строго запрещали молодым обольщаться чрезмерной удачливостью. Полагали, если сильно везет в чем-либо, например на охоте, нужно вовремя остановиться и взять у природы только самое необходимое для поддержания жизни. В противном случае человек мог взять раньше срока все то, что было предназначено целому роду вплоть до последующих поколений. По словам информатора, его отец, будучи охотником, убил много животных и это плохо отразилось на жизни его детей (ПМА, инф. Ц.-Д. Балдандугаров). В данных случаях долю можно рассматривать как бесповоротно определенный срок и характер отдельной жизни, в частности, удачу человека и его достаток. В еще более архаическом срезе она означала жизненную силу (*vis vitalis*), которую человек должен израсходовать до смерти [Седакова, 1990, с. 54].

В воззрениях монгольских народов распространен мотив распределения и раздачи жизненной доли и счастья (*заяасан, ноогдосон, тависан хувь/заяаны хувь*), видимо, связанный с тем, что мифические духи-хозяева судьбы заранее предопределяют, какой будет удел у человека. Вера в неотвратимость и неопределенность (*зайлашгүй хувь заяа*) силы, возвышающейся над людьми, снимает вопрос о ее выборе, а тем более о конфликтах и противоборстве с ней [Пюрбеев, 1999,

с. 214]. Мысль о детерминированности жизни человека, точнее, неизбежности смерти отражена в песне, спетой Чойжил-Лхамой Базароном*:

Заанай дурбэн нөёое
Залуурар залахын аргагуй,
Замбуу юртэмсын заншалые,
Зайсаад гараахын аргагуй

Как невозможно выпрямить
все четыре клыка слона,
так невозможно пройти по жизни,
минуя законы бытия

(ПМА, инф. Б. Дашидондоков;
пер. Д. Цыденовой).

Агинские буряты верят в предопределенность жизни человека, считая, что все предначертано свыше с самого момента зачатия. По мнению информаторов, предначертанность судьбы (*табисуур*) тождественна понятию кармы**. Верили, что ее не могут изменить даже сами Будды. Как выразился один из информаторов, «*Бурхан багша табисуурай урда би орожко шада-хагуйб гэнэн Юм*» – «Будда сказал, что он не властен над предопределенностью». Тяжелую участь можно было облегчить путем совершения благих деяний, например, оказав помощь страдающим и бедным людям (ПМА, инф. Ц.-Д. Ламожапов).

Согласно буддийской философии, плоды всех действий прошлой жизни любого существа программируют его последующую жизнь, вплоть до условий, места его рождения, будущих моральных и физических качеств. Исходя из этой предначертанности, еще задолго до рождения душе, находящейся в промежуточном состоянии, высшие силы в лице Эрлик-хана определяют участь будущего перерождения. Душа безгрешного человека отправляется в высшие миры. Возможность перерождения в человеческом облике в благополучной и неблагополучной социальной среде также напрямую зависит от совершенных сансарным существом поступков в прошлой жизни.

В традиционном миропонимании агинских бурят встречаются взгляды о необратимости воздаяния за любые действия, совершаемые человеком, в т.ч. и за прегрешения (*уйлын ури*). Люди верят в кару за грехи предков, выпадающую на долю потомков. Если человек не раскаивался и не старался искупить прегрешения, то расплата могла выпасть на долю детей или внуков в виде всевозможных бед и несчастий. По

*Чойжил-Лхама Базарон (1878–1940) – народный проповедник, выходец из агинских бурят.

**Карма – закон воздаяния за все совершенные действия. Согласно ему, последствия поступков всякого существа предопределяют характер и условия его нового рождения и в целом дальнейшее существование.

народным воззрениям, успехам человека в жизни способствует добродетель родителей и предков (эхэ эсэгын буян), которые несут ответственность за будущее своих потомков (ПМА, инф. Ц.Ж. Цыденова). В этих воззрениях, несомненно, прослеживаются реликты культа предков.

Представление о предначертанности судьбы не исключает возможности тем или иным способом изменить ее. «Идея строгой детерминированности существовала на уровне теологических спекуляций как догма, а молитвы-обращения к богам с просьбами об изменении участи – как живая практика» [Клочков, 1983, с. 43–44]. Буддийский и шаманистский культы включают обряды, направленные на смягчение нелегкой участи, отведение ударов судьбы и на удлинение срока жизни человека. Агинские буряты верят в благотворную силу таких обрядов и ритуалов, включающих множество магических приемов распознавания, предугадывания, прогнозирования, упорядочения и моделирования судьбы. Непосредственное отношение к ним имели различные способы гадания, а также обряды и ритуалы жизненного цикла, направленные на «организацию» и упорядочение жизни/судьбы человека. Например, брачному союзу, в котором зурхай пророчит бедность, ламы-астрологи советуют периодически совершать обряд *далга** и почитать покровителя богатства *Намсарай* (*Вайшравана*). Если у человека возникает необходимость отправиться в дорогу в неудачный день по календарю, он обращается к шаману, чтобы тот для отведения неудач совершил возлияние (*сэржэм*) молоком и водкой духам-покровителям малой родины (*нютагай эзэн*), *обоо*** (имеется в каждой местности), попросил их о покровительстве в пути. Ламы рекомендуют путникам в дороге читать молитву богине *Одсер ченма* (*Ошор жалма*), покровительствующей им. Человеку, родившемуся в субботу, которому зурхай пророчит короткую жизнь, следует молиться *Саган Дара-эхэ* (Белой Таре) и *Аюуша* (*Амитабе*) и присутствовать на хурахах, нацеленных на удлинение жизни (ПМА, инф. Б.Д. Мункуев, Ц.-Д. Ламожапов, Ц.Ж. Цыденова).

Можно согласиться с утверждением М.В. Горбуновой, полагающей, что в традиционной культуре все прогностические и обрядовые действия были направлены на реализацию конкретных поведенческих программ, ориентированных на избегание несчастья,

*В традиционном миропонимании обряд буквально воспринимается как «получение» счастья, удачи и богатства свыше. Существует и в шаманской, и в буддийской традициях.

***Обоо* – культовое место, расположенное на горе, где поклонялись ландшафтным духам. Называлось так в тех случаях, когда там была сложена куча камней или веток дерева (от бур. *обоохло* – «собирать, складывать в кучу»).

выравнивание жизненного поля, поддержание равновесия между природой и человеком, а также внутри общества [2004]. В обрядах и ритуалах во время охоты и промысла для получения благодати, а также для «успешного общения» с существами из потустороннего мира люди преподносили дары и совершили жертвоприношения. «Счастливая участь, доставлявшаяся людям, предполагала эквивалентное возмещение. Взаимный “долеобмен”, лежащий в основе отношений социума с сообществом иного мира, был залогом его жизненного благополучия. Несоблюдение этого закона считалось губительным для человека. Дарообмен, обусловленный социально-экономическими условиями жизни, санкционировался мировоззрением людей. Вне коллектива и его судеб невозможно было не только реализовать, но и представить собственную долю и судьбу» [Львова и др., 1989. с. 145–146]. У агинских бурят перед началом любого жизненно важного события принято обращаться к шаманам либо к «знающим людям» (мээллишэ) с просьбой о том, чтобы те, предугадав судьбу с помощью духов, дали нужный совет и совершили подношение «белой» пищей и возлияние спиртными напитками духам-покровителям. По традиции, каждая хозяйка, надоив утром молока или заварив свежий чай, подносит первую, «верхнюю», часть богам, Небу и огню очага (углоонэй нүнэй, сайн дээжэ ургэхэ), прося о покровительстве, благополучии и удаче. Старики – хранители традиций, ежедневно совершая этот ритуал, просят духов-хозяев земли (в т.ч. и хозяина своего *обоо*) и Небо (*Орон тэнгэри*) уберечь всех живых существ от бед, горестей и болезней:

Орон дэлхэйн эзэд! Орон тэнгэри!
Бухы эхэ зургаан амиды амитадье
удэрэй тодхоргоо, гай гасаланнаа
зайсуулжса, аршалан харажса байгым!

Хозяева земли! Небо!
Уберегите все шесть видов живых существ,
населяющих наш мир,
от бед, горестей и болезней!

(ПМА, инф. Ц.Ж. Цыденова;
пер. Д. Цыденовой).

Люди, имеющие дар предчувствовать, в народе назывались зунтэй, юумэ зүгнэдэг, мэдэдэг, харадаг («предвещающие, видящие, знающие»). Полагали, что маленькие дети обладают таким даром. Раньше многие шаманы, предсказывая судьбу, гадали на очищенной обжиганием бараньей лопатке, ныне они смотрят в водку и пользуются буддийскими четками (ПМА, инф. А. Лхамаева). События предугадывали по снам. Людей, обладавших таким даром, называли зуудэ *тайлбарилха манаха*. Верили, что предвидят некоторые животные, например, сороки,

вороны, турпаны, собаки и домашний скот. Существует даже монгольский манускрипт «Шаазгайн судар» – «Сутра сороки». В нем по времени прилета и характеру стрекотания сороки распознают будущие события (ПМА, инф. Ц. Жапова). Верили, что угли (хонсо), принявшие вертикальное положение в очаге, точно предвещают приезд гостей и получение новых известий:

В старину одна семья ожидала приезда замужней дочери в гости, но ее почему-то долго не было. Как-то вечером хозяйка расчесывала волосы. Перед ней был ковш с водой, чтобы смачивать руки. В это время муж, глядя в огонь, сказал, что угли пророчат приезд гостей. Женщина, разозлившись, сказала, что все равно не приедут. После чего, схватив угли щипцами, бросила их в ковш с водой. Ее дочь, направлявшаяся домой на коне, утонула в реке (ПМА, инф. Д.Ж. Балданова, Ц.Ж. Цыденова).

Чтобы узнать свою судьбу, агинские буряты обращаются к ламам-астрологам, которые дают различные ее трактовки, исходя из монгольской астрологической системы – зурхай. Главным объектом этой системы является жизнь человека во всех ее эмоциональных и физических проявлениях. По буддийской астрологии, человек существует в сложном взаимодействии с силами космоса, небесных светил и природы. Он с момента зачатия в чреве матери и до смерти находится под влиянием лучей 12 звездных миров, созвездия Большой Медведицы (*Долоон Убээд* – «Семи Старцев»), 7 планет Солнечной системы и 28 звезд. Участь человека зависит от времени его рождения, погоды и состояния окружающей среды (мир, спокойствие или бедствия и войны), степени развития общества и его культуры, принадлежности к определенному сословию. При распознавании удела человека немалое внимание в монгольской астрологии уделяется его телосложению, цвету и линиям кожи, лицу, морщинам на нем, линиям на ладонях, форме ушных раковин. Линии на ладонях отражают суть прошлого, настоящего и будущего в судьбе [Зурхай, 1991; Базарова, 2001, с. 5].

В интерпретации обозначений монгольского календаря выделяются представления о хороших и плохих следствиях всех дней недели, месяца и часов, имеющих влияние на начало и ход многих действий, таких как стрижка волос, отправление в дорогу, начало обучения, укрощение коня, дарение и продажа скота, забой домашних животных, женитьба, раскрой и шитье новой одежды, катание войлока, рытье колодца, начало перекочевки, заложение и постройка нового дома, поклонение богам, проведение обрядов, направленных на снятие порчи, подавление врага и устранение вредоносных духов, обращение к лекарю, прием лекарств, организация торговли, посев семян, приготовление закваски (кефира, хлеба). Кроме того, существуют дни духа, дыхания-жизни и смер-

ти, а также благоприятные и неблагоприятные сочетания годов для выбора спутника жизни, работы для каждого человека в зависимости от года рождения по восточному циклу. В т.н. дни смерти (*жасаа гараг*)^{*} не рекомендуется отправляться в дорогу и начинать важные дела [Монгол зурхайн..., 2004, с. 12]. Перед женитьбой лама-астролог по сочетанию годов рождения жениха и невесты находил благоприятный день для проведения свадьбы и назначал чтение молитв, способствующих счастью новобрачных.

В свадебной обрядности бурят для обеспечения благополучия молодых и их будущего потомства каждый гость обязательно произносил *юроол*, в котором желал продолжения рода как основной цели брачного союза. В мировоззрении агинских бурят значима роль благопожеланий, обладающих позитивной силой. Подтверждением этому служат стремление получить благословение в ответственный момент жизни, вера в силу напутственных слов старших, особенно в благословение родителей (эхэ *эсэгын уреэл буянаи хусэ*), наделяющее детей силой и удачей. Благопожелание регламентировало взаимоотношения между людьми и контакты со сверхъестественными силами, способными обеспечить благополучие. Важная его особенность – участие чужого по отношению к данной семье (роду, социуму) человека [Агапкина, Виноградова, 1994, с. 168]. Слово в ранних архаических культурах было предметно и обладало магической сущностью [Еремина, 1991, с. 63]. Благопожелания, произнесенные людьми старшего поколения, особенно четырьмя стариками (*дурбэн убгээдэй юроол*), по убеждениям агинских бурят, обладали мощной оберегающей и жизнеутверждающей силой. Они защищали от воздействия злых духов, в определенной степени от Эрлика-хана, о чем свидетельствует легенда:

В давнее время Эрлик отправил своих слуг за душой одной девушки. А ей в то время исполнилось всего 16 лет, и ее собирались выдать замуж. По обычаю, перед свадьбой девушка с подругами обезжалка всех своих родственников. Все, кого они посетили, в т.ч. и старики, произнесли *юроолы*, пожелали ей долгой и счастливой жизни. Из-за силы произнесенных четырьмя стариками благословений слуги Эрлика не смогли забрать душу девушки; вместо нее взяли душу старого человека и вернулись с ней к своему хозяину (ПМА, инф. М. Дымбрылова).

В приведенной легенде обнаруживаются отголоски культа предков, согласно которому сила прародителей выполняет охранительную функцию для потомков. В наши дни его следы сохранились в форме шаманского обряда *угаа хундэлэлгэ* – «дань уважения

предкам рода». Сегодня представители многих бурятских родов, имеющие шаманские корни, собираются вместе для того, чтобы почтить духов-предков с целью обрести их покровительство. Шаманы предписывают совершать этот обряд людям, испытывающим такие проблемы, как болезни, неустроенность в личной жизни и неудачи в профессиональном плане. В ходе ритуала, почтив духов-предков, получали от них благословение, являющееся основой благополучия и обретения жизненных благ. Сделав небольшое отступление, приведем определения понятий «благословение» и «богатство», сформулированные В.Н. Шинкаревым, чье мнение нам импонирует: «Разница между благословением и богатством заключается в том, что богатство является видимым, вещественным, в то время как благословение незримо и неосозаемо. Благословение – потенциально (возможность приобретения богатства), а богатство – реализация, претворение в жизнь пожеланий счастья, удачи, успеха» [1997, с. 105].

Антитезой благопожеланию являлось проклятие (*хараал*), негативно влияющее на жизнь и судьбу человека. Полагали, что его могут насытить люди, обладающие «пестрым» или «черным» языком, в особенности женщины (*хара*, эреэн хэлэтэй). Люди боялись произносить проклятия и старались не использовать в речи слова с отрицательной семантической нагрузкой. В поговорке «Уреэлэй узууртэ тохон, хараалай узууртэ шүнэн» отмечается, что благопожелания притягивают удачу и богатство (масло), а проклятия – ссоры и раздоры (кровь). Чтобы отвратить беду, навлекаемую руганью и проклятием, ламы рекомендуют читать различные мантры, в т.ч. и *Арьяабала* (*Авалокитешвары*), *Сагаан Дараэхэ* (Белой Тары). По традиционному миропониманию, чтобы не навлекать на себя проклятие со стороны духов и людей, необходимо жить в гармонии с окружающими, бережно относиться к природе, чтить богов и своих предков, духов-хозяев родной земли.

Существовали также всевозможные народные приметы, связанные со счастливой долей. Например, случайно увидеть змей (*могойн суглаан*) во время их брачного сезона весной и не быть укушенным – к большой удаче в жизни. Считалось, что камни (*эрдэни ээндээмэн*), найденные во внутренностях заколотого на мясо животного, притягивают богатство и достаток; они хранились в доме и передавались по наследству (ПМА, инф. Ц.-Д. Балдандугаров).

В традиционном мировосприятии агинских бурят существует представление о *улзы*, *буян*, *хэшэг*, *хутаг* – «благодати», являющейся основой счастья и хорошей доли. Оно рассмотрено Н.Л. Жуковской применительно к традиционной культуре монголов. Слово «благодать» в монгольских языках обозначается несколькими словосочетаниями: *улзы-хэшэг*,

^{*}Жасаа гараг – неблагоприятный день для начала любых дел по зурхай – для каждого человека в зависимости от года его рождения индивидуален.

улзы-хутаг, буян-хэшэг, хэшэг-хутаг («счастье-благоденствие, счастье-удача, заслуга-благодать»). По мнению Н.Л. Жуковской, в самом удвоении этих слов заложена определенная сакральность. В каждом из них, употребленном отдельно, заключен некий «счастливый смысл», отражающий понимание счастья кочевником-монголом: хорошая погода (без бурь, ураганов, гололеда), хорошие приплод скота, нагул его на летних пастбищах и, как следствие этого, много жирного мяса и молочных продуктов, а значит, крепкие и здоровые дети. Соединенные вместе, они обозначали не просто и не столько земное счастье, сколько благодать, предопределенную Небом, судьбой, абстрактным неантропоморфным началом, распорядителем судеб как отдельных лиц, так и всего народа в целом. Обретение благодати не зависит от воли и желания человека, но он может ее утратить по своей вине, если не будет соблюдать определенных правил и нарушит запреты, направленные на ее сохранение. Но если же жить «по правилам», благодать можно сохранить и счастье всю жизнь будет сопутствовать человеку, его семье и любому его начинанию [Жуковская, 1988, с. 87].

Бурятское понятие благодати находит параллели с тюркским представлением о *кут*. По мнению хакасского исследователя С.А. Угдыжекова, у древнейших тюрков обладание верховной властью определялось наличием у кагана дара *Тенгри*: «По милости Неба и потому, что у меня самого было счастье (*кут – С.У.*), я сел (на царство) каганом». *Кут* связан с понятием счастья, избраничества, благодати. Его отождествляли с «душой-двойником» человека, при зачатии которого божество или несколько божеств представляют некий жизненный эмбрион, сгусток энергии, некое семя жизни, счастье и благодать [Угдыжеков, 2003, с. 109–110].

Обладание благодатью (*хэшэг*), в отличие от телесной души (*хунэнэн*) и присущего всем живым существам жизненного начала (*сулдэ*), которыми каждый человек был наделен с зачатия, приписывалось не всем людям. Под ней подразумевалось влияние, оказываемое богами, духами, некоторыми лицами и объектами. Как уже отмечалось, в средние века в период царствования Чингисхана и чингизидов у монголов была сильна вера в покровительство Вечно Синего Неба (*Хухэ Мунхэ Тэнгэри*). В то время считалось, что все блага жизни исходят от Неба.

Моделируя счастливую судьбу, агинские буряты прибегали к мерам, нацеленным на обретение и удержание благодати. Сочетание богатства, удачи, здоровья и жизненных сил воспринималось ими как благодать, данная свыше, благосклонность Бога, хорошая судьба. Считалось, что благодатью, удачей можно обладать с самого рождения или же достичь их умом и стараниями (*хара хулгоороо, улан гараараа* –

«кровью и потом»), о чем говорится в изречении «Эрьехэ наран – мандаха түрэ» – «Повернет солнце и в нашу сторону – настанет пир и у нас» (рус. аналог «И на нашей улице будет праздник»). Верили также в удачу, «пришедшую из ниоткуда», – *мухар талаан*. Часто при внезапном везении буряты говорят: «Муу юумэнэй мухар талан болобо» – «Горемыке решила улыбнуться удача».

Богатство и судьба – взаимосвязанные категории в миропонимании агинских бурят. Поскольку стержневой составляющей мировоззрения была вера в предназначение свыше, считалось, что кому предопределено свыше, тому богатство придет само. Под ним подразумевалось обилие земных благ, связанных с представлением о доле, судьбе, удаче и благосклонности Бога, высших сил. «В традиционной культуре труд и собственность могут получать высокую или низкую оценку; их роль в человеческой жизни можно понимать по-разному. Хозяйственная деятельность – составная часть общественной практики взаимодействия человека с миром и его творческого воздействия на мир. Она отражает жизненные установки общества, и поэтому реконструкция категорий труда и собственности существенно важна для понимания духовного климата, господствовавшего в этом обществе» [Гуревич, 1984, с. 47]. Существенное значение придавалось способам и источникам накопления богатства. В народном фольклоре выражается негативное отношение к лицам, нажившим свое добро неправедным путем: *бухананин булишангаараа гараха* – «нажитое обманом выйдет наружу другим боком». Возмездие за обогащение неправедным путем могло последовать как при жизни, так и после ухода в мир иной или же, как уже отмечалось, могло преследовать потомков. В зависимости от способа обретения богатство подразделялось на переданное по наследству, родовое, имеющее под собой основу – *улатай*, т.е. нажитое собственными усилиями, и приобретенное нечестным путем – *улагуй* (досл. «без основы, подошвы»). По мнению знатоков старины, состояния современных собственников не имеют под собой основы, т.к. накоплены в короткие сроки. Материальное благосостояние служило подтверждением высокого социального статуса человека в обществе и выполнения сопутствующих ему обязанностей. Такие люди пользовались непрекаемым авторитетом и избирались начальниками. Чтобы заслужить почет и уважение у сородичей, богач должен быть им опорой, в тяжелые времена оказывать поддержку нуждающимся. В памяти агинских бурят до сих пор живо имя Сандана Зодбын (конец XIX – начало XX в.), обладавшего в свое время огромным, по меркам бурят, состоянием. Как свидетельствуют знатоки истории, в 25 лет он стал одним из выборных начальников агинских бурят (*гульваа*). *Сандан-ноён* (начальник) пожертв-

вовал 108 голов скота на приобретение 108 томов «Ганжура»*; 80 волов, 1000 лошадей, 250 баранов и 500 ланей** серебра – на строительство Агинского дацана «Согион» [Цыренжапова, 2002, с. 7].

По словам информаторов, агинские буряты в старину относились к золоту с предубеждением, отдавая предпочтение меди и серебру, как более благородным металлам, которые, по их мнению, обладают целительными свойствами. Верили, что носимый на безымянном пальце левой руки перстень с кораллом может уберечь от злых духов (*далдын юумэнноо халхалха*). В легенде аларских бурят о драгоценностях, записанной П.П. Баторовым, говорится, что «компоненты, составляющие богатство, были созданы самим чертом (*шутхором*). Сделав это, он сказал Богу: “Золото, серебро и прочие редкости возбудят в людях алчность к наживе, зависть и соревнование в приобретении разными путями богатства, а отсюда потекут в их жизни одинаково как радость, так и печаль; в обоих случаях будут поминать нас обоих: в радости воздадут славу тебе, а в печали вспомнят меня”»***.

Согласно буддийским взглядам, материальные блага напрямую связаны с духовными заслугами человека в «прошлых жизнях», поэтому он должен заботиться о духовном богатстве и о «будущем» своей души. Даже при наличии богатства привязанности к нему не должно быть. Буддийское понятие «серединного пути» предполагает избегание излишеств и крайностей. В него входят представления об умеренности, отсутствии привязанности к материальному и в то же время – избегание нищеты, заставляющей направлять все силы и помыслы на выживание. В буддийских взглядах, в отличие от шаманистических верований, судьба освобождается от предопределенности по линии родства (то, что написано на роду). Все зависело от самого человека, его собственных усилий. Как утверждает К.М. Герасимова, буддийское учение предполагает индивидуальный выбор жизненного пути и возможность достижения высокого социального статуса, поскольку критериями социального качества личности являются мудрость и нравственная чистота как основа святости

*«Ганжур» (тибет., букв. «Словеса») – собрание канонических буддийских текстов в 108 томах. Переведено на монгольский язык с тибетского в период правления Лэгдэнхана (1604–1634). Включает 1 161 произведение (тантры, сутры и т.д.) разнообразного содержания в прозе и стихах (беседы Будды с учениками о нравственности и философии, большей частью в форме притч или поучительных рассказов, сборник «Море притч» и др.).

**Лян (лан) – денежная единица и мера веса в цинском Китае, равная примерно 37,3 г [Моисеев, 2003, с. 345].

*****Баторов П.П.** Горы, золото, серебро и прочие ископаемые драгоценности. – Хранилище восточных рукописей и ксилографов БНЦ СО РАН. Ф. 14. Д. 2. Л. 11-2 – 11-3.

и божественности. В итоге личных нравственных усилий «бездонный», но святой буддийский монах может стать учителем людей, наставником светского властителя, может править не только культовой общиной, но и всем обществом, страной, государством [Герасимова, 1999, с. 29–30].

Таким образом, взгляды о судьбе у агинских бурят синкретичны и включают в себя как добудийские, так и буддийские представления о длительности жизни, ее предназначенностях. Понятия «судьба» и «жизнь» у агинских бурят взаимосвязаны. В роли субъекта предопределения у них выступают боги, духи, предки и родители. Человек как объект предопределения наделялся долей с момента зачатия и нахождения в утробе матери. Влияние на жизнь потомков имели деяния предков. В соответствии с буддийским законом кармы последствия действий любого живого существа предопределяют характер и условия его нового рождения и в целом дальнейшее его существование. Моральный и физический облик человека, наличие материальных благ, условия и качество его жизни напрямую зависят от «духовных заслуг» его «прошлых жизней».

Список информаторов

Бадараева Бальжима Хончиновна 1927 г.р., род шарайд, с. Цокто-Хангил Агинского р-на Агинского Бурятского автономного округа (АБАО), 29.07.2004 г.

Балдантугаров Цырен-Дондог 1920 г.р., род улаалзай хубдууд, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 29.07.2004 г.

Балданова Дулмаажаб Жамбаловна 1955 г.р., род жэнхэн галзууд, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 25.09.2005 г.

Дашидондокова Бутид 1926 г.р., род абхан харгана, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 29.07.2004 г.

Дымбрывова Манда 1911 г.р., род боохой хусай, с. Судунтуй Агинского р-на АБАО, 06.08.2004 г.

Жапова Цыргэма 1925 г.р., род шарайд, пос. Агинское Агинского р-на АБАО, 08.08.2004 г.

Ламожапов Цибен-Доржи (Владимир) 1953 г.р., род боохой хусай, с. Судунтуй Агинского р-на АБАО, 26.08.2004 г.

Лхамаева Александра 1941 г.р., род абхан харгана, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 29.07.2004 г.

Мункуев Бальжинима Дашиевич 1948 г.р., род бааруун хусай, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 23.07.2004 г.

Ринчинов Нима 1922 г.р., род сагаангүүд, с. Цаган-Челутай Могойтуйского р-на АБАО, 09.08.2004 г.

Цыденова Цыбжит Жамсаарановна 1933 г.р., род галзууд, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 15.09.2006 г.

Чимитов Цырен-Доржи 1918 г.р., род абхан харгана, с. Цокто-Хангил Агинского р-на АБАО, 29.07.2004 г.

Чимитова Должин 1938 г.р., род улаалзай хубдууд, с. Кункур Агинского р-на АБАО, 23.08.2004 г.

Список литературы

- Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н.** Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1994. – С. 168–169.
- Базарова С.Б.** Путеводитель по зурхаю монгольской астрологии. – Улан-Удэ: [Республ. тип.], 2001. – 40 с.
- Байбурин А.К.** Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
- Банзаров Д.** Собр. соч. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 239 с.
- Бурятско-русский словарь.** – М.: Сов. энцикл., 1973. – 804 с.
- Галданова Г.Р.** Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 106 с.
- Герасимова К.М.** Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. – Новосибирск: Наука, 1989. – 320 с.
- Герасимова К.М.** Обряды защиты жизни в буддизме. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 138 с.
- Герасимова К.М.** Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 341 с.
- Горбунова М.В.** Судьба – жизнь – смерть (некоторые аспекты традиционных представлений восточных славян Кубани) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\(17.10.2004\).](http://missioner.ucoz.ru/miles/Sydba-ghizn-smert.htm)
- Гуревич А.Я.** Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
- Еремина В.А.** Ритуал и фольклор. – М.: Наука, 1991. – 206 с.
- Жуковская Н.Л.** Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 196 с.
- Зурхай // Байгал.** – 1991. – № 3. – С. 90–133.
- Карев В.М.** Судьба // Мифы народов мира. – М.: Большая рос. энцикл., 2003. – Т. 2. – С. 471.
- Ключков И.С.** Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. – М.: Наука, 1983. – 207 с.
- Липс Ю.** Происхождение вещей (из истории культуры человечества). – М.: Русич, 2001. – 505 с.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек и общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 223 с.
- Манжигеев И.А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978. – 127 с.
- Михайлов Т.М.** Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. – Новосибирск: Наука, 1987. – 288 с.
- Моисеев В.А.** Россия и Китай в Центральной Азии. – Барнаул: АзБука, 2003. – 346 с.
- Монгол зурхайн цаг улирлын тоны бичиг (Монгольская астрология – зурхай) / сост. д-р астрологии Л. Тэрбиш.** – Улан-Батор: Наран гэтлэгч, 2004. – 89 с. (на монг. яз.).
- Неклюдов С.Ю.** Эрлик-хан // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1988. – С. 667.
- Пюрбеев Г.Ц.** Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание. – М.: Наука, 1999. – С. 211–219.
- Седакова О.А.** Тема «доли» в погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). – М., 1990. – С. 54–63.
- Скрынникова Т.Д.** Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – М.: Вост. лит. РАН, 1997. – 216 с.
- Топоров В.Н.** Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука, 1994. – С. 38–65.
- Угдыжеков С.А.** Социальная структура средневековых кыргызов. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2003. – 168 с.
- Хангалов М.Н.** Собр. соч.: в 3 т. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 2004. – Т. 3. – 311 с.
- Цыренжапова Б.-Х.** К биографии Сандан-ноена // Толон. – Агинское, 2002. – № 27 (599). – С. 7 (на бурят. яз.).
- Шинкарев В.Н.** Человек в традиционных представлениях тибето-бирманских народов. – М.: Ин-т антропологии и этнологии РАН, 1997. – 225 с.

Материал поступил в редакцию 08.06.06 г.

УДК 391

Е.Э. ВойтишекНовосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия;

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: orient@lab.nsu.ru

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ В ЯПОНСКОМ ИСКУССТВЕ СОСТАВЛЕНИЯ БЛАГОВОНИЙ: ИГРЫ НА ДОСКЕ БАММОНО*

Игра – изначальная движущая сила цивилизации.
Роже Кайя

В статье рассматривается игровая культура японцев как наиболее показательный и устойчивый элемент национальной специфики. В рамках существующих классификаций и концепций предпринята попытка типологизации данного явления. При этом акцент сделан на анализе характерных для восточного менталитета интеллектуальных соревнований, состоящих в знании и мудрости, искусности и умении. В работе подробно рассматриваются некоторые виды интеллектуальных игр, ритуалов и развлечений, сформировавшихся в традиционном искусстве составления благовоний ко:до:, дается краткий экскурс в историю формирования этого искусства, подчеркивается тесная связь интеллектуальных развлечений с различными аспектами письменной и игровой культуры японцев.

Введение

Думается, что наиболее показательным и устойчивым элементом национальной специфики является игровая

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 06-06-80022а) и Рособразования (РНП 2.2.1.1.2183). Особая благодарность госпоже Ёсикава Тиё за предоставленные фотографии, использованные в статье, и ценные советы при работе с источниками.

Отдельную признательность хотелось бы выразить Японскому фонду, при содействии которого была осуществлена научная командировка в Японию в октябре – декабре 2006 г. В результате удалось не только зафиксировать сведения по игровому поведению современных японцев и провести ряд социологических наблюдений, но и ознакомиться с ценными экспозициями в Историческом музее игральных карт Минкэ (г. Омута), Государственном Историческом музее Кюсю (г. Фукуока), арт-галереях по искусству благово-

культура, которая представляет собой совокупность мифологических воззрений, традиций, моральных убеждений, семейно-брачных отношений того или иного общества. Право и порядок, общение и предпринимательство, ремесло и искусство, поэзия, ученье, наука «уходят корнями в ту же почву игровых действий» [Хейзинга, 1997, с. 24]. Поэтому именно в

ний Сёэйдо и Я마다-мацукубокутэн, Центре по изучению искусства чая Садо-сирёкан (г. Киото) и Городском Историческом музее (г. Сэндай), а также с редкими публикациями по теме в библиотеках университетов Саппоро, Хоккайдо-Гакуэн (г. Саппоро, Хоккайдо), Хосэй (г. Токио) и Тохоку (г. Сэндай). Кроме того, огромная благодарность коллегам из Центра северо-восточных азиатских исследований Университета Тохоку (г. Сэндай), с помощью которых удалось организовать ряд ценных консультаций в клубах по изучению искусства садо и кодо, а также осуществить несколько совместных научных проектов осенью и зимой 2007–2008 гг.

контексте игровой деятельности той или иной нации можно оценить специфику ее духовной культуры.

Вообще тема игры в древних и традиционных обществах, какими, несомненно, можно признать дальневосточные цивилизации, является чрезвычайно интересной и многогранной. Поскольку наличие игр зафиксировано практически во всех исторических периодах и во всех регионах мира, то справедливым можно считать утверждение, что игра есть один из признаков культуры вообще.

Количество игр, изобретенных человечеством за время своего существования, огромно. Соответственно, типологизация этого явления представляется очень сложной; разработать совершенную классификацию, по-видимому, невозможно: слишком велико число признаков, по которым можно классифицировать игры.

Одной из принятых в научном мире является классификация, связанная с характером информации, необходимой в процессе игры. В этом случае важнейшая граница проходит между играми с полной (например, шахматы, шашки, *го*) и неполной (к примеру, нарды, игральные карты) информацией. Ее неполнота часто проистекает из внешнего фактора, присутствующего в игре (например, взятие случайной карты из колоды). Это не только не позволяет точно рассчитать последствия действий, но и вносит в игру азарт, определенную долю риска. В реальной жизни бывает именно так, поэтому можно считать, что игры, где присутствует случайный фактор, ближе к жизни, чем шашки или шахматы [Оуэн, 1971, с. 7; Мусихин, 1990, с. 5]. Это в полной мере относится ко многим восточным интеллектуальным играм.

Игры можно классифицировать также по множеству других признаков. Видимо, важнейшими факторами в любой из них являются состав участников, игровое пространство (доска для игры, комплект карт или костей) и правила. По количеству игроков можно выделить игры с одним участником (правильнее назвать их головоломками), двумя и более; в зависимости от игрового пространства – игры на шахматной (шашечной) доске, на листе бумаги, карточные и др.

Сложность классификации игр заключается и в том, что они, как и всякое явление культуры, испытывают серьезное влияние динамики исторического процесса любой новой формации, идеологии разных социальных групп. Кроме того, игры отличаются одна от другой не только по содержанию и форме, времени и месту проведения, составу и количеству участников, степени регулирования и управления, наличию или отсутствию необходимых аксессуаров, набору правил, но и по целям (для обучения учащихся, в качестве тренинга для принятия решений в моделируемых ситуациях, для развлечения и т.д.).

В определенном смысле как развитие одной из наиболее распространенных классификаций, согласно

которой игры подразделяются на соревновательные и имитационные [Мусихин, 1990, с. 5], можно рассматривать оригинальную классификацию, разработанную французским антропологом, социологом и этнографом XX в. Р. Кайуа. На основе представленной типологии игровых принципов он выделяет игры состязательные, азартные, подражательные и «головокружительные» [Кайуа, 2007, с. 15]. При этом Р. Кайуа отмечает неодинаковость их социально-политической роли в любом реальном обществе: где-то основным регулирующим процессом являются состязание и жребий, в ряде случаев имеют место созерцательный и подражательный инстинкты. В любом случае, по мнению исследователя, представляется оправданным противопоставлять игры азартные и состязательные [Там же, с. 50]. При этом Р. Кайуа выдвигает тезис о том, что на Востоке простые развлечения имеют тенденцию превращаться в состязательные [Там же, с. 72–73].

Согласно классификации, представленной в японской «Энциклопедии игр», игры можно разделить на состязательные; театрализованные (миметические); связанные с риском; основанные на мировосприятии, ощущениях или на «пяти чувствах»; строительные и технические; коллекционные [Асоби-но..., 1989, т. 1, с. 4–12].

Что касается данной работы, то выделение из всех японских развлечений интеллектуальных соревновательных игр базируется на классификации, в которой игры подразделяются на состязательные и имитационные. При этом основную часть японских игр следует отнести к безусловно состязательным и лишь некоторые (к примеру, связанные с ритуалами традиционного искусства составления композиций из разных видов чая и благовоний) – к имитационным, поскольку в них присутствует значительный элемент ритуально-театрального действия. Весьма показательны интеллектуальные соревнования, состязания в знании и мудрости, искусности и умении, столь характерные для восточного менталитета. В качестве примера рассмотрим некоторые виды игр, ритуалов и развлечений, сформировавшихся в традиционном искусстве составления благовоний.

Краткий экскурс в историю формирования искусства составления благовоний *ко:до:**

Элитарное искусство составления благовоний *ко:до:* (досл. «путь аромата»), наряду с театром Но, живописью, чайной церемонией, созданием композиций из цветов и другими изящными развлечениями, явля-

*Двоеточием в российском японоведении принято обозначать долгий звук.

Рис. 1. Принадлежности искусства ко:до:.

Рис. 2. Турнир по сопоставлению стеблей и корней ириса сё:буунэ-авасэ.

ется одним из видов традиционной японской культуры, появившихся практически одновременно в эпоху Муромати (1392–1573 гг.). Не будет упрощением сказать, что оно зародилось на основе наблюдения за свойствами ароматических деревьев, в результате чего сложилась особая утонченная система «слушания ароматов», была выработана совершенная техника и придумана масса специального высокохудожественного инструментария (рис. 1).

Искусство ко:до:, как и многие другие явления восточно-азиатской цивилизации, берет свое начало в культуре Китая, где, в отличие от Западной Европы,

«слушание ароматов» на первых порах сводилось к опытам с древесиной аквиллярии. Долгое время понятие «аромат» связывалось только с этим вечнозеленым деревом или ароматическим веществом из его коры. Вполне естественно, что искусство ко:до: и в Японии долго развивалось под влиянием традиционных представлений.

С течением времени была разработана целая система оценивания достоинств и сферы применения того или иного аромата. Так, через этапы, связанные с использованием благовоний куко: для жертвоприношений в эпоху Нара (710–794 гг.) и благовоний ку:ко: для окуривания помещений и одежды в санитарно-игиенических целях в эпоху Хэйан (794–1185 гг.), постепенно искусство ко:до: стало активно развиваться в русле таких традиционных развлечений хэйанской аристократии, как различные турниры, сопряженные с понятием моногавасэ – «сопоставление вещей», когда аналогичные вещи и предметы сравнивались между собой по определенным критериям [Войтишек, 2003, с. 128–129]. Среди множества подобных турниров особую историко-культурную значимость имели следующие: ута-авасэ – «сравнение песен»; нэ-авасэ – «сопоставление корней», связанный с особым состязанием во время праздника мальчиков в пятый день пятой луны (одно из названий которого «Праздник ирисов»), когда мерялись стеблями ириса сё:бу и сочили стихи (рис. 2); э-авасэ – «сопоставление картин»; кай-авасэ – «сложение раковинок моллюсков» (игра с раковинками хамагури, послужившая в дальнейшем прообразом поэтических карт ута-карута, которые по аналогии со створками раковин тоже состояли из двух половинок, составлявших целое стихотворение); со:си-авасэ – «сопоставление записок» (участники представляли литературные записки и короткие замет-

ки, а специальные судьи оценивали бумагу, почерк, переплет и общее исполнение); *хана-авасэ* – «сопоставление цветов»; *о:ги-авасэ* – «сопоставление ветров»; *кику-авасэ* – «сопоставление хризантем» и др.

По аналогии с упомянутыми турнирами было изобретено развлечение *такимоно-авасэ* – «сопоставление возжигаемых предметов», считающееся одним из состязаний *ко:-авасэ* – «сопоставление ароматов». В состязаниях *такимоно-авасэ* возжигались специальные благовония *нэрико:* (букв. «смешанный аромат»), приготовленные из различных видов ароматических веществ. Уже с эпохи Нара при этом кроме древесины аквиллярии использовались различные ароматические смолы, мирра, мускус, амбра и другие природные компоненты, которые измельчали и замешивали вместе с медом или сахаром в однородную массу; а с начала эпохи Хэйан – цветы и мякоть плодов сливы, цветы хризантемы, листья лотоса, опавшую осеннюю листву. Тем не менее еще долгое время господствовала китайская точка зрения о доминировании аромата аквиллярии. Но постепенно развивалась и специфическая японская культура ароматов. Вместе с расцветом литературного жанра *рэнга* в период Муромати стали популярными разные виды *таки-авасэ* – «сопоставления возжигаемых [предметов]» (вплоть до возжигания овощей и рыбы или приготовления их по отдельности с последующим выкладыванием в один сосуд для соединения ароматов), во время которыхрабатывались критерии оценки запахов.

Постепенно с развитием *ко:-авасэ* разным видам используемых ароматических деревьев стали давать литературные названия, а позднее была разработана техника составления *кумико:* (букв. «соединение ароматов в группы»). В эпоху Эдо (1600–1867 гг.) появилось великое множество комбинаций *кумико:*, названия большинства из которых были так или иначе связаны с классической литературой. Так, связь с романом «Гэндзи-моногатари» (создан на рубеже X–XI вв. придворной дамой Мурасаки Сикибу), признанным шедевром не только японской, но и мировой литературы, обнаруживают названия ритуалов *үцусэми-ко:* (букв. «ароматы пустой скорлупки цикады») – аллюзия на заглавие гл. 3 «Пустая скорлупка цикады»; *миоцукуси-ко:* (букв. «аромат прибрежных буйков») – аллюзия на название гл. 14 «У прибрежных буйков».

Участники состязаний по *ко:-авасэ* зачастую готовили два или более вида благовоний, располагая их на *татами*, делились на две команды и поочередно возжигали заготовленные образцы. В этом развлечении был чрезвычайно силен игровой момент: кроме достоинства ароматов и качеств самой композиции необычайно высоко ценилось умение подобрать ей подходящее название, связанное со старинными литературными произведениями, знаменитыми преданиями или стихами в жанре *вака*. К середине эпохи

Эдо (рубеж XVII–XVIII вв.) оформилось множество вариантов таких методик (более 300). В качестве основных тем традиционно выбирались такие, как «времена года», «праздники-пожелания», «разное» и др. [Чуногава..., 1991, т. 1, с. 420–459].

В искусстве *ко:до:* начиная с эпохи Эдо по настоящее время используются разнообразные ароматические деревья. На протяжении многих столетий постоянно изобретались новые виды развлечений *кумико:*. Этому способствовала давняя традиция создания особой атмосферы на каждой встрече с состязаниями *ко:-авасэ*, для которой выбиралась тема, связанная со знаменитым литературным произведением, что в конечном итоге создавало дополнительные условия для предельной эстетизации и намеренной поэтизации процесса возжигания благовоний.

Виды развлечений *кумико:* на доске *баммоно*

В искусстве *ко:до:* было придумано несколько сот комбинаций *кумико:*, достоинства которых служили основанием для сравнения и проведения своеобразных соревнований. Результаты таких состязаний записывались поначалу на бумаге, но в эпоху Эдо было изобретено множество соревновательных игр, где достижения игроков фиксировались правилами, основанными на принципе перемещения особых фигур по специальной подставке *баммоно* (букв. «доска» или «предмет на доске»). Кроме этого термина часто используются еще такие названия, как *бантатэмона* («предмет, стоящий на доске») и *татэмона* («стоящий предмет»), хотя под ними подразумевают главным образом фигурки, передвигаемые на доске, когда кто-либо из участников игры угадает определенный аромат. Игроки (два человека или две команды) передвигают фигурки кукол, лошадей, ветки деревьев и цветов в зависимости от удачи или неудачи в угадывании определенного аромата. Тот, чьи фигурки первыми достигают цели, становится победителем. В случае командных соревнований учитываются результаты каждого члена команды. По свидетельству японских исследователей, родилось это развлечение как одна из разновидностей состязаний *кумико:*, проводимых с участием женщин с целью повысить соревновательный фактор всего действия [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 409] (рис. 3).

Поскольку игры на доске *баммоно* пользовались покровительством То:фуку-манъин-вако, матери императора Мэйсё:-тэнно: (начало эпохи Эдо), они приобрели особую популярность среди женщин в первой половине эпохи Токугава; увлекались ими дочери феодалов *даймё* и все их женское окружение [Там же; Ко:до:ню:мон..., 2003, с. 95].

Рис. 3. Игры на доске баммоно: т.н. комплект из трех игр мицукумибан («ароматы метания стрел», «ароматы беговых лошадей», «ароматы достославных мест»).

Рис. 4. Принадлежности искусства ко:до:, используемые в играх. 1 – ящик для хранения «десяти благовоний» (дзюссюко:-бако); 2 – керамический сосуд для возжигания благовоний (кики-го:ро); 3 – карманный ящичек для благовоний (ко:-бако); 4 – составной ящичек для хранения кусочков ароматной древесины, слюдяных пластинок и прочих мелочей (дзо:ко:го:); 5 – ящичек для угольных брикетов (тадон-ирэ); 6 – пакетики с благовониями (ко:-дзүцуми) и книжка-гармошка с таблицами «ароматов Гэндзи» (гэндзи:-но-дзу); 7 – подставка для слюдяных пластинок (гинъё:-бан); 8 – ящичек с карточками ко:фуда (ко:фуда-бако); 9 – подставка для инструментов хидо:гу (киёдзи-татэ); 10 – инструменты хидо:гу (слева направо: щипчики для слюдяных пластинок гинъё:басами – букв. «ножницы для серебряных листьев»; метелочка хабо:ки – букв. «перьевая метелка»; ложка ко:садзи – букв. «ложечка для благовоний»; палочки киё:дзи – букв. «жилы аромата»; металлический стержень для регулировки огня угусу; пара тонких спиц-палочек ко:дзи – букв. «жилы огня»; лопаточка для приглаживания пепла хайосаэ – букв. «давить пепел»); 11 – конверты для карточек ко:фуда (орисуз).

В программном произведении начала XVIII в. «Сад орхидей искусства ко:до:» («Ко:до: ран-но соно», 10 книг, 1737 г.) было зафиксировано 234 вида *кумико:*, из которых 44 относились к играм на доске баммоно. В качестве второго основного свода, где подробно описаны правила и принадлежности изящных развлечений, использовавшиеся в ритуалах ко:до:, был признан 15-томный труд «Сливы скромного жилища искусства ко:до:» («Ко:до: сидзугая-но умэ», 1748 г.), так же как и первый, обильно снабженный иллюстрациями [Ко:до:ню:мон..., 2003, с. 37–38].

Украшенные изысканным орнаментом, изящные доски баммоно быстро приобрели популярность среди знати. Не представляется возможным перечислить все известные виды развлечений с их использованием. Укажем только некоторые, представляющие определенный интерес в историко-этнографическом аспекте.

Следующие десять ароматов входили в группу т.н. дзю:кумикан – «десять развлечений кумико: на доске баммоно»: ханаикусако: (букв. «ароматы цветочных сражений»); гэндзи-бугаку-ко: (букв. «ароматы танцев под музыку гагаку рода Минамото»); ёсико:ко: (букв. «ароматы Ёсина»); сумо:-ко: (букв. «ароматы борьбы сумо:»); такагари-ко: (букв. «ароматы соколиной охоты»); тацу-та-ко: (букв. «ароматы Тацути»); рикуги-ко: (букв. «ароматы шести поэтических приемов»); сюкуки-ко: (букв. «ароматы игры в ножной мяч»); то:кэй-ко: (букв. «ароматы петушиных боев»); гоэцу-ко: (букв. «ароматы китайских враждующих царств У и Юэ»).

Несмотря на то что, в принципе, известно большое количество игр на доске баммоно, к настоящему времени сохранились только четыре основных вида таких развлечений (рис. 3): кэйба-ко: (букв. «ароматы беговых лошадей»); якадзу-ко: (букв. «ароматы метания стрел»); гэмпэй-ко: (букв. «ароматы Минамото и Тайра»); мэйсё-ко: (букв. «ароматы достославных мест»). Перед тем как рассмотреть каждое из них, следует дать описание основных принадлежностей этих игр.

Развлечения кумико: основываются не только на удовольствии от обоняния редкостных ароматов, но и на наслаждении от созерцания изящных игровых принадлежностей, отличающихся особой изысканностью (рис. 4). Для каждой комбинации кумико: были изобретены свои принадлежности

и инструментарий. Прежде всего надо сказать о досках *баммоно*. Они могли быть в форме квадратных в плане подставок-коробок и длинных прямоугольных досок с нанесенными клетками-ячейками, в которых проделаны отверстия для фигурок.

Сами фигурки крайне разнообразны: изображения людей в разных социальных ролях (высшие сановники, чиновники, танцоры, музыканты, воины, монахи, борцы *сумо*, спортивные судьи, всадники, охотники и пр.) (рис. 5); различных животных (лошади, птицы и др.); символы растений, орудий, разных предметов (ветки сакуры, красного клена, копья, стрелы, знамена, барабаны) и многое другое. Надо заметить, что при всей несомненной эстетической и художественной ценности этих принадлежностей они носили чисто утилитарный характер: с помощью фигурок и символов обозначали успех участников действия в отгадывании того или иного возжигаемого аромата.

Что касается принадлежностей, непосредственно связанных с возжиганием ароматов, то кроме пакетиков (рис. 6), в которые по особым правилам помещают благовония, используется традиционный для искус-

ства *ко:до:* инструментарий – *хидо:гу* (букв. «инструменты огня»), всего семь предметов (см. рис. 4, 10). Спицы, лопатка и метелка предназначены для подготовки пепла, остальные – для возжигания благовоний [Ко:до:ню:мон..., 2003, с. 68].

Для определения порядка возжигания и восприятия каждого аромата игроками используются особые карточки-плашечки *ко:фуда* («карта аромата»). С помощью этих же карточек играющие дают толкования возжигаемым одно за другим благовониям – их опускают в специальный ящичек (рис. 7). На карточках *ко:фуда* символически изображены десять деревьев и цветов, представляющих своеобразный «растительный код» Японии: слива (*умэ*), ива (*янаги*), ирис (*сё:бу*), японская вишня (*сакура*), пион (*бо:тан*), бамбук (*такэ*), хризантема (*кику*), сосна (*мацу*), леспедеца (*хаги*), павлония (*кири*). Представляется не случайным, что на цветочных картах XIX в. *хана-фуда*, соответствующих четырем сезонам года, изображен почти тот же набор растений [Войтишек, 2004, с. 78–87] (рис. 8). Карточек с изображением каждого из десяти растений 12 шт. (серия), т.е. всего их 120.

Рис. 5. Новогодние игры на доске *баммоно*.
а – *коматсу-хики* (букв. «тянуть молодую сосну»); б – *карако-чунаки* (букв. «китайские мальчики перетягивают канат»).

Рис. 6. Пакетики с благовониями.

Рис. 7. Ящик для карточек с крышкой.

На обратной стороне нанесены иероглифы 1, 2 и 3, каждый на трех карточках серии, причем на двух из них нанесены еще знаки: на одной иероглиф со значением «луна», на другой – «цветок». Кроме того, во всех сериях имеется по три карточки со знаком «гость», что означает особый (новый для участников действия) аромат у (рис. 9). Размер карточек 1,2 × × 2,7 см; самые дорогие и изысканные (называются *нара-фуда*) изготавляются из красного сандалового, черного эбенового и железного дерева, из мелии ацедарах, но более простые обычно делаются из бам-

бука или пластика [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 343; Ко:до:ню:мон..., 2003, с. 90].

Следует особо отметить, что карточки *ко:фуда* таким же образом используются во многих интеллектуальных развлечениях, в т.ч. и в играх, относящихся к другой традиционной церемонии – чайному искусству *садо:* (букв. «путь чая»). Более того, многовековой традицией сформулированы правила их применения и в специальном ритуале вынесения оценок участникам действия при угадывании того или иного вида чая [Чуногава..., 1991, т. 1, с. 477].

Помимо описанного традиционного набора инструментов в ритуалах *кумико:* используются особые принадлежности, характерные для каждой из разновидностей игр на доске *баммоно.*

Игра кэйба-ко: («ароматы беговых лошадей»). Это один из характерных видов развлечений *кумико:* на доске *баммоно*, принятых в школах Сино-рю:, Ёнэкава-рю: и Оиз-рю: [Дзимбо Хироюки, 2003, с. 324]. Ритуал *кэйба-ко:* изначально имел отношение к синтоистским празднествам в храме Камо-дзиндзя в Киото, связанным с состязаниями беговых лошадей. Они до сих пор ежегодно проводятся 5 мая (соревнования называются *курабэ-ума* – «соревнующиеся лошади»).

Данная комбинация *кумико:* включает четыре аромата. Подготовка к действу начинается с упаковки трех видов благовоний, каждый из которых помещается в четыре пакетика, и отдельно готовятся три «гостевых» пакетика с пометкой *у* (имеются в виду пакетики с новым, еще не опробованным участниками игры ароматом), т.е. всего получается 15. Для возжигания берут по одному пакетику с каждым видом благовоний, остальные 12 хорошо перемешивают, после чего наугад убирают два пакетика. Используют благовония, оставшиеся в десяти пакетиках, что соответствует количеству благовоний в особой комбинации *дзю:сюко:* («девять видов ароматов»). На самом деле, если добавить отложенные два пакетика, то трудность игры намного возрастает [Там же; Чуногава..., 1991, т. 1, с. 436].

Играющие делятся на команды левых («красные», или *дзё:да* – букв. «почетное место») и правых («черные», или *сузэдза* – букв. «последнее место», «место в конце») и соревнуются в отгадывании ароматов. В этой церемонии применяются такие приемы, как *фуда-гики* (букв. «слушать карточки») и *иттю:-бираки* (букв. «открыть одну порцию благовоний»), представляющие собой специально выработанные способы возжигания благовоний и последу-

Рис. 8. Карты десяти ароматов.

1 – слива; 2 – ива; 3 – ирис; 4 – сакура; 5 – пион; 6 – бамбук; 7 – хризантема; 8 – сосна; 9 – леспедеца; 10 – павлония.

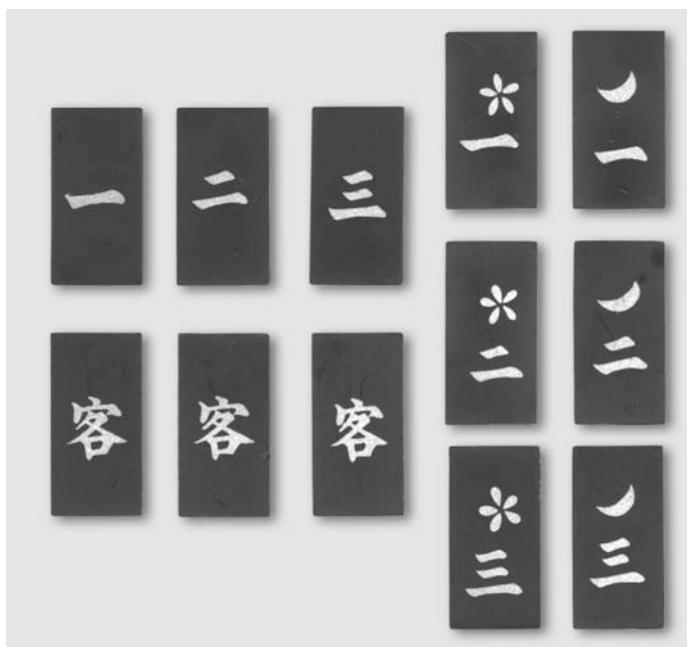

Рис. 9. Оборотная сторона карточек *ко:фуда* («карта аромата»).

Рис. 10. Игры на доске баммоно: якадзу-ко: («ароматы метания стрел») – подставки со стрелами и навершиями; гэмпэй-ко: («ароматы Минамото и Тайра») – подставка со знаменами; кэйбако: («ароматы беговых лошадей») – на переднем плане.

ющее наслаждение ароматами. При этом используются карточки *ко:фуда* [Цуногава..., 1991, т. 1, с. 436–437].

Особенность данного вида *кумико*: составляют его необычайные принадлежности (рис. 10). Прежде всего это фигурки лошадок (одна черная, одна красная) и две куклы-всадника. Одежда кукол сделана в стиле одеяний танцоров старинного синкетического жанра придворной музыки и танца VIII–X вв. *гагаку*. Кукла красного цвета (т.н. левый танцор *сабу*) – исполнитель в стиле *то:гаку* («китайская музыка эпохи Тан»); кукла черного цвета (т.н. правый танцор *убу*) – исполнитель в стиле *комагаку* («корейская музыка царства Кома»). Здесь имеются в виду песенно-танцевальные жанры, заимствованные из Китая и Кореи до начала эпохи Хэян. Одеяние красного цвета было у исполнителей танцев в стиле *тагю:раку* (букв. «музыка под удары в мяч»), одной из китайских разновидностей *гагаку* (танец для четырех человек), а черного – у исполнителей корейской разновидности танца *комабоко* (букв. «левиное копье») для двух – четырех человек [Там же].

В игре используются две длинные доски, которые представляют собой как бы беговые дорожки для лошадей, в связи с чем в средней их части сделаны два желобка, каждый из которых разделен на 12 секторов с отверстиями. Число таких секторов по договоренности может меняться, поскольку зависит от количества игроков и их мастерства. Финиш на доске обозначает искусственная ветка голубого клена *ао-каэдэ*, вставленная в крайнее отверстие (это дерево называется *сё:бу-но ки* – «дерево победителя и побежденного»). Что касается способов перемещения фигурок по доске, то это зависит от традиций разных школ, которые в той или иной степени раз-

личаются между собой. Для примера опишу способ игры, принятый в школе Ёнэкава. Каждая команда состоит из четырех человек. На доске в первом секторе устанавливают фигурки лошадей: справа в желобок ставят красную, слева – черную. В отверстия на этих фигурках помещают кукол-всадников. Если при первом возжигании порции благовоний аромат отгадывают четыре «красных» и два «черных» игрока, «красные» передвигают своего всадника на три деления, а «черные» – только на одно. Дальше продвигают свои фигурки только те игроки, которые отгадывают тот или иной аромат. Если удается сделать это с одной попытки, фигурка перемещается на три деления. В случае отставания на пять делений одной фигурки от другой с отстающей сбрасывается кукла-всадник. Каждый раунд возжигают один за другим все десять благовоний. Результаты подробно фиксируются, очки суммируются по промежуточным раундам. Выигрывает игрок, чья фигурка первой достигла финиша на доске и который набрал максимальное количество очков [Там же, с. 437].

Игра якадзу-ко: («ароматы метания стрел»). Этот наиболее представительный тип *кумико*: также характерен для всех трех школ искусства *ко:до*: (Сино-рю:, Ёнэкава-рю: и Оиз-рю:). Совершался ритуал на доске *баммоно* как копия реального турнира по метанию стрел *тоосия*, или *ядоори*, который проводили в четвертом-пятом месяце по лунному календарю в храме Сандзю:сангэндо в Киото, точнее, в его приделе Кё:торэнгоин, а также в храме Сандзю:сангэндо в Асакуса близ Эдо [Там же, с. 1359].

В игре *якадзу-ко*: используют четыре вида благовоний, упакованных в 16 пакетиков (по четыре каждого вида, в т.ч. «гостевые» пакетики у). Из них четыре

(по одному каждого вида) являются «испытательными»: перед началом ритуала отгадывания участникам дают возможность испробовать и запомнить аромат каждого вида благовоний, которые будут возжигать в игре. Затем поочередно возжигают благовония из остальных 12 пакетиков. В этой церемонии, так же как в предыдущей игре, применяются приемы *фуда-гики* (букв. «слушать карточки») и *иттю:-бираки* (букв. «открыть одну порцию благовоний»). В качестве инструментария *татэмоно* используются стрелы- знамена: с «серебряным оперением» *гинки* и с «золотым» *кинки*. Имеются в виду съемные «серебряные» и «золотые» навершия, представляющие собой своеобразные кисточки знамен, которые укрепляются на стрелах, каждого вида по 10 шт. Доска *баммоно* расчерчена на квадраты (16 продольных и 10 поперечных линий). Исходная позиция – сектор из пяти колонок – обозначена красным цветом. Следующие пять – это «серебряный сектор» *гинкай*, а остальные шесть – «золотой сектор» *кинкай* (рис. 10).

Игроки, угадывая аромат, продвигают стрелы вперед. Как только стрелы попадают в сектор *гинкай*, на них надевают знамена-навершия с «серебряным оперением», а когда достигают зоны *кинкай* – их меняют на навершия с «золотым оперением». Если хотя бы один участник преодолеет 16 колонок, состязание заканчивается. Все благовония должны быть израсходованы. Если игрок отгадал все ароматы «12 возжиганий» *ձյո:нисю* или опередил других на три колонки (в школе Сино-рю: – на четыре), ему разрешалось поставить свои стрелы на край «золотого сектора». При фиксации результатов на бланке тот игрок, который отгадал все ароматы «12 возжиганий» *ձյո:нисю*, обозначался специальным значком и («кабан»), символизирующим последнее животное из 12 знаков зодиака *ձյո:ниси* традиционной 60-летней системы летосчисления (букв. «12 ветвей»). Несомненно, что при этом составители правил использовали не только смысловую аналогию поочередного прохождения всех 12 этапов, но и игру слов: символичным было фонетическое созвучие [Там же].

Игра гэмпэй-ко: («ароматы Минamoto и Тайра»). Эта разновидность развлечений *кумико:* в настоящее время практикуется только в школе Оиэ-рю: (в школе Ёнэкава-рю: произошло разделение на два подвида – отдельные ритуалы по Минamoto и по Тайра). Принадлежности игры – знамена *хата* и доска *баммоно*. Играющие делятся на две команды – «красных» и «белых». В данном виде *кумико:* обыгрывается факт знаменитого векового противостояния двух главных родов в истории Японии – Минamoto и Тайра, символами которых были соответственно белое и красное знамена. Оно продолжалось с конца XI до конца XII в., когда на историческую арену вслед за аристократами эпохи Хэйан выдвинулись воинствен-

ные самурайские кланы. Решающая битва между родами Минamoto и Тайра при Данноура весной 1185 г. закончилась полной победой первого, что означало, с одной стороны, конец целого этапа в политической истории периода Хэйан, с другой – начало нового, связанного с формированием воинского сословия *буси* и нового типа социальных отношений. Кроме того, игра ассоциируется с событиями более позднего времени, когда могущественная семья Токугава, объединившая многие роды клана Минamoto, конфисковала, по сути, императорскую резиденцию Тофуку-монъин, принадлежавшую императору Гомидзуно:, правившему с 1611 по 1629 г. [Нихон-но..., 2005, с. 118–119].

В игре возжигаются подряд десять благовоний *ձյисю-ко:*, а играющие, отгадав очередной аромат и прокомментировав его содержание, по определенным правилам передвигают знамена (рис. 10).

Игра мэйсё-ко: («ароматы достославных мест»). Это развлечение было придумано основателем школы Ёнэкава-рю: мастером Мицуэмон Цунэтака по приказу из дворца Тофуку-монъин. Военные атрибуты вышеописанной игры, вызывающие слишком болезненные ассоциации, были изменены; вместо красного и белого знамен стали использовать более мягкие символы, связанные с красотой сезонных явлений природы: ветки сакуры, весеннего символа mestечка Ёсино, и красного клена *момидзи*, символа горы и реки Тацута, особенно красивых в осеннюю пору. Однако все же нельзя сказать, что исторические ассоциации вовсе отсутствовали. Эти места в префектуре Нара славятся не только красотами природы: в середине XIV в. здесь происходили события, связанные с расколом императорского дома и известные как период противостояния южного («партия принцев») и северного («партия воинов») дворов. В данном случае в символике принадлежностей игры использованы художественные и исторические образы, которые многократно закреплены в сознании японцев тысячелетней литературно-художественной традицией в виде многочисленных поэтических и прозаических творений, а также свитков, картин и гравюр. Надо заметить, что и в настоящее время в эти места круглый год не прекращается туристическое паломничество, приобретающее поистине колоссальные масштабы весной (март – апрель) и осенью (октябрь – ноябрь) (рис. 11–13).

Перед началом игры участники делятся на две команды – «весны» (Ёсино) и «осени» (Тацута) – и выставляют свои ветки на доску *баммоно* напротив друг друга. Поочередно отгадывая ароматы, они передвигают свои ветки. Тот, кто быстрее «захватит» поле в середине доски, становится победителем [Там же]. Доска *баммоно* расчерчена на несколько клеток, образованных 11 продольными и 5 поперечными линиями. По краям находятся сектора (5×5 клеток) со-

Рис. 11. Цветущая сакура в Ёсино.

Рис. 12. Весенне паломничество в храмы.

стягающихся команд, а в центре – нейтральная территория (пять широких клеток). В каждой клетке на доске сделано по два отверстия, куда вставляются ветки деревьев, перемещаемые в зависимости от успеха в отгадывании того или иного аромата при возжигании каждого из благовоний *дзиссю-ко*: (букв. «десять возжигаемых ароматов») (рис. 14).

Что касается двух последних вариантов *кумико*: то зачастую с целью разнообразить содержание развлечения брались примеры из известных литературных произведений (из самой ранней поэтической антологии VIII в. «Манъёсю»; уже упоминавшегося романа «Гэндзи-моногатари» и др.), а также из средневековых исторических хроник и самурайского эпоса, где подробно описывались те или иные случаи противостояния родов Минамото и Тайра («Сказание о годах Хо:гэн», «Сказание о годах Хэйдзи», «Сказание о доме Тайра», «Записи о расцвете и упадке Минамото и Тайра» и пр.). На основе этих реальных показательных прецедентов, закрепленных не только в письменных источниках, но и в богатой народной традиции, разрабатывались и сюжеты для игр на подставке *баммоно* с использованием соответствующих принадлежностей – знамен, копий, фибуров всадников, лошадей и пр.

Выводы

Специфика рассмотренных видов развлечений *кумико*: с использованием подставки *баммоно* состоит в сочетании предельно эстетизированных принадлежностей, обладающих вполне самодостаточной художественной ценностью, с

Рис. 13. Осенне любование листьями клена в храмах.

*Рис. 14. Игры на доске *баммоно*: подставка с ветками сакуры и клена – игра *маэисё-ко*: («ароматы достославных мест»).*

формой и содержанием самой игры, имеющей глубокий историко-литературный подтекст. Более того, этот конгломерат идей и образов, внешне облеченный в форму общественного ритуала, несомненно, отмечен печатью состязательности и своего рода упорядоченной, интеллигентной азартности. Исходя из анализа описанного материала, можно предположить, что многие интеллектуальные игры и развлечения, характерные для восточного менталитета, отличаются комплексностью, поскольку содержат в себе одновременно элементы соревнования, и риска, и театрализованного представления, и эстетического удовольствия от созерцания и созидания.

Поскольку в рассмотренных играх участники не просто демонстрируют умение отгадывать тот или иной аромат, а состязаются в этом умении, в них фиксируется переход от одиночного развлечения к соревновательному и зрелищному. Происходит то, о чем говорил Р. Кайуа: игра, индивидуальная по природе и назначению, легко поддается развитию, обогащению и превращается в социальный институт [2007, с. 72]. Действительно, в ней можно распознать некогда важный элемент социального механизма и исторической памяти целой нации. Более того, здесь уже можно говорить о психологии игры. Игровой дух оказывается источником разнообразных и неожиданных стимулов, которые способствуют развитию культуры.

Популярные национальные игры, отражающие определенные привычки и образ повседневной жизни того или иного народа, могут одновременно служить источником для выявления его специфических моральных или интеллектуальных черт [Там же, с. 103–105]. Японские развлечения являются составной частью традиционной дальневосточной культуры и отражают национальную специфику, которая выражается в своеобразном восточном менталитете, основанном на игровом поведении и интеллектуальном соперничестве. Очевидно, что взаимосвязь культуры и игры следует искать в высших формах социальной игры – там, где она бытует как упорядоченная деятельность сообщества, поскольку человек живет и проявляет себя в крайне разнообразном культурном пространстве.

Важность изучения игр и праздников определяется тем, что подобные исследования позволяют установить происхождение празднично-игровой обрядности, древнейшие истоки многих обычаев, проследить развитие народных верований, социальных институтов, наметить генетические связи и историко-культурные контакты, разрешить проблему

соотношения игры и праздника, вскрыть их компенсаторную, эмоционально-психологическую и нравственно-воспитательную роль в обыденной жизни человека [Календарные обычаи..., 1989, с. 4].

Таким образом, учитывая связь интеллектуальных развлечений с различными аспектами письменной и игровой культуры, представляется справедливым рассматривать их не только в контексте традиций бытования народных преданий, составления исторических хроник и развития классической литературы Японии, но и в рамках изучения такого феномена традиционной культуры стран Дальневосточного региона, как игровое поведение и интеллектуальное соперничество.

Список литературы

Асоби-но дайдзитэн (Энциклопедия игр) / под ред. Ма- суда Ясухиро: В 2 т. – Токио: Токио сёсэки, 1989. – Т. 1. – 959 с.; Т. 2. – 435 с. (на яп. яз.).

Войтишек Е.Э. Происхождение и развитие карт в Японии (анализ и интерпретация традиционных японских карточных игр) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 128–139.

Дзимбо Хироюки. Ко:до:-но рэкиси дзигэтэн (Словарь по истории искусства благовоний). – Киото: Касива-сёбо, 2003. – 453 с. (на яп. яз.).

Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры. – М.: Объедин. гуманит. изд-во, 2007. – 303 с.

Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. – М.: Наука, 1989. – 358 с.

Ко:до:ни:мон (Введение в искусство ко:до:) / под ред. Ноя Хирохито. – Киото; Токио: Танкося, 2003. – 175 с. (на яп. яз.).

Мусихин А.К. Логика или фортуна?: Игры для всех. – Л.: Человек, 1990. – 191 с.

Нихон-но каори (Ароматы Японии). – Токио: Хэйбонся, 2005. – 126 с. (на яп. яз.).

Оуэн Г. Теория игр / пер. с англ. И.Н. Врублевской. – М.: Мир, 1971. – 230 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. – М.: Прогресс-Академия, 1997. – 413 с.

Цуногава садо: дайдзитэн (Энциклопедия Цуногава по чайному искусству) / под ред. Хаясия Тацусабуро: в 2 т. – Киото; Токио: Цунокава сётэн, 1991. – Т. 1. – 1360 с.; Т. 2. – 547 с. (на яп. яз.).

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

ПРАЗДНИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

ЦЫГАНСКАЯ ПАСХА

Работа посвящена истории и культуре цыган, включенных в полигэтническое сообщество Прикамья. В настоящее время в регионе проживают представители трех этнографических групп цыганского этноса: русские, крымские, а также молдавские (кэлдэрары) цыгане. Пермские цыгане-кэлдэрары, будучи православными христианами, сохраняют традиционные социальные институты и ритуалы. Но основу их народного календаря составляют праздники церковного календаря; среди них выделяется Пасха – Патради. Цыгане-кэлдэрары считают, что благопожелания, произносимые во время пасхальных обходов, способствуют благополучию их общины. Праздники являются важным элементом самоорганизации и самосохранения этой группы.

Одним из самых «загадочных» народов, населяющих Прикамье, можно назвать цыган. Мало кто по-настоящему знаком с их историей и традиционной культурой. По оценкам исследователей, в современном мире насчитывается 6–10 млн. цыган. Этот этнос состоит из многих групп, существенно различающихся особенностями языка, вероисповедания, групповым самоознанием, традиционной культурой [Деметр, Бессонов, Кутенков, 2000, с. 43–48; Бессонов, 2007].

Современным российским сообществом цыгане воспринимаются зачастую в соответствии с издавна сложившимися стереотипами: это свободные люди, «идущие за солнцем», или нечистые на руку, плутоватые конокрады. В России, согласно переписи 2002 г., проживает ок. 183 тыс. цыган. В Пермском крае зафиксировано 1 606 чел. Здесь живут представители трех этнографических групп цыганского этноса: русские и крымские цыгане, а также кэлдэрары (*котляры*), как принято их называть в научной литературе, или молдавские цыгане, как они сами себя называют [Черных, Вайман, Имайкина, 2005]. Среди цыган Прикамья преобладают горожане – 1 275 чел. (79,4 %), в сельской местности проживает лишь 331 чел. (20,6 %).

В одном из районов г. Перми компактно расселены цыгане-кэлдэрары. Этнографическая группа цыган-кэлдэраров – самая многочисленная в мире. Они делятся на несколько подгрупп: молдавскую, венгерскую, сербскую и т.д. Этнографическая группа кэлдэраров сформировалась на Балканах; это определяет ее связь культуры с культурой народов региона. Основное занятие кэлдэраров – ремесло, прежде всего изготовление и лужение посуды. «Кэлдэрар» в переводе с румынского – «котел» (как и «котляр» – от русского «котел»). Миграция цыган-кэлдэраров/котляров с Балкан началась в XIX в. и была вызвана репрессивной политикой Австро-Венгерской им-

перии по отношению к цыганам [Деметр, Бессонов, Кутенков, 2000; Бессонов, 2007].

Многие общины цыган-кэлдэраров, расселившихся в Европе и России, по сей день сохраняют традиционные социальные институты и основные компоненты этнической культуры. Исследования табора кэлдэраров Перми начались в 2003 г. Длительность полевой работы и глубина доверительных отношений позволили собрать значительный материал, раскрывающий его историю и особенности современной жизни табора [Черных, 2003].

В 2002 г. пермский табор насчитывал 221 чел.; из них только три были официально записаны цыганами, 133 чел. (60,1 %) – бессарабами, 67 чел. (30,3 %) – молдаванами, 6 чел. (2,7 %) – румынами, 6 чел. (2,7 %) – греками, 6 чел. (2,7 %) – сербами. Записываться бессарабами и молдаванами, как говорят в таборе, – давняя традиция: «Вот у меня в паспорте написано, что бессараб. Это наши старики детей писали бессарабами. Кочевали в Бессарабии, вот и бессарабы». Запись о том, что они бессарабы, по словам молдавских цыган, позволяет им отличать себя от русских цыган: «Это потому, что русские цыгане называются по паспорту цыгане, а мы отделяемся как молдавские, как бессарабцы». В цыганской культуре наблюдается четкое противопоставление «своих» и «чужих», цыган и «не цыган».

Древний по происхождению народ, покинувший пределы Южной Азии в конце 1 тыс. н.э., на протяжении многих веков сохранял свою идентичность в инокультурной среде. Секрет цыганской «устойчивости» раскрывает легенда, записанная в таборе кэлдэраров Перми: «Бог, когда землю делил, забыл про цыган. И один цыган пошел к Богу со слезами на глазах и сказал: “Почему ты, Бог, так со мной поступил, ты всем землю дал, а мне не дал?” Тогда Бог сказал на это: “Я тебе дам ум, чтобы ты жил своим умом, хитростью. И чтобы этим добывал

свой кусок хлеба. И весь мир будет у ног твоих. И ты будешь добывать свой кусок хлеба своим умом и хитростью, будешь выживать везде, куда бы ты не пришел”».

Осваивая различные уголки земного шара, приспосабливаясь к различным социально-экономическим и этнокультурным условиям, цыгане стремились сохранить свою независимость от принимающих сообществ. Ныне цыгане расселены по всему миру. Но их язык, относящийся к особой индоарийской группе индоевропейской семьи, по-прежнему наиболее близок древнему санскриту и современному хинди, а культура сохраняет много архаичных черт, восходящих к «индийскому» прошлому.

Цыгане знают, что их прародина – Индия. Однако у них есть немало мифологических версий «этногенеза». О том, как появились цыгане, повествует предание, записанное в таборе Перми от З.Г. Кулай: «Раньше на земле не было разных народов. И привел Бог людей в свой сад Эдем. А там росли разные деревья, и груши, и сливы, и яблоки. И каждый пошел к тому дереву, которое ему понравилось. Так и пошли разные народы, кто какой фрукт съел. Цыганка пошла и скушала себе одну сливу. Так и пошли наши родители от сливы. Она не пошла, где яблочки, где груши, а пошла, где сливы, так и пошли цыгане. Татары ели горох. Когда кушали горох, они говорили: “Помогает Бог. Гороху растет столько, чтоб людям было здоровье”. Узбек скушал маслину, черную, сочную. Они и теперь черненькие такие, как маслина, у них лицо. Русские яблоки съели. Пошла, видит, красивое яблоко висит на ветке, пошла и съела его. И, правда, русские яблоки любят. А евреи пошли туда, где груши. А груши, знаешь, они такие длинные, как нос. И нос у евреев длинный, как груша. Румыны, они красивые, красивей нету, они красивые, как виноград. У них раньше тоже были брички. Они ехали и увидели: это яблоко, это груша... а где виноград – остановились, взяли себе по две-три веточки, покушали, вот такие стали красивые, симпатичные, друг друга красивее. А болгары ели абрикос, они тоже красивые. А цыгане пошли на сливу. Первая девка была, ей года три-четыре было, она сливу съела, одну, другую, третью, поэтому цыгане такие смугленькие, как слива. Так и пошли цыгане молдавские и всесоюзные от сливы». Так в фольклоре цыган-кэлдэраров трансформировался библейский сюжет о первозданном Эдеме.

Цыгане Перми православные. В каждом доме табора есть иконы. Они размещаются в углу в центральной комнате. Цыгане отмечают праздники православного календаря, главными среди которых считаются Рождество, Пасха, Троица, Петров день, Успение. Поскольку у цыганских праздников нет хозяйственной основы, которая существенно влияет на календарную обрядность многих народов, то основным в их содержании являются обычаи, связанные с общиными, родственными и семейными отношениями. Совершать домашние моления или посещать церковь в дни святых праздников у

цыган не принято. Идеологию большинства цыганских праздников определяет стремление обеспечить благополучие табора. Несмотря на христианский характер праздников, в их основе лежат народные традиции.

Одним из главных праздников для цыган является Пасха *Патради*. Часто именно от него цыгане ведут счет времени; в таборе говорят: «Уже три Пасхи прошло, на-верное». С детьми, встречающими этот праздник первый раз, у цыган-кэлдэраров связаны особые ритуалы. Детям обязательно красят лоб красной краской пасхальных яиц. «У него первая Пасха», – подчеркивают, рассказывая об этом обычье. Пасха для новорожденного становится подлинным началом его жизни.

Праздник Пасхи отмечается в таборе три дня; каждый день имеет свою окраску. Первый начинается с обхода домов с поздравлениями. В цыганском таборе постройки расположены хаотично. Традиционным жилищем молдавских цыган когда-то была палатка-шатер *цэра*. Сегодня цыгане живут в домах из бруса и кирпича или в дощатых домах с засыпкой. В панорировке их поселка повторяется традиционная схема кочевой стоянки: семьи родственников старались ставить палатки ближе друг к другу.

По интерьеру многие цыганские дома почти не отличаются от обычной городской квартиры. Но в ряде случаев специфика кочевого уклада сохраняется и в устройстве жилища. Во многих цыганских домах нет крыльца и сеней – с улицы человек сразу попадает в жилое помещение. В цыганском интерьере сегодня, как и прежде, много ковров, которые часто разделяют комнаты. В домах табора очень мало мебели; в некоторых семьях предпочитают «по-старинке» спать на полу.

В праздник Пасхи поселок цыган-кэлдэраров Перми превращается в веселый кочевой табор. Строгой системы обхода домов нет. Сначала идут дети. Утром их отправляют к родственникам, соседям, знакомым. Заходя в дом, малыши произносят добрые пожелания, а хозяева дарят им угощение. Дети, бегающие по улицам с полиэтиленовыми пакетами, набитыми крашенными яйцами, – такую картину можно наблюдать в первый день Пасхи на окраине города. Ребята разглядывают полученные подарки, среди которых много крашеных яиц и сладостей, обмениваются ими.

С рассвета первого дня Пасхи взрослые цыгане готовят праздничные столы. Стол накрывают на все три дня Пасхи и убирают только тогда, когда праздник закончится. В прошлом кочевавшие цыгане готовили угощение на кострах, а небольшой праздничный стол накрывали в палатках. И в настоящее время они по-прежнему верят, что от того, как выглядит стол, зависит счастье будущего года. Одно из пожеланий, часто произносимое в праздничные дни, звучит так: «Пусть такой стол будет каждый день».

На цыганском праздничном столе сегодня традиционных блюд немного; главные из них – голубцы *сармали*

и сладкий пирог *сывъяко*. Для традиционных цыганских голубцов необходима подсоленая капуста. Голубцы делают из капустных листов с начинкой из рубленого мяса, иногда с добавлением других компонентов. Сладкий пирог готовят особым образом: на раскатанный лист теста укладывают начинку, после чего сочень скручивают рулетом. Несколько рулетов выкладывают на противень и выпекают. Начинкой для пирога служат творог, мак, изюм, курага, прочие сушеные фрукты. Кроме «цыганских» на стол ставят и иные блюда.

Угощение на Пасху включает: винегрет, салаты из свежих овощей, жареные курицы, копченую колбасу (обязательно целые батоны), фрукты. На праздничный стол не выкладывают ложек и вилок; иногда в качестве исключения – одну или две. Одно из важных условий сервировки, чтобы праздник, как и весь последующий год, не был «сухой», – обилие на столе бутылок пива; их расставляют по всему периметру.

На пасхальном столе обязательно присутствуют крашеные яйца. Их должно быть не меньше трех; цыгане говорят: «Хоть сколько больше, но три чтобы было обязательно». В первый день крашеные яйца стоят на каждом столе и хозяин одаривает ими всех приходящих. Но в этот день запрещается их употребление: «В первый день Пасхи яйца не едят – нельзя, а во второй день уже можно».

Крашеные яйца – не только основное угощение праздника; с ними связано множество ритуалов. Яйца красят разными способами; в прошлом – обычно луковой шелухой. Сегодня используют покупные красители, чаще всего красный. Поэтому при праздничном обмене руки хозяев и гостей становятся ярко красными. Часто соседи пасхальными яйцами специально наносят ладони друг друга, а детям – щеки. Красный цвет на руках и на детских лицах в первый день Пасхи становится ее своеобразным символом.

Главным событием первого дня праздника является обход домов мужчинами табора. В нем участвуют все – от подростков до глубоких стариков. Считается, что мужчина должен побывать в каждом доме, поздравить хозяев с наступившей Пасхой, особенно важно прийти в гости к тем, с кем оказался в ссоре. Иногда все мужчины собираются в огромную компанию из 100 чел. и более, а иногда образуют две группы и двигаются с разных концов поселка; при этом встреча обычно исключается: одна из групп сворачивает в сторону и идет другой дорогой. Мужчины собираются, как правило, у дома старейшины табора *баро*; с его дома и начинают обход, далее следуют по порядку и заходят в каждый дом.

Хозяин дома, также участвующий в обходе, старается войти к себе первым, чтобы встретить гостей и принять поздравления. В домах долго не задерживаются: обмениваются с хозяевами пасхальными яйцами; берут со стола бутылку пива, но не открывают ее, а несут с собой, чтобы в следующем доме оставить на

столе и взять другую; пробуют закуски, выпивают, но чисто символически – ведь впереди много домов, где тоже накрыты праздничные столы. Самое главное при обходе – поприветствовать и поздравить хозяев. Это длинные, витиеватые формулы-приговоры с пожеланиями счастья, богатства, здоровья, благополучия семье и дому. Их произносят нараспев. Цыгане считают, что от благопожеланий, произносимых во время пасхальных обходов, зависит будущее каждого человека, каждой семьи и всей общины.

Третий обход домов, уже во второй половине дня, совершают женщины. Это далеко не тот торжественный и впечатляющий ритуал, как у мужчин. Женщин собирается не так много; они обходят не весь табор, как правило, не заходят в дома, где за праздничным столом гуляет мужская компания.

К женщинам в таборе отношение особое. Их повседневная жизнь регламентируется многочисленными предписаниями. Женщины не должны переходить дорогу мужчинам, садиться с ними за праздничный стол; им нельзя сидеть и проходить спиной к мужчинам. Раньше женщине не разрешалось проходить перед конем. Сегодня им запрещается переступать через посуду и другие предметы; нечистыми считаются многие атрибуты женского костюма, особенно юбка, одного прикосновения которой достаточно, чтобы человек или вещь стала «поганой». Соблюдение этих запретов до сих пор является необходимым в таборе Перми.

Девочки и девушки до замужества находятся на привилегированном положении: на них не распространяются предписания, которые должны выполнять замужние женщины. Девушки не носят традиционного костюма, не следуют строгим нормам в поведении, у них нет особых обязанностей. С пожилых женщин также снимаются многие ограничения. Они пользуются особым почетом и уважением. Социальный статус цыганок меняется с возрастом. Праздник, подчеркивая гендерную стратификацию, тем не менее, соединяет членов табора.

Если в первый день Пасхи происходит единение общины, то во второй день – ритуальное подтверждение единства в вере. В этот день крестники дарят подарки своим крестным. Посещение крестных строго регламентировано: в гости идут всей семьей; при подходе к дому крестного громко и раскатисто выкрикивают: «Ура-а-а-а!».

Мужчинам обычно дарят рубашки, женщинам – косынки, отрезы на юбку или кофту. За маленьких крестников подарки вручают их родители. Как правило, подарком оберачивают бутылку пива: без этого нельзя – подарок, как и праздник, не должен быть «сухим». Крестный, после того как примет подарки, сам должен обязательно поднести крестнику кусочек хлеба с солью – для его счастья и благополучия.

Часто у человека бывает несколько крестных, и надо поздравить их всех. Крестных обходят в течение

всего дня. У каждого из них набирается очень много подарков. На некоторых мужчинах в день праздника можно увидеть три, четыре, пять и более новых рубах, надетых одна на другую, – все это подарки крестников.

Во второй день Пасхи после обеда в домах табора начинается веселье. Цыгане собираются компаниями у родственников или соседей, переходят из одного дома в другой, пляшут, поют. Сегодня цыгане чаще поют под караоке. Но на караоке нет цыганского репертуара, поэтому на цыганский язык приходится переводить русские песни.

У цыган всегда высоко ценилось умение танцевать. Редкая женщина не владеет этим искусством. Информатор рассказывает: «У нас, если идешь танцевать и не умеешь, надо было платить штраф. У меня бабушка платила штраф за то, что не умела танцевать. Вот на празднике все сидят, вызывают: “Сейчас пойдет танцевать твоя жена”. Она идет, танцует. У меня бабушка не умела танцевать. Дедушка заплатил штраф, пять золотых рублей, чтобы купить самогон и угостить гостей за бабушку. Это же стыд был раньше, что цыганка не умеет танцевать по-цыгански. Это у нас легенда такая про бабушку».

Третий день Пасхальной недели у молдавских цыган Перми является завершающим. Его не сопровождают особые обряды. Этот день проводят у знакомых, друзей и родственников за праздничным столом, с плясками и песнями. К вечеру обязательно праздничный стол убирают. Утром цыганский табор возвращается к обычному ритму жизни. Мужчины уходят на работу, дети отправляются в школу, а цыганки вновь выходят на улицы города, предлагая прохожим: «Эй, бриллиантовый, дай погадаю!».

Во вторник второй недели после Пасхи отмечается Радуница – день поминовения. У цыган он называется Маленькой Пасхой – *Цигни Патради*. В этот день принято ходить на кладбище, посещать могилы умерших родственников. Иногда поминание совершают дома. На кладбище обязательно несут крашеные яйца, которые для этого хранят с Пасхи. Этот праздник объединяет живых и мертвых и актуализирует память о нелегкой истории цыганского народа.

Пасха для кэлдэраров Перми – общинный праздник. Законы табора всегда имели для цыган очень большое значение. В условиях дисперсного расселения самосохранение этноса было возможно при сохранении устойчивых социальных институтов. Имен-

но община – табор – позволяла и позволяет цыганам Перми оставаться маленьким этническим островком в огромном индустриальном городе. Цыгане считают, что общинные устои – это гарантия их этнического будущего. Сохранение родового деления, ранние браки, выбор невесты родителями по стандартам родовой экзогамии, отказ от гражданских институтов регистрации брака, от внеборного разрешения конфликтов и т.д. – все это обеспечивает замкнутость общины и ее стабильность. Вместе с тем цыганский народ, сохранив определенную автономность, пытается интегрироваться в окружающее социокультурное пространство. Цыганский образ жизни, цыганская культура активно вбирают в себя изменения, происходящие в обществе. И сегодня цыганам все чаще приходится взаимодействовать с государственными институтами.

Вопросов, которые приходится решать табору Перми и его старейшине Г.Д. Буцо, очень много – это организация детского образования и медицинского обслуживания, благоустройство цыганского поселка и регистрация домов, противодействие наркомании. Администрация Перми активно идет на диалог. Это понимание высоко оценивают и сами цыгане-кэлдэрары. Жертвуя автономией в пользу взаимодействия, они пытаются обозначить новые перспективы своего этнического и социального развития.

Список литературы

Бессонов Н. Судьба кочевого племени // National Geographic (Россия). – 2007. – Апрель. – С. 61–65.

Деметр Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган: Новый взгляд. – Воронеж: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. – 334 с.

Черных А.В. Пермские цыгане: Очерки этнографии цыганского табора. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2003. – 60 с.

Черных А.В., Вайман Д.И., Имайкина Е.А. Этносоциальные процессы в цыганских общинах Пермской области на современном этапе (по результатам этносоциологического исследования цыган Пермской области). – Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальности, 2005. – 52 с.

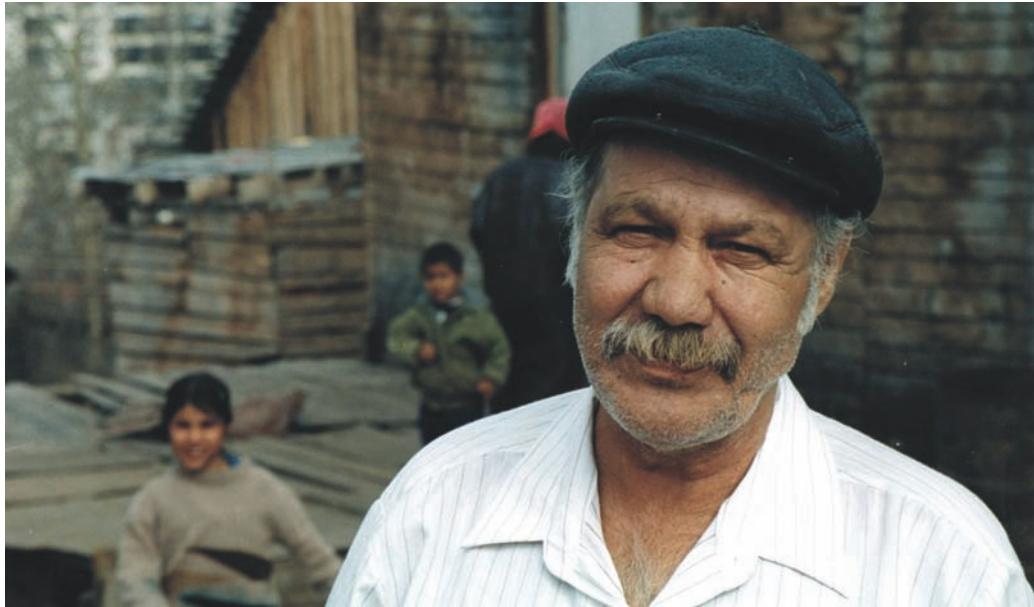
А.В. Черных
Пермский филиал
Института истории и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, оф. 1, Пермь, 614022, Россия
atschernych@yandex.ru

* * *

Фоторепортаж «Цыганская Пасха 2003 г. в Перми» подготовлен А.Г. Захаровым.

А.Г. Захаров в фотожурналистике с 1995 г. Работал фотокорреспондентом и сотрудничал с ведущими региональными журналами и газетами. В 2003–2004 гг.

участвовал в реализации проекта «Цыганская культура в социокультурном пространстве города»; победитель конкурса социальных и культурных проектов администрации Перми. Итогом его работы по проекту стала персональная выставка «Народ в дороге».

1. Гранчо Додович Буцо, старейшина цыганского табора Перми.

Гранчо Додович Буцо. Родился в 1941 г. в Белоруссии. Спасаясь от фашистов, табор его отца ушел в Сибирь. В 1979 г. Г.Д. Буцо приехал в Пермь. Пятнадцать лет назад он стал бароном. В переводе с цыганского «баро» – «старший, хороший, большой, добрый». Это его кочевая кибитка по обычаям шла первой. Это к нему сегодня обращаются и власти, и свои – цыгане. Это с его дома начинается пасхальный обход.

2. Пасхальный обход в цыганском районе Перми.

Утро первого дня Пасхи начинается с обхода, в котором участвуют дети. Ближе к обеду идут мужчины и только за ними – женщины. Дети несут счастье. Все, что делается, – делается для них. На празднике маленькие мальчики копируют взрослых мужчин. Только после свадьбы они займут свое место в таборе.

3. В праздник Пасхи детям мажут лица красной краской.

Цыгане меряют жизнь от Пасхи до Пасхи. Детям, встречающим праздник первый раз, красят лоб красной краской пасхальных яиц. «У него первая Пасха», – говорят о годовалом ребенке.

4. Пасхальный стол в доме Д. Риковича.

Праздничное застолье – это ритуал. Угощение готовят с вечера, стол накрывают рано утром. Первые гости приходят засветло. Накрытый стол, предназначенный для Бога и людей, – это свято. Только старшие мужчины могут сидеть за столом. Женщины никогда не поворачиваются к столу и мужчинам спиной. Из комнаты они выходят, осторожно пятясь назад.

5. В доме старейшины.

У цыган несколько имен. Женщина рождается с одним, в дом мужа приходит с другим, в паспорте записано третье. Все знают эти имена. И только жену пермского барона зовут всегда одинаково – Лула. «Лула» в переводе с цыганского – «цветок».

6. Семья Риковичей.

Добми и Марица Риковичи живут в Перми с 1979 г., имеют двух сыновей и дочь. Дочь выдана замуж в Екатеринбург, в род болосони – род сурка. Двух снох из рода дэмони – рода тыквы – привезли сыновьям из Ульяновска. Традиционно пермский табор из рода рувони – рода волка – берет жен из родов сурка, тыквы и еще двух десятков цыганских родов, проживающих в России.

7. Второй день Пасхи в доме Д. Риковича.

Три пасхальных дня в доме стоит празднично накрытый стол. К угощению относятся бережно: «Стол стираются не ломать». В первый день Пасхи яйца не едят, только дарят друг другу; во второй – яйцами бьются, ими обмениваются, угощают пришедших.

8. Наташа Кулай – известная исполнительница цыганских песен.

Фамилию Кулай носит каждый второй цыган в таборе. Каждая цыганка поет, но Наташа – лучшая из всех.

9. Подарок для крестного.

Крестные для цыган так же важны, как и родня по крови. На второй день Пасхи крестники поздравляют крестных, несут подарки: крашеные яйца, рубашки или платки. Чтобы подарок не был «сухим», им обирачивают бутылки пива; когда подходят к дому крестного, громко кричат: «Ура-а-а-а!».

10. Пасхальное поздравление.

Брума Кулай, 1963 года рождения. «Брума» в переводе с цыганского – «роса». Отец назвал ее так, потому что она родилась рано утром. Роса светлая, поэтому Бруму в таборе зовут Светой. Она из рода дэмони – тыквы.

11. Замбила Георгиевна Кулай, старейшая в таборе.

Замбила Георгиевна Кулай родилась в 1914 г.; старше ее нет в цыганском таборе Перми. Она всех крестила и всех лечила, все знает и всех помнит. Помнит, как ее отец снимался в первом фильме о цыганах России – «Последний табор», а мать – в фильме «Табор уходит в небо». Она плачет, когда смотрит эти фильмы.

12. Пасхальный стол первого дня праздника.

Цыгане говорят, что люди ходят в церковь в несчастье. Пасха – светлый и радостный праздник. Он венчает строгий недельный пост. Пасху отмечают дома. Пасхальный стол – символ достатка и изобилия. «Пусть такой стол будет каждый день» – это пожелание чаще других звучит в праздничный день.

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572

А.В. Зубова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zubova_al@mail.ru

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХИ РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ*

По результатам палеодемографического исследования антропологического материала из могильников Еловский-2, Черноозерье-1, Журавлево-4, Танай-7, Заречное-1 изученные популяции подразделяются на две группы с различным уровнем кумулятивного стресса, который повышен в андроновское время и снизился к эпохе поздней бронзы. Это проявляется в более низком среднем возрасте смерти и более раннем наступлении пиков смертности в популяциях из Черноозерья-1 и Еловского-2 (андроновской). Выделены две модели демографической адаптации к меняющимся условиям: для Таная-7 это миграция на новую территорию; для андроновско-евовской группы, оставившей могильник Еловский-2, – включение в состав стареющей популяции нового населения.

Введение

Адаптация человека к окружающей среде представляет собой сложный процесс, результаты которого отражаются как на морфофункциональных, так и на демографических и социокультурных характеристиках человеческих популяций. Между антропологическими признаками и демографическими показателями, входящими в компетенцию палеоантрополога, и элементами культуры, изучаемыми археологом, существуют глубокие связи, поскольку они формируются в одних и тех же условиях. Демографическая структура локальной палеопопуляции на определенном этапе существования археологической культуры может объяснить тенденции культурогенетических трансформаций. Демографический упадок или подъем в отдельных коллективах вызывает перемещения групп населения, заинтересованного в расширении круга брачных связей, что отражается на распространении новых культурных традиций или вытеснении старых.

В археологических исследованиях трансформации элементов культуры древних обществ и миграции населения чаще связываются с причинами внешнего характера – изменениями климата, экологии, политическими конфликтами. Демографическим особенностям уделяется значительно меньше внимания. Между тем любая популяция представляет собой не просто сумму индивидуумов, а сложную систему, которая имеет свою структуру и управляет определенными биологическими законами. Всякие изменения в ней происходят не только под влиянием внешних воздействий, т.е. комплекса экзогенных факторов местобитания (температура, влажность воздуха, уровень инсоляции, макро- и микроэлементарный состав воды и почвы, патогенная среда и др.) и появления новых черт в результате смешений, но и вследствие внутрипопуляционных процессов, направленных прежде всего на ее самосохранение. Благодаря этим процессам в каждой популяции формируется адекватная среде и чутко реагирующая на ее изменения демографическая структура.

Попытки восстановить демографические характеристики древнего населения Западной Сибири на основании археологических и палеоантропологи-

*Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ческих материалов предпринимались неоднократно (см., напр.: [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Чикишева, 2000; Матвеева, 2002; Тихонов, 1993]). Однако в большинстве этих работ не производилось межпопуляционного сравнения особенностей кривых смертности и не оценивалось взаимовлияние демографических и социокультурных показателей. В целом не применялся подход к демографическим данным как к характеристикам одного из ведущих механизмов адаптации к экологическим и культурно-историческим трансформациям окружающей среды.

В настоящей работе демографические процессы, протекавшие в древних популяциях, рассматриваются как отражение взаимодействия биологических интенций популяции к сохранению ее эффективного размера, половозрастной структуры и исторических тенденций развития культурных образований данного периода. Демографическая ситуация не будет оцениваться как благополучная или неблагополучная, поскольку колебания смертности и рождаемости в любой популяции обусловлены необходимостью повышения ее адаптивных возможностей. Цель работы – выявление сведений о процессах адаптации населения Западной Сибири в эпохи развитой и поздней бронзы с помощью демографических данных.

Материал и методика исследования

Материалом для исследования послужили наиболее полно антропологически изученные популяции эпох развитой и поздней бронзы Западной Сибири. Поскольку для демографического анализа подходят только выборки из полностью или по большей части раскопанных могильников [Алексеев, 1989; Бужи-

лова, 1997], в нашем распоряжении оказались лишь семь групп: андроновского времени, оставивших могильники Еловский-2 (Кожевниковский р-н Томской обл.) и Черноозерье-1 (Омское Прииртышье); носители еловской культуры (Еловский-2), инского локального варианта ирменской (Заречное-1, Журавлево-4, Танай-7) и «культуры эпохи поздней бронзы» (Старый Сад).

Половозрастные определения для погребенных в могильниках Еловский-2, Черноозерье-1, Заречное-1 выполнены В.А. Дремовым (частично опубликованы [Зах, 1997; Матюшенко, 2004]); для групп, оставивших могильники Журавлево-4 и Старый Сад, – Т.А. Чикишевой [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Чикишева, 2000]; половозрастная принадлежность некоторых погребенных была уточнена мной (табл. 1, 2).

Анализ палеодемографических данных осуществлялся в два этапа: на первом выявлялись локальные особенности, присущие каждой популяции; на втором проводилось сравнение отдельных групп эпохи бронзы между собой и с популяциями других культурно-хронологических периодов с целью определения общих демографических закономерностей.

Демографическая структура групп населения Западной Сибири эпох развитой и поздней бронзы изучалась при помощи стандартных «таблиц дожития» [Ubelacker, 1978], на основании которых строились кривые смертности. Помимо этого, в каждой популяции оценивались средний возраст смерти, соотношение количества мужчин и женщин (эффективно-репродуктивный показатель), число умерших детей, приходящихся на одну умершую женщину репродуктивного возраста (репродуктивный показатель), соотношение численности населения в репродуктивном (16–40 лет) и нерепродуктивном (старше 40 лет) возрасте (табл. 3–6).

Таблица 1. Половой состав популяций

Группа	Мужчины	Женщины	Дети	Пол не определен	Всего
Еловский-2, андроновское время	74 (33,2)	59 (26,5)	89 (39,9)	0	223 (100)
Еловский-2, еловская культура	26 (23,4)	38 (34,2)	35 (31,5)	12 (10,8)	111 (100)
Черноозерье-1	22 (?)	28 (?)	–	0	–
Журавлево-4	47 (33,8)	50 (35,97)	42 (30,2)	0	139 (100)
Танай-7	15 (23,4)	15 (23,4)	25 (39)	9 (14,06)	64 (100)
Заречное-1	17 (27,9)	16 (26,23)	17 (27,9)	11 (18,03)	61 (100)
Старый Сад	20 (41,7)	15 (31,25)	13 (27,08)	0	48 (100)

Примечание: в табл. 1, 2 в скобках указано относительное количество (%).

Таблица 2. Возрастная структура популяций

Возраст, лет	Еловский-2		Черно-озерье-1	Журавлево-4	Танай-7	Старый Сад	Заречное-1
	Андроновское время	Еловская культура					
<i>Мужчины</i>							
16–20	3 (4,23)	2(10)	0	0	2 (13,33)	2 (10)	1 (5,89)
21–25	9 (12,68)	1 (5)	1 (4,55)	3 (6,38)	1 (6,67)	1 (5)	
26–30	10 (14,08)	3 (15)	3 (13,63)	7 (14,89)	6 (40)	3 (15)	3 (17,64)
31–35	17 (23,94)	1 (5)	5 (22,73)	5 (10,64)	4 (26,67)	1 (5)	
36–40	15 (21,13)	6 (30)	8 (36,36)	15 (31,91)	0	8 (40)	6 (35,29)
41–45	5 (7,04)	4 (20)	2 (9,09)	8 (17,02)	1 (6,67)	1 (5)	
46–50	2 (2,82)	3 (15)	1 (4,55)	5 (10,64)	0	1 (5)	5 (29,41)
Более 50	10 (14,08)	0	2 (9,09)	4 (8,51)	1 (6,67)	3 (15)	2 (11,76)
<i>Женщины</i>							
16–20	6 (11,54)	5 (16,13)	3 (10,7)	10 (20)	2 (13,33)	1 (6,67)	2 (12,5)
21–25	10 (19,23)	2 (6,45)	6 (21,43)	6 (12)	3 (20)	1 (6,67)	
26–30	9 (17,3)	6 (19,35)	5 (17,85)	11 (22)	3 (20)	0	4 (25)
31–35	16 (30,77)	1 (3,23)	2 (7,14)	1 (2)	5 (33,33)	1 (6,67)	
36–40	4 (7,69)	3 (9,68)	4 (14,28)	5 (10)	1 (6,67)	4 (26,67)	4 (25)
41–45	1 (1,92)	3 (9,68)	1 (3,57)	8 (16)	0	6 (40)	
46–50	3 (5,77)	5 (16,13)	3 (10,7)	7 (14)	1 (6,67)	2 (13,33)	3 (18,75)
Более 50	3 (5,77)	6 (19,35)	2 (7,14)	2 (4)	0	0	3 (18,75)
<i>Дети</i>							
0–5	59 (65,6)	22 (62,9)	–	30 (71,4)	18 (75)	8 (61,5)	8 (50)
6–10	28 (31,11)	3 (8,57)	–	7 (16,67)	3 (12,5)	2 (15,38)	5 (31,25)
11–15	3 (3,33)	10 (28,57)	–	5 (11,9)	3 (12,5)	3 (23,07)	0
Не определен	0	0	–	0	0	0	3 (18,75)

Таблица 3. Средний возраст смерти в популяциях

Группа	Мужчины	Женщины	Взрослые	Общий
Еловский-2, андроновское время	35,7	31,2	33,8	21,4
Еловский-2, еловская культура	36	37,09	36,7	24,17
Черноозерье-1	37,27	32,58	34,93	–
Журавлево-4	37,5	31,8	34,6	25,3
Танай-7	31	29,3	30,3	19,01
Заречное-1	38	34,5	36,25	20,27
Старый Сад*	38	36,1	36,9	28,2
Карасук-3 (афанасьевская культура Минусинской котловины)**	36,2	39,4	37,8	24,1
Тасты-Бутак (андроновцы Казахстана)**	34,4	37,5	35,95	18,7
Баланово-2 (фатьяновская культура)**	31,4	32	31,7	20,3
Хрящевка и Ягодное (срубная культура)**	27	32,7	29,85	25,1
Мокрин (культура курганных погребений в Югославии)**	37,4	38,6	38	–
Сапаллитепа (культура крашеной керамики в Узбекистане)**	33,8	36,7	35,25	22,9

*Данные Т.А. Чикишевой [2000].

**Данные В.П. Алексеева [1989].

Таблица 4. Численность населения в репродуктивном и пострепродуктивном возрасте, %

Группа	Мужчины	Женщины	Взрослые	% от общей численности группы
<i>В репродуктивном</i>				
Еловский-2, андроновское время	61,97	86,54	80,49	46,48
Еловский-2, еловская культура	65	54,84	58,82	34,89
Черноозерье-1	77,27	71,43	74	—
Журавлево-4	63,83	66	64,95	45,32
Танай-7	86,67	93,33	90,32	50,91
Заречное-1	58,82	60	60,61	36,36
Старый Сад	75	46,67	62,86	45,84
<i>В пострепродуктивном</i>				
Еловский-2, андроновское время	38,03	13,46	19,51	11,27
Еловский-2, еловская культура	35	45,16	41,18	24,42
Черноозерье-1	22,73	28,57	26	—
Журавлево-4	36,17	34	35,05	24,46
Танай-7	13,33	6,67	9,68	5,45
Заречное-1	41,18	40	39,39	23,64
Старый Сад	25	53,33	37,14	27,08

Таблица 5. Доля индивидов, доживших до репродуктивного возраста, %

Группа	Мужчины	Женщины	Взрослые
Еловский-2, андроновское время	33,2	26,5	59,7
Еловский-2, еловская культура	23,4	34,2	57,6
Черноозерье-1	—	—	—
Журавлево-4	33,8	35,98	69,78
Танай-7	23,4	23,4	60,87
Заречное-1	54,85	45,45	71,74
Старый Сад	41,7	31,25	72,95

Основные демографические характеристики популяций

Черноозерье-1, андроновское время Омского Прииртышья. На могильнике Черноозерье-1 было раскопано ок. 170 погребений, но половозрастные определения имеются только для 50 погребенных взрослых. Средний возраст смерти в данной популяции достаточно низок для эпохи бронзы (см. табл. 3). Пики смертности у женщин приходятся на возрастные интервалы 21–25 и 36–40 лет, у мужчин – на последний (рис. 1). В начале репродуктивного периода (16–20 лет) отмечается численный перевес женского населения, но до 30 лет дожило 14 (50,2 %) женщин и

Таблица 6. Доля индивидов, доживших до 30 лет, %

Группа	Мужчины	Женщины	Коэффициент репродуктивности
Еловский-2, андроновское время	69,01	52	2
Еловский-2, еловская культура	70	58,07	2,06
Черноозерье-1	81,82	50,02	—
Журавлево-4	78,73	46	1,27
Танай-7	40	42,67	1,76
Заречное-1	70	60	1,78
Старый Сад	76,47	86,66	1,89

18 (81,8 %) мужчин (см. табл. 2). В силу более высокой мужской смертности в возрастной группе 30–40 лет к 40 годам численность мужчин и женщин выравнивается. Поскольку уровень детской смертности по материалам данного могильника определить невозможно, сделать однозначные выводы о влиянии возрастной структуры популяции на ее способность к воспроизведству нельзя. Можно только предположить, что в силу высокой смертности у женщин в самом благоприятном с точки зрения воспроизводства возрасте это население не могло быстро увеличивать свою численность.

Кривые смертности, построенные для популяции, оставившей могильник Черноозерье-1 (см. рис. 1),

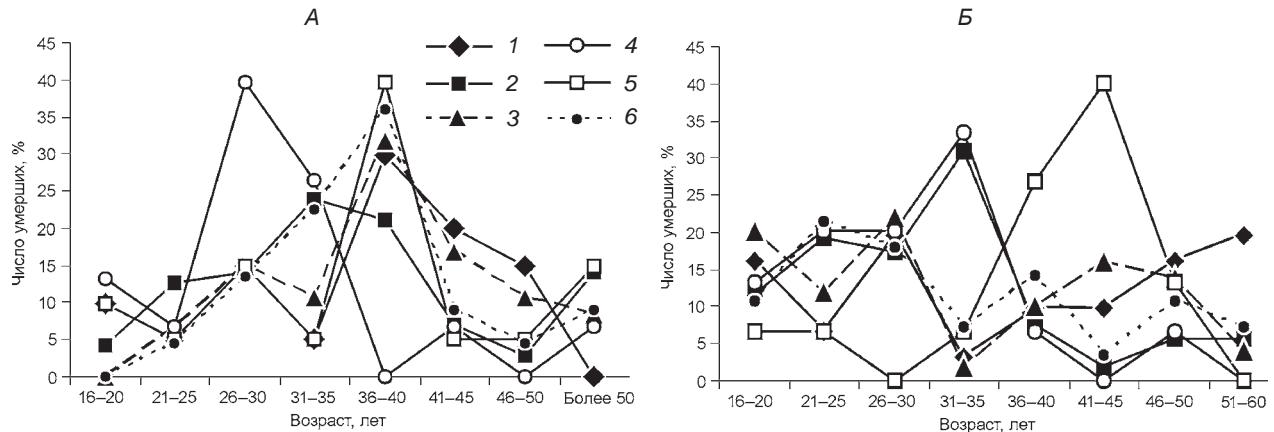

Рис. 1. Кривые смертности мужского (А) и женского (Б) населения.
1 – Еловский-2, еловская культура; 2 – Еловский-2, андроновское время; 3 – Журавлево-4; 4 – Танай-7; 5 – Старый Сад;
6 – Черноозерье-1, андроновское время.

свидетельствуют о стабильно высоких нагрузках на активную часть населения.

Еловский-2, андроновское время Томского Приобья. Средний возраст смерти в данной группе выше, чем в серии из могильника Черноозерье-1. Здесь наблюдается существенная разница между возрастом смерти мужчин и женщин (см. табл. 3). В начале репродуктивного периода отмечается значительный численный перевес мужского населения (71 мужчина и 52 женщины), выравнивание не происходит даже к 40 годам. Уровень рождаемости в значительной степени зависит от числа женщин, находящихся в репродуктивном периоде. Наиболее активным считается возрастной интервал 20–29 лет, затем начинается медленный спад [Chamberlain, 2001]. Количество мужчин оказывает значительно меньшее влияние на темпы прироста населения. По мнению Дж. Берсделла, «один активный в сексуальном отношении мужчина может добиться того, чтобы десять женщин одновременно оставались беременными. <...> Это привело бы к такому же количеству рождений, как если бы группа состояла из десяти женщин и десяти мужчин. Но если мы представим некую локальную группу, состоящую из десяти мужчин и только одной женщины, то темп рождаемости составил бы десять процентов от предыдущего» (цит. по: [Харрис, 2003]). Около 48 % женщин в рассматриваемой популяции умирало к 30 годам, не реализовав полностью потенциальную возможность к деторождению. На каждую умершую женщину репродуктивного возраста здесь приходится два ребенка, что является достаточно высоким показателем для эпохи бронзы. Но высокая рождаемость не могла снизить степень демографического напряжения, поскольку состав популяции оказался перегружен индивидами, не участвовавшими в процессе воспроизводства, – свободными мужчинами (в воз-

растной категории 26–30 лет их число достигает 22) и представителями обоих полов в постстрепродуктивном возрасте (старше 40 лет). Судя по всему, данная группа находилась в состоянии демографического кризиса, необходимость преодоления которого привела к трансформации традиций андроновского времени и формированию в культурно-хозяйственной сфере жизни населения Томского Приобья черт, позволяющих археологам выделить на могильнике Еловский-2 группу захоронений еловской культуры.

Еловский-2, еловская культура. По сравнению с андроновским временем у носителей еловской культуры отмечается некоторое улучшение демографической ситуации. Средний возраст смерти в данной популяции достаточно высок (см. табл. 3). О стабильной демографической обстановке свидетельствуют кривые смертности, в частности, незначительное повышение показателей даже на основных пиках и большое число женщин, доживших до возраста более 50 лет (см. рис. 1). Кривая мужской смертности практически идентична таким, построенным по материалам могильников Журавлево-4 (ирменская культура) и Старый Сад, а женской – обнаруживает большое сходство с кривой смертности женщин из группы Журавлева-4. Они различаются в основном по числу индивидов, доживших до преклонного возраста. В еловской группе до возраста более 50 лет дожило 19,35 % женщин, в ирменской – только 4 %.

Определенный интерес представляет наблюдаемое в рассматриваемой популяции соотношение численности мужчин (26) и женщин (38), причем значительное преобладание женского населения отмечается уже в ранних возрастных группах (см. табл. 2). Это достаточно распространенное явление в Западной Сибири. К примеру, оно зафиксировано Н.П. Матвеевой в материалах могильников Кирилловка-3,

Елунино-1 и Быстровка-1, относящихся к ранним этапам каменской культуры [2002]; Т.А. Чикишевой в пазырыкской серии из могильника Юстыд [2003]. Поскольку в этих группах средний возраст смерти у женщин меньше, чем у мужчин, почти на 10 лет, можно с большой долей уверенности предположить, что преобладание женского населения здесь было заложено в биологическую программу популяции как необходимое для поддержания ее численности при ранней женской смертности. У носителей еловской культуры средний возраст смерти очень высок, причем у женщин выше, чем у мужчин (см. табл. 3), так что численное преобладание женского населения здесь было вызвано иными причинами. Наиболее вероятным объяснением представляется необходимость преодоления последствий демографического кризиса андроновского времени, быстрого восстановления численности популяции.

Судя по тому, что по археологическим данным в составе могильника выделяются погребения переходного от андроновского к еловскому культурного облика, несущие следы влияния традиций общности с гребенчато-ямочной керамикой, следствием демографического упадка андроновцев, вероятно, стало привлечение в их среду женщин из автохтонных групп. Оно спровоцировало трансформацию культурных традиций и демографического облика популяции. Поскольку эта трансформация проходила естественным путем в течение длительного времени, при анализе демографии носителей еловской культуры мы не наблюдаем такого показателя смены населения, как миграционный кризис, и резкого преобладания более молодых возрастных групп. Основным проявлением демографических перемен стал всплеск рождаемости. В связи с резким ростом численности женского населения и повышением среднего возраста смерти женщин увеличилось число детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста: этот показатель составил 2,06, что является очень большой величиной.

В данной группе выше, чем в других, доля женщин старше 40 лет (их 11 чел., или 25,48 % от общего числа женщин). С этим фактом можно связать значительно более низкий, чем во всех других популяциях, уровень смертности детей в возрасте 6–10 лет, поскольку наличие в семье бабушек существенно снижает данный показатель. Что касается возрастной специфики детской смертности в целом, то у носителей еловской культуры необычно много детей умерло в возрасте 11–15 лет (см. табл. 2). Возможно, в этом возрасте уже начиналось включение детей во взрослую жизнь.

Параллельно процессу демографической стабилизации с переходом от андроновского времени к еловскому происходили и культурно-хозяйственные изменения, в силу которых показатели женской

смертности в данной популяции значительно меньше отличаются от таковых у носителей ирменской культуры (Журавлево-4), чем показатели группы андроновского времени. С улучшением демографической ситуации и увеличением числа женщин можно связать зафиксированное по археологическим и палеопатологическим материалам ухудшение социального статуса женщин от андроновского времени к еловскому. Оно проявляется в уменьшении количества бронзового инвентаря в женских могилах, повышении частоты встречаемости маркеров пищевых стрессов у женщин и появлении свидетельств бытового насилия [Тихонов, 1993; Зубова, 2007].

Старый Сад, «культура эпохи поздней бронзы». Средний возраст смерти в популяции, оставившей могильник, достаточно высок (см. табл. 3). Кривая мужской смертности почти идентична таковым, построенным по материалам могильников Еловский-2 (еловская группа) и Журавлево-4; все три демонстрируют основной пик в возрастном интервале 36–40 лет (см. рис. 1, А). Кривая женской смертности обладает значительным своеобразием: пики в возрастных интервалах 16–20 и 26–30 лет, характерные для большинства женских групп эпохи бронзы, отсутствуют, а основной приходится на 41–45 лет (см. рис. 1, Б). Т.А. Чикишевой было предложено два варианта объяснения небольшого количества женщин ранних возрастов среди погребенных на могильнике Старый Сад. Во-первых, такое положение могло сложиться при миграции населения, оставившего этот могильник, из другого региона. Во-вторых, отсутствие высокой смертности в 16–20 лет может быть связано с тем, что детей в основном рожали женщины более зрелого возраста [Чикишева, 2000].

Среди погребенных нет женщин 26–30 лет, что, на наш взгляд, требует объяснения, поскольку некоторыми авторами полное отсутствие представителей какой-либо возрастной группы трактуется как свидетельство дискретности развития коллектива. Малое количество погребений эпохи поздней бронзы на могильнике Старый Сад позволяет предположить, что они оставлены достаточно небольшим коллективом, половозрастная структура которого в большей мере подвержена влиянию случайных факторов, чем крупные популяции. Если в сообществе из 10–15 семей отсутствие на протяжении пяти лет родившихся девочек или смерть их всех до достижения возраста 16 лет маловероятны, то в группе из двух-трех семей такие явления вполне возможны. Судя по этнографическим параллелям с селькупским населением Сибири, у которого численность одной семьи достигала иногда 20 чел. при средней 16,3 чел. у северных селькупов и 11,1 – у нарымских [Гемуев, 1984], в составе коллектива, аналогичного по численности группе из Старого Сада, могло быть максимум три-четыре семьи. Ана-

лиз возрастной структуры селькупских семей показал, что, во-первых, в них невелико число членов в возрасте 16–30 лет, которое вполне сопоставимо с таковым в рассматриваемой популяции; во-вторых, в составе трех-четырех семей (как случайно взятых, так и в рамках одного поселка) отдельные возрастные категории населения отсутствуют достаточно часто. Это позволяет отказаться от идеи мигрантного характера группы, оставившей могильник Старый Сад, тем более что кривая смертности мужчин данного коллектива, как уже отмечалось, имеет высокую степень сходства с таковыми других популяций эпохи поздней бронзы Западной Сибири.

Поскольку соотношение женского и мужского населения в рассматриваемой группе не самое благоприятное (15 : 20), а в репродуктивном возрасте было только 7 женщин и 15 мужчин, численность популяции, вероятно, увеличивалась достаточно медленно. На одну умершую женщину репродуктивного возраста приходится 1,89 ребенка, что не выделяет данную группу из общего круга. В ней, как и у носителей еловской культуры, повышена, по сравнению с другими популяциями, смертность детей в возрасте 11–15 лет.

В целом по характеру смертности группа, оставившая могильник Старый Сад, судя по всему, отличается от других исследованных популяций эпохи бронзы Западной Сибири. В женской выборке исключительно редко встречаются маркеры эпизодических и специфических стрессов, обычные в других сериях [Зубова, 2007]. Видимо, в данной группе существовали специфические социокультурные механизмы, позволявшие уменьшить негативное влияние биологических стрессоров и понижавшие уровень смертности населения в молодом возрасте. Благодаря этим механизмам по общей тенденции тип смертности в рассматриваемой популяции ближе, чем в других, к классическому U-образному расположению (рис. 2).

Журавлево-4, ирменская культура. Антропологические материалы могильника были исследованы в демографическом отношении Т.А. Чикишевой, но полученные ею результаты потребовали корректировки, поскольку необходимо было отделить популяцию из Журавлева-4 от групп из Журавлева-1 и -3, вошедших в «таблицы дожития», и уточнить возраст некоторых погребенных. Это привело к изменению значений некоторых показателей и в целом демографического статуса популяции, по сравнению с тем, что фиксировался на основании «таблиц дожития», опубликованных в работе, посвященной данному могильнику [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993], и использованных мной ранее [Зубова, 2006].

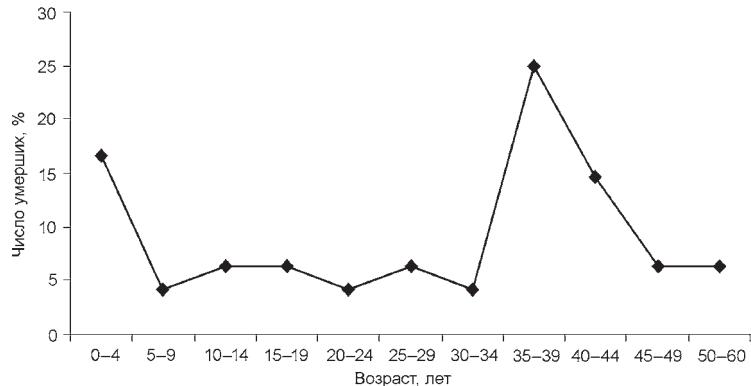

Рис. 2. Кривая смертности населения, оставившего могильник Старый Сад.

Средний возраст смерти в группе по абсолютным значениям укладывается в пределы, отмеченные для эпохи бронзы (см. табл. 3). Тем не менее наблюдается больший, по сравнению с другими исследованными популяциями эпохи поздней бронзы Западной Сибири, разрыв между средним возрастом смерти мужчин и женщин (почти шесть лет). Кривые мужской и женской смертности обнаруживают высокую степень сходства с таковыми носителей еловской культуры. По показателям смертности мужчин популяция близка группе из Старого Сада (см. рис. 1).

Соотношение мужского и женского населения достаточно неблагоприятное. В мужской выборке отсутствуют погребенные в возрасте 16–20 лет, тогда как в женской их 10 чел., т.е. 20 % всех одновременно родившихся женщин. В следующей возрастной категории наблюдается ощущимый дисбаланс: на 40 женщин приходится 47 мужчин. В дальнейшем разрыв еще увеличивается: до возраста 30 лет доживаются 23 женщины, или 46 %, и 37 мужчин, или 78 %, так что рождаемость на момент завершения формирования могильника, видимо, оставляла желать лучшего. Дополнительным фактором, оказывавшим негативное воздействие на демографическую ситуацию, вероятнее всего, было то, что в силу повышения женской смертности раньше вступали в брак женщины следующего поколения, а это влекло за собой возрастание смертности женщин 16–20 лет. О понижении брачного возраста женщин в данной группе, возможно, свидетельствуют отмеченные на нескольких женских черепах следы пищевого стресса (гипоплазия эмали на третьих молярах) в возрасте 13–15 лет, предположительно связываемые с ухудшением качества питания женщин с переходом в другую семью.

Число детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста, в группе, оставившей могильник Журавлево-4, составляет 1,27, что ниже, чем в большинстве популяций эпохи поздней брон-

зы, и свидетельствует о пониженной рождаемости. По сравнению с другими группами здесь несколько выше процент детей, умерших в течение первых пяти лет жизни (см. табл. 2). Это может свидетельствовать о неблагоприятной с точки зрения гигиены обстановке в популяции.

Отдельный интерес представляет отсутствие среди погребенных мужчин 16–20 лет при наличии женщин соответствующего возраста. Учитывая рассмотренную выше ситуацию в группе из Старого Сада, можно допустить воздействие случайного фактора. Но, поскольку число погребенных в Журавлеве-4 значительно больше, чем в Старом Саде, предположение, что в течение пяти лет в этой популяции не родилось ни одного мальчика, представляется маловероятным с точки зрения биологии. Существуют два варианта объяснения такого положения с позиции социального развития коллектива. Первый – из-за неблагоприятной демографической ситуации мужчины 16–20 лет покинули территорию проживания с целью поиска брачных партнеров в других группах. С учетом соотношения численности мужчин и женщин, погребенных в могильнике, такой вариант представляется вполне допустимым, поскольку существует явная причина для перемещения части коллектива и отсутствуют в демографической структуре мужчины как раз того возраста, который представляется оптимальным для миграций. Второй вариант лежит в области чисто умозрительных построений: популяция изначально могла быть сформирована насилиственным путем, а именно, путем захвата некоторой группы женщин и девочек сугубо мужским коллективом. Поскольку никаких доказательств в пользу такой версии нет, подробно останавливаться на ее рассмотрении нецелесообразно. В любом случае, полное отсутствие мужчин 16–20 лет среди погребенных крупной популяции может свидетельствовать о непродолжительном функционировании могильника Журавлево-4. Время его существования составляет немногим больше одного поколения. В противном случае, даже при одномоментном удалении из состава коллектива группы молодых мужчин, в могильнике должны были бы присутствовать погребенные аналогичного возраста, рожденные в предыдущем или следующем поколении.

Танай-7. Большинство демографических параметров этой палеопопуляции свидетельствует об экстремальных условиях ее существования. Средний возраст смерти очень низок по сравнению с другими исследованными группами (см. табл. 3). Кривые смертности населения отличаются от таковых для остальных популяций эпохи поздней бронзы (см. рис. 1). В мужской части группы подъемы и спады смертности наступают, начиная с основного пика, стабильно на десять лет раньше, чем в популяциях из Еловского-2,

Старого Сада и Журавлева-4; отсутствуют спад, предшествующий основному пику, и промежуточный пик, который в перечисленных трех группах приходится на 26–30 лет. По общему облику (непрерывное повышение, затем спад и некоторый подъем) эта кривая сближается с таковыми популяций андроновского времени из Черноозерья-1 и Еловского-2. Кривая женской смертности также демонстрирует серьезные отличия от остальных. Выраженный подъем в возрастном интервале 16–19 лет с последующим снижением отсутствует, а наблюдаются практически равномерное повышение с 16–19 до 31–35 лет и затем резкое снижение за счет вымирания основной массы женского населения. Данная кривая практически идеально совпадает с кривой смертности женщин андроновской группы из Томского Приобья, отличаясь от нее только отсутствием лиц старше 50 лет (см. рис. 1).

Способность популяции к воспроизведству теоретически достаточно высока. Наблюдается ситуация почти полного полового равновесия. Темпы сокращения женского и мужского населения в ранних возрастных группах практически одинаковые, в нерепродуктивном возрасте всего три человека. Тем не менее в действительности вряд ли численность данной популяции могла быстро увеличиваться, поскольку большая часть женщин умирала в очень молодом возрасте и не успевала родить всех потенциально возможных детей. Значение коэффициента репродуктивности 1,76, что для эпохи бронзы является средним показателем. Кроме того, в данной группе повышен процент детской смертности в первые пять лет жизни (см. табл. 2).

Вероятнее всего, наблюдаемая демографическая ситуация вызвана возрастанием нагрузок на популяцию, связанных с необходимостью освоения новой среды обитания. В пользу этого можно привести несколько аргументов. Прежде всего, могильник Танай-7 – один из самых ранних памятников ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины, и вполне вероятно, что демографическая ситуация в популяции отражает процесс становления системы жизнеобеспечения носителей культуры в целом. Несмотря на снижение абсолютных значений основных демографических показателей, относительные различия между женским и мужским населением остаются примерно такими же, как в других популяциях эпохи бронзы. Косвенным свидетельством мигрантного характера группы является низкий средний возраст погребенных, поскольку для таких популяций типична возрастная структура с преобладанием взрослых в «возрасте первого брака» (ок. 20 лет), т.к. в этом возрасте наиболее высока возможность мигрировать [Chamberlain, 2001]. В пользу данного предположения говорит и повышенная смертность мужчин в 26–30 лет. По данным А.П. Бужиловой,

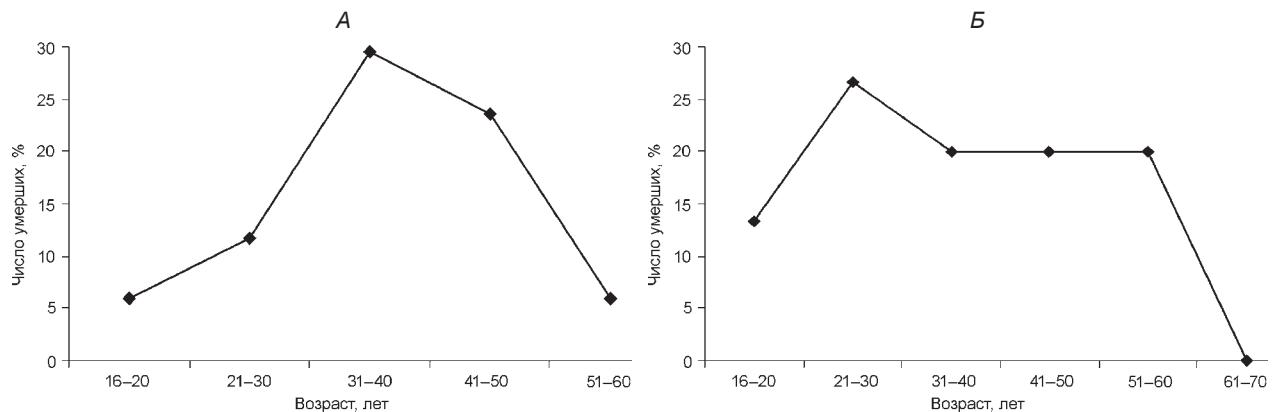

Рис. 3. Кривая смертности мужчин (А) и женщин (Б) в популяции, оставившей могильник Заречное-1.

миграционный стресс отражается на демографической кривой в виде пика смертности в молодом взрослом возрасте [1997].

Заречное-1. На могильнике археологами исследовано только десять курганов, что снижает репрезентативность полученных материалов. Но, поскольку выборка насчитывает значительное число индивидов, можно сделать некоторые выводы. «Таблицы дожития» для Заречного-1 были составлены с разбивкой на промежутки по 10 лет в силу особенностей половозрастных определений, выполненных В.А. Дремовым.

Из трех могильников ирменской культуры здесь самые высокие значения среднего возраста смерти (см. табл. 3). Кривая мужской смертности демонстрирует пик на возрастном промежутке 31–40 лет (рис. 3, А), женской – 21–30 лет, затем снижение и постоянный уровень до полного вымирания женщин к 60 годам (рис. 3, Б).

Судя по соотношению мужского и женского населения (15 : 16), половое равновесие не было нарушено. К нерепродуктивным категориям относятся семь мужчин и шесть женщин, что составляет 40,6 % взрослого населения. Видимо, это сказывалось на репродуктивном потенциале популяции. Нужно отметить наиболее низкую среди рассмотренных групп детскую смертность в первые пять лет жизни, но, поскольку могильник раскопан не полностью, данные нуждаются в уточнении.

Некоторые особенности демографической ситуации

Проанализировав демографические процессы, протекавшие в популяциях эпохи поздней бронзы, можно выделить ряд показателей, характеризующих в целом демографическую обстановку на изучаемом хронологическом отрезке.

Средний возраст взрослых, погребенных в двух исследованных могильниках андроновского времени, составляет 32,3 года, для мужчин – 36,49, для женщин – 31,89 года. В эпоху поздней бронзы значение данного показателя повышается (34,1) и уменьшается разрыв между возрастом смерти мужчин (36,1) и женщин (34,16); среднее значение для всего населения составляет 23,7 года. Для ирменских и андроновских групп характерна большая продолжительность жизни мужчин по сравнению с женщинами. Для других популяций эпохи поздней бронзы аналогичного вывода мы пока сделать не можем из-за отсутствия хотя бы двух демографически исследованных могильников еловской культуры и «культуры эпохи поздней бронзы».

Уровень детской смертности в группах варьирует в пределах 27,05 – 39,9 %. Число умерших детей, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста, колеблется от 1,27 до 2,06; как правило, оно меньше двух – числа, необходимого для поддержания численности населения на постоянном уровне. Это объясняется тем, что умирали не все родившиеся дети, а лишь определенный процент, с которым мы и имеем дело при изучении половозрастной структуры популяции на основе распределения умершего населения. Вычисляемые значения данного показателя говорят лишь о том, что в обществах эпохи бронзы уровень детской смертности составлял около двух детей на одну женщину. В первые пять лет жизни умирало от 50 до 75 % детей. Наибольшее значение данного показателя отмечено в Журавлево-4 и Танае-7, наименьшее – в Заречном-1. Детей, умерших в возрасте 6–10 лет, больше всего в Заречном-1 и в андроновских погребениях Еловского-2 – ок. 30 %, в могильниках Журавлево-4, Старый Сад и Танай-7 – от 12,5 до 16,67, в захоронениях еловской культуры – 8,97 %.

Во всех рассмотренных группах наблюдаются различия между уровнями женской и мужской смертнос-

ти на одинаковых возрастных промежутках. Женщин, как правило, больше умирало в молодом возрасте, мужчин – в более старшем. В пострепродуктивный период уменьшение численности женского населения продолжалось медленнее, чем мужского, или было примерно на одном уровне.

Анализ демографической структуры популяций, оставивших могильники эпохи поздней бронзы, и се-рий, исследованных в качестве сравнительного материала, позволяет сделать ряд выводов, касающихся общих закономерностей демографических процессов в древних группах. Прежде всего очевидно, что факторы, определявшие уровень мужской и женской смертности, отличались друг от друга. Основная причина смертности мужчин – естественное исчерпание биологических ресурсов организма, связанное со стабильными (хотя и высокими) нагрузками в процессе получения жизненных ресурсов; социальные факторы играли меньшую роль. Женская же смертность, в первую очередь, была обусловлена необходимостью деторождения и сильно зависела от уровня медицины, гигиены и комфортабельности условий проживания.

Судя по динамике смертности в древних популяциях, на их половозрастную структуру влияли три вида факторов. Первый – локальные, имеющие значение только для отдельно взятой группы. К ним относятся миграции, военные столкновения, эпидемии и т.п. Их влияние ощущимо в двух из исследованных групп: оставившей могильник Танай-7, которая еще не утратила черты мигрантной, и из Журавлева-4, вероятнее всего, являющейся популяцией-донором. Второй вид факторов – комплекс общекультурных компонентов, определяющий наличие модели, с помощью которой человек адаптировался к среде. Такая модель включает в себя способ хозяйствования, социальную систему, религиозные представления и определяет место человека в окружающей действительности. Во многом она обуславливает уровень кумулятивного стресса в популяции, который, в свою очередь, оказывается на демографических показателях, необходимых для поддержания численности населения в данных экологических условиях (средний уровень рождаемости и смертности, средняя продолжительность жизни и т.п.). Таким образом, культурная модель определяет границы реально существующей демографической «нормы реакции» популяции на внешние факторы. При их нарушении вступает в действие закон сохранения численности, направленный на приведение количества населения в рамках экологической ниши в границы нормы и являющийся третьим фактором, который формирует демографический облик древних и близких к современности групп, ведущих традиционный образ жизни. Он оказывает влияние как на биологические аспекты существования популяции, вызывая колебания уровней смертности и рождаемости, так и

на социальные. В качестве примера прямого воздействия данного закона на особенности социальной жизни традиционного общества можно указать понижение брачности и повышение эндогамности селькупов и сосьвинских манси при возрастании численности населения, связанном с максимально благоприятными природными условиями на рубеже XVIII–XIX вв. [Лебедев, Оборотова, 1991].

В рассмотренных древних популяциях с действием закона сохранения численности связаны прежде всего колебания смертности и рождаемости среди женского населения, резкий рост которого наблюдается, как только разница в возрасте смерти мужчин и женщин достигает необходимого уровня (ок. 10 лет). Также он начинал работать в случае включения в состав группы инокультурного населения, поскольку, как правило, это изменяло существующие традиции и границы «демографической нормы». При сравнении кривых смертности в различных популяциях обнаруживается, что у близких в культурно-хозяйственном плане групп с разной территориальной локализацией они имеют схожий облик, а у популяций, занимавших одну и ту же экологическую нишу на различных хронологических этапах, характеризующихся разными способами хозяйствования, существенно различаются.

По показателям смертности рассмотренные популяции дифференцируются на две группы. У женщин в одну входят носители еловской (Еловский-2) и ирменской (Журавлево-4) культур; в другую – ирменская популяция из Таная-7 и андроновская из Еловского-2. К этой же группе с некоторой долей условности можно отнести женское население из Черноозерья-1, хотя оно отличается отсутствием пика смертности в 31–35 лет. Промежуточное положение занимает группа из Старого Сада, которая по наличию одного ярко выраженного пика на кривой женской смертности сближается с населением андроновского времени, оставившим захоронения на могильнике Еловский-2, а по расположению этого пика (во второй половине репродуктивного периода) близка к ирменской популяции из Журавлева-4 (см. рис. 1, Б).

У мужчин в одну группу входят население Журавлева-4, Старого Сада и носители еловской культуры, в другую – андроновские популяции из Еловского-2 и Черноозерья-1 и ирменская из Таная-7 (см. рис. 1, А).

Результаты анализа кривых смертности позволяют сделать несколько выводов. Первый из них – о большей комфортности условий жизнедеятельности в эпоху поздней бронзы по сравнению с андроновским временем. Андроновские группы отличаются более высоким уровнем кумулятивного стресса, проявляющимся в повышенной смертности молодого населения. В эпоху поздней бронзы он достаточно сильно понижается и пики смертности смешаются на более поздние возрастные интервалы.

Второй вывод связан с различиями эпохальной и локальной изменчивости кривых мужской и женской смертности. Первые имеют мало различий в рамках культурной общности, но достаточно сильно трансформируются от андроновского времени к эпохе поздней бронзы, что связано, видимо, с эволюцией форм хозяйствования. В пределах одной культуры они обусловлены природно-климатическими факторами, примерно одинаковыми на значительных по площади территориях, в силу чего сходным образом распределяется уровень стресса на одних и тех же возрастных интервалах. Кривые женской смертности демонстрируют большую внутреннюю вариабельность как в рамках археологических культур, так и в эпохальных. Это объясняется различием в отдельных популяциях социального статуса женщин и обычаем, определяющим их уровень гигиены и образ жизни. В целом от андроновского времени к эпохе поздней бронзы прослеживается снижение уровня кумулятивного стресса у женского населения и более четкое выделение потенциально опасных, с точки зрения повышения смертности, возрастных промежутков.

На основании анализа половозрастной структуры изученных популяций можно предположить существование в эпоху поздней бронзы двух моделей демографической адаптации к изменению условий среды. Первая – миграция группы на новую, неосвоенную территорию, что прослеживается в Танае-7. Вторая – включение в состав стареющей популяции нового населения, о чем свидетельствуют андроновско-еловские материалы из Томского Приобья.

Список литературы

Алексеев В.П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы и суждения. – М.: Наука. – 1989. – С. 63–90.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.

Бужилова А.П. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста смерти в археологическом контексте (по антропологическим и историческим материалам древнерусского населения) // Новые методы – новые подходы в современной антропологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – С. 33–44.

Гемуев И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 154 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Зубова А.В. Палеодемография ирменской культуры Кузнецкой котловины // Современные проблемы археологии России: Мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 375–377.

Зубова А.В. Некоторые палеопатологические характеристики населения Западной Сибири эпох развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2007 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 244–248.

Лебедев В.В., Оборотова Е.А. К вопросу об экологическом гомеостазе в традиционных обществах Арктики и Субарктики // Этническая экология: теория и практика. – М.: Наука, 1991. – С. 270–286.

Матвеева Н.П. Некоторые палеодемографические характеристики каменской культуры лесостепного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2002. – Вып. 4. – С. 149–161.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – Ч. 2: Еловский-2 могильник. Доирменские комплексы. – 465 с.

Тихонов С.С. Анализ структуры населения Верхнего Приобья в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 19 с.

Харрис М. Происхождение войны // Война и geopolitika. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. – С. 121–134. – (Время мира; вып. 3).

Чикишева Т.А. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 131–147.

Чикишева Т.А. Палеодемографическая характеристика населения пазырыкской культуры // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы / под ред. В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 69–73.

Chamberlain A.T. Palaeodemography // Handbook of Archaeological Sciences / eds. D.R. Brothwell, A.M. Pollard. – N.Y.; L.: John Wiley and Sons, Ltd, 2001. – P. 259–267.

Ubelacker D.H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. – Chicago: Aldine Publishing Company, 1978. – 116 p.

УДК 572

Пан Мин Кю¹, В.Ю. Бахолдина²¹*Университет Ханъянь, Сеул, Республика Корея**E-mail: archpmk@mail.ru*²*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова**Ленинские горы, МГУ 1, корп. 12, Москва, 119899, Россия**E-mail: vyu@sumail.ru*

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (по данным антропологии)

Проблема этногенеза корейского народа является предметом оживленных научных дискуссий. Исходя из имеющихся данных, можно предполагать древние контакты коренного населения Корейского полуострова с обитателями обширных регионов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Ни одна из существующих гипотез относительно северных миграций, автохтонного происхождения корейцев или каких-то южных связей не может быть в настоящее время полностью отвергнута. При этом не наблюдается специфического сходства между корейцами и современными эвенками, что не позволяет говорить и о существовании древних этногенетических взаимоотношений между ними.

Как пишет ведущий отечественный специалист по истории Кореи М.В. Воробьев, «этническая история Корейского п-ова – одна из наиболее темных страниц в истории региона» [1997, с. 93]. Проблема происхождения корейцев начала обсуждаться в научной литературе в конце XIX в., когда Корея стала более открытой для внешнего мира, в результате чего заметно возрос международный интерес к стране и ее населению. Первоначально изучение этнологии и антропологии корейцев велось европейскими и американскими исследователями. Первая книга о корейцах и их культуре была опубликована в 1874 г. во Франции [Dallet, 1874] и снова издана недавно в корейском переводе [Ан Еын Рел, Чой Сок У, 2001]. К.Ч. Далле отмечал большее сходство корейцев с японцами, чем с китайцами. Он также высказал предположение о происхождении корейцев от северных, возможно сибирских, монголоидов.

Первые описания антропологического типа корейцев принадлежат Э. Опперту [Oppert, 1881] и Э. Бэльцу [Baelz, 1901, 1907]. Э. Опперт считал, что антропологический тип корейцев совмещает в себе типично монголоидные особенности с некоторыми немонго-

лоидными чертами. Э. Бэльц относил корейцев, вместе с маньчжурами, северными китайцами и отчасти японцами, к маньчжуро-корейскому типу (одному из трех, выделенных им в населении Восточной Азии), который, по его мнению, характеризовался брахицефалией, узким длинным лицом, сравнительно слабым выступлением скул, слабым надбровьем, довольно большой длиной тела и стройным сложением. Как отмечал М.Г. Левин, недостатком работ Э. Бэльца было то, что они основаны на личных впечатлениях и почти не содержат измерительных данных [Левин, 1958].

Американец Х.Б. Хальберт, прожив в Корее 20 лет, написал две книги, в последней из которых, изданной в Сеуле в 1984 г. на корейском языке, привел и физические характеристики корейцев [1984]. Он также утверждал, что среди корейцев присутствует своеобразный немонголоидный тип, отличающий их и от японцев, и от китайцев.

После того как Корея в 1910 г. потеряла независимость в войне с Японией, исследованиями там занялись японские ученые. Некоторые из этих исследований упоминаются М.Г. Левиным [1958]. Сопоставление корейцев, японцев и айнов на основании антропомет-

рических данных было проведено Итакой Имамурой, Юнижи Шимой и Мотоцки Кохамой [Imamura, Shima, 1935; Kohama, 1959; Kohama et al., 1959]. Согласно результатам этого сравнения, население Кинки (провинции Осака и Киото) и Санъо (Центральная Япония) сближается с южнокорейцами по таким признакам, как брахицерания и относительная высокорослость; население Хокурику (запад Японии) и Канто (prov. Токио) характеризуется мезокеранией, более низким ростом и обнаруживает близость к айнам. Итака Имамура, Юнижи Шима и Мотоцки Кохама предполагают, что в древности обитатели Корейского п-ова отличались брахицеранием; в бронзовом веке часть из них мигрировала в некоторые области Японских островов, вытеснив автохтонов. В то же время в других областях Японии сохранилось местное неолитическое население, предположительно айнского типа.

Значительная роль в изучении антропологии корейцев принадлежит российским ученым. Н.Н. Чебоксаров в своей работе [1982] приводит данные А.М. Золотарева [1941], который во время своих этнографических исследований в Приамурье попутно собирал и антропологический материал. В 1947 г. группу корейцев, рабочих на рыбных промыслах Камчатки и Амурского лимана, обследовал Г.Ф. Дебец [1949, 1951]. Это были уроженцы Северной Кореи, преимущественно провинций Хамгён-Пукдо и Хамгён-Намдо; всего 122 мужчины в возрасте 20–60 лет.

Обширные данные по антропологии корейцев содержатся в труде М.Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока» [1958]. В основу его работы легли материалы, собранные в 1946 г. Антропологической экспедицией Института этнографии АН СССР в Средней Азии, в корейских колхозах районов Самарканда, Ташкента и Кзыл-Орды. Всего было обследовано 486 мужчин и 99 женщин. Согласно опросам, проведенным М.Г. Левиным, корейцы Дальнего Востока являются, как правило, выходцами из Северной Кореи и лица, связанные своим происхождением с Южной Кореей, составляют редкое исключение. Таким образом, материалы М.Г. Левина относятся к северокорейцам.

Начиная с работ Э. Опперта, Э. Бэльца и Х. Хальберста в научной литературе распространилось мнение об антропологической гетерогенности корейцев, о существовании значительных различий между населением Северной и Южной Кореи [Kubo Takesi, 1917]. М.Г. Левин обратил внимание на отсутствие сравнимых материалов по северо- и южнокорейцам, принадлежащих одному и тому же исследователю или методически достаточно сопоставимых между собой. Географические вариации отдельных признаков у этого населения изучены недостаточно, поэтому можно считать, что антропологический состав современных корейцев сравнительно однороден и при обсуждении

проблемы происхождения корейского народа речь может идти о Корейском п-ове в целом.

Согласно общепринятой антропологической классификации, корейцы относятся к дальневосточной расе [Рогинский, Левин, 1978]. Они обнаруживают большое сходство с северными китайцами, но отличаются от них, помимо брахицефалии (черепной указатель 84–85), рядом других признаков. Это более обильный волосяной покров, большие ширина носа, толщина губ и др., свидетельствующие о наличии в антропологическом типе корейцев элементов югоазиатского антропологического варианта. Вместе с тем для них характерны крупные абсолютные размеры лица и некоторая депигментация, что может указывать на связи с североазиатскими монголоидами.

После обретения Кореей независимости в 1945 г. к исследованиям в области физической антропологии, филологии, этнографии, археологии и истории приступили корейские учены. В их работах проблема происхождения населения Корейского п-ова занимает одно из центральных мест. Археологические находки свидетельствуют о том, что полуостров был заселен уже в период палеолита, а в эпоху неолита стоянки древнего человека были обычны на всей его территории.

По вопросу о происхождении корейцев в науке нет единого мнения. Существуют три основные гипотезы – метисационная, автохтонная и северная. Возможность южного происхождения корейцев в настоящее время почти не рассматривается. Сон Чжин Тэ [1954а–в] считал, что корейский этнос сформировался в результате смешения разных племен, обитавших в древности на территории Кореи. На рубеже II–I тыс. до н.э. древнекорейские племена были расселены на Корейском п-ове, а также в южной и центральной частях современного Северо-Восточного Китая (Маньчжурия). Сон Чжин Тэ предполагал, что в северных, центральных и внутренних южных районах Южной Кореи обитали сибирские по происхождению племена, а на юге корейского побережья жили немногочисленные группы, родственные народам Индокитая и Японии. В середине I тыс. до н.э. в результате объединения племен Пуё, Емэк, Суксин, Чосон, Окжо, Э, Самхан, Когурё и др. возникло одно из первых государственных образований на Корейском п-ове – Древний Чосон. Оно утратило независимость и было покорено китайцами в 108 г. до н.э. В целях политической консолидации завоеванной территории были образованы четыре префектуры. Главной из них стал Наннан со столицей на месте Пхеньяна, где вскоре возникла процветавшая китайская община. С самого начала своего создания китайские префектуры встретили активное противодействие местных корейских племен, в ходе которого укреплялись контакты между ними. В последующую эпоху, в период существования трех корейских государств (I в. до н.э. – VII в. н.э.) и после

их объединения, происходил процесс формирования единого корейского этноса, завершившийся в период Чосон (император Седжон, 1418–1450). В дальнейшем постоянно усиливалась консолидация корейского народа. Таким образом, метисационная гипотеза Сон Чжин Тэ предполагает возможность лишь очень древних смешений, происходивших не позднее начала I тыс. до н.э., после чего доминирующими стали консолидационные процессы.

В КНДР с 50-х гг. XX в. проблемой происхождения корейцев занимались историки; с 60-х гг., после обнаружения человеческих скелетов в Назинчодо, к ее решению начали активно привлекаться антропологические материалы. Чой Мён Хак [1955] провел морфологическое сравнение скелетов древних и современных корейцев. На стоянке Назинчодо были найдены фрагменты 14 человеческих костяков. Эти находки датируются в интервале от позднего неолита (II тыс. до н.э.) до раннего бронзового века (начало I тыс. до н.э.). Скелет № 1, по-видимому, принадлежал женщине 60–70 лет, длина тела которой составляла всего 124 см; скелет № 10 – мужчине 20 лет с длиной тела 162 см. Чой Мён Хак пришел к выводу, что по морфологии эти люди не отличались от современных корейцев. Он также обнаружил сходство скелета № 1 с антропологическими материалами палеолита Японии.

Ученые КНДР являются сторонниками автохтонной гипотезы, согласно которой современное население Корейского п-ова имеет очень глубокие местные корни, уходящие в эпоху бронзы или даже палеолита. С точки зрения этой гипотезы они трактуют и палеоантропологические находки. Выстраивается следующая антропологическая преемственность: среднеплейстоценовый человек из Оёкфо [Ким Син Кю и др., 1985а] – средневерхнеплейстоценовый из Докчона [Археологическое исследование..., 1978] – человек из Ёнгока (48–43 тыс. л.н.) [Чжон Чжэ Хвон и др., 1986] – человек из Мандала (30–25 тыс. л.н.) [Ким Син Кю и др., 1985б] – неолитическое население [Век Ги Ха, Чжан У Чжин, 1973] – население эпохи бронзы [Век Ги Ха, 1965] – современные корейцы.

По мнению Век Ги Ха и Чжан У Чжин, можно проследить и культурную, и историческую преемственность между древним и современным населением Корейского п-ова [Век Ги Ха, 1965; Век Ги Ха, Чжан У Чжин, 1973; Чжан У Чжин, 1979]. Человек, скелет которого, датируемый 12–2,3 тыс. л.н., был найден в Бомыгусоке, по мнению Век Ги Ха, очень близок к современным корейцам, но отличается от китайцев и японцев.

Большинство ученых Южной Кореи поддерживают гипотезу о северном происхождении корейцев. Она в значительной степени основывается на отсутствии прямой археологической преемственности между палеолитом и неолитом на Корейском п-ове, где не обнаружено материалов мезолитических культур, которые

обычно являются переходными между палеолитическими и неолитическими. По мнению сторонников этой гипотезы, в позднем палеолите из-за смены климата древнее палеолитическое население полуострова исчезло или мигрировало на какие-то другие территории, чем и объясняется хронологическая лакуна в археологических материалах. В неолите Корейский п-ов заселили племена палеоазиатов, оставившие памятники культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Ким Чжон Бэ [1973] считает, что истоки этой культуры следует искать в Сибири, где обнаруживаются сходные традиции изготовления орудий и керамической посуды. По мнению Ким Чжон Бэ, в основе предания о Тангуне, основателе государства Чосон, который, согласно мифу, был сыном небесного владыки и женщины-медведицы, могут лежать представления, характерные для некоторых сибирских палеоазиатских народов. Хозяйство неолитических палеоазиатов Корейского п-ова основывалось на собирательстве, рыболовстве и охоте на мелких животных. В конце неолита древние палеоазиатские племена сменилисьprotoалтайскими, носителями культуры с гладкой керамикой бронзового века, которые отождествляются с известным из хроник племенем Емэк. Одна из наиболее археологически подтвержденных миграций произошла ок. 12 тыс. л.н. и была связана с появлением культуры бронзы и навыков ведения сельского хозяйства. Пришельцы, возможно, частично смешались с местным древним населением [Ким Чжон Бэ, 1985].

По мнению Ким Чжон Бэ, источником неолитических культур на Корейском п-ове могли быть два региона Сибири: в западные и южные районы носители сибирских традиций пришли, судя по археологическим данным, с территорий, прилегающих к оз. Байкал, а в северо-восточные – с Дальнего Востока. Более поздние культуры железного века также обнаруживают сходство с сибирскими и значительно отличаются от китайских [Там же]. Таким образом, Ким Чжон Бэ допускает возможность неоднократной смены населения на Корейском п-ове начиная с неолита, а в качестве источника каждой новой миграционной волны рассматривает Сибирь.

Существует также мнение, с которым частично согласен и Ким Чжон Бэ, что хронологическая лакуна между палеолитом и неолитом на Корейском п-ове не столь велика, чтобы всерьез говорить о «культурном вакууме» в это время. Кроме того, развитие культуры имеет свои закономерности и специфику на разных территориях, что также необходимо учитывать.

По мнению Пак Сон Чжоу, в палеолите обитатели Корейского п-ова находились в изоляции, которая была нарушена в неолите, когда со стороны оз. Байкал пришли новые мигранты. Более позднее население сформировалось в результате смешения пришльых и автохтонных племен [Пак Сон Чжу, 1990, 1992, 2004,

2005]. Гипотеза о возможной смене населения полуострова на границе палеолита и неолита подтверждается данными палеоантропологии. И Кён Су [2002] было проведено исследование черепов, относящихся к разным историческим периодам. Согласно данным этого автора, верхнепалеолитические обитатели Корейского п-ова значительно отличались от населения более позднего времени. Основные различия наблюдаются в форме мозгового черепа – поздние короче, шире и выше, черепной указатель у них существенно выше (см. рисунок).

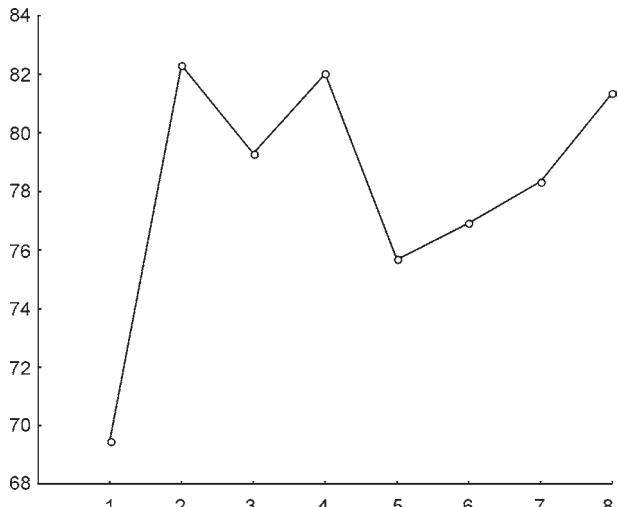
Ким Чжон Хак [1964, 1966, 1985] подробно изучил вопрос о происхождении корейцев по данным лингвистики, физической антропологии, этнографии и археологии. Он также считает, что в корейской культуре присутствуют сибирские элементы, и согласен с мнением Сон Чжин Тэ и Ким Чжон Бэ о близости корейцев к тунгусоязычным народам, но при этом подчеркивает, что их предки долго жили отдельно. Ким Чжон Хак пришел к выводу о наличии в антропологическом типе корейцев какого-то палеоазиатского или палеосибирского компонента.

В 2001 г. Хан Сын Хо с коллегами провели сравнение корейцев с 18 другими этносами по неметрическим вариациям скелета и черепа. По итогам анализа корейцы оказались ближе к казахам и монголам, чем к китайцам и японцам [Хан Сын Хо и др., 2001].

В работе Хо Кён Сок с соавторами проведено сравнение одонтологических характеристик древнего населения Корейского п-ова (государства Гая, ок. 1 600 л.н., и эпохи Корё-Чосон, 1 000–300 л.н.) и современного. Древний материал был представлен 1 085 зубами, принадлежавшими 71 индивиду; современная выборка состояла из 96 чел. (1 397 зубов). По каждому зубу были получены пять измерительных характеристик и девять неметрических показателей [Хо Кён Сок и др., 1999]. В целом по одонтологическим данным можно констатировать достаточно высокую степень различий древнего и современного населения, что свидетельствует в пользу либо миграционной, либо метисационной гипотезы происхождения корейцев.

У гипотезы северных миграций есть и противники. Так, Чой Джон Фил [1991] отрицает возможность влияния на формирование древних археологических культур Корейского п-ова палеоазиатских племен из Сибири. Он подчеркивает, что необходимо с осторожностью рассматривать вопрос о культурной преемственности на территории Кореи.

Общим местом гипотез о происхождении корейского народа является положение о значительной роли тунгусских племен в его этногенезе. Между тем представления о них у исследователей разные. Так, по мнению Ким Вон Рён [1986], древние тунгусы – это одно из палеоазиатских племен. Он также считает,

Эпохальная динамика черепного указателя населения Корейского п-ова (на основе данных И Кён Су [2002]).
 1 – верхний палеолит; 2 – неолит; 3 – ранний бронзовый век;
 4 – эпоха поздней бронзы; 5 – железный век; 6 – эпоха трех корейских государств; 7 – эпоха Корё-Чосон; 8 – современность.

что с конца палеолита до начала неолита существовал культурный разрыв длительностью в 2 000–3 000 лет, и согласен с Ким Чжон Бэ относительно тунгусского или палеоазиатского происхождения неолитического населения Корейского п-ова.

Проблему возможных тунгусских корней корейского народа затронул в своих работах южно-корейский исследователь Сон Бо Ги [1985, 1988, 1989]. Он сравнил литературные данные по морфологии и генетике разных групп монголоидов и показал, что антропологически корейцы ближе к китайцам, чем к тунгусам и палеоазиатам.

На представления корейских ученых о тунгусах и их роли в этногенезе корейцев большое влияние оказали идеи С.М. Широкогорова и его работа «Социальный строй северных тунгусов» [Shirokogoroff, 1929]. В этой работе он пишет, что в III тыс. до н.э. на Корейском п-ове, как и во всей Северо-Восточной Азии, доминировали палеоазиаты. После широкого распространения тунгусских племен палеоазиатские постепенно исчезли или смешались с ними. Эти вопросы подробно обсуждаются также в работах М.Г. Левина [1958] и А.П. Окладникова [1950а, б].

Сравнивать антропологические данные по современным корейцам и тунгусам (эвенки, эвены и ламуты) сложно уже в силу того, что последние в антропологическом отношении достаточно гетерогенны. Байкальский антропологический тип, выделяемый среди тунгусов Сибири, представлен в двух вариантах – долихо- и брахицефальном [Левин, 1958]. Первый, распространенный у эвенков Северного Прибайкалья, описан еще Я.Я. Рогинским [1934].

Краниологическая серия эвенков Северного Прибайкалья (сборы Я.Я. Рогинского, М.Г. Левина и Г.Ф. Дебеца 1927 и 1948 гг.) была включена в недавно проведенное многомерное статистическое исследование [Бахолдина, 2007]. Оказалось, что относительно других монголоидных серий эвенкийская занимает обособленное, окраинное положение. Можно говорить лишь об очень небольшой степени близости эвенков к монголам, чукчам и эскимосам. Окраинное положение эвенкийской серии в значительной степени обусловлено формой мозгового черепа – очень длинного и низкого (черепной указатель – 75,4, высотно-поперечный – 90,0) [Там же]. Учитывая резко выраженную брахикианию современных корейцев (черепной указатель более 84,0), трудно представить себе в качестве их предков население, сходное с эвенками Северного Прибайкалья. Однако именно Прибайкалье рассматривается многими корейскими исследователями как регион, где нужно искать предков современных корейцев. Можно было бы попытаться объяснить возникновение свойственной корейцам брахицефалии эпохальными процессами брахицефализации, но тогда остается неясным, почему этими процессами оказались не затронуты собственно тунгусы. В то же время для эвенков, как и для корейцев, характерны крупные абсолютные размеры лица, но данный признак отличает многие североазиатские монголоидные группы и не является специфичным для эвенков.

Таким образом, напрямую связать корейцев с современными тунгусами по антропологическим данным не представляется возможным. Эту связь, однако, вряд ли удалось бы установить и с гипотетической предковой ископаемой популяцией даже при наличии реального краниологического материала. Как показали исследования Ю.Г. Рычкова, любая древняя популяция может сохраниться в настоящем лишь в виде целой системы дочерних популяций [1973]. Поэтому столь сложной является задача восстановления прямой преемственности между древним и современным населением того или иного региона.

Учитывая географическое положение Корейского п-ова, а также данные археологии, истории, этнографии и лингвистики, следует признать, что древний этногенез корейского народа мог быть связан и с Центральной, и с Восточной, и с Юго-Восточной Азией. Это подтверждается и недавними исследованиями генетиков: 70–80 % вариантов митохондриальной ДНК корейцев сближают их с населением Северо-Восточной Азии, а 20–30 % – с населением Южного Китая и Юго-Восточной Азии [И Хон Кю, 2003; Ким Ук, Ким Чжон Рёл, 2005].

В заключение можно сказать, что проблема этногенеза корейского народа по-прежнему остается предметом научных дискуссий. В истории полуострова были фазы длительной изоляции, которые сменялись

периодами интенсивных внешних миграций и взаимовлияний [Воробьев, 1997]. Анализ отдельных этапов этногенеза корейцев с учетом специфики каждого из них и станет, по-видимому, задачей дальнейших исследований в области палеоантропологии, археологии, истории и популяционной генетики населения Корейского п-ова.

Список литературы

- Ан Еын Рел, Чой Сок У.** Хангук чхонжу гёхвэса (История католицизма в Корее). – Сеул: Хангук гёхвэса енгусо, 2001. – 278 с. (на кор. яз.).
- Археологическое исследование** Докчон-Сынрисан // Докчон-Сынрисан донгулюжок багулбого. – Пхеньян, 1978. – Вып. 11. – С. 6–58 (на кор. яз.).
- Бахолдина В.Ю.** Изменчивость и таксономическая структура признаков краниофициальной системы человека. – М.: Книжный дом «Университет», 2007. – 168 с.
- Век Ги Ха.** Антропологическое изучение скелета из Бомыгусока, Мусаи // Кого минсок нонмунжип. – Пхеньян, 1965. – Вып. 65 (3). – С. 50–54 (на кор. яз.).
- Век Ги Ха, Чжан У Чжин.** Антропологическая характеристика черепов корейцев // Кого минсок нонмунжип. – Пхеньян, 1973. – Вып. 5. – С. 27–64 (на кор. яз.).
- Воробьев М.В.** Корея до второй трети VII века. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1997. – 432 с.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования на Камчатке // КСИЭ. – 1949. – Вып. 5. – С. 3–18.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 17).
- Золотарев А.М.** Антропологические исследования в Приамурье // Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии при МГУ за 1938–1939 гг. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1941. – С. 43–78.
- И Кён Су.** Ханбандо южеокчулто ингол енгу – Намне дугэголы сидэбел гечыкжок бенхваэ дэхан бигё (Сравнительное изучение краниометрических признаков населения Кореи разных исторических периодов). – Сеул: Сонгюнгван дэхакгэ, 2002. – 126 с. (на кор. яз.).
- И Хон Кю.** Происхождение корейцев по данным ДНК // Байкал, Ханминзоки гивоныл чхазасо (Байкал и поиски происхождения корейцев). – Сеул: Чонсин сэгеса, 2003. – С. 213–240 (на кор. яз.).
- Ким Вон Рён.** Хангук гогоакгэсеол (Общая археология Кореи). – Сеул: Илджиса, 1986. – 293 с. (на кор. яз.).
- Ким Син Кю, Ким Гё Кен, Век Ги Ха, Чжан У Чжин, Сео Гук Тэ.** Археологическое исследование Дэхвендон, район Оёкфо // Пхеньян бугын донгул юджок палгул бого. – Пхеньян, 1985а. – Вып. 14. – С. 69–119 (на кор. яз.).
- Ким Син Кю, Ким Гё Кен, Век Ги Ха, Чжан У Чжин, Сео Гук Тэ.** Археологическое исследование местонахождения Мандал в районе Сынхво // Пхеньян бугын донгул юджок палгул бого. – Пхеньян, 1985б. – Вып. 14. – С. 2–68 (на кор. яз.).
- Ким Ук, Ким Чжон Рёл.** Вариации митохондриальной ДНК и изучение происхождения корейцев // Когурё чэдан енгу чхонсо. – Сеул, 2005. – Вып. 13. – С. 105 (на кор. яз.).

Ким Чжон Бэ. Хангук минжок мунхвасы вонрю (Происхождение культуры корейцев). – Сеул: Корё дэхакгё, 1973. – 266 с. (на кор. яз.).

Ким Чжон Бэ. Происхождение корейцев по историческим хроникам и по археологическим данным // Хангукса рон. – Соннам, 1985. – Вып. 14. – С. 43–72 (на кор. яз.).

Ким Чжон Хак. История возникновения корейцев // Хангук мунхваса дэгэ (История корейской культуры). – Сеул: Корё дэхакгё минджок мунхва ёнгусо, 1964. – Вып. 1. – С. 316–452 (на кор. яз.).

Ким Чжон Хак. Народ Кореи по данным археологии // Пэксан хакпо. – Сеул, 1966. – Вып. 1. – С. 133–150 (на кор. яз.).

Ким Чжон Хак. Происхождение корейцев по данным археологии и исторических хроник // Хангукса рон. – Соннам, 1985. – Вып. 14. – С. 43–72 (на кор. яз.).

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 357 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 36).

Окладников А.П. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири: (Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) // СЭ. – 1950а. – № 2. – С. 47–50.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование, ч. 1–2 // МИА. – 1950б. – № 18. – С. 241–258.

Пак Сон Чжу. Вопросы происхождения корейцев // Чхунбук сахак. – Чжунджу, 1990. – Вып. 3. – С. 1–20 (на кор. яз.).

Пак Сон Чжу. Изучение физических признаков населения Древнего Чосона // Гуксакван нончхон. – Соннам, 1992. – Вып. 33. – С. 73–102 (на кор. яз.).

Пак Сон Чжу. Древние люди Корейского полуострова // Хангук кусокки хакпо. – Сеул, 2004. – Вып. 7. – С. 41–51 (на кор. яз.).

Пак Сон Чжу. Искупаемые люди Корейского полуострова // Хангук кусокки хакпо. – Сеул, 2005. – Вып. 11. – С. 13–24 (на кор. яз.).

Рогинский Я.Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // Антропологический журнал. – 1934. – Вып. 3. – С. 105–126.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. – М.: Вышш. шк., 1978. – 528 с.

Рычков Ю.Г. Система древних изолятов человека в Северной Евразии в свете проблем стабильности и эволюции популяций: Поиски и решения на путях популяционной генетики // Вопр. антропологии. – 1973. – Вып. 44. – С. 3–22.

Сон Бо Ги. Происхождение корейцев по данным физической антропологии // Хангукса рон. – Соннам, 1985. – Вып. 14. – С. 4–72 (на кор. яз.).

Сон Бо Ги. Хангук гусокгихак ёнгу гилжаби (Путеводитель в изучении палеоархеологии Кореи). – Сеул: Енсе дэхакгё чулпанбу, 1988. – 249 с. (на кор. яз.).

Сон Бо Ги. Происхождение корейцев по данным физической антропологии // Гуксакван нончхон. – Соннам, 1989. – Вып. 4. – С. 1–32 (на кор. яз.).

Сон Чжин Тэ. Чосон минжок мунхвасы ёнгу (Изучение культуры Кореи). – Сеул: Ылю мунхваса, 1954а. – 356 с. (на кор. яз.).

Сон Чжин Тэ. Чосон минжок сёйлхван ёнгу (Мифологические представления корейцев). – Сеул: Ылю мунхваса, 1954б. – 228 с. (на кор. яз.).

Сон Чжин Тэ. Чосон минжокса гэрён (Обзор истории Кореи). – Сеул: Ылю мунхваса, 1954в. – 308 с. (на кор. яз.).

Хальберт Х.Б. Ханкуыонон (История Империи Кореи) / пер. с англ. яз. Син Бок Рён. – Сеул: Пхёнминса, 1984. – 453 с. (на кор. яз.).

Хан Сын Хо, Пак Дэ Гюн, И У Ён, И Чжун Хвон, Чой Бён Ён, Го Ги Сок, Ким Хы Чжин, Пак Сон Чжу. Неметрические характеристики черепов корейцев // Дэхан чэжил инрюхакхвэ. – Сеул, 2001. – Вып. 14 (2). – С. 117–126 (на кор. яз.).

Хо Кён Сок, О Хён Джу, Мун Хён Сун, Пан Мин Кю, Чой Чжон Хун, Ким Ги Док, Бэк Ду Чжин, Го Ги Сок, Хан Сын Хо, Чжон Рак Хы, Пак Сон Чжу, Ким Хы Чжин. Антропологическая характеристика зубов древнего и современного населения Кореи // Дэхан чэжил инрюхакхвэ. – Сеул, 1999. – Вып. 12 (2). – С. 223–234 (на кор. яз.).

Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Китая. – М.: Наука, 1982. – 301 с.

Чжан У Чжин. Одонтологическая характеристика корейцев // Кого минск нонмунжип. – Пхеньян, 1979. – Вып. 7. – С. 10–44 (на кор. яз.).

Чжон Чжэ Хвон, Юн Чжин, Ким Гын Сик, Ю Чжон Гил. Ёнгок донгтулюжок (Стоянка в пещере Ёнгок). – Пхеньян: Кимильсон жонхап дэхак чулпанса, 1986. – 87 с. (на кор. яз.).

Чой Джон Фил. Антропологические данные и происхождение культуры корейцев // Хангук сангоса хакпо. – Сеул, 1991. – Вып. 8. – С. 7–43 (на кор. яз.).

Чой Мён Хак. Антропологическая экспертиза костных остатков из Назинчдо // Наджин Чходо вонси юджок паллгул бого. – Пхеньян, 1955. – Вып. 1. – С. 2–61 (на кор. яз.).

Baelz E, von. Menschenrassen Ost-Asiens mit spezieller Rücksicht auf Japan. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte // Zeitschrift für Ethnologie. – Braunschweig, 1901. – Bd. 33, H. 3. – S. 116–190.

Baelz E, von. Zur Vor- und Urgeschichte Japans // Zeitschrift für Ethnologie. – Braunschweig, 1907. – Bd. 39, H. 3. – S. 23–67.

Dallet C.C. Histoire de l'Église de Corée. – P.: Librairie Victor Palmé, 1874. – 615 p.

Imamura Itaka, Shima Junizhi. Racial relations among Eastern Asiatic peoples based upon male skills // J. of the Anthropological Society of Tokyo, 1935. – Vol. 50, N 569. – P. 45–89.

Kohama Mototsky. Physical comparison between Ainu and Japanese: Somatometrical Studies of the Ainu and Japanese // Transaction of the 15 General Assembly of the Japan Medical Congress. – Tokyo, 1959. – P. 34–56.

Kohama Mototsky, Kamada Natsuo, Furuya Takeshi, Tsubaki Ichiro. Physical Anthropology of Korean Emigrants in Japan // J. of the Anthropological Society of Nippon. – 1959. – Vol. 67, N 720. – P. 54–79.

Kubo Takeshi. Physical antropological study of the Korean people // China Medical J. – 1917. – Vol. 31. – P. 24–56.

Oppert E.J. Ein Verschlossen Land: Reisen nach Korea. – Leipzig: Brockhaus, 1881. – S. 21–49.

Shirokogoroff S.M. Social organisation of the nothern Tungus, with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups. – Shanghai: Commercial Press, 1929. – 427 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
- ДВО РАН – Дальневосточное отделение РАН
- ЗИН – Зоологический институт РАН
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
- ИГиГ СО АН СССР – Институт геологии и геофизики СО АН СССР
- ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии
- КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
- МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им Н.М. Мартынова
- МОИП – Московское общество испытателей природы
- НИЦ ОИГМ СО РАН – Научно-издательский центр Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН
- РА – Российская археология
- СА – Советская археология
- САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей палеолитического искусства
- СЭ – Советская этнография
- ТИЭ – Труды Института этнографии
- ТОКМ – Томский областной краеведческий музей
- УрО РАН – Уральское отделение РАН
- ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей
- ЧП – Частное предприятие